

**ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА**

**UNIVERSITY
BULLETIN**

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2002 г.

**ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4(72) – 2020 г.

Душанбе – 2020

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2002

**UNIVERSITY
BULLETIN**

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 4(72) – 2020 г.

Dushanbe – 2020

ISSN – 2077-8325

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор: Ходжазода Тохир Абдулло, доктор физико-математических наук

Редакционная коллегия:

Шамбезода Хусрав Джамшедович, доктор филологических наук, заместитель главного редактора журнала

Баратова Рано Вахидовна, ответственный секретарь журнала

по филологическим наукам:

Абдуллозода Масрур Ахмад, доктор филологических наук (Таджикистан)

Искандарова Дилоро Мукаддасовна, доктор филологических наук (Таджикистан)

Косимов Олимджон Хабибович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Мамадназаров Абдусалом, доктор филологических наук (Таджикистан)

Муллоев Шариф Бокиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

Муродов Мурод Бердиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

Салимов Рустам Давлатович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Турсунов Фаёз Мелибоевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

по экономическим наукам:

Комилов Сироджиддин Джамолиддинович, доктор экономических наук (Таджикистан)

Плоских Елена Викторовна, доктор экономических наук (Кыргызстан)

Султанов Зубайдулло Султанович, доктор экономических наук (Таджикистан)

Тураева Мадина Октамовна, доктор экономических наук (Россия)

Ткаченко Александр Александрович, доктор экономических наук (Россия)

Файзуллоев Машраб Курбоналиевич, доктор экономических наук (Таджикистан)

по юридическим наукам:

Золотухин Алексей Валерьевич, доктор юридических наук (Таджикистан)

Исмоилов Шавкат Махмудович, доктор юридических наук (Таджикистан)

Николаев Андрей Михайлович, доктор юридических наук (Россия)

Сафарзода Бахтовар Амиралли, доктор юридических наук (Таджикистан)

Султанова Тахмина Истамовна, доктор юридических наук (Таджикистан)

Тагаева Санавбар Назиркуловна, доктор юридических наук (Россия)

Эльназаров Давлат Ходжаевич, кандидат юридических наук (Таджикистан)

Редактор:	Р.В.Баратова
Технический редактор:	Г.Х.Ташматова
Перевод на английский язык:	С.У.Тагаева
Перевод на таджикский язык:	Р.Р.Раджабова
Компьютерная верстка:	Н.Р.Тохиров

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан

Свидетельство о регистрации № 0026/Ж от 4 мая 2015 года

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки России

Подписной индекс журнала 77691

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

тел: (+992 44) 620 42 34; 620 42 07

www.rtsu.tj

vestnik_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Вестник университета» (Российско-Таджикский (Славянский) университет) публикует статьи преподавателей, аспирантов и соискателей университета, других учебных заведений и научных учреждений Республики Таджикистан, являющиеся результатом их научных изысканий в области экономики, филологии, юриспруденции.

Журнал открыт для публикаций ученых стран ближнего и дальнего зарубежья.

Представление в журнал работ, ранее опубликованных или принятых к печати в других изданиях, не допускается. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом).

К статье, написанной аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, необходимо приложить отзыв научного руководителя. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Материалы представляются в редакцию на электронном носителе и в распечатанном виде (1 экз.). Объем научной статьи должен быть не менее 12 страниц.

Титульная страница статьи должна содержать: УДК, фамилию, имя, отчество (полностью) автора/авторов, его/их ученую степень, звание, должность, место работы и контактную информацию (почтовый адрес, телефон, E-mail), шифр и наименование специальности, резюме на русском языке и ключевые слова через точку с запятой (от 3 до 10 слов). Объем текста резюме должен составлять от 150 до 200 слов и включать такие структурные части, как актуальность темы, цель исследования, его новизна, основные положения и выводы.

Резюме должно ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи.

В статье обязательны ссылки на источники информации (цитаты, цифры). Ссылки нумеруются согласно порядковому номеру источника в списке литературы. Номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок с указанием страницы, откуда взята цитата.

Список литературы приводится в конце статьи. Пристатейный библиографический список оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.

Источники, не являющиеся научно-аналитическими (законодательство, материалы публицистического характера, архивные документы, официальные документы, интернет-материалы), указываются в постраничных сносках на языке оригинала. Научная литература приводится в библиографическом списке в конце текста статьи в алфавитном порядке (сначала литература на русском языке, затем литература на иностранных языках). В списке литературы должно быть не менее 5 наименований научной литературы, отражающей современные взгляды и подходы к обсуждаемой проблеме. Приветствуется использование материалов, опубликованных в рецензируемых научных изданиях.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах и тексты резюме на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, списка литературы – 12, интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

Все страницы, начиная с титульной, должны быть последовательно пронумерованы.

Текст присылаемой рукописи является окончательным и должен быть представлен тщательно выверенным и исправленным.

СОДЕРЖАНИЕ

• ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Султанов З., Салимов Ш.Б., Шодиева З.Н. Эффективная финансовая политика банка как важное условие преодоления кризисных явлений (банкротства).....	10
Табаров У.З., Ашуров И.С. Мировая практика регулирования аграрного производства.....	22
Гадоев Д.О. Правовые основы оптимизации государственного регулирования рыночных отношений в АПК: проблемы эффективности агропромышленного законодательства.....	31
Ли И.Т., Назаров А.Ш., Назаров Д.А. Выбор метода регулирования рынка труда на основе обзора методов прогнозирования и регулирования.....	39
Икромидж.З., Шамсуддинов А.Х. История индустриализации экономики Таджикистана.....	48
Хикматов С.Х., Рахимов Р.Р. Инвестиционные возможности ипотечного жилищного кредитования.....	59
Арабов Ф.П., Гулбекова С.Дж., Рабиев Д.Р. Повышение эффективности инвестиционной привлекательности сельскохозяйственных предприятий на основе землепользования.....	68
Давлятов А.Дж., Мамадалиев Ф.С. Система индексов условий внешней торговли со странами СНГ, Европы, Азии, Америки и Африки.....	80

• ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шамбезда Х.Дж. Словообразовательная активность заимствований из русского языка в шугнанском языке.....	96
Рахманов Б.Р. Восточная тематика в русской периодике XVIII-XIX вв.....	102
Холов Х.Р. Поэзия А.С.Пушкина в восприятии таджикских литераторов (к истории вопроса).....	112
Раджабова Р.Р., Даминова М.З. Переводная лексика как источник пополнения словарного запаса.....	119
Валиева З.А. Анализ словарных дефиниций ключевого слова в номинативном поле концепта «гостеприимство» в таджикском языке.....	126
Алламуродова С.Дж. Интертекст в понимании французских структуралистов: спорные моменты.....	136
Мухиддинова Т.Х. Лексика празднования нового года в таджикском и английском языках.....	145
Фаязова И.Ф. Заимствования в составе антропонимикона немецкого и русского языков.....	153
Фаязова И.Ф. Усечение как средство формирования антропонимикона немецкого, русского и таджикского языков.....	162
Азизов Ф.Дж. Реализация концепта «гнев» в паремиологической системе русского и таджикского языков.....	169
Хакимова З.А. Вопросительные предложения с вопросительными словами в русском, таджикском и английском языках.....	176
Махсутшоева Н.М. Лексическая объективация концепта «женщина» по типу родственных отношений в шугнанском и русском языках.....	186

Аминова Ф.Ш. Объективация концепта «страх» в сказках и кратких юмористических рассказах (латифа) таджикского народа.....	193
Хабибов А.О. Транскрипция и транслитерация антропонимов и топонимов русского языка при их переводе на таджикский (на примере романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание»).....	200
Указатель статей, опубликованных в журнале «Вестник университета» в 2020 году.....	210

CONTENTS

• ECONOMIC SCIENCES

Sultanov Z., Salimov Sh.B., Shodieva Z.N. Effective financial policy of the bank as an important condition for overcoming crisis (bankruptcy).....	10
Tabarov U.Z., Ashurov I.S. World practice of regulating agrarian production.....	22
Gadoev D.O. Legal framework for optimizing state regulation of market relations in AIC: problems of efficiency of agroindustrial legislation.....	31
Lee I.T., Nazarov A.Sh., Nazarov D.A. Choice of a labor market regulation method based on a review of forecasting and regulatory methods.....	39
Ikromi J.Z., Shamsuddinov A.Kh. History of industrialization of the economy of Tajikistan.....	48
Khikmatov S.Kh., Rakhimov R.R. Investment opportunities for mortgage housing loans.....	59
Arabov F.P., Gulbekova S.J., Rabiev D.R. Increasing the efficiency of the investment attractiveness of agricultural enterprises on the basis of land use.....	68
Davlyatov A.J., Mamadaliev F.S. System of indexes of foreign trade conditions with the countries of the CIS, Europa, Asia, America and Africa.....	80

• PHILOLOGICAL SCIENCES

Shambezoda Kh.J. Word-building activity of borrowings from the Russian language in the Shugnan language.....	96
Rakhmanov B.R. Eastern theme in the Russian periodic of XVIII-XIX centuries.....	102
Kholov Kh.R. Pushkin's poetry in the perception of Tajik literators (to the history of question).....	112
Rajabova R.R., Daminova M.Z. Translation lexicon as a source of vocabulary replenishment.....	119
Valieva Z.A. Analysis of dictionary definitions of a keyword in the nominative field of the concept "hospitality" in Tajik language.....	126
Allamurodova S.J. Intertext in the understanding of french structuralists: controversial moments.....	136
Mukhiddinova T.Kh. Vocabulary of the new year's holiday in Tajik and English languages.....	145
Fayazova I.F. Borrowing in anthroponymicon of German and Russian languages.....	153
Fayazova I.F. Trunking as a means of forming anthroponymicon of German, Russian and Tajik languages.....	162
Azizov F.J. Implementation of the "anger" concept in the paremiological system of Russian and Tajik languages.....	169
Khakimova Z.A. Interrogative sentences with interrogative words in Russian, Tajik and English languages.....	176
Makhsutshoeva N.M. Lexical objectivation of the "woman" concept by kind of relationship in the Shugnan and Russian languages.....	186
Aminova F.Sh. Objectivation of the concept "fear" in fairy tales and short humoristic stories (latifa) of the Tajik people.....	193
Khabibov A.O. Transcription and transliteration of anthroponyms and toponyms of the Russian language in their translation into Tajik (on the example of novel "Crime and punishment" by F.M.Dostoevsky).....	200
List of articles published in University Bulletin in 2020	210

МУНДАРИЧА

• ИЛМҲОИ ИҚТИСОДИ

Султанов З., Салимов Ш.Б., Шодиева З.Н. Сиёсати самаранокии молиявии бонк ҳамчун шартҳои муҳими паси саркардани ҳодисаҳои бухронӣ (муфлисшавӣ).....	10
Табаров У.З., Ашуров И.С. Таҷрибаи ҷаҳонии танзими истеҳсоли аграрӣ.....	22
Гадоев Д.О. Асосҳои ҳуқуқии ғаёлгардонии танзими давлатии муносибатҳои бозорӣ дар КАС: мушкилоти самаранокии қонунгузори агрорасаноатӣ.....	31
Ли И.Т., Назаров А.Ш., Назаров Д.А. Интиҳоби усули танзими бозори меҳнат дар асоси баррасии усулҳои дурнамасозӣ ва танзим.....	39
Иқромӣ Ҷ.З., Шамсуддинов А.Х. Таърихи саноатунонии иқтисоди Тоҷикистон.....	48
Ҳикматов С.Х., Раҳимов Р.Р. Имкониятҳои маблағгузори қарзи манзилӣ.....	59
Арабов Ф.П., Гулбекова С.Ҷ., Рабиев Д.Р. Баланд бардоштани самаранокии диққатҷалбкунандагии маблағгузорӣ дар корхонаҳои кишоварзӣ дар асоси истифодабарии замин.....	68
Давлятов А.Ҷ., Мамадалиев Ф.С. Низомии намоёҳои шароити савдои беруна бо кишварҳои ИДМ, Аврупо, Осиё, Америка ва Африқо.....	80

• ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГИ

Шамбезода Х.Ҷ. Калимасозии ғаёли иқтибоскунӣ аз забони русӣ дар забони шуғронӣ.....	96
Раҳманов Б.Р. Доираи мавзӯоти шарқӣ дар матбуоти даврии асрҳои XVIII-XIX Россия.....	102
Холов Х.Р. Назми А.С.Пушкин дар таассуроти адибони тоҷик (доир ба таърихи масъала).....	112
Рачабова Р.Р., Даминова М.З. Луғати тарҷумавӣ ҳамчун сарчашмаи пуршавии захираи луғавӣ.....	119
Валиева З.А. Таҳлили дефинитсияҳои луғавии калидвожа дар майдони номинативии концепти «меҳмондорӣ» дар забони тоҷикӣ.....	126
Алламуродова С.Ҷ. Интерматн дар фаҳмиши структуралистони фаронсавӣ: ҷиҳатҳои баҳснок.....	136
Муҳидинова Т.Ҷ. Луғати иди соли нав дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ.....	145
Ҷаязова И.Ф. Иқтибосҳо дар таркиби антропонимикони забонҳои немисӣ ва русӣ.....	153
Ҷаязова И.Ф. Иқтибоскунӣ ҳамчун воситаи ташаккули антропонимикони забонҳои немисӣ, русӣ ва тоҷикӣ.....	162
Азизов Ф.Ҷ. Таъбиқи концепти «гнев/ҳашм» дар низомии паремиологии забонҳои русӣ ва тоҷикӣ.....	169
Ҳакимова З.А. Ҷумлаҳои саволи бо калимаҳои саволи дар забонҳои русӣ, тоҷикӣ ва англисӣ.....	176
Махсутшоева Н.М. Ҷойгардонии луғавии концепти «зан» тибқи типҳои муносибатҳои ҳешутаборӣ дар забонҳои шуғронӣ ва русӣ.....	186
Аминова Ф.Ш. Объективунонии концепти «тарс» дар афсонаҳо ва латифаҳои халқи тоҷик.....	193
Ҳабибов А.О. Транскрипсия ва транслитератсияи антропонимҳо ва топонимҳои забони русӣ зимни тарҷумаи онҳо ба забони тоҷикӣ (дар мисоли романи Ф.М.Достоевский «Ҷиноят ва ҷазо»).....	200
Ҷеҳристи мақолаҳои дар маҷаллаи «Вестник университета» дар соли 2020 нашргардида.....	210

УДК 336.71:336.279

ЭФФЕКТИВНАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА БАНКА КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ (БАНКРОТСТВА)

Султанов Зубайдулло

Доктор экономических наук,
профессор кафедры финансов и кредита
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 54 59; (+992) 93 520 28 70 (м.)
shohin61@mail.ru

Салимов Шоин Бадаргаевич

Старший преподаватель кафедры финансов и кредита
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 550 550 202 (м.)
shohin61@mail.ru

Шодиева Заррина Нозимджоновна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов и кредита
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 888 88 03 30 (м.)
zarisha@mail.ru

В статье исследованы теоретические и практические вопросы эффективности финансовой политики банка в условиях возникновения и преодоления кризисных явлений. Отмечается, что финансовая политика банка характеризует систему форм, методов, целей и задач управления финансами с учетом условий финансовой глобализации и необходимости эффективного использования финансовых ресурсов. Цель финансовой политики банка заключается в оптимизации финансовых ресурсов, доходов, расходов, прибыли и других финансово-экономических показателей кредитной организации. В статье также раскрываются содержание типов финансовой политики, преимущества отдельных типов, вопросы управления активами, издержками, прибылью, платежеспособностью и другими ресурсами банка. Особое внимание уделено вопросам управления расходами банка, определения оптимальной их структуры, а также необходимости разработки финансовой стратегии выхода из кризисных ситуаций. Особо отмечается роль финансовой политики банка в последовательном устранении неплатежеспособности, корректировке финансовой стратегии, восстановлении финансовой устойчивости и решении других вопросов в условиях кризисной ситуации.

Ключевые слова: управление активами; кризисная ситуация; финансовые ресурсы; кредитная организация; политика банка; активы; прибыль; доходы; расходы.

Выработка эффективной финансовой политики с определением целей и инструментов ее реализации занимает особое место в управлении активами кредитных организаций в условиях преодоления кризисных явлений. Отметим, что в прошлом понятие «политика» чаще всего относили к сфере публичных финансов и распределительных мер, чем к внутренним процессам частных предприятий.

В этой связи необходимость теоретического обоснования и практического применения термина «финансовая политика кредитной организации», характеризующего систему форм методов, целей и задач финансового управления в условиях глобализации, становится объективной необходимостью.

Финансовая политика – это совокупность финансовых решений, финансовая идеология банка, система взглядов, целевых установок и способов адаптации и развития финансов банка с целью выполнения текущих и стратегических целей, учета норм и условий управления денежным капиталом и системой экономических отношений, возникающих между собственниками, государством, работниками и т.д. Финансовая политика устанавливает принципы управления финансовой деятельностью хозяйствующего субъекта и показателей его финансово-экономического развития. На основе выработанной финансовой политики кредитной организации осуществляется управление финансами с учетом определенных долгосрочных и текущих целей и задач в области исследования финансов и развития финансово-хозяйственной деятельности организации.

Финансовая политика кредитной организации в широком смысле – совокупность процедур, обеспечивающих выполнение стоимостных целей и задач экономического развития организации по поводу образования, распределения и использования средств на всех стадиях ее деятельности, включая реорганизацию и ликвидацию.

Цель финансовой политики кредитной организации состоит в оптимизации источников формирования активов и их размещения, обеспечении эффективного управления финансовыми ресурсами, доходами, расходами, прибылями (убытками), стоимостью бизнеса. В этой связи, на наш взгляд представляется целесообразным раскрыть содержание финансовой политики коммерческого банка. По мнению О.Н.Лихачева и С.А.Щурова, «...финансовую политику коммерческого банка следует рассматривать как финансовую идеологию банка по управлению капиталом, ориентированную на получение прибыли, прирост капитала, обеспечение устойчивости банка, инвестиционной привлекательности путем создания эффективного механизма управления себестоимостью банковских услуг» [3, с.288].

Цель разработки финансовой политики организации, по мнению О.Б.Веретенниковой, заключается в установлении принципов и условий её формирования, а также показателей, позволяющих оценить её реализацию [2, с.137].

При этом, выделяются принципы единства, непрерывности, гибкости, точности в финансовой политике коммерческого банка. Наряду с этим в финансовой политике следует указать критерии управления, критерии оценки эффективности решений (целесообразности, обоснованности, оптимальности), которые должны отражаться в структуре финансовой политики коммерческого банка (табл.1).

**Типы и содержание финансово-экономической политики
кредитных учреждений [6, с.29]**

№	Тип	Содержание
1.	Дивидендная политика	Это порядок распределения некоторой части полученной чистой прибыли между акционерами в виде дивидендов, остальному персоналу – в виде заработной платы и премий. Она является частью денежно-кредитной политики банка, направленной на мотивацию и благосостояние акционеров и работников банка
2.	Политика привлечения инвестиции	Она может быть частью общей финансовой политики банка и заключается в выборе наиболее эффективных форм инвестирования, доступных банку. Политика привлечения инвестиции приводит к определению направлений и оптимизации источников инвестирования, основываясь на критериях эффективности инвестиций
3.	Управление собственным капиталом	Она связана с определением общей потребности в капитале, оптимизацией его структуры, минимизацией цены, обеспечением эффективного использования
4.	Политика формирования акционерного капитала	Это соотношение между собственными, заемными и привлеченными средствами. Формирование акционерного капитала является определением источников формирования ресурсов
5.	Политика кредитования	Составление системы и комплекса мероприятий по эффективному использованию кредитных ресурсов и своевременному возврату этих кредитов с помощью финансового рычага
6.	Политика налогообложения	Основная цель этой политики является определение принципов поведения при исчислении налогов. Обоснованный выбор системы уплаты налогов, обеспечивающий достижение целей банка
7.	Управление активами	Связано с выявлением потребности в активах, обеспечением ликвидности, ускорением цикла оборота, нахождением более выгодных источников приумножения средств
8.	Управление ликвидностью и платежеспособностью	Оно может позволить формирование денежного потока и отвечать в любой момент по своим обязательствам
9.	Способ формирования прибыли	Базируется на политике формирования выручки (доходов) и политике управления затратами (расходами). Этот способ определяет пропорции между государством, акционерами и объединяет налоговую и дивидендную политику
10.	Политика управления издержками	Основывается на анализе безубыточности. Управление процентными и непроцентными расходами

Из таблицы следует, что коммерческие банки при разработке дивидендной, эмиссионной, инвестиционной политики, а также управлении портфелем ценных бумаг могут использовать как отдельные элементы, так и совокупности элементов типов финансовой политики. Данный подход позволяет осуществить мониторинг состояния реализации задач финансовой политики и регулирование расходов банка.

В финансовой политике коммерческого банка необходимо использовать разные типы управления: ресурсной базой, оборотными активами, собственным капиталом, заемными и привлеченными средствами, доходами, расходами, прибылью и убытками, стоимостью бизнеса.

Назначение использования разнообразных типов финансовой политики состоит в минимизации расходов при оказании банковских услуг, обеспечение безубыточности, прибыльности и высокой рентабельности. Для определения объема и оценки затрат и управления ими используются показатели структуры расходов по отношению к отдельным банковским продуктам, динамика расходов, точки безубыточности, а также коэффициент маржинальной прибыли, запас финансовой прочности, нормы и нормативы затрат.

В целях управления расходами в банковских учреждениях используются разные способы действия, такие как метод максимальных и минимальных точек, графический, калькулирования полных и прямых затрат с использованием нормативного и коэффициентного методов анализа «Издержки – Объем – Прибыль» (Costs – Volume – Profit, или CVR-анализ), коэффициентный и нормируемые методы управления расходами и др.

Ценность данного метода заключается в том, что он является очень простым методом представления аналитических отчетов, с помощью этого метода менеджеры оценивают возможность кредитного учреждения для определения или увеличения объема полученной прибыли. Однако данный метод имеет и некоторые недостатки, и его слабая сторона – это то, что при построении моделей допускаются некоторые условности, в связи с чем результаты анализа получаются достаточно условными.

В целях определения зависимости «издержки – объем – прибыль» используется формула:

$$P = \text{SUM } Z_{\text{пер.}} + Z_{\text{пост.}} + \text{Пр},$$

где P – реализация в стоимостном выражении (оказание услуг);

SUM $Z_{\text{пер.}}$ – суммарные переменные издержки;

$Z_{\text{пост.}}$ – постоянные издержки;

Пр – прибыль [4].

Для определения точки безубыточности можно использовать метод перехода к натуральным единицам измерения. Поэтому можно ввести следующие обозначения:

q – объем оказания банковских услуг в натуральном выражении;

$q_{\text{крНТ}}$ – критический объем оказания услуг в натуральных единицах;

p – цена единицы оказания услуг;

$Z_{\text{пер.}}$ – переменные издержки на единицу продукции.

Это можно выразить в виде формулы:

$$P = p \times q; \text{SUM } Z_{\text{пер.}} = Z_{\text{пер.}} \times q$$

Если точка безубыточности прибыли равна 0, то получается следующая формула:

$$p \times q_{крНТ} = Зпер. \times q_{крНТ} + Зпост.$$

Изменение формулы дает выражение: $q_{крНТ} = Зпост. / (p - Зпер.)$ [4].
 Постоянные затраты определяются по формуле:

$$P - Зпост. + SUM Зпер.,$$

$Зпост. крит. = P - SUM Зпер. = pq - SUM Зпер. \times q = q \times (p - Зпер.);$
 Продажная цена, определяется:

$$Крит. p = Зпост. / q + Зпер.;$$

Минимум маржинального дохода (денежного показателя как разница между оказанными услугами и переменными затрат) определяется по формуле: МД в % к оказанию услуг = $Зпост. / P \times 100\%$.

Точка безубыточности – это планирование прибыли.

При определении объемов банковских услуг и прибыли используется формула:

$$q_{крНТ} = (Зпост. + Прплан.) / (p - Зпер.),$$

где Прплан. – необходимая банку прибыль.

Если в натуральных единицах деятельность банка неизмерима, то используются стоимостные единицы. Тогда определяется величина услуг, чтобы определить покрытие банковских издержек. Допускается, что полученный доход от оказываемой банком услуги имеет средний уровень маржинального дохода – МДср. (в % к выручке). Исходя из этого, определяют критический уровень оказания услуг:

$$P_{крит.} = Зпост. / МДср. (в \% к выручке) \times 100\%.$$

В целом взаимосвязь «издержки – объем – прибыль» может быть выражена с помощью вышеизложенных формул.

Эффективность финансовой политики банка определяется денежными потоками, обеспечивающими ликвидность банка, сокращение затрат при оказании банковских услуг, рост прибыли.

Анализ влияния переменных и постоянных затрат на прибыль в процессе разработки управления денежной политикой отражен в таблице (см. табл.2).

Таблица 2

Виды управления расходами в банке [1, с.70]

№	Виды расходов	Порядок организации методов	Особенности разработки финансовой политики
1.	Высшая и низкая степень расходов	Этот порядок определяет степень расходов на постоянные и переменные в двух точках с максимальным и минимальным объемом производства	Выяснение показателей существующих расходов при изменении объема бюджетирования в плановом периоде

2.	Малые квадраты	Регулирование затрат за определенный период времени	Усиление базы предугаданных затрат
3.	Точка безубыточности	Она может дать администрации возможность определить рациональные пропорции между переменными и постоянными расходами	Этот метод может быть полезным при анализе прошлых и прогнозных расходов, цен и банковских продуктов
4.	Директ-костинг	Себестоимость продукции разделяется на постоянные и переменные. Себестоимость продуктов труда образует переменные расходы	С целью результативности при формировании финансовой политики рекомендуется их согласованный выбор для планирования и бухгалтерского учета
5.	Калькулирование полной себестоимости	Метод калькулирования полной себестоимости выполненных работ и услуг и всех расходов	
6.	Нормируемый	В данном методе управление затратами будут строиться на основе анализа и сравнения двух определяющих нормативов	Уменьшение количества филиалов с целью поддержания уменьшения затрат для поддержания деятельности

Комплексное использование отмеченной системы управления расходами банка позволяет совершенствовать теоретические и методические аспекты управления финансами банка, совершенствовать подходы к определению новых методов управления активами, пассивами, доходами, расходами и финансовыми результатами банка.

Разработка финансовой стратегии выхода из кризиса должна находиться в полном согласии со стратегической задачей роста стоимости чистых активов (либо приведением ее в соответствие с прогнозом продаж), что, в конечном счете, ведет к максимизации рыночной стоимости бизнеса и поддержанию его инвестиционной привлекательности, а так же на построение эффективной системы управления финансами, с помощью которой можно обеспечить решение стратегических и тактических задач.

При этом следует различать нижеследующие стратегии:

1. Стратегия повышения ликвидности активов, направленная на рост стоимости чистых активов (собственного капитала) как необходимого условия соблюдения стратегического направления развития и оздоровления.

2. Стратегия оптимизации структуры капитала, направленная на достижение приемлемого соотношения долга и собственности в общей сумме источников долгосрочного финансирования (что достигается ростом стоимости чистых активов), минимизацию издержек на привлеченный капитал и, в конечном счете, рост рыночной стоимости бизнеса.

3. Стратегия улучшения системы учета и контроля издержек, направленная на организацию системы управленческого учета в целях концентрации внимания руководства на выявление внутренних резервов, стратегическое и оперативное управление затратами и прибылью, рост конкурентоспособности.

Антикризисная маркетинговая стратегия должна концентрировать силы и средства на каком-то одном типе. Такой подход при разработке устранения кризисных ситуаций направлена на обеспечение финансовой стабилизации банка, её эффективной экономии

ческой деятельности методами антикризисного управления и управление активами в процессе проведения процедуры банкротства.

При этом коммерческий банк вынужден, во-первых, регулировать поступления денежных потоков, реализовать невыгодные филиалы и другое имущество, малорентабельные виды операций. Во-вторых, обеспечить безопасную деятельность банка, усилить контроль над доходностью, платежеспособностью, финансовой устойчивостью.

Финансовая политика банка в условиях кризисной ситуации предполагает последовательное осуществление её по следующим основным этапам:

- Первый этап – устранение неплатёжеспособности (оперативный механизм – система мер, основанная на использовании принципа отсечения лишнего);
- Второй этап – восстановление финансовой устойчивости (тактический механизм – система мер, основанная на использовании моделей финансового равновесия);
- Третий этап – изменение финансовой стратегии с целью ускорения экономического роста (стратегический механизм – система мер, основанная на использовании моделей финансовой поддержки ускоренного роста).

При разработке финансовой политики банка, как условие преодоления кризисных явлений и стабилизации банка, необходимо использовать оперативный механизм финансовой стабилизации, который представляет собой систему мер, направленных на уменьшение текущих финансовых обязательств банка и на увеличение денежных активов

Оперативный механизм финансовой стабилизации основан на учете принципа отсечения лишнего, который предопределяет необходимость сокращения размеров текущих потребностей и достигается, следующими мероприятиями:

- уменьшение затрат при проведении операций;
- уменьшение затрат по переменным издержкам при оказании банковских услуг;
- пролонгация кредитов;
- отсрочка выплаты начисления дивидендов;
- ликвидация портфеля краткосрочных финансовых вложений;
- рефинансирование задолженности.

При обеспечении устойчивости банка устраняется неплатёжеспособность банка, и в этой связи коэффициент платёжеспособности должен превышать число единицу (1). Финансовое равновесие обеспечивается при условии, что объём положительного денежного потока в периоде равен объёму отрицательного денежного потока. Данный механизм основан на защитных мероприятиях и наступательной тактике. В условиях кризисного развития восстановление финансовой устойчивости возможно, если объём генерирования собственных финансовых ресурсов превышает объём дополнительного их потребления. Поэтому цель оперативного механизма финансовой стабилизации считается достигнутой, если банк вышел на показатели финансовой структуры капитала, обеспечивающие его высокую финансовую устойчивость.

В стратегии обеспечения механизма финансовой стабилизации особое место можно отдать той системе мер, которые основаны на использовании моделей финансовой поддержки ускоренного экономического роста. Это цель считается достигнутой, когда в результате ускорения темпов экономического развития банка обеспечивается соответствующий рост его рыночной стоимости.

Анализ предложений относительно преодоления банковских кризисов и их финансовой защиты с точки зрения обеспечения финансовой стабильности касается институциональной среды, управления ликвидностью и другими параметрами деятельности банков в период воздействия угроз и возникновения кризисных ситуаций. Поэтому в

механизме финансовой стабилизации целесообразно определение путей преодоления банковских кризисов с учетом возможностей обновления банковского бизнеса, уточнения финансовых потерь, а также методов возрождения банковского сектора и активизации кредитной деятельности.

В период кризисных потрясений в банковской сфере происходят качественные процессы, изменяя облик, характеристику, внутренние свойства, динамику параметров и другие составляющие качества банковского сектора. Этим требованиям в значительной степени соответствует такое определение, как тиксотропия. Тиксотропия выражает характерное свойство таких структур, которые могут подвергаться разрушению неограниченное число раз, при этом их свойства полностью восстанавливаются. Считается, что именно тиксотропия выражает то гибкое, адаптивное свойство систем, которые способны полностью восстанавливаться и, главное, обновляться.

Тиксотропия банковского сектора, во-первых, – это воссоздание и обновление банковского сектора в период банковских кризисов и после них в полном объеме и на качественно новой основе. Во-вторых – это когда покрываются не только финансовые потери банка в необходимом объеме, но и обновляются процессы, функции, свойства, создаются новые банковские продукты, бизнес-технологии на качественно новом уровне.

Зарубежный опыт разработки финансовой политики банка показывает, что силу и длительность воздействия угроз в период банковского кризиса можно оценить по денежным средствам, затраченным на восстановление банковского сектора западных стран (табл.3).

Таблица 3

**Расходы на восстановление банковского сектора западных стран
за 2016 год***

Страна	Государственные гарантии	Средства на капитализацию	Ликвидация проблемных активов
США, млрд дол.	1400	250	450
Великобритания, млрдф.ст.	250	37	0
Германия, млрд евро	400	80	0
Франция, млрд евро	320	40	0
Италия, млрд евро	0	20	0
Испания, млрд евро	100	0	30–50
Нидерланды, млрд евро	200	20	0
Швейцария, млрд дол.	0	0	60
Всего, млрд евро	2370	351	468

* Таблица разработана автором на основании данных Евразийского Экономического Сообщества. URL: <http://www.evrazes.com/> (дата обращения: 12.09.2017).

Из данных таблицы 3 следует, что общая сумма средств, затраченных на восстановление банковского сектора, составляет более 3 трлн. евро, и в среднем на одну страну приходится порядка 400 млрд. евро. Направления расходов на восстановление в этих развитых странах: на покупку проблемных активов – 10%; на стимулирование спроса – 21%; на восстановление капитализации банков – 15%; на обеспечение государственных гарантий по долгам банков – 49%.

Для обновления банковского сектора на тиксотропной основе необходимо выполнять условия, при которых, во-первых, скорость восстановления и обновления должна превышать скорость разрушения, и здесь важен фактор времени. Во-вторых, в период между кризисами банковский сектор должен наращивать потенциал финансовой прочности, поэтому процесс восстановления и обновления характеризуется её нарастанием в объёме и во времени.

Экономика Таджикистана в настоящее время претерпевает сложности, связанные с девальвацией таджикской валюты (сомони). Развиваясь по экстенсивному пути, экономика страны, в основном, носила сырьевой характер, что требовало кардинальных перемен, разработки стратегии на индустриализацию страны. В Таджикистане для преодоления банковских кризисов и их финансовой защиты с точки зрения обеспечения финансовой стабильности обоснованной финансовой политики не существует. Поэтому восстановление деятельности кредитных организаций в Таджикистане и их финансовой защиты зависят от антикризисного управления. Антикризисное управление кредитными организациями предполагает:

- анализ и оценку кризисных ситуаций;
- управление банковскими рисками;
- разработку стратегии управления банком;
- прогнозирование кризисов;
- разработку механизма преодоления и предотвращения кризисов;
- реструктуризацию кредитной организации;
- санацию и ликвидацию кредитной организации;
- оценку и мотивацию персонала.

При разработке финансовой политики банка очень важно предусмотреть мероприятия по выявлению и оценке кризисных ситуаций, идентификацию кризиса, разработке и принятию стратегии его преодоления.

Исходя из накопленного опыта разрешения кризисов, можно выделить ряд стратегических решений и элементов, которые применяли многие страны для возвращения стабильности и эффективного функционирования своих банковских структур.

В мире отсутствуют страны, в которых существуют похожие друг на друга правовые системы. Правила регулирования и банковского надзора отличаются друг от друга в силу особенностей исторического развития, построения и степени открытости банковских систем, числа, размера и концентрации кредитных организаций, следовательно, не может быть и универсального набора методов поддержания финансовой стабильности. Тем не менее, можно выделить наличие общих тенденций и инструментов, наиболее нужных в каждом из выделенных нами трех состояний банковской сферы:

- 1) системный банковский кризис;
- 2) несистемный банковский кризис;
- 3) кризисное состояние отдельных элементов банковской системы.

При несистемных банковских кризисах и кризисных состояниях отдельных элементов банковской системы также необходимы специальные антикризисные меры, в первую очередь препятствующие перерастанию банковского кризиса в периодическую. Единого «рецепта» здесь нет, но накопленный зарубежный опыт в данной области, на наш взгляд, позволяет использовать следующие основные меры:

- поддержка ликвидности отдельных банков установление особых правил рефинансирования, размещение государственных средств в некоторых банках или депозитов на льготных условиях;

- уменьшение обязательных резервных требований и дифференциация или изменение обязательных нормативов;
- внедрение стимулирующих способов регулирования и надзора деятельности, а также рекапитализация и/или национализация социально значимых банков;
- использование специальных налоговых льгот с целью оздоровления банка;
- выкуп государством у банков безнадежных долгов;
- отсрочки платежей, введение моратория на удовлетворение требований кредиторов;
- перевод депозитов из «пострадавших» в устойчивые банки.

При системном банковском кризисе недостаточно применения локальных антикризисных мер, поскольку его возникновение означает глубокий кризис, затронувший всю систему банков в стране, включая систему регулирования их деятельности. В этой связи становится актуальной разработка финансовой политики, содержащей комплекс мер антикризисного характера, систему методов и подходов совершенствования управления активами, пассивами, доходами, расходами, отношений с кредиторами, заемщиками, государством и т.д.

Литература

1. Бибикова Е.А., Симонцева С.В. Финансовая политика коммерческого банка: значение, роль, принципы формирования // Вестник ИГЭУ. – 2011. – Вып. 5. – С.70-73.
2. Веретенникова О.Б. Финансовая политика хозяйствующих субъектов: дис... д-ра. экон. наук: 08.00.10 / Веретенникова Ольга Борисовна. – М., 2005. – 137 с.
3. Лихачева О.Н., Щуров С.А. Долгосрочная и краткосрочная финансовая политика предприятия: учеб. пособие / под ред. И.Я.Лукаевича. – М.: Вузовский учебник, 2007. – 288 с.
4. Николаева С.А. Управленческий учет. – М.: Информационное агентство "ИПБ-БИНФА", 2006. – 189 с.
5. Платонова Н. Затраты и их классификация // Финансовая газета. – 2005. – №35. – С.16-59.
6. Симонцева С.В. Механизм реализации финансовой политики коммерческого банка // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2012. – №2(12). – С.29-37.
7. Формирование стратегии устойчивого развития региональной экономики: колл. монография. – Худжанд, 2014. – 221 с.
8. Хорчер Ч.Т., Фостер Дж. Бухгалтерский учёт: управленческий аспект. – М.: Финансы и статистика, 2011. – 415 с.

EFFECTIVE FINANCIAL POLICY OF THE BANK AS AN IMPORTANT CONDITION FOR OVERCOMING CRISIS (BANKRUPTCY)

Sultanov Zubaidullo

Doctor of Economic sciences,
professor of the chair of finance and credit
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992 37) 227 54 59; (+992) 93 520 28 70 (m.)
shohin61@mail.ru

Salimov Shoin Badargaevich

Senior lecturer of the chair of finance and credit
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 550 550 202 (m.)
shoin61@mail.ru

Shodieva Zarrina Nozimjonovna

Candidate of economical sciences,
associate professor of the chair of finance and credit
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 888 88 03 30 (m.)
zarisha@mail.ru

In the article, theoretical and practical issues of the effectiveness of the bank's financial policy in the context of the emergence and overcoming of crisis phenomena are examined. It is noted that the financial policy of the bank characterizes the system of forms, methods, goals and objectives of financial management, taking into account the conditions of financial globalization and the need for effective use of financial resources. The purpose of the bank's financial policy is to optimize financial resources, income, expenses, profits and other financial and economic indicators of the credit institution. The content of the types of financial policy, the advantages of certain types, the issues of managing assets, costs, profits, solvency and other bank resources are revealed. Particular attention is paid to the issues of managing the bank's expenses, determining their optimal structure, as well as the need to develop a financial strategy for overcoming crisis situations. The role of the bank's financial policy in the successive elimination of insolvency, adjusting the financial strategy, restoring financial stability and solving other issues in a crisis situation is especially noted.

Keywords: asset management; crisis situation; financial resources; credit organization; bank policy; assets; profit; income; costs.

**СИЁСАТИ САМАРАНОКИИ МОЛИЯВИИ БОНК ҲАМЧУН ШАРТИ МУҲИМ-
МИ ПАСИ САР КАРДАНИ ҲОДИСАҶОИ БУҲРОИИ (МУФЛИСШАВИ)**

Султанов Зубайдулло

Доктори илмҳои иқтисодӣ,
профессори кафедраи молия ва қарз
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 54 59; (+992) 93 520 28 70 (м.)
shoin61@mail.ru

Салимов Шоин Бадаргаевич

Муаллими калони кафедраи молия ва қарз
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, қўч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 550 550 202 (м.)
shohin61@mail.ru

Шодиева Заррина Нозимҷоновна

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи молия ва қарз
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, қўч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 888 88 03 30 (м.)
zarisha@mail.ru

Дар мақола масъалаҳои назариявӣ ва амалии самаранокии молиявии бонк дар шароити пайдоиш ва паси сар қардани ҳодисаҳои бухронӣ бо таҳқиқ фаро гирифта шудааст. Зикр мегардад, ки сиёсати молиявии бонк низому шаклҳо, усулҳо, мақсаду вазифаҳои идоракунии молиётро бо баҳисобгирии ҷаҳонишавии шароити молиявӣ ва зарурати истифодабарии захираҳои молиявии самаранокро тавсиф медиҳад. Мақсади сиёсати молиявии бонк аз фаъолгардонии захираҳои молиявӣ, даромадҳо, харочотҳо, фоида ва дигар нишондиҳандаҳои молиявӣ иқтисодии ташкилоти қарзӣ иборат аст. Дар мақола инчунин мазмуни типҳои сиёсати молиявӣ, афзалияти типҳои алоҳида, масъалаҳои идоракунии дороиҳо, сарфҳо, фоида, қобилияти пардохт ва дигар захираҳои бонк нишон дода шудааст. Ба масъалаи идоракунии харочотҳои бонк, муайян сохтани сохтори оптималии онҳо, инчунин зарурати коркарди стратегияи молиявии баромадан аз ҳолатҳои бухронӣ тавачҷуҳи махсус дода шудааст. Нақши сиёсати молиявии бонк дар барқарорсозии мунтазами ғайриқобили пардохт будан, саҳеҳкунии стратегияи молиявӣ, барқарорсозии устувории молиявӣ ва ҳалли дигар масъалаҳо дар шароити вазъи бухронӣ таъкид карда мешавад.

Калидвожаҳо: идоракунии дороиҳо; вазъи бухронӣ; захираҳои молиявӣ; ташкилоти қарзӣ; сиёсати бонк; дороиҳо; фоида; даромадҳо; харочот.

УДК 338.246.025.2:338.43

**МИРОВАЯ ПРАКТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ АГРАРНОГО
ПРОИЗВОДСТВА**

Табаров Убайдулло Зайдуллоевич

Соискатель кафедры экономической теории и мировой экономики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 98 876 76 98 (м.)

Ашуров Ихтиёр Саидович

Доктор экономических наук,
профессор кафедры финансов и кредита
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 54 59

На современном этапе процесс государственного регулирования развития сельского хозяйства предполагает определение целей развития отрасли на основе выяснения её текущего состояния, формирование стратегии достижения целей, реализацию выбранной стратегии и оценку достигнутых результатов.

В статье рассматривается зарубежный опыт государственного регулирования сельского хозяйства как один из рычагов проведения аграрной и финансовой политики в сельском хозяйстве. Особое внимание уделено формам и методам государственной поддержки сельского хозяйства.

Анализируются концептуальные подходы к государственному регулированию аграрного рынка в зарубежных странах и определяется влияние государственной аграрной политики на уровень конкурентоспособности сельской хозяйства продукции на мировом рынке.

В современных условиях целью прямых государственных выплат в аграрном секторе в развитых западных странах является не столько стимулирование производства, сколько решение социальных задач – поддержка уровня доходов фермеров, снабжение населения доступными продуктами питания, развитие сельских территорий и аграрной инфраструктуры, проведение природоохранных мероприятий.

Приводятся предложения по совершенствованию механизмов государственного регулирования аграрного рынка Таджикистана с учетом опыта развитых зарубежных стран

Ключевые слова: сельскохозяйственная отрасль; агропромышленное производство; государственное регулирование; развитые страны; финансовые инструменты.

Регулирование сельскохозяйственного производства – это закономерный процесс в любом государстве мира, даже в развитых странах. Во многих странах сельское хозяйство рассматривается как общегосударственная отрасль, призванная обеспечить продовольственную безопасность страны. Кроме того, аграрное производство всегда сопровождается экономическим риском, потому что оно является высоко индивидуализиро-

ванным и существенно зависит от многих факторов-как природные, так и экономических, в том числе рыночной конъюнктуры. Поэтому государство всегда должно нести расходы на эту отрасль экономики с целью снижения потенциальной нестабильности производства, особенно в сельском хозяйстве.

В бывших странах социалистического лагеря Центральной и Восточной Европы первые шаги в развитии сельского хозяйства в рыночных условиях заключались в усовершенствовании организационно-правовых форм. Учитывая положение сельского хозяйства в национальной экономике, правительства этих стран разработали эффективные меры по реформированию сельского хозяйства, которые были направлены на преодоление социально-экономического кризиса, вызванного переходом от одной социальной системы к другой. В результате внедрения таких мероприятий уже с середины 90-х годов в этих странах происходили положительные сдвиги в экономике на основе распространения специализации и кооперации труда, сопровождаясь последовательными изменениями социально-экономических отношений в рыночном направлении.

Масштабы преобразований, их интенсивность и влияние на экономику, конкретные формы и методы во многом различаются между собой, потому что различными были исходные условия. Среди этих условий можно выделить следующие: роль сельского хозяйства в национальной экономике; уровень технологического развития этой отрасли; наличие (отсутствие) различных типов хозяйственных структур и их соотношение; наличие (отсутствие) возможностей для существования частных хозяйственных структур в условиях старой системы; психология крестьян, которая сложилась за годы совместного хозяйствования. Перед началом реформ в подавляющем большинстве постсоциалистических стран основу аграрной сферы составляли коллективные и государственные хозяйства. Поскольку их юридический статус отличался, то правительства этих стран и к их реформированию подходили по-разному. В частности, для управления процессами приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий было создано агентство государственной собственности. В государственных хозяйствах соответствующие преобразования происходили медленнее и сопровождались существенным ростом безработицы и социального напряжения. Поэтому те страны, где доля государственного сектора в сельском хозяйстве была значительной, имели менее выгодные стартовые условия для проведения аграрной реформы [3, с.47-50].

В Польше в послевоенные годы сельское хозяйство продолжало развиваться, в основном, на базе частной собственности на землю и другие средства производства. В 1990 г. частный сектор Польши состоял из более 2 миллионов крестьянских хозяйств средней площадью 6,3 га каждое, во владении которых находились 76% сельскохозяйственных ферм (358 тыс.), остальные составили общества и ассоциации. На перерабатывающих предприятиях широкое распространение получили акционерные общества.

Польские сельскохозяйственные производители еще с 1968 года получили большую свободу в маркетинговых решениях, то есть получили право выбора торгового партнера. Здесь постепенно ослабевал правительственный контроль над ценами, для некоторых продуктов даже устанавливались целевые цены, а реальные цены потом диктовал рынок. Сдвиги в аграрной сфере происходили в форме преобразования бывших государственных хозяйств в общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества. В кооперативах осуществлялось распределение собственности между их членами с последующим частичным реформированием бывших коллективных хозяйств и образованием кооперативов нового типа, которые, по сути, объединили частные хозяйства. Коллективная собственность, как таковая, превращалась в собственность юридических и физических лиц. Государство оказывало помощь мелким товаропроизводителям, освобождая

значительную их часть от уплаты налогов и одновременно увеличивая финансовую помощь, в том числе из средств центрального бюджета [12, с.53-56].

В Чехии со времени проведения аграрной реформы сельское хозяйство занимало незначительное место в экономике (6,3% от ВВП, 9,4% от общей численности работников). Однако следует отметить, что в Чехии государственные сельскохозяйственные предприятия имели средний размер земельной площади свыше 6 тысяч га, а кооперативы – 2,5 тысяч га. Созданные же в процессе их реорганизации хозяйственные общества в 1994 году использовали в среднем по 616 га, крестьянские хозяйства – 15 га, новые кооперативы – 1334 га. Всего функционировало 52003 коммерческих частных хозяйства, использовавших 18,2% сельскохозяйственных земель, 1334 кооператива, которые использовали 49,4% земель, 1270 коммерческих компаний использовали 17,1% земель и 303 государственных хозяйства, собственность которых находилась в распоряжении Земельного Фонда – 15,3% земель [6, с.306-309].

В восточных землях ФРГ аграрная реформа началась с принятия Закона об адаптации, который определил важнейшие положения реформирования сельского хозяйства в землях бывшей Восточной Германии. Им были ликвидированы сельскохозяйственные кооперативы и государственные хозяйства, а крестьянам отводилось полгода для решения вопроса о том, как им хозяйничать в дальнейшем, то есть реформа в сельском хозяйстве с самого начала была задумана как обязательная, даже принудительная. Благодаря этому очень быстро было найдено сравнительно много различных организационных форм хозяйствования и механизмов их производственного функционирования.

В результате проведенных мероприятий в Восточной Германии использовалось 8-10 различных организационных форм вновь создаваемых хозяйственных структур: акционерные общества, полные хозяйственные общества, кооперативы и тому подобное. При этом наблюдались тенденции к постепенному уменьшению размера новых хозяйств, в частности вследствие выхода из них значительной части участников с целью создания фермерских хозяйств и их объединений. Количество фермерских хозяйств увеличилось с 14,6 тыс. в 1992 году до 25 тыс. в 1996, а объединений фермерских хозяйств – с 1123 до 2820 тысяч. Средний размер хозяйственных обществ при этом уменьшился до 826 га, акционерных обществ – до 1369 га. Количество этих форм хозяйствования также уменьшилось [2, с.23-39].

Важным фактором роста фермерских хозяйств была значительная поддержка со стороны государства: кредит в размере 160 тыс. предоставлялся им на 10 лет под 1% , еще 300 тыс. давались под 5% при рыночном курсе 7-8%. Кроме того, фермеры безвозмездно получали 10 тыс. на оперативные расходы и 40 тыс. на инвестиции. Это привело к тому, что доля земель, используемых фермерскими хозяйствами и их объединениями, выросла до 43,9%. Причем это не повлияло негативно на эффективность сельскохозяйственного производства, поскольку фермерские хозяйства, прежде всего их объединение, там более продуктивны по сравнению с другими формами хозяйствования. В частности, в 1995 г. в фермерских хозяйствах чистая продукция в расчете на одного работника составила 41,3 тыс. в объединениях фермерских хозяйств – 55,5 тыс., хозяйственных обществах – только 34,9 тыс. [13, с.67-76].

Во многих республиках бывшего СССР частный сектор хозяйствования на селе постепенно начал играть ведущую роль. В Казахстане за период с 1991-1999 гг. доля частного сектора в посевных площадях выросла с 1% до 22%. Производство продукции животноводства (кроме яиц) и поголовья скота практически полностью сосредоточивалось в частном секторе и составляло 85-90%. Сделан акцент на развитие фермерских хозяйств, их количество за 1997-1999 гг. удвоилось и составило почти 60 тысяч, средняя

площадь посева одного хозяйства выросла до 400 га. В 1999 г. производство продукции животноводства уже начало расти [9, с.23-50].

В закавказских странах удельный вес частного сектора в посевных площадях и валовом сборе зерна за 1996-1999 годы выросла до 57-90%. Выращивание картофеля и овощей, производство продукции животноводства, а также поголовье скота и птицы практически полностью было сосредоточено в частном секторе и составляла 85-100%. Удельный вес частного сектора среднеазиатских стран в посевных площадях тоже значительно возросла, особенно в Кыргызстане – с 4 до 58%. Особенностью этого региона стала практически полная концентрация поголовья скота и производство продукции животноводства, а также картофеля и овощей в частном секторе и сохранение в коллективных предприятиях производства зерна и технических культур [8, с.23-50].

В Молдове частный сектор имел 41% посевных площадей, производил 46% зерна, 99% картофеля, 70-80% мяса, молока и шерсти. Здесь тоже в 1999 году уже наблюдался прирост продукции животноводства [10, с.271-274].

В России на начало 1995 г. доля государственного сектора в сельскохозяйственных землях по сравнению с 1990 г. сократилась с 58,3% до 16,1%, а негосударственного сектора хозяйств совместного хозяйствования (колхозов, коллективных хозяйств, хозяйственных обществ, арендных предприятий) – увеличилась с 39,9% до 71,4%. Доля частного сектора за этот период выросла с 1,8% до 12,5%. Однако реорганизация колхозов была проведена формально и поэтому с 1993 г. на региональном уровне использовалась новая модель реорганизации сельскохозяйственных предприятий. В Нижегородской, Орловской, Рязанской и других областях в 1996 г. на базе 67 хозяйств было образовано 373 новые хозяйственные структуры, в том числе: 96 обществ с ограниченной ответственностью со средней площадью сельскохозяйственных угодий 1210 га, в которых сосредоточивалось 51% сельскохозяйственных угодий всех реорганизованных хозяйств; 49 обществ на доверие, которые подобны наших командитных обществ (в соответствии 1922 га и 42%). Кроме того, в процессе реорганизации отдельных хозяйств, созданные на их базе предприятия в одном случае организовали обслуживающий кооператив, в другом – ассоциации [5, с.171-176].

В России в течение длительного периода времени основная ставка делалась на крестьянские (фермерские) хозяйства. Однако ситуация в агропромышленном комплексе не позволила стать этому сектору доминирующим. Так, при владении 8,5% пахотной земли такие хозяйства давали лишь 2,5% валовой продукции сельского хозяйства. В структуре производимой продукции преобладало конкурентоспособное производство зерна (11% от производства в стране), а продукция животноводства составляла лишь 1-2% от производства в стране. Лишь 18% хозяйств были рентабельными. В условиях рынка без поддержки государства большие шансы на развитие имеют хозяйственные структуры типа агрофирм, которые имеют в своей структуре подразделения по переработке и реализации продукции. Попытки интеграции сельскохозяйственных товаропроизводителей и перерабатывающих предприятий не принесли ожидаемых результатов. Одной из причин была низкая рентабельность, за исключением сахарных заводов, перерабатывающих предприятий, работающих на районном уровне. Подытоживая рассмотрение процессов реформирования в странах Центральной и Восточной Европы, следует отметить, что эффективность реформ была высокой благодаря регулятивной политике государства, которая направлялась на внедрение частной собственности, многообразие организационно-правовых форм ведения хозяйства, рациональное сочетание интересов крупных и малых хозяйств, что было характерным для стран Центральной и Восточной Европы. Вместе с тем, в этих странах, даже после реформирования в сельском хозяйстве, госу-

дарство не теряла свое влияние на эту отрасль. В частности, в Чехии в начале 90-х годов был создан Государственный фонд рыночной регуляции в сельском хозяйстве. Главная цель государственного фонда заключается в обеспечении стабильной рыночной ситуации посредством удержания цен в заданных пределах. Он также определяет перечень сельскохозяйственной продукции, минимальный уровень цен, по которым должен выкупаться определенный объем продукции; ориентировочную продолжительность действия регулятивного механизма по каждому виду продукции; уровень экспортной дотации на продукцию, рынок которой регулируется.

В некоторых восточноевропейских странах наблюдается актуализация регионального уровня реформ в сельском хозяйстве.

В частности, в Польше такую политику проводит Агентство по реструктуризации и модернизации сельского хозяйства. Главной целью агентства является улучшение качества и эффективности сельскохозяйственного производства. Основная деятельность агентства – это финансовая поддержка предприятий сельского хозяйства, в частности сельскохозяйственного производства, аграрно-продовольственной переработки; развитие технической и производственной инфраструктур на аграрных территориях; создание рыночной инфраструктуры [6, с.65-71].

В развитых странах также проводится активная государственная и региональная политика по регулированию агропромышленного производства. Основной задачей государственного регулирования является обеспечение необходимого уровня капитала и получения дохода в аграрном секторе производства. Самыми распространенными средствами и рычагами поддержки: являются льготы на налогообложение, предоставление банковских кредитов под низкие проценты, дотации, субсидии, регулирование цен, протекционизм отечественного товаропроизводства [12, с.53-56].

Так, в США федеральные расходы на поддержку в течение 1980-1996 гг. составили 784 млрд. долл. бюджетных средств. При этом американская общественность с пониманием воспринимала тот факт, что из бюджета страны на сельское хозяйство тратилось все больше средств, и это стало гарантией стабильности общества.

В ФРГ (Федеративной Республики Германия) субсидии предоставляются на производство биопродукции. Цена на биопродукты имеет наценку от 10% до 50% в зависимости от вида продукции [14, с.66-68]. Дотации фермерам ФРГ от ЕС зависят от качества земли. Дотации имеют те фермеры, земля которых оценена в 10-35 баллов. Выше 35 баллов дотации не предоставляются, кроме того, независимо от качества земли на 1 га пшеницы или кукурузы дотации составляют 591 дойчмарок. В провинциях Франции значительное внимание уделяется экологизации продукции сельского хозяйства. Так, в помощь фермерам, которые переходят на производство биопродукции, составляет 100 тыс. франков на два года, причем 50% выплачивает правительство Франции, 50% – ЕС. В течение этих двух лет также существует доплата на производимую продукцию. Финансовая помощь ЕС фермеру равна 350 тыс. франков в год. Фермер получает на удобрения на 1 га 150 франков при условии соблюдения норм, которые установлены ЕС: на 1 га 150 кг азота, 50 кг фосфора, 50 кг калия. Такая помощь имеет большое значение для фермеров, поскольку затраты на производство не покрываются без доплат от ЕС. В Нидерландах субсидии фермерам от ЕС связаны с уровнем экономии энергии. По сниженным ценам (на 20%) они покупают только газ. Политика ЕС направлена на поддержку равновесия между сельским хозяйством и природой. Переход на производство экологически чистой продукции стимулируется предоставлением фермерам субсидий, размер которых зависит от вида продукции [8, с.55-61].

В развитых странах нет унифицированной модели кредитования сельского хозяйства. Так, например, в Великобритании ведущее место в кредитовании сельского хозяйства принадлежит четырем крупнейшим банкам, которые имеют филиалы по всей стране. В Германии существует смешанная система кредитования сельского хозяйства, которая представлена коммерческими банками и специализированными учреждениями. Во Франции кредитование осуществляют кооперативные банки, ведущим среди которых является “Креди агрикульт мютюэль”. Во Франции также существует конкурс среди банков, желающих получать государственные дотации для кредитования сельского хозяйства. Банк должен предложить свой процент по кредиту, а также предоставить такие данные: льготный процент по кредиту, который государство должно возмещать ежегодно; процент по обычным кредитам, максимальный процент на социальное страхование. Конкурсный отбор проходят те банки, которые предлагают более низкие процентные ставки.

Широко распространена практика, особенно в развитых странах, регулирования цен на сельскохозяйственную продукцию и материально-техническое обеспечение сельского хозяйства. Особенно такие меры распространены в странах Европейского Союза, а также в Австрии и Финляндии, где применяются гарантированные государством цены внутреннего рынка и механизм государственных закупок сельскохозяйственной продукции. Очень жесткий контроль за ценами на продовольственные товары осуществляется в Швеции. Во-первых, цены устанавливаются правительством и парламентом. Но такая ценовая политика является результатом согласования интересов и переговорами между Управлением сельского хозяйства, и Национальным союзом земледельцев и потребителей, который представляет производителей [13, с.99].

В США еще в 1996 году был принят Федеральный закон, который установил поддержку цен и предоставления ссуд землевладельцам и сельскохозяйственным товаропроизводителям на 1996-2002 сельскохозяйственные годы [9, с.75-77].

Кроме этого в отдельных странах существует поддержка в капитальном строительстве в аграрном секторе. Так, в Дании сельскохозяйственным товаропроизводителям оказывается помощь при проведении дренажных и оросительных работ, внедрении энерго-и ресурсосберегающих систем. Еще одним фактором развития АПК за рубежом выступает налоговая политика. В каждой стране есть специфика такой политики, в частности в Пакистане, Индии и Нигерии сельскохозяйственные товаропроизводители уплачивают налоги. Но для большинства развитых стран характерно создание налогового климата, который способствует расширенному воспроизводству аграрных формирований. В частности, в ФРГ предусмотрен ряд льгот по налогообложению сельского населения и товаропроизводителей для более успешного функционирования сельского хозяйства. Одним из эффективных шагов являются меры ограничения импорта для поддержки именно собственного производства. Так, Япония, введя государственную монополию на оптовую торговлю рисом, фактически запретила ввозить его из-за границы, хотя ввозная пошлина составляет всего 15%. Финляндия, введя высокие внутренние сборы, сделала нерентабельным, точнее невозможным, завоз из других стран той сельскохозяйственной продукции, которую она способна производить сама. В Швеции существует твердая внутренняя цена на овощи, и в случае колебания цен на европейском рынке, уровень цен поддерживается пошлиной. Также одной из мер защиты является нормативный коридор цен. Если цена выходит за пределы установленного норматива, то немедленно корректируется ввозная пошлина для того, чтобы вернуть внутреннюю цену в пределы нормативного коридора. Такая защита применяется для продукции растениеводства и картофеля.

В странах Центральной и Восточной Европы трансформационные процессы в аграрном секторе носили целенаправленный характер, состояли из последовательных шагов с непосредственной поддержкой государства. После процессов создания новых агроформирований, основанных на частной собственности, государство не теряло контроль за развитием аграрного сектора, заменив административно-командные методы экономическими.

Осуществлялась финансовая помощь, регулирование цен с учетом интересов и сельскохозяйственных товаропроизводителей. Создавались специальные органы для оказания необходимой помощи аграрному сектору. В отдельных странах наблюдалась регионализация такой политики, что является целесообразным шагом именно в разработке эффективных путей развития сельского хозяйства.

В развитых странах существует целенаправленная система мер по поддержке сельского хозяйства. В частности, стоит отметить целевой характер предоставления субсидий под конкретные мероприятия, высокие требования к качеству и экологичности продукции, разработку необходимых стимулирующих механизмов, налоговую политику, которая направлена на расширенное воспроизводство в аграрном секторе экономики, регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию. Во многих странах субсидии также выступают элементом политики протекционизма, то есть создание эффективной системы защиты отечественного товаропроизводителя.

По нашему мнению, на современном этапе развития, учитывая зарубежный опыт регулирования сельского хозяйства, государству следует осуществить комплекс мер по поддержке вновь созданных агроформирований, стимулировать производство экологически чистой продукции, проводить налоговую политику для расширенного воспроизводства предприятий сельского хозяйства Таджикистан.

Литература

1. Адуков Р.Х., Алтухов А.И. Совершенствование государственного управления агропромышленным комплексом страны // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2017. – №1. – С.40-53.
2. Галиев Р.Р. Трансформация отраслей сельского хозяйства Восточной Германии и Республики Башкортостан // Российский электронный научный журнал. – 2017. – №3. – С. 23-39.
3. Жахов Н.В. Государственное экономическое регулирование как фактор повышения эффективности сельскохозяйственного производства // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2016. – Т.1. – №1. – С.47-50.
4. Закриева З.М. Государственное регулирование органического сельского хозяйства: опыт Польши / З.М.Закриева, С.Д.Хажмурадова, З.Д.Хажмурадов // Биологизация земледелия: перспективы и реальные возможности. – 2019. – С.65-71.
5. Киселев С.В. Государственное регулирование сельского хозяйства в условиях переходной экономики / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук. – М., 1994. – С.271-274.
6. Колесняк И.А. Государственное регулирование сельского хозяйства за рубежом // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2018. – №6. – С.306-309.
7. Омарова А.Т. Государственное регулирование АПК Республики Казахстан / А.Т.Омарова, Н.К.Емелина, А.К.Курманалина. [Электронный ресурс] // Теоретический и научно-практический журнал Казахский НИИ экономики АПК и развития сельских территорий. – 2018. – С. 23-50. – Режим доступа: <https://rep.keu.kz/jspui/handle/123456789/387>
8. Папцов А.Г. Новые направления государственного регулирования сельского хозяйства в условиях проведения реформы аграрной политики ЕС. – М., 1996. – 37 с.

9. Папцов А.Г., Козлова С.В. Стратегический план поддержки сельского хозяйства США // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2018. – №6. – С.75-77.
10. Сара М. Особенности совершенствования аграрного сектора Республики Молдова и АТО Гагаузия // Проблемы и вызовы экономики региона в условиях глобализации. – 2019. – С. 271-274.
11. Серков А.Ф. Состояние и направления развития аграрного сектора экономики России // Экономика АПК. – 2001. – №4. – С.37-39.
12. Тюрин А.Н. Сельскохозяйственные угодья Польши и структура их использования // Инновационные технологии научного развития. – 2016. – С. 53-56.
13. The European Union's Common Agricultural Policy: Pressures for Change. United State Department of Agriculture // International agriculture and trade reports. WRS-99-2 / October 2019.
14. Tseiko V., Bauer O. Programs for stimulating agricultural development in Germany // AIC: Economics, Management. – 2008. – №11. – P.66-68.

WORLD PRACTICE OF REGULATING AGRARIAN PRODUCTION

Tabarov Ubaydullo Zaydulloevich

Candidate for a degree of the chair of economic theory and world economy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 98 876 76 98 (m.)

Ashurov Ikhtiyor Saidovich

Doctor of Economic sciences,
professor of the chair of finance and credit
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992 37) 227 54 59

At the present stage, the process of state regulation of the development of agriculture involves determining the development goals of the industry based on clarifying its current state, forming a strategy for achieving goals, implementing the chosen strategy and evaluating the results achieved.

In the article, the foreign experience of state regulation of agriculture as one of the levers of agricultural and financial policy in agriculture is considered. Particular attention is paid to the forms and methods of state support for agriculture.

Conceptual approaches to state regulation of the agricultural market in foreign countries are analyzed and the influence of state agricultural policy on the level of competitiveness of agricultural products in the world market is determined.

In modern conditions, the goal of direct government payments in the agricultural sector in developed Western countries is not so much to stimulate production as to solve social problems - to support the income level of farmers, supply the population with affordable food, develop rural areas and agricultural infrastructure, and carry out environmental protection measures.

Suggestions are made for improving the mechanisms of state regulation of the agricultural market in Tajikistan, taking into account the experience of developed foreign countries

Keywords: agricultural industry; agro-industrial production; government regulation; developed countries; financial instruments.

ТАҶРИБАИ ҶАҶОНИИ ТАНЗИМИ ИСТЕҶСОЛОТИ АГРАРӢ

Табаров Убайдулло Зайдуллоевич

Унвонҷӯи кафедраи назарияи иқтисод ва иқтисоди ҷаҳонӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 98 876 76 98 (м.)

Ашуров Ихтиёр Саидович

Доктори илмҳои иқтисодӣ,
профессори кафедраи молия ва қарз
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 54 59

Дар марҳилаи муосир раванди танзими давлатии рушди хоҷагии деҳот муайянсозии мақсадҳои рушди соҳаро дар асоси ошкор кардани вазъи ҷорӣ он, ташаккули стратегияи ноилшавӣ ба мақсадҳо, татбиқи стратегия ва арзёбии натиҷаҳои ноилгардидаро тақозо менамояд.

Дар мақола таҷрибаи хориҷии танзими давлатии хоҷагии деҳот ҳамчун яке аз воситаҳои гузарондани сиёсати аграрӣ ва молиявии хоҷагии деҳот мавриди баррасӣ қарор дода шудааст. Таваҷҷуҳи махсус ба шаклҳо ва усулҳои дастгирии давлатии хоҷагии деҳот дода шудааст.

Муносибатҳои концептуалӣ нисбат ба танзими давлатии бозори аграрӣ дар кишварҳои хориҷӣ таҳлил карда шуда, таъсири сиёсати давлатӣ ба сатҳи маҳсулоти рақобатпазирии хоҷагии деҳот дар бозори ҷаҳонӣ муайян карда шудаанд.

Дар шароити муосир мақсади пардохтҳои мустақими давлатӣ дар баҳши аграрии кишварҳои мутараққии Ғарб на он қадар ҳавасмандкунии истеҳсолот, чӣ қадар ки ҳалли вазифаҳои иҷтимоӣ – дастгирии сатҳи даромади фермерҳо, таъмини аҳоли бо маводи озуқаворӣ дастрас, рушди ҳудудҳои деҳот бо инфрасохтори аграрӣ, гузарондани чорабиниҳои хифзи табиат мебошад.

Оид ба тақмилдиҳии механизмҳои танзими давлатии бозори аграрии Тоҷикистон бо баҳисобгирии таҷрибаи кишварҳои хориҷии мутараққӣ пешниҳодҳо карда шудаанд.

Калидвожаҳо: соҳаи кишоварзӣ; истеҳсолоти агросаноатӣ; танзими давлатӣ; кишварҳои мутараққӣ; асбобҳои молиявӣ.

УДК 349.42: 338.43

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОПТИМИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АПК: ПРОБЛЕМЫ
ЭФФЕКТИВНОСТИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Гадоев Давлахмад Одинаевич

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры учета, анализа и аудита
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 918 77 09 00 (м.)
dgadoev@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношений государства и производителей продукции агропромышленного комплекса, в том числе вопросы государственного регулирования агропромышленных отношений в целях становления новых организационно-правовых форм собственности – крестьянских (фермерских) хозяйств, акционерных обществ, товариществ, кооперативов, ассоциаций дехканских хозяйств; обеспечения условий для образования агропромышленных объединений, способствующих эффективному использованию ресурсов, снижению себестоимости продукции, снижению потерь сельскохозяйственной продукции при её уборке, транспортировке и переработке.

Отмечается необходимость учета многообразия форм и видов собственности, что логично предопределяет многообразие организационных структур хозяйствования и регулирование агропромышленных процессов. При этом важным условием является то, что любая организационная структура или отдельный предприниматель при использовании любых форм агропромышленной деятельности должны функционировать в режиме самостоятельности, самоуправления и экономической свободы.

Согласно выводу автора, государственное регулирование агропромышленного предпринимательства является одним из инструментов социально-экономической политики государства, средством защиты интересов крестьянства (деханских хозяйств) и гражданского общества в целом. В связи с этим подчеркивается необходимость усиления работы по таким направлениям, как государственно-правовые исследования предпринимательской деятельности в АПК, взаимосвязь экономического содержания и правового оформления агропромышленного предпринимательства на основе отношений собственности, организационно-правовых форм этой разновидности предпринимательства с точки зрения его соответствия многообразию форм хозяйствования.

Ключевые слова: агропромышленное производство; конкурентоспособная продукция; право на пользование землёй; рынок земли; государственное управление; государственное регулирование; агропромышленное право.

Повышение благосостояния и рост численности населения Республики Таджикистан обуславливают расширение спроса на продукты агропромышленного производства, т.е. продукцию сельскохозяйственного производства и ее промышленной переработки. Дальнейшее увеличение объема продукции агропромышленного производства и подъем

эффективности ее выработки возможны лишь благодаря дальнейшей интенсификации и агропромышленной интеграции процессов выращивания, транспортировки, хранения и переработки продукции агропромышленного производства [1, с.6].

Для увеличения производства продукции агропромышленной отрасли необходимо сконцентрировать усилия всех государственных органов и предпринимателей страны, а также иностранные инвестиции на улучшении мелиоративного состояния земли, реализовать новые методы интенсивного производства сельскохозяйственной продукции, рационально использовать имеющиеся в наличии земельные угодья, повысить культуру пользования землёй.

В условиях становления рыночных отношений существенную роль в осуществлении этих задач играет государственное регулирование агропромышленных отношений. Оно заключается, на наш взгляд, в принятии новых нормативных документов, регулирующих отношения между государством и землепользователями. Так как в Республике Таджикистан земля является собственностью государства, государство обязательно должно участвовать, так или иначе, в этих отношениях.

В настоящее время в республике действуют тысячи дехканских хозяйств, которые имеют от нескольких соток до сотни гектаров земли для пользования. Однако для эффективного использования земли у многих пользователей не хватает элементарных знаний или культуры пользования землей. Многие дехканские хозяйства используют землю неэффективно.

Хотя в ст.13 п.3 Закона Республики Таджикистан «О дехканских (фермерских) хозяйствах» запрещается любое вмешательство в деятельность дехканских хозяйств¹, однако на практике местные власти часто вмешиваются в их дела, «рекомендуя» сеять ту или иную продукцию сельского хозяйства. Особенно это касается выращивания хлопка. Как известно, хлопок является одним из стратегически важных товаров в Таджикистане. Для того, чтобы увеличить производство хлопка-сырца в республике и тем самым увеличить поступления валютных средств от продажи продукции хлопководства, на наш взгляд, необходимо:

1. Иметь ежегодный госзаказ на выращивание хлопка-сырца с фиксированной ценой на него. В такой ситуации дехканские хозяйства могут планировать свои расходы по выращиванию хлопка, заранее зная, по какой цене государство покупает у них хлопок-сырец. В настоящее время дехканские хозяйства, выращивающие хлопок, сталкиваются с проблемами, связанными с переработкой хлопка-сырца. Имеются в виду те дехканские хозяйства, которые владеют небольшими участками земли. Они ограничены в выборе предприятия по переработке хлопка-сырца и вынуждены соглашаться на любые условия покупателей, так как хранение хлопка-сырца имеет свои сложности (отсутствие места для хранения, пожарная безопасность).

Известно также, что земель для сельскохозяйственного оборота в Таджикистане мало. Земля, как средство производства в сельском хозяйстве, ограничена и не воспроизводится. Из общей земельной площади Таджикистана, равной 7334,2 тыс. гектарам, для сельскохозяйственных целей можно использовать только лишь 2576,8 тыс. гектаров, или 35,1% всей площади, пашня по отношению к общей земельной площади составляет лишь 9,6% [10, с.310].

¹ О дехканском (фермерском) хозяйстве: Закон Республики Таджикистан от 15 марта 2016 года №1289. URL: <https://medt.tj/documents/main/normativo-pravovie-akti/zakonodatelnie-akti/ru/02569-ru.pdf>

2. Принять все возможные меры, чтобы каждая сотка земли использовалась эффективно, так как от продуктивного использования земли зависит дальнейшее благосостояние населения страны. Однако в условиях, когда существуют отдельные мелкие дехканские хозяйства, не объединенные в более крупные хозяйства (например, ассоциации), об эффективности использования земли говорить не приходится.

Всем известно, что дехканские хозяйства, имеющие небольшие участки земли, ограничены в использовании механизации в процессе обработки земли, посадки и обработки посевов, а также уборки урожая.

Если даже они арендуют технику, это им обходится дорого, что приводит к удорожанию себестоимости и в конечном итоге производству неконкурентной продукции на рынке. Вследствие этого многие мелкие дехканские хозяйства, имея достаточно земли, не могут выращивать конкурентоспособную продукцию на рынке по конкурентной цене.

3. В то же время многие мелкие дехканские хозяйства не могут привлекать кредиты банков, которые и без этого являются для них недоступными, из-за относительно высоких процентов и необеспеченности залогами. Те дехканские хозяйства, которые все же осмеливаются брать кредит в банках, не имеют возможности в качестве обеспечения по кредиту предоставить залог (недвижимое имущество хозяйства), так как его просто нет. В таких случаях, на наш взгляд, необходимо в качестве обеспечения по кредиту использовать такой финансовый инструмент, как «право на пользование землей». Чтобы этот инструмент работал, кредитор должен иметь право при несвоевременном погашении кредита продавать право на пользование землей другим желающим – пользователям земли, чтобы земля не осталась без хозяина, т.е. должен работать рынок земли. Иначе говоря, дехканским хозяйствам должно быть разрешено использование имеющегося у них «права на пользование земли» как финансового инструмента. Этот документ должен наравне с другими ценными бумагами обращаться на рынке.

4. Стимулировать организацию ассоциаций дехканских хозяйств с целью концентрации средств и возможностей нескольких мелких хозяйств для привлечения инвестиций, получения кредита, покупки сельскохозяйственной техники и т.д.

Для вновь созданных ассоциаций дехканских хозяйств государству необходимо предусмотреть определенные льготы, в том числе налоговые.

Создание ассоциаций дехканских хозяйств является, на наш взгляд, одной из предпосылок для создания агропромышленных объединений, объединяющих как сельскохозяйственное производство, так и промышленную переработку продукции сельского хозяйства. Особенно это актуально в условиях резкого увеличения площади садов и производства продукции садоводства в Таджикистане. Необходимо принимать все меры для сохранности продукции агропромышленного производства и ее переработки в зимний период.

Таким образом, формируя рынок земли, выставляя на продажу «право на пользование землей», мы можем более эффективно использовать землю, в то же время вынуждать первоначальных «владельцев» земли принимать все меры для того, чтобы это право не продавать, т.е. эффективно использовать землю. Это, в свою очередь, приведет к повышению эффективности использования земли, увеличению производства сельскохозяйственной продукции и, в конечном итоге, к благосостоянию населения страны. Это может также способствовать достижению одной из стратегических задач государства – продовольственной безопасности.

В условиях реализации реформ в агропромышленном комплексе появляются новые трудности в сотрудничестве органов государственной власти и агропромышленного

комплекса, связанном с необходимостью нормализации экономического положения в аграрном секторе страны. Одним из основных направлений изменений в обществе считается государственное регулирование отношений в агропромышленном комплексе для образования новых организационно-правовых форм собственности (дехканские хозяйства, акционерные общества, товарищества, кооперативов).

Вместе с тем, изучение данного вопроса показало, что подробные управленческо-правовые разработки агропромышленных отношений в Таджикистане проводились недостаточно. Надо отметить, что современные технологии управления необходимы как способ внедрения обоснованных изменений, способствующих функционированию агропромышленного производства в условиях многоукладного и эффективного хозяйствования, направленного, в том числе, на повышения экономической безопасности государства.

Изучение вопросов государственного управления и регулирования отношений сельскохозяйственного сектора производства Таджикистана, в условиях рыночного хозяйства, требует совершенствования правовой системы в этой области.

В условиях рыночного хозяйства главным фактором стимулирования инициативы дехканских (фермерских) хозяйств, ограничения их диктата и подчинения производства требованиям потребителей продукции выступает мотивация труда работников агропромышленного комплекса.

Социально-ориентированные рыночные отношения, урегулированные на базе разнообразных форм собственности, конституционных принципов народовластия и реальной свободы хозяйствования являются главными условиями решения возникающих проблем.

Совершенствование рыночных отношений в агропромышленном комплексе, образование самостоятельных предприятий рыночного хозяйства должны происходить одновременно с пересмотром роли государства в экономике, в том числе в вопросах форм и способов государственного влияния на механизмы регулирования рыночных отношений. Государственное регулирование предпринимательства, особенно в сфере агропромышленного производства, являясь средством социально-экономической политики, инструментом защиты интересов дехканских (фермерских) хозяйств и гражданского общества в целом, должно играть главенствующую роль во взаимоотношениях государства с АПК. В связи с этим нужно усилить исследование государственно-правовых отношений в предпринимательской деятельности агропромышленного комплекса на основе отношений к собственности, организационно-правовых форм этой деятельности, в плоскости его соответствия широкому кругу форм хозяйствования.

Анализ вопросов регулирования агропромышленных отношений свидетельствует, что в условиях рыночного хозяйствования предпринимательская деятельность на селе, как и в других сферах деятельности, осуществляется под свою имущественную ответственность в целях получения экономической выгоды. Необходимо отметить, что развитое рыночное хозяйство, т.е. конкуренция между производителями продукции АПК, развитая инфраструктура и, наконец, превышение предложения продукции АПК над спросом говорит о высокой развитости правоотношений в области агропромышленного предпринимательства в любом государстве.

В то же время независимо от достигнутых успехов в области развития правоотношений, нужно на законодательном уровне определить статус всех организационно-правовых форм предпринимательской деятельности в агропромышленном комплексе (акционерные общества, дехканские (фермерские) хозяйства, коллективные предприятия, производственные кооперативы и др.). В этих условиях включение самого государ-

ства или его структуры на местах в число субъектов предпринимательской деятельности агропромышленного комплекса является невозможным, так как общегосударственные интересы это не интересы личной выгоды, и хозяйственная деятельность государства не ставит основной целью получение прибыли. Эта деятельность в основном направлена на удовлетворение общественных интересов. Одновременно необходимо отметить и тот факт, что сам процесс образования хозяйств с рыночным механизмом в агропромышленном комплексе страны невозможно представить без активного участия государства. Это особенно важно в условиях становления смешанной экономики агропромышленного комплекса, объединяющейся в общем механизме рыночного начала с государственным регулированием и управлением с учетом множественности форм собственности. Отсюда можно объяснить и стремление государства вмешиваться в экономику агропромышленного комплекса, что проявляется в форме приращения предпринимательства в интересах достижения национального благосостояния, роста производительности труда, помощи малоимущим семьям, инвалидам, пенсионерам, детям-сиротам и др., исходя из принципов стабильности, и эффективности правового, экономического и социального развития агропромышленного комплекса.

Наряду с определением организационно-правовых форм предпринимательской деятельности государство должно устанавливать также основные правила взаимодействия предпринимателей и населения на агропромышленном рынке посредством разработки и утверждения правовых основ функционирования агропромышленного комплекса, организации исполнения агропромышленного законодательства и контроля за его исполнением.

Под государственным регулированием предпринимательской деятельности АПК подразумевается не только приведение в действие рыночного механизма, но и обеспечение его эффективной работы. В этом процессе государство должно отказаться от прямого оперативно-распорядительного руководства всей отрасли АПК. Нужно принимать во внимание присутствие разнообразных форм и видов собственности, что в свою очередь предопределяет многообразие организационных структур хозяйствования и регулирования агропромышленных процессов.

При этом главным условием является, чтобы организационная структура или отдельный предприниматель при использовании любых организационно-правовых форм агропромышленной деятельности реально работали в режиме экономической свободы, самостоятельности и самоуправления.

Практика показывает, что при реорганизации управления агропромышленным комплексом во многих странах СНГ (в том числе в Таджикистане) еще необходима государственная поддержка АПК.

Однако государство не может полностью отказаться от вмешательства в дела АПК. Вмешательство государства в деятельность агропромышленного комплекса должно происходить в определенных границах. Это должны быть выработка агропромышленной политики управления хозяйствами, составляющими государственную собственность, установление правовых основ рынка и ценовой политики, регулирование внешнеэкономических отношений государства в области АПК, социальное развитие сельской местности.

Вмешательство государства в деятельность предприятий агропромышленного комплекса допускается лишь тогда, когда это требуется для регулирования и поддержания рыночных отношений, например свободной конкуренции или исключения монополии. Это должно происходить в рамках законодательства. Как известно, рынок и государственно-плановый диктат, а также непосредственное административное вмешательство

в распределение и обмен продуктов труда, прибыли в экономике в целом и в агропромышленном комплексе в частности не совместимы.

Рыночный агропромышленный комплекс, с точки зрения организационно-правового характера, больше колеблется в сторону минимальной регламентации. Вместе с правовым регулированием дехканским (фермерским) хозяйствам должны быть предоставлены возможности и саморегулирования. Однако от государства зависит выбор тех рычагов регулирования, которые служат гарантией свободного развития предпринимательства. Реальная ситуация в АПК Таджикистана в этом вопросе не содержит пока оптимальных схем.

Практика показывает, что реализация экономических интересов дехканских (фермерских) хозяйств в большинстве своем осуществляется вне законотворческой деятельности. Это говорит о низкой правовой вооруженности работников села, минимальном доступе их представителей к формированию правовых регуляторов.

В таких условиях развитие получают теневые отношения в агропромышленном комплексе, снижаются темпы роста производства, увеличиваются налоговые давление, особенно в негосударственном секторе экономики.

Как нам представляется, агропромышленное право не только определяет форму свободы работников агропромышленного комплекса, разграничивает интересы субъектов агропромышленных отношений, но и является серьезным средством сплочения этих интересов. Иначе говоря, такое право ставит своей целью разумную организацию жизни в сельской местности. А это, в свою очередь, предполагает реальное осуществление свободы аграрной части экономики, поможет устранить отрицательные тенденции в развитии агропромышленного комплекса и реализации интересов каждого жителя села в отдельности.

Литература

1. Гадоев Д.О. Учет и калькулирование себестоимости продукции в эфирномасличном агропромышленном производстве: дис...канд. экон. наук: 08.00.12 / Гадоев Давлахмад Одинаевич. – М., 1985. – 202 с.
2. Ерофеев Б.В. Земельное право. Общая часть: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2004. – 205с.
3. Лебедев Е.И. Состояние и перспективы развития крупных сельскохозяйственных предприятий и организаций агропромышленного комплекса. // Пищевая промышленность. – 2001. – №4. –С.24-25.
4. Пузакова Е.П. Экономика. – Ростов/на Дону: Феникс, 2006. – 265 с.
5. Рауфи А. Конкурентная экономика / под ред. д-ра экон. наук, проф. О.Б.Бобоева. – Душанбе: Дониш, 2014. – 608 с.
6. Серова Е. Аграрная реформа и многообразие форм хозяйствования // Вопросы экономики. –М., 1990. –№5. – С.15-20.
7. Шарифов З. Основы рыночной экономики формирование хозяйственного механизма АПК. – Душанбе: Ирфон, 2008. – 444 с.

**LEGAL FRAMEWORK FOR OPTIMIZING STATE REGULATION OF
MARKET RELATIONS IN AIC: PROBLEMS OF EFFICIENCY OF
AGROINDUSTRIAL LEGISLATION**

Gadoev Davlakhmad Odinaevich

Candidate of economical sciences,
associate professor of the chair of accounting, analysis and audit
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 918 77 09 00 (m.)
dgadoev@mail.ru

In the article, the issues of relations between the state and producers of products of the agro-industrial complex are considered, including the issue of state regulation of agro-industrial relations in order to establish new organizational and legal forms of ownership – peasant (farmer) farms, joint-stock companies, partnerships, cooperatives, associations of dekhkan farms; providing conditions for the formation of agro-industrial associations that contribute to the efficient use of resources, reduce the cost of production, reduce the loss of agricultural products during harvesting, transportation and processing.

The need to take into account the diversity of forms and types of ownership is noted, which logically predetermines the diversity of organizational structures of management and regulation of agro-industrial processes. At the same time, an important condition is that any organizational structure or individual entrepreneur, when using any form of agro-industrial activity, must function in a mode of independence, self-government and economic freedom.

According to the author's conclusion, state regulation of agro-industrial entrepreneurship is one of the instruments of the state's socio-economic policy, a means of protecting the interests of the peasantry (dekhkan farms) and civil society as a whole. In this regard, the need to strengthen work in such areas as state-legal research of entrepreneurial activity in the agro-industrial complex, the relationship between the economic content and legal registration of agro-industrial entrepreneurship on the basis of property relations, organizational and legal forms of this type of entrepreneurship from the point of view of its compliance with the variety of forms of management.

Keywords: agro-industrial production; competitive products; the right to use land; land market; public administration; government regulation; agroindustrial law.

**АСОСҶОИ ҲУҚУҚИИ ФАЪОЛГАРДОНИИ ТАНЗИМИ ДАВЛАТИИ
МУНОСИБАТҶОИ БОЗОРӢ ДАР ҚАС: МУШКИЛОТИ САМАРАНОКИИ
ҚОНУНГУЗОРИИ АГРОСАНОАТӢ**

Гадоев Давлаҳмад Одинаевич

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи баҳисобгирӣ, таҳлил ва аудит
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 918 77 09 00 (м.)
dgadoev@mail.ru

Дар мақола масъалаҳои муносибатҳои байниҳамдигарии давлат ва истеҳсолкунандагони маҳсулоти комплекси агросаноатӣ, аз ҷумла масъалаи танзими давлатии муносибатҳои агросаноатӣ бо мақсади ташаккули шаклҳои нави ташкиливу ҳуқуқии моликият – хоҷагиҳои деҳқонӣ (фермерӣ), ҷамъиятҳои саҳҳомӣ, ҳамшарикӣ, кооперативҳо, ассотсиатсияҳои хоҷагиҳои деҳқонӣ; таъмини шароит барои ташкил додани иттиҳодияҳои агросаноатӣ, ки барои истифодабарии самараноки захираҳои мусоидат мекунад, пастшавии арзиши аслии маҳсулот, пастшавии хисороти маҳсулоти кишоварзӣ зимни ғундоштани он, интиқол ва аз нав коркардкунии он мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд.

Зарурати баҳисоб гирифтани гуногунрангии шаклҳо ва намудҳои моликият зикр мегардад, ки гуногунрангии сохторҳои ташкилии хоҷагидорӣ ва танзими равандҳои агросаноатиро мантиқан асоснок мекунад. Дар баробари ин, шартҳои муҳим он аст, ки сохтори ташкилии дилҳо ва ё соҳибкор алоҳида ҳангоми истифодабарии шакли дилҳои фаъолияти агросаноатӣ бояд дар речаи мустақилият ва худидоракунию озодии иқтисодӣ амал намояд.

Мувофиқи хулосаи муаллиф, танзими давлатии соҳибкории агросаноатӣ яке аз асбобҳои сиёсати иҷтимоиву иқтисодии давлат, воситаи ҳифзи манфиатҳои деҳқонӣ (хоҷагиҳои деҳқонӣ) ва дар маҷмӯъ ҷамъият мебошад. Вобаста аз ин зарурати ҷоннок кардани қарорҳои чунин самтҳо, ҳамчун таҳқиқоти давлативу ҳуқуқии фаъолияти соҳибкорӣ дар КАС, робитаи мазмуни иқтисодӣ ва барасмиятдарории ҳуқуқии соҳибкории агросаноатӣ дар асоси муносибатҳои моликиятӣ, шаклҳои ташкилию ҳуқуқии ин навъи соҳибкорӣ аз нуқтаи назари мувофиқати он ба гуногунрангии шаклҳои хоҷагиҳодорӣ ба амал омадааст.

Калидвожаҳо: истеҳсолоти агросаноатӣ; маҳсулоти рақобатпазир; ҳуқуқи истифодабарии замин; бозори замин; идоракунии давлатӣ; танзими давлатӣ; ҳуқуқи агросаноатӣ.

УДК 331.5:621.3.076

**ВЫБОР МЕТОДА РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА НА ОСНОВЕ
ОБЗОРА МЕТОДОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Ли Игорь Тхя-Дюнович

Кандидат технических наук,
доцент кафедры информатики и информационных технологий
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 907 90 68 18 (м.)
Leer1942@mail.ru

Назаров Акбар Шарифович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры информационных технологий и защиты информации
Таджикский технический университет им. акад. М.С. Осими
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. акад. Раджабовых, 10
Тел.: (+992) 907 54 60 06 (м.)
akbarnazarov@mail.ru

Назаров Даврон Акбарович

Ассистент кафедры физики, телекоммуникаций и технических дисциплин
Технологический университет Таджикистана
734061, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Н. Карабаева, 63/3
Тел.: (+992) 907 96 00 06 (м.)
davronnazarov@inbox.ru

В условиях кризиса финансовой системы и пандемии уровень безработицы с каждым годом растет по всему миру, в том числе и в Республике Таджикистан. В связи с этим проблема прогнозирования и управления трудовыми ресурсами приобретает все большее значение и её решение является актуальной задачей. Для решения указанной задачи необходимо произвести обзор методов прогнозирования и управления рынком труда, на основе чего выбирается наиболее подходящий из них.

Прогнозирование представляет количественную и качественную оценку спроса и потребности в рабочей силе. В условиях рыночной экономики роль прогнозирования в регулировании и управлении занятостью населения усиливается. Оно обеспечивает принятие правильного и взвешенного решения по определению наиболее рационального соотношения между спросом и предложением, что позволит сократить количество безработных.

Для разработки прогнозов в настоящее время используется ряд инструментов, то есть методов и моделей прогнозирования. В прогнозировании состояния рынка труда широкое применение получили методы математического или компьютерного моделирования.

Предложенная в работе классификация методов моделирования прогнозирования и управления рынком труда обеспечивает решение этой задачи в различном разрезе. Эффективность методов математического моделирования заключается в обеспечении точных и достоверных прогнозов, на основе которых можно дать рекомендации по регулированию рынка труда.

Ключевые слова: конкуренция; спрос; предложение; методы; моделирование; регулирование; модели; гипотеза; показатели.

Рынок труда – это социально-экономическая среда, в которой через механизм спроса и предложения на рабочую силу определяется уровень занятости населения. Сравнительно с другими рынками, на рынок труда влияет множество социально-экономических факторов. К основным компонентам рынка труда относятся спрос и предложение на рабочую силу, цена и стоимость рабочей силы и конкуренция.

Спрос на рабочую силу имеет качественный и количественный характер в зависимости от вида деятельности работодателя. Спрос на рабочую силу растет в период подъема экономики стран. Однако в условиях финансово-экономического кризиса и пандемии востребованность рабочей силы резко уменьшилась. Это привело к росту уровня безработицы, которая отрицательно влияет на экономическую и политическую системы любого государства. Увеличение числа безработных приводит к уменьшению объема валового внутреннего продукта и сокращению налоговых денежных поступлений в бюджет государства. Кроме этого, увеличиваются расходы государства на социальную помощь безработным.

Предложение рабочей силы – это общее количество трудоспособного населения. Оно зависит от ряда факторов: образования, квалификации, уровня заработной платы, уровня жизни, фактора времени, прогнозирования и регулирования рынка труда и т.д.

Анализ состояния занятости населения в Республике Таджикистан показывает, что проблема занятости населения остается острой социальной проблемой республики. К основным проблемам рынка труда Республики Таджикистан относятся: высокий уровень самозанятости, стихийный характер, скрытая безработица, несоответствие системы образования требованиям современного рынка труда, несоответствие спроса и предложения в зависимости от специальностей, низкая заработная плата, трудовая миграция и т.д. [4]

Исходя из этого, важнейшей задачей развития и совершенствования рынка труда Республики является регулирование трудовых ресурсов, которое приведет к повышению уровня занятости и уменьшению уровня безработицы. Одним из эффективных методов регулирования занятости населения является прогнозирование состояния рынка труда.

Для планирования и управления занятостью прогнозирование состояния рынка труда имеет особое значение. На основе прогнозных данных республиканские и региональные органы власти принимают решения о правильной стратегии развития социально-экономического состояния, разработки бюджетов, мерах по социальной защите населения, стоимости рабочей силы, демографической политике и т.д. Исходя из этого, резко вырос спрос на разработку количественных прогнозов.

Рынок труда относится к социально-экономической системе, он является сложной вероятностной динамической системой, которая относится к классу кибернетических систем, управляемых систем.

Одним из основных методов исследования таких систем является метод математического, или компьютерного, моделирования, способ теоретического и практического действия на разработку и исследование точной модели [2].

При этом модель отражает существенные свойства моделируемого объекта, рынка труда, и замещает его в ходе исследования и управления. Методы математического моделирования основываются на принципе аналогии, возможности изучения реального объекта через его модель.

Прогнозирование или предвидение развития рынка труда является одной из практических задач экономико-математического моделирования.

Выработка управленческих решений для регулирования рынка труда также является практической задачей математического моделирования. Данные, полученные в результате моделирования, можно использовать как консультирующее средство для принятия решения. Математическое, или компьютерное, моделирование является одним из важных компонентов информационной системы управления занятостью населения, как для регионов, так и для республики в целом. Данные, полученные из модели, также можно использовать при планировании и управлении рынком труда.

Для определения соответствия модели и реальной системы при моделировании производится проверка ее адекватности. Адекватность модели показывает степень соответствия свойств модели свойствам реальной системы, в данном случае, рынку труда [3].

Без проверки адекватности модели применение результатов моделирования для управления и планирования рынка труда является малополезным и не имеет смысла.

Рынок труда относится к сложным системам, обладающим рядом свойств, которые необходимо учитывать при их моделировании. Основными из этих свойств являются:

- целостность – наличие у системы таких свойств, которые не присущи ни одной из ее составляющих;
- массовость – моделирование опирается не на небольшое число наблюдений, а на массовые наблюдения;
- динамичность – прослеживается поведение системы во времени;
- случайность и неопределенность – процессы, происходящие на рынке труда, носят вероятностный характер, поэтому при моделировании используются элементы теорий вероятности и математической статистики;
- открытость – протекающие на рынке труда процессы имеют связь с внешней средой и т.д.

В связи с большим количеством и разнообразием методов прогнозирования общепринятой системы их классификации пока не существует. Однако можно выделить примерную классификацию методов моделирования задач прогнозирования (рис.1).

Рассмотрим некоторые из них. По цели создания и применения выделяют:

- балансовые модели анализа и планирования трудовых ресурсов. В основе этих моделей лежит балансовый метод, т.е. метод взаимного сопоставления имеющихся ресурсов (трудовых) и потребности в них [2].

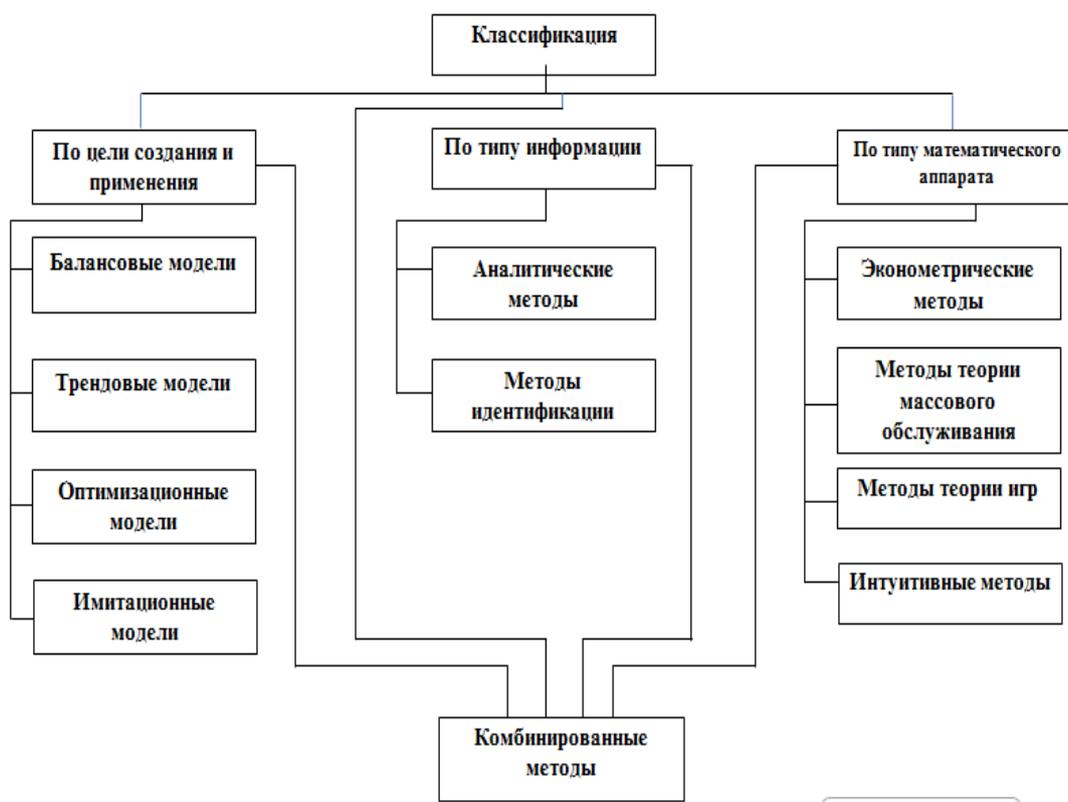

Рис. 1 Классификация методов прогнозирования

- трендовые модели или прогнозирование трудовых показателей на основе временных рядов. Рынок труда относится к динамическим системам, т.е. процессы происходящие на рынке труда, чаще всего проявляются в виде ряда последовательно расположенных значений показателей, которые в своих изменениях отражают ход развития изучаемого явления. Последовательность наблюдений одного показателя в зависимости от времени называют временным рядом. Он служит основой для разработки трендовых моделей, в которых изменение моделируемой системы отражается через тренд, т.е. длительную тенденцию изменения показателя. В трендовых моделях для исследования процессов рынка труда в количественном выражении используют методы теории вероятностей и математической статистики;
- оптимизационные модели, предназначенные для выбора наилучшего варианта решений. Многие задачи в экономике труда являются оптимизационными, когда на основе критериев эффективности выбираются наилучшие решения. При решении таких задач используются методы программирования: линейного, нелинейного, динамического, стохастического, целочисленного и др.;
- имитационные модели включают в себя машинную имитацию изучаемых систем. В имитационных моделях осуществляется эксперимент, т.е. проигрывание модели. В отличие от аналитических моделей, которые представляются в виде системы уравнений, имитационные модели описывают структуру и поведение изучаемого объекта. Про-

гнозирование рынка труда с применением имитационных методов позволяет рассмотреть процессы рынка труда на различных уровнях;

Разработка прогнозов с применением имитационных методов включает в себя несколько этапов: постановка задачи; формирование математической модели; разработка программного модуля; проверка адекватности модели; проведение многовариантных экспериментов; получение и анализ прогнозных результатов.

По типу информации, используемой в модели, они делятся на аналитические, построенные на априорной информации и идентифицируемые, построенные на апостериорной информации. Применение аналитических методов прогнозирования рынка труда заключается в аналитическом решении уравнений, описывающих процессы рынка труда. Процессы функционирования рынка труда записываются в виде алгебраических, интегрально-дифференциальных и т.п. соотношений.

При применении методов идентификации для объекта прогнозирования отыскивается адекватная ему модель. Математическая модель в данном случае означает математическое описание поведения объекта прогнозирования. Методы идентификации разделяются на структурные и параметрические. В структурной идентификации на основе заданной функции определяется форма модели, а в параметрической определяются параметры модели.

По типу математического аппарата, используемого в модели, могут быть выделены следующие модели:

- эконометрические методы анализа и прогнозирования в задачах экономики труда, к которым относятся линейные регрессионные однофакторные и многофакторные модели, а также нелинейные эконометрические модели. Основу этих моделей составляет раздел математической статистики – корреляционно-регрессионный анализ. Такие методы позволяют решить задачи количественной оценки связи между изучаемыми показателями и влияющими на них факторами;

- методы теории массового обслуживания. С этой позиции рынок труда можно представить в виде модели системы массового обслуживания (СМО), в которой, с одной стороны, подается большое количество запросов на выполнение каких-либо услуг и с другой стороны происходит обслуживание (удовлетворение) этих запросов. Для этого на рынке труда имеются все необходимые элементы СМО: входящий поток требований, включающий в себя поток безработных и рабочих мест; очередь, в которой входящие требования (безработные) становятся в очередь на обслуживание; обслуживающее устройство, т.е. сам рынок труда, на который поступают различные заявки для обслуживания в виде потока безработных и потока рабочих мест; выходящий поток требований, по которым определяются вероятностные характеристики работы СМО (рынка труда);

- методы теории игр. При решении задач управления трудовыми ресурсами приходится анализировать ситуации, в которых сталкиваются интересы двух или более конкурирующих сторон, имеющих различные цели. Такие ситуации называются конфликтными ситуациями. Для их решения используется математический аппарат теории игр. Теория игр есть специальная математическая теория конфликтных ситуаций, задачей которой является выработка рекомендаций по рациональному образу действий участников конфликта;

- интуитивные методы прогнозирования. Интуитивные (экспертные) методы прогнозирования – это методы прогнозирования, которые в качестве источника информации используют обработанные суждения экспертов, полученные в ходе проведения специальных опросов [1].

К преимуществам интуитивных моделей относятся: возможный анализ и прогнозирование объекта, не имеющего предыстории; прогнозирование скачкообразных изменений; прогнозирование в условиях недостаточного количества статистических данных об объекте; прогнозирование сложных объектов и т.д.

Для получения более достоверных и точных прогнозов может быть использована комбинация двух или нескольких методов, т.е. комбинированные методы прогнозирования. Прогнозы на основе комбинированных методов используют результаты двух или нескольких методов моделирования, которые включают в себя приемы и алгоритмы различных методов. Эти методы устраняют недостатки и ограничения отдельных методов при совместном их использовании. Исходя из этого, они повышают качество экономических прогнозов. Рынок труда относится к сложным динамическим системам. Поэтому применение комбинированных методов для анализа и прогнозирования рынка труда является актуальной задачей.

Одной из разновидностей комбинированных методов прогнозирования рынка труда является аналитико-имитационная модель прогнозирования рынка труда Республики Таджикистан.

Аналитико-имитационная модель (АИМ) включает в себя методы аналитического и имитационного моделирования. Модель рынка труда, как объекта прогнозирования, представляется в виде системы массового обслуживания, для которой имеются все необходимые элементы этой системы (рис.2)

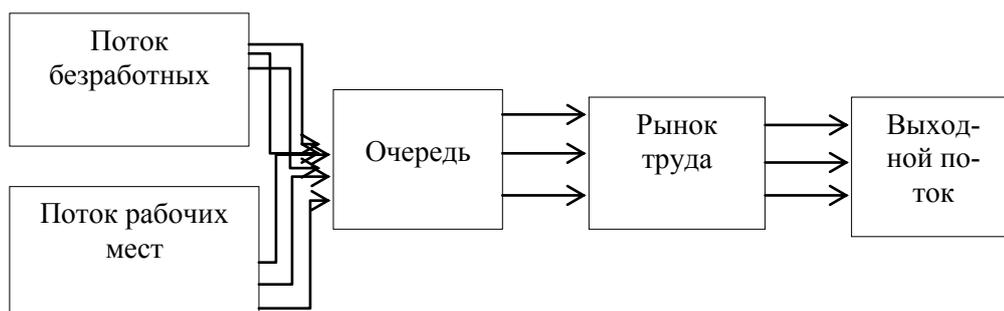

Рис.2. Рынок труда, как модель СМО.

В аналитико-имитационной модели на основе аналитических методов определяется интенсивность потоков безработных λ_i ($i=1, N$) и рабочих мест μ_j ($j = 1, M$), где N – типы безработных, M – тип свободных рабочих мест. Показано, что эти потоки подчиняются экспоненциальному закону распределения с плотностью вероятности распределения:

$$f(t) = \lambda e^{(-\lambda t)},$$

где λ – интенсивность потока, t – время.

В модели также проведена проверка гипотезы о соответствии потоков экспоненциальному закону с использованием критерия согласия А.Н.Колмогорова.

В аналитико-имитационной модели с помощью эконометрических методов анализа и прогнозирования определена взаимосвязь между социально-экономическими показателями развития экономики и интенсивностью потока безработных:

$$\lambda = a_0 + a_1 x_{1i} + a_2 x_{2i} + a_3 x_{3i} + \dots + a_n x_{ni} + \varepsilon_i$$

где $a_0, a_1, a_2, a_3, \dots, a_n$ – весовые коэффициенты уравнения,

$x_1, x_2, x_3, \dots, x_n$ – основные социально-экономические показатели развития экономики, к которым относятся: общее количество безработных; численность постоянного населения; валовый региональный продукт; численность трудоспособного населения; число образованных рабочих; заявленная предприятиями потребность в работниках; среднемесячная заработная плата одного работника; денежные доходы населения; миграция населения, число выбывших и т.д.

Аналогичная формула используется для интенсивности потока свободных рабочих мест.

Для более точного прогнозирования в АИМ проводится имитационное моделирование. Преимущество имитационного моделирования заключается в том, что на основе имитирующего алгоритма учитываются все процессы рынка труда и производится его реализация на компьютере. В АИМ с помощью имитационного моделирования формируются потоки безработных и рабочих мест, т.е. проводится имитация функционирования рынка труда. В результате этого выдаются прогнозные данные по состоянию рынка труда.

Таким образом с помощью комбинированной модели АИМ можно получить рекомендации по регулированию рынком труда. Это обеспечивает управление трудовыми ресурсами на уровне регионов и республики в целом.

Литература

1. Бутакова М.М. Экономическое прогнозирование: методы и приёмы практических расчетов: учеб. пособие. – М.: КНОРУС, 2010. – 168 с.
2. Ли И.Т., Назаров А.Ш. Моделирование систем: учебник. – Душанбе: РТСУ, 2018. – 168 с.
3. Ли И.Т. Методология регулирования рынка труда / И.Т.Ли, А.Ш.Назаров, Д.А.Назаров // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020. – №1(63). – С.72-83.
4. Федосеев В.В. Экономико-математические модели и прогнозирование рынка труда. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 144 с.

CHOICE OF A LABOR MARKET REGULATION METHOD BASED ON A REVIEW OF FORECASTING AND REGULATORY METHODS

Lee Igor Thya-Dunovich

Candidate of technical sciences,
associate professor of the chair of informatics and information technologies
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 907 90 68 18 (m.)
Leer1942@mail.ru

Nazarov Akbar Sharifovich

Candidate of economical sciences,
associate professor of the chair of information technologies and information security
Tajik technical university of M.S.Osimi
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, acad. Radjabovs, 10
Ph.: (+992) 907 54 60 06 (m.)
akbarnazarov@mail.ru

Nazarov Davron Akbarovich

assistant of the chair of physics, telecommunications and technical disciplines
Technological university of Tajikistan
734061, Republic of Tajikistan, Dushanbe, N. Karabaev, 63/3
Ph.: (+992) 907 96 00 06 (m.)
davronnazarov@inbox.ru

In condition of the crisis of the financial system and the pandemic, the unemployment rate is growing every year around the world, including in the Republic of Tajikistan. In this regard, the problem of forecasting and managing labor resources is becoming increasingly important and its solution is an urgent task. To solve this problem, it is necessary to review the methods of forecasting and management of the labor market, on the basis of which the most suitable of them is selected.

Forecasting provides a quantitative and qualitative assessment of the demand and demand for labor. In a market economy, the role of forecasting in the regulation and management of employment of the population is increasing. It ensures the adoption of the correct and balanced decision to determine the most rational balance between demand and supply, which will reduce the number of unemployed.

For the development of forecasts, a number of tools are currently used, that is, forecasting methods and models. In forecasting the state of the labor market, methods of mathematical or computer modeling are widely used.

The proposed classification of methods for modeling forecasting and labor market management provides a solution to this problem in a different context. The effectiveness of mathematical modeling methods lies in providing accurate and reliable forecasts, on the basis of which recommendations for labor market regulation can be made.

Keywords: competition; demand; sentence; methods; modeling; regulation; models; hypothesis; indicators.

**ИНТИХОБИ УСУЛИ ТАНЗИМИ БОЗОРИ МЕҲНАТ ДАР АСОСИ
БАРРАСИИ УСУЛҲОИ ДУРНАМОСОЗӢ ВА ТАНЗИМ**

Ли Игор Тхя-Дюнович

Номзади илмҳои техникаӣ,
дотсенти кафедраи информатика ва технологияҳои иттилоотӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 907 90 68 18 (м.)
Leer1942@mail.ru

Назаров Акбар Шарифович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи технологияҳои иттилоотӣ ва ҳифзи иттилооти
Донишгоҳи техникии Тоҷикистон ба номи акад. М.С. Осимӣ
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. акад. Раҷабовҳо, 10
Тел.: (+992) 907 54 60 06 (м.)
akbarnazarov@mail.ru

Назаров Даврон Акбарович

Ассистенти кафедраи физика, телекоммуникатсия ва фанҳои техникӣ
Донишгоҳи технологии Тоҷикистон
734061, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Н. Қарабоев, 63/3
Тел.: (+992) 907 96 00 06 (м.)
davronnazarov@inbox.ru

Дар шароити бӯхрони низоми молиявӣ ва пандемия сатҳи бекорӣ сол то сол дар тамоми ҷаҳон, аз ҷумла дар Ҷумҳурии Тоҷикистон низ боло рафта истодааст. Вобаста аз ин мушкилот дурнамасозӣ ва идоракунии захираҳои меҳнатӣ аҳамияти зиёдтар касб карда, ҳал намудани он вазифаи мубрам мебошад. Барои ҳалли вазифаи мазкур баррасӣ намудани усулҳои дурнамасозӣ ва идоракунии бозори меҳнат лозим аст, ки дар асоси ин мусоидтарини онҳо интихоб карда мешавад.

Дурнамасозӣ ин баҳодиҳии миқдор ва сифати талабот ва пешниҳод нисбат ба қувваи корӣ мебошад. Дар шароити иқтисоди бозорӣ нақши дурнамасозӣ дар танзим ва идоракунии шуғли аҳоли пурзӯр мегардад. Он қабули қарорҳои дуруст ва баркашидаро доир ба муайян сохтани муносибатҳои оқилона дар байни талабот ва пешниҳодот таъмин мекунад, ки ин барои кам кардани миқдори бекорон имкон медиҳад.

Барои коркард намудани дурнамоҳо дар давраи ҳозира як қатор асбобҳо, яъне усулу амсилаҳои дурнамасозӣ истифода бурда мешаванд. Дар дурнамасозии вазъи бозори меҳнат усулҳои амсиласозии математикӣ ё компютерӣ маъмул гаштаанд.

Таснифоти дар кори мазкур пешниҳодшудаи усулҳои амсилагирии дурнамасозӣ ва идоракунии бозори меҳнат ҳал намудани ин масъаларо аз дидгоҳҳои гуногун таъмин месозад. Самаранокии усулҳои амсилагирии математикӣ дар таъмини дурнамоҳои аниқу амиқ зоҳир мегардад, ки дар асоси онҳо доир ба танзими бозори меҳнат тавсияҳо дода мешаванд.

Калидвожаҳо: рақобат; талабот; пешниҳод; усулҳо; амсилагирӣ; танзим; амсила; гипотеза; нишондиҳанда.

УДК 330.341.424:332.1(575.3)

ИСТОРИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ТАДЖИКИСТАНА

Икромов Джовид Зафар

Кандидат экономических наук,
заведующий отделом экономики
Аппарат Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 42
ikromov@yahoo.com

Шамсуддинов Абдулфайозиддин Хайрович

Старший преподаватель кафедры экономической теорий и мировой экономики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+99237) 227 15 71
f.snamsuddin@mail.ru

Целью настоящей статьи является исследование истории становления и развития промышленности в Таджикистане в период 1917-1990 гг. В ходе исследования был использован диалектический подход к познанию социальных явлений, который в итоге и определил выбор конкретных методов исследования: компаративный и ретроспективный. Сделан вывод, что, несмотря на то, что республика не прошла классического пути индустриализации, промышленный прогресс как в Таджикистане, так и во всем регионе Средней Азии, несомненно, был очень существенным. Однако именно быстрый рост в сельском хозяйстве был ключевым элементом прогресса республики и региона. Отличительной особенностью их опыта было постоянное преобладание сельского сектора, что обусловило отсутствие необходимости эмиграции населения из сельских районов. В статье впервые на основе использования широкого спектра научных и статистических материалов исследована роль СССР в индустриализации советского Таджикистана. Основные положения и выводы работы могут быть использованы при рассмотрении вопроса дальнейшей реиндустриализации экономики страны.

Ключевые слова: промышленность; Таджикистан; СССР; индустриализация; сельское хозяйство; заводы; народное хозяйство; коллективные хозяйства.

Принимая во внимание важность развития промышленности для решения социально-экономических проблем и создания рабочих мест, 26 декабря 2018 года Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в своем послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан объявил «ускоренную индустриализацию страны» четвертой стратегической целью до 2030 года.

Учитывая относительно недавнюю историю промышленного зарождения Таджикистана, для всестороннего анализа данного сектора целесообразным является ретроспективный анализ того, как вообще зародилась эта отрасль в стране.

Историками Таджикистана проведена большая работа по изучению и обобщению истории советского строительства в республике, в результате чего была накоплена существенная по своему объему литература.

Анализ этих научных трудов свидетельствует, что в периодизации истории становления и развития промышленности, а также в оценке аграрной политики в послевоенный период Таджикистана все еще остаётся много вопросов.

В настоящей работе, хронологически относящейся к периоду с 1917 по 1990-е гг., рассматривается история становления и развития промышленности в Таджикистане.

Обзор научной литературы

Невозможно изучить процесс изменений в любом обществе в современную эпоху, не исследуя его историческую обстановку. Создание междисциплинарной структуры, которая сначала объединяет элементы этнической истории, социальной антропологии и сравнительного политического развития, имеет очевидные преимущества, когда дело доходит до анализа такого сложного и древнего общества, как Таджикистан.

На основе богатой источниковедческой базы таджикскими учеными созданы монографические исследования по истории Таджикистана 40-х – 80-х годов. Первые научные труды, подводящие некоторые итоги изучения истории таджикского народа, появились в 40-е годы, в 50-е годы таких публикаций стало гораздо больше. По своему содержанию и поставленным их авторами задачам они носили в значительной степени проблемно-обзорный характер.

С появлением в начале 60-х годов более обстоятельных обобщающих работ по истории таджикского советского общества и колхозного крестьянства [17, с.8] в разработке проблемы были достигнуты ощутимые успехи. Прежде всего, из приведенных авторами материалов видно, что в период войны основной отрасли сельского хозяйства республики - хлопководству - был нанесен значительный ущерб.

Развитию колхозного строительства и сельскохозяйственного производства также были посвящены работы Б.Г.Гафурова [4] и С.Гулямова [5]. Эти авторы ограничили свою задачу исследованием истории одной, но главной отрасли сельского хозяйства Таджикистана – хлопководства, оставляя «за бортом» другие отрасли народного хозяйства.

В конце 60-х – начале 70-х годов прошлого столетия появляются работы, посвященные экономическому, особенно промышленному развитию Таджикистана, в которых главное внимание уделялось исследованию массового социалистического соревнования [6, с.3-16; 1]. Новыми для тогдашнего Таджикистана являлись исследования, заложившие начало научной разработке вопроса технического прогресса и его роли в развитии народного хозяйства республики [11].

С приобретением Таджикистаном в 1991 г. независимости начинается новый период в развитии таджикской исторической науки. В этот период появились работы, в которых гораздо объективнее освещался путь, пройденный Таджикистаном за 70 лет советской власти [3; 7; 10; 12;13].

До распада Советского Союза западные ученые пренебрегали Таджикистаном по ряду причин. Его удаленное географическое положение делало физический доступ в республику практически невозможным для иностранцев. В связи с тем, что Таджикистан граничит с Афганистаном и Китаем и имеет на своей территории обширную сеть стратегических объектов, включая урановые рудники и ракетные базы, поток информации, исходящий во внешний мир из Таджикистана и о Таджикистане, подвергался жесткой цензуре и был скудным.

На практике, однако, соображения прагматизма и целесообразности определили курс экономической модернизации в Центральной Азии. Другие эксперты часто уделя-

ют особое внимание геостратегическим факторам, таким как близость Китая, в качестве причины, по которой Советы стремились поддержать экономическую модернизацию в Центральной Азии [20, с.112].

Исследование истории развития индустриализации в новых реалиях, без политической цензуры и, что еще важнее, с учетом постановок новых стратегических задач по ускоренной индустриализации экономики Таджикистана к 2030 году, на наш взгляд, может способствовать лучшему и более детальному пониманию истории данного вопроса.

В Таджикистане процесс индустриализации берет свое начало с присоединения региона Средней Азии к составу Российской империи в 1866 году и образования Туркестанского края.

К этому моменту, Российская империя считалась огромной континентальной державой, с территорией 16 млн.кв² и с населением около 70 млн человек, нуждающихся в одежде, сырьем для которого служил хлопок и которого у самой Российской империи не имелось. Импортировался хлопок из США. Однако гражданская война в этой стране в 1861-1865 гг. существенно снизила поставки продукта в Европу.

Кроме всего прочего, именно данное обстоятельство стало поводом для завоевания Средней Азии, где благодаря природно-климатическим условиям хлопок был в достатке [3]. Данное обстоятельство стало первым толчком к индустриализации Средней Азии, в том числе и Таджикистана, со стороны русского капитала.

До Октябрьской социалистической революции Таджикистан был страной самого отсталого примитивного сельского хозяйства. Главным орудием производства таджикского крестьянина являлись кетмень и деревянная соха – омач¹.

Доступная статистика промышленности свидетельствует о том, что в 1913 году в республике добывалось всего 28 тыс.тонн угля и 9,7 тыс.тонн нефти². Производство электроэнергии отсутствовало, равно как и производство цемента и другой промышленной продукции.

Протяженность железных дорог к 1913 году уже составила 106 км., и по ним экспортировалось 130 тыс.тонн и импортировалось всего 42 тыс.тонн грузов.

В 1913 г. на кустарных предприятиях насчитывалось немногим более 200 промышленных рабочих³.

Всего же ближе к концу распада Российской империи на территории современного Таджикистана насчитывалось 29 предприятий, которые целиком были сосредоточены только в северной части республики, и в которых были заняты всего 838 человек [18, с.10; 19].

Советский Таджикистан унаследовал крайне отсталое хозяйство: господствовали феодально-патриархальные производственные отношения, где промышленность была представлена кустарными промыслами [18, с.10].

Учитывая данное обстоятельство, вплоть до 1940-х годов по отношению к Таджикистану проводилась политика, направленная на преодоление «вековой отсталости», так как в республике позже всех началась индустриализация, и доля промышленных рабочих была намного меньше, чем в других республиках СССР.

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: Огиз: Госполитиздат, 1939. С.163

² Статистические динамические ряды за 1913-1951 годы // РГАЭ. Ф.1562. Оп.41. Д.65. С.284-287.

³ XIX съезд ВКП(б) / КПСС. 5-14 октября 1952 г. Стенограммы и материалы. С.247.

23 ноября 1926 года в Душанбе состоялось открытие первого промышленного предприятия – хлопкоочистительного завода, который знаменовал собой точку отсчета создания промышленности современного Таджикистана [20].

Через год, в 1927 году, были сданы в эксплуатацию Кулябский и Курган-тюбинский хлопкоочистительные заводы. В 1928 году в Душанбе началось строительство шелкоткальной фабрики, которая была сдана в эксплуатацию в 1932 году. В 1936 году принимается решение о строительстве текстильного комбината в Душанбе с выделением на эти цели 68 миллионов рублей. В декабре 1936 года начала свою работу Варзобская ГЭС, которую смело можно считать первенцем гидроэнергетики Таджикистана [20].

Если до 1913 года не было выработано ни одного кв.часов электроэнергии, то в 1940 году данный показатель составил уже 62,1 млн.кв.часов, из которых 38,8 млн.кв.часов потреблялось промышленностью¹.

Добыча нефти и газа в республике увеличилась с 9,7 тыс.тонн в 1913 году до 18,9 тыс.тонн в 1932 году и около 30 тыс.тонн в 1940 году. Добыча угля увеличилась с 28 тыс.тонн в 1913 году до 204,2 тыс.тонн к 1940 году, или в 7,3 раза за 27 лет².

К 1933 году в Таджикистане уже начитывалось 97 относительно крупных промышленных предприятий с валовой продукцией 55,3 млн.рублей и среднегодовым числом промышленных рабочих 7 734 человек³.

Для сравнения отметим, что в 1933 году в Киргизской ССР число подобных предприятий составляло 107 с валовой продукцией 61,7 млн.рублей и среднегодовым числом промышленных рабочих 11 630 человек; в Туркменской ССР – 209, 17 436 и 128,9 млн.рублей соответственно; в Узбекской ССР – 691, 67 757 и 661,7 млн.рублей соответственно⁴.

В развитие Таджикистана инвестировались огромные средства, и к 1932 году доля промышленности в экономике республики достигла 22% по сравнению с 6,6% четырьмя годами ранее [16, с.93]. Только с 1926 по 1939 гг. было построено свыше 100 предприятий тяжелой, легкой промышленности и агропромышленного комплекса⁵.

Темпы роста общего объема продукции промышленности Таджикистана в 1940 году к 1922 году составили 46% – больше чем у всех других республик вместе взятых⁶.

Индекс физического объема валовой продукции всей промышленности Таджикистана в 1940 году (к 1913 году) достиг 8,7 раза. Данный показатель в Туркменской ССР составлял 8,6 раз; в Узбекской ССР – 4,7 раз; а в Казахской – 7,9 раз⁷.

Индекс физического объема валовой продукции крупной промышленности Таджикистана в 1940 году (к 1913 году) увеличился на 308 раз. Данный показатель по республике составлял больше, чем у всех республик СССР вместе взятых⁸.

Таким образом, к началу военных лет в Таджикистане были построены и пущены в работу кожзавод, мясокомбинат, механический завод, хлебозавод, молокозавод, цемза-

¹ Промышленность СССР. М.: Изд-во "Статистика", 1964. С.94.

² Статистические динамические ряды за 1913-1951 годы // РГАЭ. Ф.1562. Оп.41. Д.65. С.100.

³ СССР в цифрах в 1981 году (Краткий статистический сборник) // Финансы и Статистика. М., 1982. С.25.

⁴ Статистические динамические ряды за 1913-1951 годы. С.100.

⁵ Первенцы таджикской промышленности // ASIA-Plus. URL: <http://www.asiaplus.tj/ru/news/tajikistan/society/20161209/perventsi-tadzhikskoi-promishlennosti> (дата обращения: 15.12.2020).

⁶ Статистические динамические ряды за 1913-1951 годы. С.102.

⁷ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник // Финансы и статистика. М., 1987. С.201.

⁸ Там же.

вод, швейная фабрика, шелкомотальная фабрика, деревообрабатывающий комбинат, авторемзавод, полиграфкомбинат, винзавод, пивзавод, завод «Трактородеталь», Варзобстрой, Шурабуголь, хлопкоочистительный завод и др.

В стране была создана сеть промышленных предприятий по более чем 20 отраслям, в совокупности 273 крупных промышленных предприятия [18; 19, с.16]. Валовая продукция промышленности республики в ценах 1926/27 гг. выросла с 37 млн.рублей в 1913 году до 321 млн.рублей в 1940 году¹. В 1940 году среднегодовая численность персонала в них составила 31 тыс.человек².

Несмотря на достигнутые успехи до 1940 г., промышленность Таджикистана к тому моменту, была только на этапе становления и сталкиваясь с дефицитом квалифицированных рабочих.

Вторая мировая война нарушила закономерное развитие страны и поставила советский народ перед необходимостью мобилизовать все силы и средства. В связи с временной потерей некоторой европейской части огромной страны возросла роль таких восточных районов СССР, как Поволжье, Урала, Западная Сибирь, Казахстан и Средняя Азия. В этой связи были выработаны планы по переводу народного хозяйства этих частей страны на военные рельсы [7, с.51].

Именно поэтому, в отличие от европейской части СССР, Таджикистан начал наращивать свой промышленный потенциал. Этому поспособствовала эвакуация существенной части промышленных предприятий вглубь, а именно в республики Средней Азии, в том числе и в Таджикистан, где количество таких промышленных предприятий к 1942 году достигло 250 единиц.

В связи с военной перестройкой особо остро встал вопрос бесперебойной работы транспорта и обеспечения промышленных предприятий топливом. Мощность электростанций, имевшихся в республике, не удовлетворяла полностью потребности в электроэнергии промышленности, коммунального хозяйства и населения. Еще острее этот вопрос встал в связи с размещением в республике эвакуированных предприятий. И именно с этого времени в Таджикистане начинаются планомерное развитие электроэнергетики, систематическое освоение гидроэнергетических ресурсов.

20 мая 1943 г. началось сооружение Нижневарзобской ГЭС с проектной мощностью 13,1 тыс. кВт. Ввод ее в действие намечался на конец 1944 г.

Одновременно было начато сооружение узкоколейной железной дороги от Варзобского района до Зиддов. В 1943 г. приступила к работе малая ГЭС в Калининбаде.

На предприятии «Шурабуголь» была построена ТЭЦ, снабжающая энергией все шахты. В том же году началось строительство коммунальных гидроэлектростанций в Ура-Тюбе (ныне Истаравшан), Нау (ныне Спитамен), Курган-Тюбе (ныне Бохтар), Кировабаде, Комсомолабаде (ныне Нуробод) и Кулябе.

Таким образом, мощность всех электростанций в республике к концу войны достигла 26,5 тыс. кВт по сравнению с 21,8 тыс. кВт в 1940 г. Производство электроэнергии увеличилось с 62,1 млн.кв.ч. в 1940 году до 72,1 млн.кв.ч. в 1945 году; до 169,5 млн.кв.ч в 1950 году; и до около 300 млн.кв.ч в 1955 году [7, с.174].

Неизмеримо возросла роль топлива как необходимого условия для развития промышленности и всего народного хозяйства. Учитывая это, были введены в эксплуатацию новые шахты.

¹ Статистические динамические ряды за 1913-1951 годы. С.284.

² СССР в цифрах 1935 г. ЦУНХУ Госплана СССР // СОЮЗОРГУЧЕТ. М., 1935. С.113.

Если в 1937 году добыча угля составила 18 тыс. тонн, то этот показатель в 1940 году составил 204 тыс. тонн; в 1945 г. – 244 тыс. тонн; 1950 г. – около 450 тыс. тонн; а к 1955 году – около 600 тыс. тонн¹.

В 1940-х годах началось освоение богатых урановых месторождений в Ленинабадской области. Производство расщепляющихся материалов на гигантском заводе ВОСТОКРЕДМЕТ, расположенном в городе Чкаловск (ныне Бустон), сыграло решающую роль в успехе советской ядерной программы.

Усиление энергетической базы обеспечило необходимые условия для улучшения работы промышленных предприятий Таджикистана, укрепления военной экономики республики.

Тяжелая промышленность. С 1941 по 1962 гг. капитальные вложения в промышленность республики составила 1 114,8 млн. рублей, что составляет 0,5% от общего вложения по всей СССР². Темпы роста общего объема продукции промышленности с 1940 по 1970 гг. достигала 9,9.

С 1951 по 1955 гг. в Таджикистане были введены в строй 23 крупных промышленных предприятия и цеха, в том числе бетонный и деревообделочный заводы и завод ЖБК в Душанбе, развернулось строительство Перепадной и Кайраккумской ГЭС [13, с.7-8].

В течение 60-х годов в Таджикистане были сданы в эксплуатацию 125 крупных промышленных предприятий и цехов в городах Душанбе, Гулистан (тогдашний Кайраккум), Худжанд и нынешний Бохтар. Были созданы новые отрасли промышленности – машиностроительная и электротехническая [12, с.8-9].

В результате крупных капиталовложений к 1970 году изменился весь облик республики. Сделан большой шаг в дальнейшем индустриальном развитии. Появилось много новых предприятий. В целом же с 1913 по 1970 год валовая продукция промышленности Таджикистана выросла в 87 раз [20].

К 1970 году промышленные предприятия Таджикской ССР выпускали трансформаторы, кабельные изделия, низковольтную электроаппаратуру, хлопкоочистительное оборудование, ткацкие станки, бытовые холодильники, цемент, шерстяные ковры, хлопчатобумажные и шелковые ткани и много др. видов продукции.

Этап четвертый: 1970-1990 гг. Несмотря на успехи, достигнутые в вышеуказанный период, к началу 70-х годов в число приоритетных задач вошла скорейшая эксплуатация Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса (ЮТТПК), в состав которого входили: Нурекская ГЭС, алюминиевый завод и электрохимкомбинат.

Важность этих объектов заключалась во введении в оборот сотен тысяч гектаров орошаемых земель для хлопководства, дешевой электроэнергии в больших количествах, а также в выпуске ценной промышленной продукции.

С этого момента у республики начинают возникать проблемы с Москвой. Несмотря на то, что имелись схемы всех будущих гидроэлектростанций на реке Вахш, строительство каждой очередной ГЭС начиналось почти заново – приходилось доказывать его необходимость по многочисленным инстанциям, как это было с Сангтудинской ГЭС [14, с.309].

К 1990 году планировалось ввести в действие мощности на Рогунской ГЭС и начать строительство Сангтудинской ГЭС. Планировалось продолжить сооружение Яванского электрохимического завода и завершить строительство Таджикского алюминиевого завода. Планировалось также развернуть строительство Таджикского золоторудного ком-

¹ Промышленность СССР. Статистический сборник. М.: Госстат изд-во, 1957. С.146.

² Там же. 1964. С.74.

бината и завода по производству аккумуляторов в г. Кулябе. Построить пряядильно-ткацкие фабрики в Канибадаме, Кулябе и в Файзабадском районе. Начать строительство Памирской ГЭС и железной дороги Курган-Тюбе – Куляб¹.

С энергетикой было связано также решение продовольственной безопасности Таджикистана, так как, несмотря на малоземельность республики, свыше 1,5 млн. га земли по всей стране можно еще было орошить и использовать.

Актуальность проблематики целесообразного и максимального использования земель по республике также была связана с тем, что темпы роста населения превышали темпы освоения новых земель. Если бы ежегодно вводили в сельхозоборот 15-20 тысяч гектаров орошаемых площадей и 3 тысячи гектаров богарных земель, то республика в перспективе могла бы превратиться из импортёра в экспортёра свежих овощей и фруктов. Однако эти возможности недостаточно учитывались соответствующими ведомствами и самой республикой, и СССР. Многие из того, что планировалось в 1986 году, к 1990 году так и не было доведено до завершения по причине наличия социально-политических проблем [16].

Несмотря на вышеуказанные проблемы, справедливости ради стоит отметить и успехи, достигнутые за этот период. В частности, начиная с 1970-х годов, экономика Таджикистана последовательно приобретала индустриальный характер.

Именно в этот период формировался Южно-Таджикский территориальный производственный комплекс, который считался сердцевинной экономики страны, куда к 1975 году были вложены 820 млн.рублей. Все его объекты – это крупные уникальные стройки.

К 1980 году основные объекты этого комплекса полностью вступили в строй, а его энергетической основой была Нурекская ГЭС. Вступили в строй также другие крупнейшие объекты промышленности по всей стране [23]:

- предприятия электроэнергетики – Нурекская, Байпазинская, Хорогская и Намадгутская гидроэлектростанции, Яванская ТЭЦ. Производство электроэнергии выросло до 15,7 млрд. квт-ч в 1987 году.
- энергоёмкие отрасли тяжелой промышленности – Таджикский алюминиевый завод, Яванский электрохимзавод².

Из машиностроительной отрасли начали работу завод по ремонту вычислительной техники и авторемонтный (дизелей) завод г. Душанбе, завод газовой аппаратуры в г.Худжанде и ремонтно-механический завод в г. Яване.

Среднегодовая численность промышленно-производственного персонала в промышленности увеличилась с 31 тыс.человек в 1940 году до 222 тыс.человек в 1987 году, или в 14 раз³.

Темпы роста производительности труда в промышленности с 1940 гг. по 1986 гг. в Таджикской ССР возросли с 193 до 349. Темпы роста валовой продукции сельского хозяйства республики увеличились с 1,7 в 1960 году до 4,8 в 1986 году⁴.

За 1986-1990 гг. увеличилось производство промышленной продукции на 23-26% при опережающем развитии электроэнергетики, химической, легкой и пищевой промышленности, машиностроения.

¹ XXVII съезд ЦК КПСС. 25 февр. – 6 марта 1986 г. Стенографический отчет: в 3 т. Т.2. М.: Политиздат, 1986. С.283.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. 1987.

³ Промышленность СССР. С.113.

⁴ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. 1987.

Таким образом, к началу 1990-х годов промышленность Таджикистана состояла из 169 отраслей и подотраслей, которые выпускали более 2500 разновидностей продукции, а удельный вес отраслей тяжелой промышленности Таджикистана увеличился с 7,0% в 1970 году до около 20% в 1990 году.

Можно смело отметить, что 1970-1990 гг. были периодом промышленного бума в Таджикистане. Учитывая достигнутые успехи в индустриализации страны, ООН в середине 80-х годов XX века прогнозировала, что Таджикистан к 90-м годам может стать промышленно развитым государством [22, с.44].

Таким образом, подводя итоги анализа истории становления и развития советской промышленности в Таджикистане за 1886-1991 гг., необходимо заключить следующее:

1. Ретроспективный анализ имеющихся статистических данных позволил сформировать авторскую периодизацию становления и развития промышленности Таджикистана с выделением четырех условных этапов:

а) до 1917 года: отсталое хозяйство с повсеместными феодально-патриархальными производственными отношениями, с кустарными промыслами. Малочисленные промышленные предприятия находились только в северной части Таджикистана и несколько подобных предприятий в Душанбе. Ни одного промышленного предприятия в Хатлонской, РРП и тем более в ГБАО не было.

б) 1917-1940 гг. Это первый этап развития Таджикистана как самостоятельной республики, характерной чертой которого является массовая механизация всех отраслей промышленности с приоритетным развитием продукции сельского хозяйства и на этой основе – пищевой и легкой промышленности.

в) 1940-1970 гг. Отличительной чертой данного периода является смещение акцента развития экономики с сельского хозяйства на равномерное развитие всех отраслей промышленности и прежде всего топливно-энергетического комплекса.

г) 1970-1991 гг. За этот период Таджикистан окончательно трансформировался из отсталой окраины СССР в основной источник снабжения хлопком и в то же время в индустриальный центр, обеспечивающий население всего государства основными потребительскими товарами.

2. Модернизация Таджикистана в первой половине XX века, задуманная и реализованная как процесс принудительной индустриализации, привела к двум роковым изменениям:

Во-первых, она разрушила местный экономический механизм, который органически сочетал ремесленное и кустарное производство с одной стороны и современное фабричное производство – с другой.

В середине 30-х годов все частные и семейные предприятия в Таджикистане были закрыты или национализированы. Доля кооперативов в промышленном производстве к 1940 году снизилась до 15,3% и стабилизировалась на уровне 3% в послевоенный период.

Во-вторых, акцент на выращивание хлопка в Таджикистане был вызван двумя основными факторами: а) оптимальными климатическими условиями; б) неустанными усилиями Москвы по достижению самообеспеченности этим стратегическим товаром [24].

В целом, эта задача была выполнена примерно к 1950 году, когда Советский Союз собрал в пять раз больше хлопка-сырца, чем имперская Россия в 1913 году [2, с.319].

Хлопок в Таджикистане привел к резкому сокращению основных культур и растущей зависимости от импорта продовольствия из других частей СССР.

3. Анализ истории становления промышленности в Таджикистане позволяет сделать вывод о том, что республика не прошла классического пути индустриализации. Про-

мышленное развитие как в Таджикистане, так и во всем регионе Средней Азии, несомненно, был очень существенным, но быстрый рост в сельском хозяйстве был ключевым элементом прогресса республик региона. Отличительной особенностью их опыта было постоянное преобладание сельского сектора, что обусловило отсутствие необходимости эмиграции из сельских районов [21, с.102-103].

Литература

1. Ахмедов Ш. Из истории развития социалистического соревнования в промышленности Таджикистана (1936-1968 гг.). – Душанбе, 1975. – 132 с.
2. Ахмедов В. КПСС в борьбе за интенсификацию хлопководства. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 319 с.
3. Бушков В.П., Микульский Д-В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане. – М., 1997. – 109 с.
4. Гафуров Б.Г. Партийные организации Таджикистана в борьбе за подъем хлопководства. – М., 1955. – 181 с.
5. Гулямов С. Партийные организации Таджикистана и вопросы хлопководства. – Сталинабад, 1959. – 243 с.
6. Дриккер Х. Основные этапы и особенности формирования рабочего класса в Таджикистане // Изв. АН Тадж. ССР. – 1969. – №1. – С.3-16.
7. История таджикского народа. Т. VI. (Новейшая история). – Душанбе: Империял-Групп, 2011. – 351 с.
8. История таджикского народа. – М., 1965. – Т.3, ч.2. Очерки истории Компартии Таджикистана. – Душанбе, 1962. – 121 с.
9. Каюмов Н.К. «Локомотивы» преодоления системного кризиса в Таджикистане // Проблемы выживания и устойчивого развития Таджикистана: материалы семинара. – Душанбе, 1996. – С.73-79.
10. Кенджаев С.К. Переворот в Таджикистане. – Душанбе, 1996. – 303 с.
11. Мамадазимов А. Новый Таджикистан: вопросы становления суверенитета. – Душанбе, 1996. – 189 с.
12. Мамаджанова С.М., Мукимов Р.С. Зарождение современной промышленной архитектуры Таджикистана (1924-1980-е годы) // Вестник ТГУПБП. – 2017. – №3 (72). – С.8-9.
13. Нарзикулов И. Значение технического прогресса в колхозном строительстве. – Душанбе, 1971. – 272 с.
14. Очерки истории колхозного строительства в Таджикистане (1917-1965). – Душанбе, 1968. – 217 с.
15. Проблемы Таджикистана // Труды конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР. Вып. 1. – Л.: Изд-во АН СССР, 1933. – С.23–26.
16. Рахматуллоев А., Мухторов С. Исторические очерки Таджикской ССР. – Душанбе: Маориф, 1989. – 93 с.
17. Скоробогатов И. Компартия Таджикистана в борьбе за развитие народного хозяйства и культуры в послевоенный период. – Душанбе, 1963. – 101 с.
18. Хоналиев Н. История развития и размещения промышленности Таджикистана в 1924-2005 гг.: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / Хоналиев Назарали Хоналиевич. – Душанбе, 2009. – 53 с.
19. Шерматов Г. Первенцы таджикской промышленности // Asia-Plus. – 2016. – 9 дек.
20. Hélène Carrère d'Encausse, Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republic in Revolt. – New York: Newsweek Books, 1982. – P.112.
21. Khan A.R., Dharam G. Collective agriculture in Soviet Central Asia // World Development. – 1979. – Vol.7, issues 4-5. –P.102-103.
22. Lipovsky I. The Central Asian Cotton Epic // Central Asian Survey. – 1995. – Vol.14. – №4. – P.534.

23. Miramonov F.M. East Asian industrial policy: implications for Tajikistan in the world trade organization era: master's dissertation. – Ritsumeikan, 2014. – 82 p.
24. Nourzhanov K., Bleuer C. Tajikistan: a political and social history // ANU Press. – 2013. JSTOR. URL: www.jstor.org/stable/j.ctt5hgxx8
25. Teresa Rakowska-Harmstone. Russia and nationalism in Central Asia: The Case of Tajikistan. – Baltimore-London: The Johns Hopkins Press, 1970. – 177 p.

HISTORY OF INDUSTRIALIZATION OF THE ECONOMY OF TAJIKISTAN

Ikromi Jovid Zafar

Candidate of economical sciences,
head of the department of economics
Apparatus of the Majlisi Milli of Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 42
ikromov@yahoo.com

Shamsuddinov Abdulfayoziddin Khairovich

Senior lecturer of the chair of economic theories and world economy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992 37) 227 15 71
f.snamsuddin@mail.ru

The purpose of this article is to study the history of the formation and development of industry in Tajikistan in the period 1917-1990. In the course of the study, a dialectical approach to the cognition of social phenomena was used, which ultimately determined the choice of specific research methods: comparative and retrospective. It is concluded that, despite the fact that the republic did not go through the classical path of industrialization, industrial progress both in Tajikistan and in the entire region of Central Asia, undoubtedly, was very significant. However, it was precisely the rapid growth in agriculture that was the key element in the progress of the republic and the region. A distinctive feature of their experience was the constant predominance of the rural sector, which made it unnecessary for the population to emigrate from rural areas. For the first time, the article explores the role of the USSR in the industrialization of Soviet Tajikistan based on the use of a wide range of scientific and statistical materials. The main provisions and conclusions of the work can be used when considering the issue of further re-industrialization of the country's economy.

Keywords: industry; Tajikistan; USSR; industrialization; agriculture; factories; national economy; collective farms.

ТАЪРИХИ САНОАТИКУНОНИИ ИҚТИСОДИ ТОҶИКИСТОН

Икромӣ Ҷовид Зафар

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
мудирӣ шуъбаи иқтисодии
Дастгоҳи иҷроияи Маҷлиси миллии Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 42
ikromov@yahoo.com

Шамсуддинов Абдулфайозиддин Хайрович

Муаллими калони кафедраи назарияи иктисодӣ ва иктисоди ҷаҳонӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+99237) 227 15 71
f.snamsuddin@mail.ru

Мақсади мақолаи мазкур аз таҳқиқ намудани таърихи ташаккул ва рушди саноат дар Тоҷикистон дар давраи солҳои 1917-1990 иборат аст. Дар рафти таҳқиқот муносибати диалектикӣ нисбат ба дарки ҳодисаҳои иҷтимоӣ истифода шудааст, ки он дар натиҷа интиҳоби усулҳои мушаххаси таҳқиқот: компаративӣ ва ретроспективиро муайян сохт. Хулоса карда мешавад, ки, новобаста аз он, ки ҷумҳурӣ роҳи классикии саноатикунониро тай накардааст, пешрафти саноатӣ ҳам дар Тоҷикистон, ҳам дар тамоми минтақаи Осиёи Миёна, бешубҳа хеле бориз буд. Аммо маҳз рушди босуръат дар хоҷагии деҳот унсури калидии пешрафти ҷумҳурӣ ва минтақа маҳсуб меёбад. Хусусияти фарқкунандаи таҷрибаи он давра дар бартарияти мунтазами бахши кишоварзӣ буд, ки ин набудани заруратро ба муҳочиршавии аҳоли аз ноҳияҳои деҳотӣ тақозо мекард. Дар мақола бори нахуст дар асоси истифодабарии миқдори зиёди маводҳои илмӣ ва омӯри нақши ИҚШС дар саноатикунонии Тоҷикистони шӯравӣ таҳқиқ карда шудааст. Муқаррарот ва хулосаҳои асосии кор метавонанд дар рафти баррасӣ шудани масъалаи саноатикунонии иктисоди кишвар истифода бурда шаванд.

Калидвожаҳо: саноат; Тоҷикистон; ИҚШС; саноатикунонӣ; хоҷагии деҳот; заводҳо; хоҷагии халқ; хоҷагиҳои коллективӣ.

УДК 332.834.13

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИПОТЕЧНОГО ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Хикматов Сафарали Хикматович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления государственными финансами
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 93 931 70 70 (м.)
UShikmatov@gmail.com

Рахимов Ромиз Рамазонович

Соискатель кафедры банковского дела
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 93 517 01 18 (м.)
maverick0180@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с ипотечным жилищным кредитованием как источником инвестиций для развития строительства жилой недвижимости. Выявлены преимущества и сдерживающие факторы развития инструментов рефинансирования кредитов, в том числе основанных на секьюритизации.

Показано, что процентные ставки по ипотечным жилищным кредитам в стране остаются на высоком уровне, что препятствует развитию данного направления в качестве источника инвестиций. Выявлена высокая концентрация валютных ипотечных кредитов в общем кредитном портфеле кредитных организаций, имеющая тенденцию роста за последние годы.

Обоснована авторская позиция относительно высоких рисков выдачи валютных ипотечных жилищных кредитов для населения и в целом для банковского сектора, которые могут привести к росту кредитных рисков.

Предложены конкретные меры по снижению процентных ставок по ипотечным жилищным кредитам через компенсирование части процентов кредитным организациям за счет государства; по активизации участия государства в проработке механизма налоговых вычетов для тех, кто получает жилищную ипотеку; оптимизации законодательства и системы налогообложения строительных компаний с целью ведения прозрачного учета, а также стимулирования к реинвестированию строительных компаний в строительство новых объектов за счет прибыли.

Ключевые слова: ипотечное жилищное кредитование; строительство жилой недвижимости; банки; кредитные организации; микрофинансовые организации; процентные ставки; источник инвестиций; секьюритизация.

Традиционное отношение населения нашей страны к жилью основано на принципе: жилье должно быть собственным и считается главным активом. На государственном уровне задача обеспечения населения собственным жильем является приоритетной, о

чем свидетельствует строительный «бум», который в настоящее время происходит в республике. Социальное значение наличия собственного жилья заключается в решении жилищной проблемы населения, снижения социальной напряженности, в свою очередь, экономическое значение заключается в том, что, благодаря жилищному строительству «более 60 различных направлений бизнеса активно развиваются» [5, с.33], обеспечивается работой население, увеличиваются налоговые отчисления в бюджет страны.

На макроэкономическом уровне ипотечный жилищный кредит предстает в качестве источника финансирования инвестиций в недвижимость, оказывающего благодаря действию инвестиционного мультипликатора положительный эффект на увеличение нормы инвестиционного потребления, на развитие практически всех отраслей экономики; стимулирующего экономический рост государства в целом.

Жилищное строительство в Республике Таджикистан осуществляется из различных источников, среди которых доля частных инвестиций занимает более 90%, остальная часть приходится на долю государства и кредитных организаций.

Говоря о частных инвестициях, мы имеем в виду инвестиции самих строительных компаний, а также инвестиции населения. Не секрет, что большая часть строительства жилья осуществляется за счет населения путем участия в доле строительства.

Другой источник инвестиций – участие банков через механизм жилищного ипотечного кредитования населения начал развиваться последние несколько лет. В основе этого процесса лежит ипотечный механизм жилищного инвестирования, выполняющий связующую роль между строительным комплексом, банковской системой и рынком финансового капитала.

Ипотечный механизм реализуется через систему ипотечного жилищного кредитования, которая представляет собой совокупность финансово-кредитных отношений, возникающих при взаимодействии домохозяйств и других субъектов на рынке ипотечного кредитования с целью финансирования приобретения жилья.

Воздействие ипотечного жилищного кредита на уровень предложения жилья, чистые инвестиции в него осуществляются, во-первых, посредством предоставления кредитов населению на строительство жилья; во-вторых, путем предоставления строительных кредитов застройщикам; в-третьих, через механизм цен на жилую недвижимость.

Одним из важных инвестиционных свойств ипотечного жилищного кредита является стимулирование жилищных сбережений для формирования первоначального взноса по кредиту, а также воздействие через механизм концентрации спроса на развитие строительного сектора экономики и рынка жилья в целом.

Долгосрочный и целевой характер ипотечного жилищного кредита формируют, с точки зрения банка, иную природу – инвестиционную, которая обуславливает особый характер всех стадий инвестиционного процесса. Стадия формирования ресурсов ориентирует кредитора, во-первых, на выбор долгосрочных источников ресурсов, во-вторых, на отработку механизмов их рефинансирования.

Формирование ресурсов на долгосрочной основе осуществляется либо на депозитной основе, либо через механизм, основанный на обращении ипотечных жилищных ценных бумаг. В данном случае целесообразно вести речь о прямой взаимосвязи кредита с инвестициями.

Институт ипотечного кредитования позволяет привлекать и трансформировать финансовые ресурсы в реальный сектор экономики через сферу недвижимости, строительство создавая капитал на базе ценных бумаг [4, с.4].

Инвестиционная природа ипотечного жилищного кредита проявляется не только в выдаче кредитов на покупку и строительство жилья, но и в механизме формирования

ресурсов посредством использования инструментов рефинансирования кредитов, в том числе основанных на секьюритизации.

Использование инвестиционных возможностей секьюритизации позволяет достичь диверсификации источников привлечения ресурсов в сферу ипотечного жилищного кредитования, более высокой доходности ипотечного бизнеса, повышения ликвидности и уменьшения рисков; на макроуровне механизм секьюритизации позволяет сгладить циклические колебания денежного рынка, обеспечить перераспределение капитала из капиталоемких зон в менее капиталоемкие, способствует стандартизации кредитного процесса и т.д.

В научной литературе можно найти немало дефиниций секьюритизации. Однако стоит отметить определение Х.П.Бэра: «Секьюритизация активов – это инновационная техника (способ) финансирования, при которой диверсифицированный пул финансовых активов выделяется (списывается) с баланса банка или иного предприятия, приобретает юридическую самостоятельность путем передачи специально созданному юридическому лицу (SPV), которое осуществляет его рефинансирование на международном рынке капиталов или денежном рынке посредством выпуска ценных бумаг. При этом речь идет о превращении малоликвидного, не обращающегося на рынке имущества в форму финансовых инструментов денежного рынка или рынка капиталов» [1, с.37].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день ни один банк в нашей стране не использует механизм секьюритизации как источник привлечения инвестиций для наращивания портфеля жилищной ипотеки. Основными сдерживающими факторами являются:

- сложности в реализации эмитированных облигаций из-за недостатка долгосрочных ресурсов на финансовом рынке Республике Таджикистан;
- отсутствие Закона Республики Таджикистан “О секьюритизации”;
- дороговизна операций секьюритизации вследствие отсутствия национальных рейтинговых агентств по оценке активов;
- необходимость повышенных требований к выделяемым активам в силу неустойчивого финансового положения заемщиков и др.

Как было указано выше основные инвестиции в строительство жилья осуществляются за счет населения в виде первоначального взноса и выплат на регулярной основе остаточной стоимости приобретаемого жилья, то есть участия в доле строительства. Это хороший инструмент, который имеет ряд преимуществ, но также не лишен недостатков. К преимуществам можно отнести следующее:

- доступ к бесплатным финансовым ресурсам для строительных компаний;
- привлечение клиентов и увеличение объемов продаж за счет предоставления рассрочки.

К недостаткам относятся:

- короткий срок предоставления рассрочки (до 2-х лет);
- сложности сбора выплат по рассрочке;
- финансовые ресурсы в полном объеме строительная компания получает не сразу.
- не все клиенты соответствуют требованиям по рассрочке, так как срок по рассрочке относительно не долгий что соответственно, существенно увеличивает ежемесячные платежи по рассрочке.

В сложившейся ситуации жилищный ипотечный кредит – одно из самых оптимальных решений как для покупателей, так и для продавцов (строительных компаний).

Статистические данные свидетельствуют о росте объемов ипотечных кредитов (см. рис. 1)¹. Необходимо отметить, что ипотечные кредиты предоставляются не только банками, но также и микрофинансовыми организациями (МФО) [6, с.18]. Несмотря на рост кредитного портфеля жилищных ипотечных кредитов, их объем остается на низком уровне. В 2019 году доля кредитного портфеля жилищных ипотечных кредитов от общего кредитного портфеля кредитных организаций страны составила – 2,19%. Это один из самых низких показателей среди стран СНГ. «К примеру, на начало 2018 года в кредитном портфеле физических лиц крупнейшего банка страны – ПАО «Сбербанк России», ипотека занимала 56,1% от совокупной величины портфеля» [8, с.61]. В Кыргызстане этот показатель равен 10,62%.

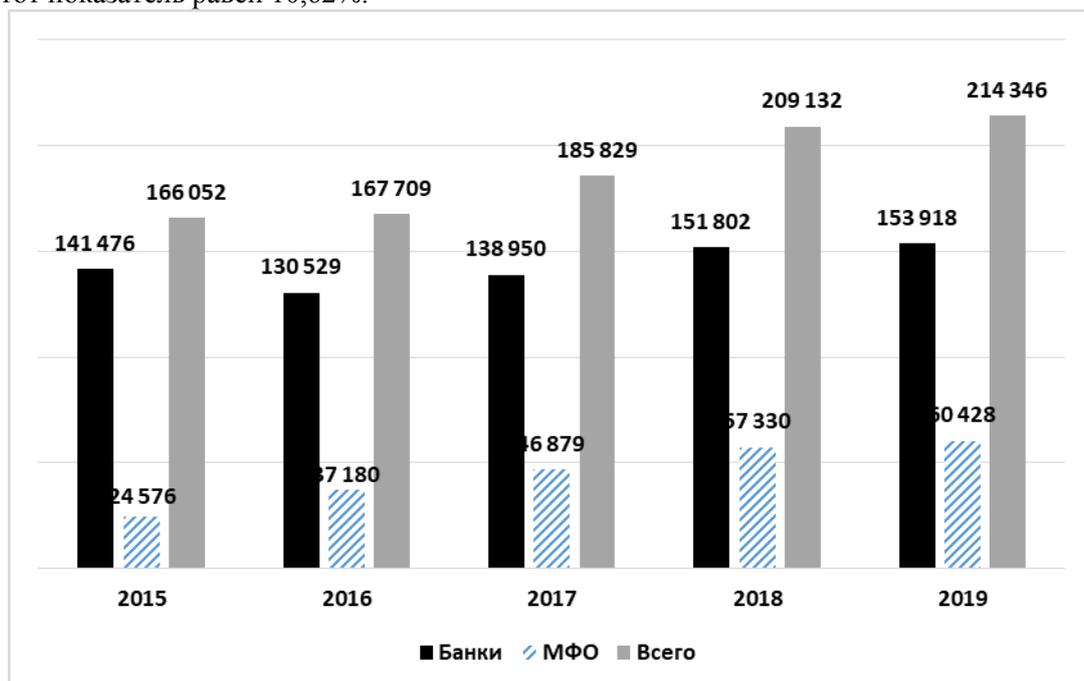

Рис. 1. Кредитный портфель ипотечных кредитов в кредитных организациях (2015-2019 гг.), в тыс. сомони.

Сравнительный анализ рис. 1, показывает, что за анализируемый период кредитный портфель ипотечных кредитов кредитных организаций увеличивается. Рост кредитного портфеля составил 29%. Анализ в разрезе кредитных организаций показывает, что доля банков в общем росте увеличилась незначительно, когда как доля МФО увеличилась более чем 2 раза. Если в 2015 году доля банков в общем объеме составила 85%, то в 2019 году эта доля была равна 71,8%.

Активный рост кредитного портфеля жилищных ипотечных кредитов МФО объясняется, прежде всего, наличием доступа к “длинным” финансовым ресурсам. Другими словами, МФО активно привлекают фонды из-за рубежа для целей жилищной

¹ Источник: составлен авторами на основе данных: Банковский статистический бюллетень. Душанбе, 2019. №12 (293). С.39-43; Банковский статистический бюллетень. Душанбе, 2018. №12 (281). С.36-41.

ипотеки. Учитывая, что максимальный срок жилищной ипотеки в нашей стране составляет 10 лет, соответственно, привлеченные ресурсы со стороны кредитных организаций должны быть соответствующими.

В разрезе валют кредитный портфель ипотечных кредитов выглядит следующим образом (рис. 2)¹:

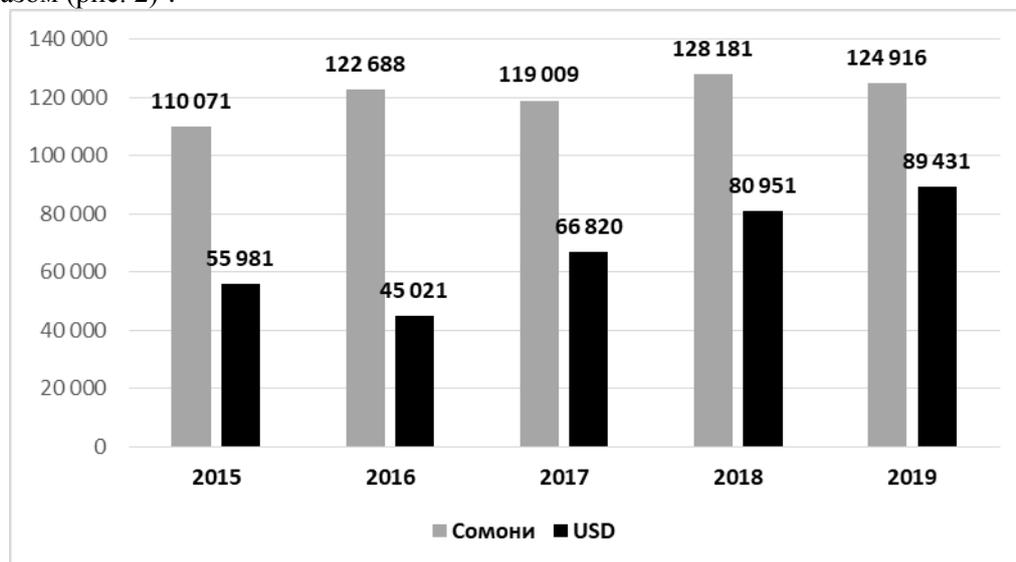

Рис. 2. Кредитный портфель ипотечных кредитов в разрезе валют (тыс. сомони)

Анализ данных рис. 2 свидетельствует о волатильности кредитного портфель в сомони, тогда как показатель в долларах США демонстрирует стабильную динамику роста, начиная с 2016 года. Основными причинами роста долларового кредитного портфеля являются следующие:

1. В большинстве случаев долгосрочные денежные ресурсы кредитные организации могут привлекать только в иностранной валюте. Высокий риск обесценения национальной валюты заставляет зарубежных кредиторов сокращать финансирование в национальной валюте.

2. Высокий темп обесценения национальной валюты заставляет население все больше и больше хранить свои депозиты в иностранной валюте.

Таким образом, кредитные организации все чаще вынуждены предлагать своим клиентам жилищную ипотеку в долларах США, что, в свою очередь, увеличивает долю валютных кредитов от общей массы жилищных ипотечных кредитов (см. рис. 3)².

¹ Источник: составлен авторами на основе данных: Банковский статистический бюллетень. Душанбе, 2019. №12 (293). С.39-43; Банковский статистический бюллетень. Душанбе, 2018. №12 (281). С.36-41.

² Там же.

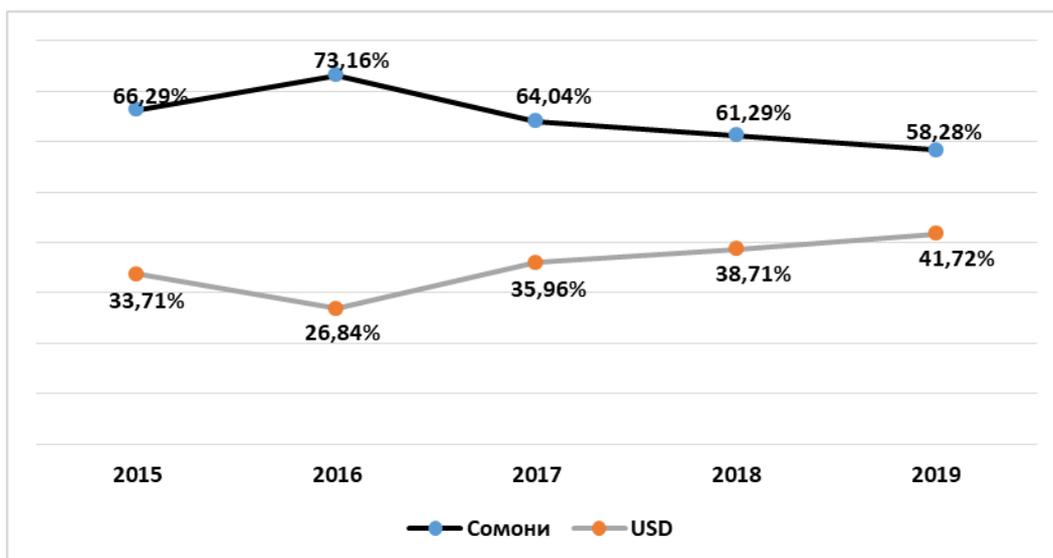

Рис. 3. Развитие кредитного портфеля ипотечных кредитов в разрезе валют, в %

Рост валютной жилищной ипотеки приведет к замедлению темпов роста жилищной ипотеки в целом. «Валютные риски будут увеличиваться для клиентов, так как в большинстве случаев доходы они получают в национальной валюте» [7, с.15], и в случае повышения курса доллара к сомони ежемесячные выплаты по кредиту в пересчете на сомони будут увеличиваться. Принимая во внимание тот факт, что среднемесячная зарплата в стране составляет всего 1330 сомони, риск роста просроченных валютных кредитов у кредитных организаций будет увеличиваться. Рост курса доллара так же будет сужать возможности клиентов для получения валютной жилищной ипотеки. В данной ситуации кредитные организации будут снижать суммы кредита либо отказывать, что в свою очередь, будет негативно влиять на темпы роста жилищных ипотечных кредитов.

Таким образом, ипотечное жилищное кредитование имеет огромное значение для экономики страны с точки зрения привлечения инвестиций. За счет роста данного вида инвестиций на сегодняшний день активно решается ряд задач, таких как:

- рост объемов строительства жилья – способствует решению вопросов, связанных с созданием новых рабочих мест, снижением уровня безработицы, ростом налоговых отчислений и т.д.;
- активно развиваются другие виды мелкого и среднего бизнеса, связанные с обслуживанием строительных компаний;
- постепенно увеличивается конкуренция между строительными компаниями и снижается стоимость жилья.

Учитывая перспективы и огромное социально-экономическое значение жилищных ипотечных кредитов, необходимо активное вовлечение всех заинтересованных сторон для развития данного источника внутренних и внешних инвестиций, а именно:

1. В большинстве стран мира государство играет важную роль в решении базовых проблем воспроизводства населения, в том числе развития жилищного строительства [2, с.21]. Комплексность проблемы развития жилищного строительства и его кредитования в современных условиях требует для её решения системного подхода. Причем масштаб проблемы, ее значимость для социального и экономического развития страны тре-

буют максимально быстрых действий, использования как отечественного, так и мирового опыта в этой сфере [3, с.58]. Необходимо проработать конкретные механизмы для снижения процентных ставок по жилищной ипотеке через поддержку кредитных организаций, активно предоставляющих жилищную ипотеку. Речь идет о компенсации части процентов кредитным организациям за счет государства. Действующие процентные ставки непосильны для большей части населения. В среднем, процентные ставки составляют 21,49% годовых, в разрезе валют: валютные кредиты – от 12 до 18% годовых; кредиты в национальной валюте 18-24% годовых. Считаем необходимым проработать механизмы снижения процентных ставок до уровня соседней страны – Кыргызстана. Там действует специальная программа льготной ипотеки, поддерживаемая государством с процентной ставкой 10% годовых, сроком на 15 лет. Коммерческим банкам, которые участвуют в данной программе, государство компенсирует разницу в процентных ставках.

2. *Государственным органам* необходимо проработать механизм налоговых вычетов для тех, кто получает жилищную ипотеку.

3. Оптимизировать законодательство¹ и систему *налогообложения* строительных компаний с целью ведения прозрачного учета, а также с целью стимулирования к реинвестированию строительных компаний в строительство новых объектов за счет прибыли.

4. *Строительным компаниям* необходимо вести прозрачную бухгалтерскую отчетность для того, чтобы кредитные организации могли активно с ними работать.

5. *Кредитным организациям* следует активизировать деятельность по поиску и привлечению «длинных» финансовых ресурсов в национальной валюте. Опыт стран, где активно развивается жилищная ипотека, показывает, что в качестве источников привлечения финансовых ресурсов могут выступать пенсионный фонд; фонд страхования сбережений физических лиц; страховые компании и др.

Литература

1. Бэр Х.П. Секьюритизация активов: секьюритизация финансовых активов – инновационная техника формирования банков / пер. с нем. Ю.М.Алексеев, О.М.Иванов. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 628 с.
2. Лазарева Л.Б., Каирова Ф.А. Ипотечное жилищное кредитование и страхование: учеб. пособие для магистрантов. – М.: Прометей, 2019. – 186 с.
3. Лепехин И.А. Ипотечное кредитование как способ финансирования жилищного строительства // Финансы и кредит. – 2011. – №21 (453). – С. 58-61.
4. Литвинова, С. А. Ипотечное кредитование: учеб. пособие. М.; – Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 182 с.
5. Хикматов У.С., Рахимов Р.Р. Социально-экономическое значение жилищных ипотечных кредитов в Республике Таджикистан // Использование современных методов управления в социально-экономическом развитии Республики Таджикистан: материалы Международной научно-практической конференции. – Душанбе: РТСУ, 2020. – С. 33-37.
6. Хикматов С.Х., Саъдизода Ч. Состояние экономики и деятельность кредитных организаций Таджикистана: ситуация, проблемы и развитие // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе: ТНУ, 2020. – №6. – С.16-23.

¹ Об ипотеке: Закон Республики Таджикистан. 20 марта 2008. № 364. URL: <https://nbt.tj/> (дата обращения: 18.01.2021).

7. Хикматов С.Х., Хикматов У.С. Низкий уровень финансовой грамотности как негативный фактор развития финансово-кредитной системы // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе: ТНУ, 2019. – №3, ч.2. – С.14-18.
8. Цветова Г.В., Матвишин М.С. Параметры доступности услуг ипотечного жилищного кредитования // Власть и управление на Востоке России. – 2019. – №1 (86). – С.60-67.

INVESTMENT OPPORTUNITIES FOR MORTGAGE HOUSING LOANS

Khikmatov Safarali Khikmatovich

Candidate of economical sciences,
associate professor of the chair of public financial management
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave, 17
Ph.: (+992) 93 931 70 70 (m.)
UShikmatov@gmail.com

Rakhimov Romiz Ramazonovich

Candidate for a degree of the chair of the of banking
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave, 17
Ph.: (+992) 93 517 01 18 (m.)
maverick0180@mail.ru

In the article, the issues related to mortgage lending as a source of investment for the development of residential real estate construction are considered. The advantages and constraints of the development of credit refinancing instruments, including those based on securitization, have been identified.

It is shown that interest rates on mortgage loans in the country remain at a high level, which prevents the development of this area as a source of investment. A high concentration of foreign currency mortgage loans in the total loan portfolio of credit institutions, which has a growth trend in recent years, has been revealed.

The author's position on the high risks of issuing foreign currency mortgage housing loans for the population and for the banking sector in general, which can lead to an increase in credit risks, has been substantiated.

Specific measures have been proposed to reduce interest rates on mortgage loans through compensation of part of the interest to credit institutions at the expense of the state; to enhance the participation of the state in the development of a mechanism for tax deductions for those who receive a housing mortgage; optimization of legislation and the taxation system of construction companies in order to maintain transparent accounting, as well as incentives for reinvestment of construction companies in the construction of new facilities at the expense of profits.

Keywords: housing mortgage lending; construction of residential real estate; banks; credit organizations; microfinance organizations; interest rates; source of investment; securitization.

ИМКОНИЯТҲОИ МАБЛАҒГУЗОРИИ ҚАРЗИ МАНЗИЛӢ

Ҳикматов Сафаралӣ Ҳикматович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи идоракунии молиёти давлатӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рудаки, 17
Тел.: (+992) 93 931 70 70 (м.)
UShikmatov@gmail.com

Раҳимов Ромиз Рамазонович

Унвонҷӯи кафедраи фаъолияти бонкӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рудаки, 17
Тел.: (+992) 93 517 01 18 (м.)
maverick0180@mail.ru

Дар мақола масъалаҳои марбут бо қарзи манзилӣ ҳамчун сарчашмаи маблағгузорӣ барои рушди сохтмони амволи манзилии ғайриманқул мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд. Афзалиятҳо ва рушди омилҳои боздории асбобҳои аз нав маблағгузорӣ намудани қарзҳо, аз ҷумла қарзҳои, ки ба секюритизатсия, яъне хифзи маълумот асос меёбанд, ошкор карда шудаанд.

Нишон дода шудааст, ки ҳиссаҳои фоизии қарзҳои манзилӣ дар кишвар дар сатҳи баланд боқӣ мемонанд, ки ин барои рушди самти мазкур ҳамчун сарчашмаи маблағгузорӣ монеа мегардад. Инчунин ҷамъшавии зиёди қарзҳои асъории манзилӣ дар ҷузвдони умумии қарзӣ дар ташкилотҳои қарзӣ ошкор карда шуд, ки онҳо дар солҳои охир тамоюли инкишофёбӣ доранд.

Мавқеи муаллиф нисбат ба хатарҳои нисбатан баланди дода шудани қарзҳои асъории манзилӣ барои аҳоли дар маҷмӯъ барои бахши бонкӣ, ки метавонанд ба рӯшдҳои хатарҳои қарзӣ оварда расонанд, асоснок карда шудааст.

Доир ба пастишавии ҳиссаҳои фоизии қарзҳои манзилӣ тавассути ҷубронкунии қисми фоизҳо ба ташкилотҳои қарзӣ аз ҳисоби давлат; доир ба фаъолсозии иштироки давлат дар коркарди механизми тарҳҳои андозӣ барои онҳое, ки қарзи манзилӣ мегиранд; фаъолгардони қонунгузорӣ ва низоми андозбандии ширкатҳои сохтмонӣ бо мақсади бурдани баҳисобгирии шаффоф, инчунин ҳавасманд гардондани аз нав маблағгузорӣ карда шудани ширкатҳои сохтмонӣ дар рафти сохта шудани объектҳои нав аз ҳисоби фонди чораҳои мушаххас пешниҳод карда шудаанд.

Калидвожаҳо: қарздиҳии манзилӣ; сохтмони амволи манзилии ғайриманқул; бонкҳо; ташкилоти қарзӣ; ташкилоти микроқарзӣ; ҳиссаҳои фоизӣ; сарчашмаҳои маблағгузорӣ; секюритизатсия.

УДК 631.151:332.34 (575.3)

**ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
НА ОСНОВЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ**

Арабов Фирдавс Пулодович

Кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры общественных наук
Таджикский государственный институт культуры и искусств имени М. Турсунзаде
734032, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Борбад, 73а
Тел.: (+992 37) 918 72 28 29 (м.)
firdavs300@mail.ru

Гулбекова Сурайё Джурабековна

Ассистент кафедры экономики и управления
Таджикский государственный педагогический университета имени С.Айни
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 121
Тел.: (+992) 93 446 06 44 (м.)
surayogulbekova@gmail.com

Рабиев Давлатали Раджабалиевич

Доктор Phd по специальности «Экономика и управление»
старший преподаватель кафедры экономики и управления
Таджикский государственный педагогический университета имени С.Айни
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 121
Тел.: (+992) 918 28 39 32 (м.)
davlatali_r@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы теории и практики повышения инвестиционной привлекательности сельскохозяйственного землепользования и её специфики в сферах функционирования сельского хозяйства, при этом основное внимание уделяется организационно-правовым аспектам проблемы. Установлены особенности инвестиционной обеспеченности сельскохозяйственного землепользования и приведены основные эколого-экономические инструменты повышения инвестиционной привлекательности последнего. Выявлены причины деградации орошаемых земель и повышения уровня грунтовых вод и их последствия в сельскохозяйственном производстве. Показаны факторы, отрицательно влияющие на инвестиционную активность в области земельно-водных ресурсов. Предложены меры, которые будут способствовать, эффективному развитию инвестиционных процессов в аграрном секторе экономики страны. Проанализированы специфические особенности формирования прямых инвестиций с точки зрения национального и иностранного источников инвестирования и перспективы их привлечения.

Предлагается ряд мер по созданию благоприятного инвестиционного климата в Таджикистане и активизации инвестиционных процессов, включая предоставление регионам достаточной

свободы в процессе инвестирования, введение практики льготного лицензирования отдельных видов инвестиционной деятельности, совершенствование системы налогообложения в сторону ее дальнейшего упрощения в данной сфере, сокращение административных барьеров, усиление мер по защите прав инвесторов и др.

Ключевые слова: инвестиции; орошение; мелиорация; сельское хозяйство; предприятие; землепользование; земельно-водные ресурсы.

В современных условиях в Таджикистане усиливается необходимость в переосмыслении подходов к методам и способам выращивания, распределения и потребления продуктов питания. Достижение благоприятных условий развития сельского хозяйства будет способствовать обеспечению населения полноценным питанием и генерированию адекватного уровня дохода, поддерживая при этом интересы людей в сфере сельскохозяйственного производства и окружающей среды.

Однако сегодня в Таджикистане имеет место истощение стремительными темпами и быстрая деградация сельскохозяйственных угодий, запасов пресной воды, лесов и биологического разнообразия. Всё более мощное давление на ресурсы оказывает изменение климата, от которого мы зависим. И достижение цели накормить всех требует внесения кардинальных изменений в глобальную систему развития сельского хозяйства и производства продовольствия. Сектор сельского хозяйства и производства продуктов питания предлагает ряд ключевых решений для развития, являющихся одновременно и центральными факторами, влияющими на искоренение голода и борьбу с нищетой.

В связи с вышеуказанным орошаемые земли играют важнейшую роль в решении продовольственной проблемы и увеличении производства сельскохозяйственных продуктов. Орошение является одним из определяющих факторов повышения продуктивности сельскохозяйственных культур, создающим оптимальные условия роста и развития растений [8, с.29]. Орошение позволяет регулировать естественный режим влажности почвы в нужном пределе (70-80 % полевой влагоемкости) [4, с.115]. Как показывают исследования, в 2017 году в республике площадь орошаемых земель по сравнению с 1991 годом уменьшилась на 81,3%. Такие же показатели наблюдаются по всем областям.

Анализ состояния орошаемых земель показывает, что продуктивность сельского хозяйства в Таджикистане является низкой. Например, урожай основных культур (2,2 тонны/га пшеницы, 1,7 тонны/га хлопка) значительно ниже, чем в Узбекистане (4,5 тонны/га пшеницы, 2,3 тонны/га хлопка), и является низким по международным стандартам. Продуктивность воды с целью орошения в Таджикистане так же низкая. В то время как производительность воды для полностью орошаемой пшеницы (без ограничения воды) с достаточным объемом соответствующих вложений должна составлять от 0,8 до 1,0 кг/м³, в 2015 г. Она оценивается в менее чем 0,5 кг/м³ во всех четырех речных бассейнах. Низкая производительность может отражать сложности с орошением и ограничения по вложениям хозяйств [5, с.585].

Надо отметить, что, с одной стороны, нехватка оросительной воды в сельском хозяйстве, а с другой – деградация орошаемых земель и повышение уровня грунтовых вод являются основной причиной сокращения площади орошаемых земель. Исследование показало, что ежегодно по республике не орошались 2200 га. Вместе с тем, в 2017 году в сельском хозяйстве в целом не использовалось 24551 га, причем, из указанных земель по причине засоления не использовалось 2539 га, неисправности оросительной сети – 1744 га, переустройства оросительной сети – 694 га, отсутствия воды – 134 га, затопления паводками – 1337 га, неудовлетворительного мелиоративного состояния – 998 га.

В последние годы по причине недостаточного финансирования из государственного бюджета и отсутствия достаточных средств у потребителей для оплаты услуг по подаче воды произошло существенное сокращение объемов работ по техническому обслуживанию и ремонту инфраструктуры ирригации и дренажа. Практически повсеместно отмечается ухудшение технического состояния межхозяйственных ирригационных и дренажных систем. Пропускная способность оросительной сети уменьшилась на 15-20%, производительность насосных станций сократилась на 20-30%, а местами и более из-за выхода из строя насосно-силового оборудования. В таком же состоянии находятся КДС и скважины вертикального дренажа [1, с.153].

Все это подтверждает безусловную актуальность вопроса об инвестициях в сельское хозяйство. Этому процессу должны способствовать землеустроительные проекты, в которых определяются размеры необходимых инвестиций, очередность внесения их в те или иные меры, направленные на использование и сохранение земельных ресурсов. Вопрос о необходимости пересмотреть взгляды на разработку землеустроительных проектов и инвестиционную деятельность, которая лежит в основе землеустроительных мероприятий, о вложении средств в покупку земли, почвозащитные технологии, в развитие своего бизнеса встал после провозглашения независимости страны и перехода её к рыночным условиям. Для повышения инвестиционных поступлений в сельскохозяйственное землепользование необходимо также развивать сервисную сельскохозяйственную кооперацию.

Во всем мире агросектор становится все более капиталоемким. Однако, несмотря на некоторые недавние положительные сдвиги, сельское хозяйство Таджикистана не соответствует этой тенденции. Отечественное сельское хозяйство имеет почти неисчерпаемые возможности для привлечения высокодоходных инвестиций, но предприятия отрасли не в состоянии определить эти возможности и четко спланировать объем необходимых инвестиций. Кроме того, отсутствие рычагов для принудительного исполнения контрактов, отсутствие залога и большая вероятность государственного вмешательства превращают даже самые безопасные инвестиции в очень рискованные для кредиторов. На прибыльность аграрного производства негативно влияет существующий диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, что может привести к снижению инвестиционной привлекательности аграрных предприятий. Поэтому повышение приоритетности сельского хозяйства должно быть неотложной задачей. Это зависит от стабильности законодательства в Таджикистане, финансово-кредитной, фискальной и ценовой политики, налоговых, амортизационных и кредитных льгот и т.д.

Долгий операционный цикл, высокая трудоемкость, низкая доходность, финансовая неустойчивость, большая зависимость от внешнего природно-климатического и финансового окружения и другие дестабилизирующие факторы превращают сельское хозяйство страны в инвестиционно непривлекательную сферу.

К законодательному фактору относятся законы, которые регламентируют инвестиционную деятельность, они разделяются на два комплекса:

- комплекс составляющих, положительно влияющих на инвестиционную привлекательность региона, обеспечивающих права отечественных и иностранных инвесторов;
- комплекс составляющих, отрицательно влияющих на инвестиционную привлекательность региона и ограничивающих инвестиционную деятельность (бюрократические ограничители и уголовно наказуемые преступления). Этот комплекс связан с коррупционными явлениями, вымогательством, недостатками в организационно-управленческой деятельности региональных властей [9, с.69].

Несмотря на то, что вложения сельскохозяйственных предприятий в основной капитал имеют постоянную положительную динамику, их не хватает даже для замены выбывших средств труда. К тому же доля отрасли в общем объеме капитальных вложений в экономику Таджикистана составляет 20-23%. Зарубежные инвесторы направляют в сельское хозяйство только 7% собственных финансовых ресурсов.

Для привлечения иностранных инвесторов можно использовать набор эколого-экономических инструментов, который существует в мировой практике. К ним относятся: налоговые стимулы (установление налоговых льгот, отсрочки уплаты налогов, ускоренная амортизация, "налоговые каникулы" на срок от 2 до 15 лет); финансовые методы стимулирования (субсидии, ссуды в случае выполнения инвестором определенных обязательств), административные методы (создание условий для эффективного функционирования иностранного капитала – обеспечение необходимыми факторами производства, развитие транспортной сети, коммуникаций).

В условиях значительного дефицита инвестиций в сельскохозяйственное производство и совершенствование технологий в использовании земель бесспорно актуально и необходимо привлечение иностранных инвестиций, но, несмотря на положительный результат функционирования предприятий с иностранными инвестициями, наблюдаются и негативные последствия. Негативное влияние на использование земель сельскохозяйственного назначения происходит и сегодня. При таких условиях необходимо выбрать правильную модель стимулирования и контроля. Кроме того, что нужно стимулировать иностранных инвесторов предоставлением льгот, субсидий, "налоговых каникул", следует также не сбавлять роли контроля над использованием земель, находящихся в пользовании иностранных инвесторов. Особенно это касается органов местного самоуправления, поскольку именно эти органы обладают наиболее полной информацией об использовании земель на локальном уровне.

Исследуя вопрос инвестирования, трудно не согласиться, что сегодня одной из самых актуальных задач в сфере землепользования является изучение и узаконивание методологических основ инвестиционной деятельности с целью повышения эффективности использования и охраны земель сельскохозяйственных предприятий через формирование инвестиционной привлекательности землепользования и совершенствование этого процесса через проекты землеустройства [7, с.34].

Землеустроительные проекты должны иметь обоснованные экономические показатели эффективности и по своей сути быть инновационными, то есть соответствовать мировым стандартам и условиям рыночной экономики. К таким условиям можно отнести:

- применение и внедрение новейших технологий для изучения состояния земель, планирования и организации рационального их использования и охраны;
- применение маркетинговых исследований (исследования тенденций рынка и определение спроса на продукцию и использование этих исследований, например, для установления структуры посевных площадей в хозяйстве растениеводческой отрасли), в которых необходимо учитывать природные и рыночные условия, уровень цен, социальные условия;
- бизнес-планирование, которое должно быть основой инвестиционного процесса, что позволит снизить уровень риска при проведении отдельных работ и довести до экономической эффективности технических решений.

Инвестиционный землеустроительный проект – это комплексный план мероприятий по использованию и охране земель как источника производства сельскохозяйственной продукции. Такой проект должен иметь правовое обоснование, а также комплекс технико-экономических документов, обосновывающих решения основной задачи. Рыночная

экономика позволяет это сделать, используя дисконтный метод, сопоставляя расходы и доходы. Таким методом можно осуществлять освоение инвестиций в той очередности, которая исключает наличие пиков в использовании капиталовложений, рабочей силы, машин и механизмов. Указанные действия повысят привлекательность землеустроительных работ.

Бизнес-план, как план освоения инвестиций, является обязательной частью землеустроительного проекта, где в сжатом виде излагается вся информация о проекте, необходимая для его осуществления. Бизнес-план позволяет получить прибыль, учитывая при освоении проекта экономические возможности хозяйства. В бизнес-плане необходимо предусмотреть возможность возникновения рисков и определить способы их преодоления, что чрезвычайно важно при рыночном подходе к инвестиционным проектам землеустройства. В этих проектах риски нужно воспринимать как вероятность потери доходов или иное воздействие на сельскохозяйственное производство в случае возникновения непредвиденных обстоятельств. В случае изменения политической, экономической, ценовой политики, что скажется на экономических показателях хозяйства, бизнес-план можно перечислить автоматически, не меняя технических показателей проекта, с помощью различных современных компьютерных программ. Компьютерный анализ можно использовать для решения многих вопросов инвестиционного проекта. Сегодня существует много различных компьютерных программ, с помощью которых осуществляют рационализацию использования земель на конкретном предприятии и в конкретных условиях.

Надо отметить, что сервисные кооперативы – это кооперативы, которые предоставляют технологические, транспортные, мелиоративные, ремонтные, строительные, эколого-восстановительные, бытовые и другие услуги.

Дехканское (фермерское) хозяйство является самостоятельным хозяйствующим субъектом, осуществляющим свою деятельность без образования юридического лица, и основанное на личном труде одного человека или членов одной семьи и других лиц, совместно производящих сельскохозяйственную продукцию. Оно базируется на земельном участке и другом имуществе, принадлежащем членам дехканского хозяйства.

Законодательным основанием для создания таких кооперативов и дехканского (фермерского) хозяйства является Закон Республики Таджикистан «О производственных кооперативах», и Закон Республики Таджикистан «О дехканском (фермерском) хозяйстве», которые определяют правовые, организационные, экономические и социальные основы функционирования кооперации и дехканского (фермерского) хозяйства в Таджикистане. Важной задачей в поддержке кооперации сельскохозяйственных товаропроизводителей является противостояние бесконтрольному распространению непродуктивного торгово-посреднического бизнеса, который способствует оттоку финансовых ресурсов из агропромышленного производства.

С помощью фермерской кооперации можно решить проблему инвестиционной обеспеченности. Опыт экономически развитых стран показывает, что кооперация фермеров является важным фактором эффективности их функционирования. В таких странах, как США, Канада, Япония и некоторые страны ЕС, государство оказывает весомую поддержку развитию кооперации, финансируя соответствующие программы по развитию кооперации, предоставляя льготные кредиты кооперативам, осуществляя гибкое налогообложение [2, с.58]. Базируются они на разных формах собственности, реализуются с помощью элементов рыночной инфраструктуры – проектных бюро, службы консультации, банков, холдинговых и страховых компаний, акционерных обществ, объеди-

нений производителей и ориентированы на максимизацию прибыли или производство продукции с учетом конъюнктуры рынка [6, с.489].

Стоит подробно рассмотреть сервисные машинно-тракторные кооперативы, которые предоставляют технологические услуги дехканским (фермерским) хозяйствам в области растениеводства (с совместной обработкой почвы, уборкой урожая). Такая форма кооперации сегодня очень востребована для небольших хозяйств (фермерских, личных крестьянских) как в Таджикистане в целом, так и в регионах в частности. Именно эти хозяйства в настоящее время страдают от недостатка сельскохозяйственной техники, поскольку она достаточно дорогая. Для подтверждения можно привести следующие цифры: в Таджикистане в 2017г, в расчете на 100 га пашни количество тракторов в фермерских хозяйствах составляло 0,25 в противовес 2008 г. – 0,02 трактора на 1 га, и 1991 г. – 0,18 трактора на 100 га пашни. В Согдийской области так же наблюдается уменьшение парка тракторов, сельскохозяйственных машин и энергетических мощностей в фермерских хозяйствах: в 1991 г. количество тракторов составляла 11056 шт., в 2008-6841 шт., в 2010 г. – 5489. В 2017 ситуация улучшилась – 8606 шт., но в 2017 по сравнению с 1991 г. количество тракторов уменьшилось на 2450 шт.

Таблица 1

Количество тракторов в кооперативах и фермерских хозяйствах в Республике Таджикистан в 1991-2017гг. (единиц)

Наименование регионов	Годы							2017 к 1991 -+
	1991	2008	2010	2012	2014	2016	2017	
Всего в республике	37054	15951	13697	12222	10446	26102	26405	-10649
Согдийская область	11056	6841	6044	5489	4806	8720	8606	-2450
Хатлонская область	20043	7146	6160	5399	4497	12230	12144	-7899
ГБАО	432	117	76	61	61	220	236	-196
РРП	5523	1872	1417	1273	1082	4932	5365	-158

Источник: *Сельское хозяйство Республики Таджикистан / Статистический сборник. Душанбе: АСПРТ, 2013, 2018. С. 316, 320.*

Уменьшение количества сельхозтехники при расширении обрабатываемых площадей сельскохозяйственных земель и росте объемов сельскохозяйственных работ ещё больше сократило уровень технической оснащенности сельскохозяйственного производства. Это привело к снижению уровня механизации сельскохозяйственных работ, выполнению их вручную. Последнее, увеличивая затраты на единицу производимой продукции, повышает себестоимость и снижает конкурентоспособность этой продукции на внутреннем и внешнем рынках.

Такая система хозяйствования и использования ресурсов не может содействовать сохранению жизнедеятельности малых предприятий. Следует отметить, что банкротство малых сельскохозяйственных предприятий приведет к увеличению числа безработных в сельской местности, уменьшению налогов в местный бюджет, уменьшению расходов на инфраструктуру и в итоге к миграции значительной части сельского населения и исчезновению целых населенных пунктов.

Вместе с тем, сегодня можно констатировать, что в Таджикистане развитие сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов и дехканских (фермерских) хозяйств с каждым годом проявляет позитивные тенденции. Таких кооперативов и дехканских (фермерских) хозяйств до 1991 г. в Таджикистане не существовало.

Таблица 2

Количество кооперативов и дехканских (фермерских) хозяйств в Республике Таджикистан в 1991-2017гг. (единиц)

Наименование регионов	Годы							2017 к 1991 +-
	1991	2008	2010	2012	2014	2016	2017	
Всего в республике	-	30842	51372	73806	108035	123379	164631	+133789
Согдийская область	-	5794	7509	15515	30835	57868	61591	+55797
Хатлонская область	-	13193	17617	39491	52570	57219	57609	+44416
ГБАО	-	131	204	131	134	145	15471	+15340
РРП	-	11724	12636	18669	24496	29875	29960	+18236

Источник: Сельское хозяйство Республики Таджикистан / Статистический сборник. Душанбе: АСПРТ, 2013, 2018. С.316, 320.

Как показывают данные таблицы 2, количество кооперативов и дехканских (фермерских) хозяйств в Республике Таджикистан имеет тенденцию к увеличению. Если их количество в 2008 году в Республике составило 30842 единицы, то этот показатель в 2017 году достиг 164631, что больше на 133789 единиц в 2008 году.

Новые дехканские (фермерские) хозяйства все еще материально-технически не обеспечены на достаточном уровне, чтобы можно было проводить сельскохозяйственные работы качественно и в нужные агротехнические сроки. Все это сказывается на низких урожаях сельскохозяйственных культур с единицы посевных площадей, недостаточного, чтобы возместить произведенные затраты и получить сверх этого и прибыль.

Исследования и мировой опыт показывают, что такая форма кооперации очень востребована для небольших хозяйств (фермерских, личных крестьянских, страдающих от недостатка дорогой стоимостной сельскохозяйственной техники), которые могут сэкономить средства на приобретение собственной техники, удобрений, почвозащитные технологии и вложить сэкономленные средства в покупку земли, почвозащитные технологии, в развитие своего бизнеса.

Данные таблицы 3 показывают, что агропромышленные комплексы становятся все более распространенными. В Таджикистане ежегодно появляется несколько новых сельскохозяйственных предприятий, в частности, количество сельскохозяйственных предприятий в Таджикистане в 2017 году составило 6723 единицы, а в 2008 году их было 2619 единиц, что на 4104 единицы меньше, чем в 2017 году.

Таблица 3

**Другие сельскохозяйственные предприятия в Республике Таджикистан
(единиц) 2008-2017гг.**

Наименование регионов	Годы						2017 к 2008 -+
	2008	2010	2012	2014	2016	2017	
Всего в республике	2619	2895	2170	2013	5845	6723	+4104
Согдийская область	1692	1581	1223	1011	875	1884	+192
Хатлонская область	534	536	317	410	3130	3898	+3364
ГБАО	79	89	135	145	184	167	+88
РРП	314	689	491	443	743	770	+456

Источник: *Сельское хозяйство Республики Таджикистан / Статистический сборник. Душанбе: АСПРТ, 2013, 2018. С.316, 320.*

Интересен момент, связанный организационными с основами обслуживающих сервисных кооперативов и дехканских (фермерских) хозяйств. По своей сути он должен быть прибыльным, а целью его деятельности является удовлетворение производственных потребностей членов кооператива. Стоит создавать не только неприбыльные по своей сути сервисные кооперативы, но и прибыльные государственные кооперативы (прибыль от функционирования этих кооперативов можно направлять на землеохранные мероприятия), частные, основанные одним или несколькими его членами (вкладывая инвестиции, могут получать прибыль), также возможно создание этих кооперативов другими инвесторами, в частности иностранными.

Следует отметить, что в ходе финансирования мелиоративных мероприятий сельскохозяйственными предприятиями и дехканскими хозяйствами урожайность хлопчатника повысилась до 21-32 ц/га, что говорит об эффективности сельскохозяйственного производства.

Таблица 4

**Влияние инвестиций на сельскохозяйственное землепользование при
выращивании хлопчатника (2018 г.)**

Показатели	СПК «Карачкун»	АО им. Э.Бойматова	АО «Ирам»
	хозяйство, не проводившее мероприятия	хозяйство, частично проводившее мероприятия	хозяйство, проводившее комплексные мероприятия
Культур			
Площадь, га	60	220	340
Урожайность, ц/га	13,1	21,8	32,4
Стоимость валовой продукции, тыс. сомони	94,3	575,5	1321,9
Объем воды на орошение, тыс. м ³	606	1034	714

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Затраты труда, человек	10	37	57
Издержки произ-ва, тыс. сомони	89,0	418,0	850,0
<u>Прибыль, тыс. сомони:</u>	<u>5,3</u>	<u>157,5</u>	<u>471,9</u>
<u>на 1 га, тыс. сомони</u>	<u>0,09</u>	<u>0,716</u>	<u>1,4</u>
<u>на 1 тонна, тыс. сомони</u>	<u>0,07</u>	<u>0,456</u>	<u>2,1</u>
<u>на человека, тыс. сомони</u>	<u>0,5</u>	<u>4,3</u>	<u>8,3</u>
<u>на м³ оросительной воды, сомони</u>	<u>0,009</u>	<u>0,152</u>	<u>0,660</u>
Рентабельность, %	6,0	37,7	55,5

Расчитано авторами. Источник: Список сельскохозяйственных предприятий на 1 января 2018. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2019 С.19.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что у сельскохозяйственных производственных кооперативов, которые не проводили мелиоративные мероприятия уровень урожайность низкий, а у сельскохозяйственных предприятий, которые проводили комплексные мероприятия, уровень урожайности достиг 32,4 ц/га. В результате прибыль на 1 га составила 1400 сомони, что в два раза выше по сравнению с хозяйствами, не проводившими и/или частично проводившими подобные мероприятия. Надо отметить, что при комплексной реализации землеустроительных мероприятий уменьшается процесс деградации земельных ресурсов (эрозии, засоления и заболачивания), в результате урожайность сельскохозяйственных угодий увеличивается на 20-25 ц/га, а поливная вода экономится на 18-20 %.

Следовательно, без привлечения инвестиции невозможно укрепить финансовую деятельность дехканских (фермерских) хозяйств. Трудности осуществления инвестиционной деятельности в Республике Таджикистан усугубляются существенным усилением диспропорции в инвестиционной сфере. Реализация инвестиции в современных условиях определяется сельскохозяйственными предприятиями с учетом таких факторов, как рост инфляции и ожидание роста цен на производственные ресурсы [3, с.64].

Для привлечения иностранных инвесторов можно использовать следующий набор эколого-экономических инструментов: налоговые стимулы; финансовые методы стимулирования (субсидии, ссуды в случае выполнения инвестором определенных обязательств), административные методы (создание условий для эффективного функционирования иностранного капитала – обеспечение необходимыми факторами производства, развитие транспортной сети, коммуникаций).

Таким образом, сегодня одной из самых актуальных задач в сфере землепользования является исследование и узаконивание методологических основ инвестиционной деятельности с целью формирования инвестиционной привлекательности землепользования и совершенствования этого процесса через проекты землеустройства, которые должны быть инвестиционными. Повышение инвестиционной привлекательности сельскохозяйственного землепользования можно осуществить через такой эколого-экономический инструмент, как создание и развитие сельскохозяйственных обслуживающих кооперативов по совместной обработке почвы.

Литература

1. Арабов Ф.П., Гулбекова С.Дж. Механизм инвестиционного обеспечения сферы водопользования в сельском хозяйстве: от теории к практике // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020. – №3 (71). – С. 153-166.
2. Бодак И. Зарубежный опыт развития сельскохозяйственного производства // Научный вестник НАУ: биоресурсы и природопользование Украины. Экономика, аграрный менеджмент, бизнес. – 2011. – Вып.168, ч.1. – С.57-62.
3. Мадаминов А.А. Эффективность использования инвестиций в дехканских (фермерских) хозяйствах / А.А.Мадаминов, Г.Х.Исломов, А.Т.Чаборов, М.Шералиева // Кишоварз. – Душанбе: ТАУ им. Ш.Шотемура, 2015. – №2. – С.63-65.
4. Рулева О. В., Овечко Н. Агролесомелиоративные особенности орошаемых фитоценозов Волгоградской области // Пути повышения эффективности орошаемого земледелия: научно-практический журнал ФГБНУ «РосНИИПМ». – М., 2018. – №1(69). – С.113-118.
5. Содиков К.А. Место водно-ирригационного потенциала в ресурсном обеспечении производства аридного региона // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства: сборник научных трудов. – Симферополь, 2020. – С.584-587.
6. Содиков К.А. Эффективность инвестиционной привлекательности в развитии мелиорации Таджикистана // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства: материалы III Международной научно-практической конференции / Крымский инженерно-педагогический университет. – Крым, 2017. – С.489-491.
7. Степень М., Богира М. Пути совершенствования рационального использования земель сельхозназначения на примере Львовской области // Землеустроительный вестник. – 2007. – №5. – С.33-36.
8. Терпигорев А.А., Грушин А.В. Поддержание плодородия почв с применением малоинтенсивных технологий дождеванием // Пути повышения эффективности орошаемого земледелия: научно-практический журнал ФГБНУ «РосНИИПМ». – Ростов, 2011. – №45. – С.28-31.
9. Шарипов У.А., Хомидов А.У. Некоторые факторы повышения инвестиционной привлекательности энергетического сектора в регионе // Вестник Таджикского национального университета. Серия экономических наук. – Душанбе, 2020. – №9. – С.67-70.

INCREASING THE EFFICIENCY OF THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF AGRICULTURAL ENTERPRISES ON THE BASIS OF LAND USE

Arabov Firdavs Pulodovich

Candidate of economical sciences,
senior lecturer of the chair of social sciences
Tajik state institute of culture and arts of M. Tursunzade
734032, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad ave., 73a
Ph.: (+992 37) 918 72 28 29 (m.)
firdavs300@mail.ru

Gulbekova Surayo Jurabekovna

Lecturer of the chair of economics and management
Tajik state pedagogical university of S.Aini
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 121
Ph.: (+992) 93 446 06 44 (m.)
surayogulbekova@gmail.com

Rabiev Davlatali Rajabalievich

Doctor PhD in the specialty "Economics and management"
senior lecturer of the chair of economics and management
Tajik state pedagogical university of S.Aini
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 121
Ph.: (+992) 918 28 39 32 (m.)
davlatali_r@mail.ru

The article deals with the theory and practice of increasing the investment attractiveness of agricultural land use and its specificity in the areas of agricultural functioning. The main attention is paid to the organizational and legal aspects of the problem. The main features of the investment security of agricultural land use are established, and the main ecological and economic tools for increasing the investment attractiveness of the latter are given. The reasons for the degradation of irrigated lands and the rise in the level of groundwater, and their consequences in agricultural production have been established. The factors that negatively affect investment activity in the field of land and water resources are shown. Measures have been identified that will contribute to the effective development of investment processes in the agricultural sector of the country's economy. The specific features of the formation of direct investments from the point of view of national and foreign sources of investment and the prospects for the development of their attraction are analyzed.

A number of measures are proposed to create a favorable investment climate in Tajikistan and intensify investment processes, including providing the regions with sufficient freedom in the investment process, introducing the practice of preferential licensing of certain types of investment activities, improving the taxation system towards its further simplification in this area, reducing administrative barriers, strengthening measures to protect the rights of investors, etc.

Keywords: investments; irrigation; reclamation; agriculture; company; land use; land and water resources.

**БАЛАНД БАРДОШТАНИ САМАРАНОКИИ ДИҚҚАТЧАЛБКУНАНДАГИИ
МАБЛАҒГУЗОРӢ ДАР ҚОРҲОНАҲОИ КИШОВАРЗӢ ДАР АСОСИ
ИСТИФОДАБАРИИ ЗАМИН**

Арабов Фирдавс Пулодович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
муаллими калони кафедраи фанҳои ҷамъиятӣ
Донишқадаи давлатии фарҳанг ва санъат ба номи М. Турсунзода
734032, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Борбад, 73а
Тел.: (+992 37) 918 72 28 29 (м.)
firdavs300@mail.ru

Гулбекова Сурайё Чӯрабековна

Ассистенти кафедраи иқтисод ва идорақунӣ
Донишгоҳи давлатии омӯзгорӣ ба номи С.Айнӣ
734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 121
Тел.: (+992) 93 446 06 44 (м.)
surayogulbekova@gmail.com

Рабиев Давлаталӣ Раҷабалиевич

Доктори Phd аз рӯи ихтисоси «Иқтисод ва идорақунии»
муаллими калони кафедраи иқтисод ва идорақунии
Донишгоҳи давлатии омӯзгорӣ ба номи С.Айнӣ
734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 121
Тел.: (+992) 918 28 39 32 (м.)
davlatali_r@mail.ru

Дар мақола масъалаҳои назария ва амалияи баланд бардоштани диққатҷалбкунандагии маблағгузорӣ барои истифодабарии кишоварзии замин ва мухтасоти он дар соҳаҳои амалкарди хоҷагии деҳот баррасӣ шудааст, ки зимни он таваҷҷуҳи асосӣ ба ҷиҳатҳои ташкиливу ҳуқуқии мушкilot ҷудо дода мешавад. Хусусиятҳои асосии таъминшавӣ бо маблағгузори истифодабарии кишоварзии замин муқаррар карда шуда, асбобҳои асосии экологиву иқтисодии баланд бардоштани диққатҷалбкунандагии маблағгузори он оварда шудаанд. Сабабҳои таназзул ёфтани заминҳои обёришаванда ва баланд бардоштани сатҳи обҳои зеризаминӣ ва оқибатҳои он дар истеҳсолоти кишоварзӣ муқаррар карда шудаанд. Омилҳое, ки ба ғаёлнокии маблағгузорӣ дар соҳаи захираҳои заминӣ ва обӣ таъсири манфӣ мерасонанд, нишон дода шудаанд. Чораҳои барои рушди самараноки равандҳои маблағгузорӣ дар баҳши кишоварзии иқтисоди кишвар мусоидаткунанда нишон дода шудаанд. Хусусиятҳои махсуси ташаккул ёфтани сармоягузориҳои мустақим аз нуқтаи назари манбаҳои миллӣ ва хориҷии маблағгузорӣ, инчунин дурнамои рушди ҷалбсозии онҳо бо таҳлил фаро гирифта шудаанд.

Доир ба фароҳам овардани фазои мусоиди маблағгузорӣ дар Тоҷикистон ва ғаёлсозии равандҳои маблағгузорӣ, аз ҷумла ба минтақаҳо пешниҳод намудани озодии кофӣ дар рафти маблағгузорӣ, ворид намудани амалияи иҷозатномагирии имтиёзӣ барои намудҳои алоҳидаи ғаёолияти маблағгузорӣ, такмилдиҳии низоми андозбандӣ ба тарафи содақунии минбаъдаи он, кам кардани садди роҳи маъмурӣ, ҷоннок кардани чораҳо оид ба ҳифзи ҳуқуқҳои сармоягузoron ва ғайра пешниҳодҳо карда шудаанд.

Калидвожаҳо: маблағгузорӣ; обёрӣ; мелиоратсия; хоҷагии деҳот; корхона; истифодабарии замин; захираҳои замину об.

УДК 339.5.053.7

**СИСТЕМА ИНДЕКСОВ УСЛОВИЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
СО СТРАНАМИ СНГ, ЕВРОПЫ, АЗИИ, АМЕРИКИ И АФРИКИ**

Давлятов Абдурашид Джаборович

Кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры экономической теории
и мировой экономики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 227 15 71 (р.); (+992) 918 13 44 43 (м.)
a.d.davlyatov@gmail.com

Мамадалиев Фарухруз Сайфидинович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
Государственный финансово-экономический университет Таджикистана
734067, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Нахимова, 64/14
Тел.: (+992 37) 918 12 10 12 (м)
farukhruz-83@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы влияния экзогенных факторов на малую открытую экономику Республики Таджикистан. Рассчитаны внешнеторговая, экспортная и импортная квоты как индикаторы, отражающие степень открытости национальной экономики и ее зависимости от внешней среды. Отмечается, что степень открытости национальной экономики на сегодняшний день, несмотря на увеличение внешнеэкономических показателей, имеет тенденцию к сокращению. Проанализированы объемы экспортно-импортных операций в условиях малой открытой экономики путем использования некоторых экономико-математических методов исследования. Определено, что за рассматриваемый период наблюдается достаточно устойчивый рост и объемов экспорта и объемов импорта, связанных со странами дальнего и ближнего зарубежья.

Анализ представленной системы показателей экономических индексов, иллюстрирующих динамику условий внешней торговли со странами – внешнеторговыми партнерами Республики Таджикистан, с учетом влияния как ценовых факторов так и физических объемов на динамику общих условий внешней торговли, указывает на то, что в республике по сей день сохраняется большая зависимость отечественного внутреннего рынка от импорта многих продуктов питания и промышленных товаров из-за рубежа и, тем самым, нарастает напряженность внутреннего рынка под воздействием экзогенных факторов.

Таким образом, сделан вывод, что экзогенные факторы на современном этапе развития национальной экономики имеют значительное влияние на малую открытую экономику Республики Таджикистан.

Ключевые слова: малая открытая экономика; макроэкономическое равновесие; экспорт; импорт; коэффициент корреляции рангов Ч.Спирмена; внешнеторговая квота; экспортная квота; импортная квота; индекс валовых условий внешней торговли; индекс реальных условий внешней

торговли; индекс общих условий внешней торговли; индекс условий внешней торговли по доходам.

Общеизвестно, что макроэкономические факторы, а в условиях малой открытой экономики и внешнеэкономические факторы, имеют большое значение для обеспечения ценовой стабильности [4, с.9]. Макроэкономическое равновесие в условиях открытости экономики в виде $IM=EX$ всегда проявляется в соответствии объемами импорта экспортными возможностями страны [5, с.36]. Существует общепринятое негласное правило, согласно которому во внешнеэкономических связях должно соблюдаться равенство между объемом экспортированной и импортированной продукциями, то есть сумма экспорта должна быть равна сумме импорта.

Как отмечает профессор Л.Х.Саидмуратов на практике самыми распространенными индикаторами, отражающими степень открытости экономики страны и ее зависимости от внешней среды, являются такие показатели, как экспортная, импортная и внешнеторговая квоты [7, с.83].

Одним из показателей является внешнеторговая квота, которая считается самым абстрактным показателем, она отражает значимость внешних связей в развитии национальной экономики и определяется как отношение суммы экспорта и импорта к ВВП. Данное соотношение математически можно выразить в виде формулы следующим образом [6, с.19]:

$$FT_k = \frac{Ex + Im}{GDP} \times 100$$

где FT_k – внешнеторговая квота; Ex – величина экспорта; Im – величина импорта; GDP – объем валового внутреннего продукта.

Для Республики Таджикистан этот показатель за анализируемый период оказался достаточно высоким и составил 149,5% в 2000 году, снизившись до 57,8% в 2018 году.¹ Недостатком этого показателя как экономической категории является то, что он не отражает качественной характеристики внешнеторговых операций и не объясняет выигрыши и потери, возникающие при развитии внешнеэкономических связей страны. Сравнительный анализ этих данных в рамках мировой торговли говорит о том, что в странах, где наблюдается устойчивый экономический рост, внешнеторговая политика постоянно коррелируется с изменениями в национальной экономической системе и наблюдается взаимосвязь внешнеэкономических и национальных интересов [7; с.83].

Другим показателем степени вовлеченности экономики страны в мировое хозяйство и ее импортной зависимости является категория импортной квоты, определяемая как соотношение величины импорта к ВВП. Она показывает, какую часть импорт составляет от валового внутреннего продукта страны, а также ресурсную ограниченность страны в производстве необходимых товаров [7; с.83]. Математически она может быть исчислена по следующей формуле [6, с.19]:

¹ Таджикистан: 20 лет государственной независимости, статистический сборник. Душанбе, 2011. С.356-357; Статистический ежегодник РТ (Официальное издание). Душанбе, 2017. С.197; Там же. 2019. С.204. Внешнеэкономическая деятельность РТ / Статистический сборник. 2006. С.18-26; Там же. 2008. С.16-20; Там же. 2013. С.16-19; Там же. 2019. С.14-19; Банковский статистический бюллетень 2004. №12 (113). С.65; Там же. 2006. №12 (137). С.59; Там же. 2009. №12 (173). С.84; Там же. 2010. №4 (177). С.77; Там же. 2011. №10 (195). С.111; Там же. 2018. №07 (276). С.100; Там же. 2018. №12 (281). С.97.

$$Im_k = \frac{Im}{GDP} \times 100$$

где Im_k – импортная квота; Im – величина импорта; GDP – объем валового внутреннего продукта.

Здесь следует отметить, что высокий показатель импортной квоты говорит о том, что эффективная (рыночная) точка оптимальности распределения ресурсов находится далеко за пределами кривой производственных возможностей страны [7, с.83]. Например, для Республики Таджикистан этот показатель за весь анализируемый период так же является достаточно высоким и колеблется в пределах 69,1% в 2000 году до 43,1% в 2018 году¹.

Еще одним показателем, наиболее реально отражающим участие страны в международном разделении труда с точки зрения вовлеченности ресурсов отдельной страны в систему мирового хозяйства, выступает экспортная квота страны, определяемая как отношение экспорта товаров к ВВП. Она показывает степень зависимости национальной экономики от сбыта отечественных товаров на рынке других стран, а также экспортные возможности страны производить определенное количество товаров для продажи на мировом рынке [7, с.84]. Данный показатель математически можно выразить в следующей формуле [6, с.20]:

$$Ex_k = \frac{Ex}{GDP} \times 100$$

где Ex_k – экспортная квота; Ex – величина экспорта; GDP – объем валового внутреннего продукта.

Отсюда следует, что чем выше экспортная квота, тем больше ресурсов страны вовлечены в международное разделение труда и наоборот. Размер этого показателя в прямом смысле слова зависит от разности между объемом производства ВВП и величиной внутреннего потребления и отражает направление специализации страны в международной торговле [7, с.84]. Как свидетельствуют произведенные расчеты, экспортная квота страны за анализируемый период является нестабильной и колеблется от 80,3% в 2000 году до 14,7% в 2018 году.²

Расчеты показывают, что за отчетный период такие структурные показатели, как экспортная и импортная квоты, так же снизились на 3,5 и 1,6% соответственно. За период 2000-2018 годы в Республике Таджикистан наблюдались диаметрально противоположные тенденции наращивания внешнеторгового оборота в среднем на 1,11% в год и снижения внешнеторговой квоты в среднем за год на 0,95%, что увеличивает уязвимость страны по отношению к внешним шокам³.

Одним из важных моментов в исследовании этой взаимосвязи в условиях малой открытой экономики Республики Таджикистан является определение уровня устойчивости

¹ Таджикистан: 20 лет государственной независимости / Статистический сборник. Душанбе, 2011. С.356-357; Статистический ежегодник РТ (Официальное издание). Душанбе, 2017. С.197; Там же. 2019. С.204; Внешнеэкономическая деятельность РТ / Статистический сборник. 2006. С.18-26; Там же. 2008. С.16-20; Там же. 2013. С.16-19; Там же. 2019. С.14-19; Банковский статистический бюллетень. 2004. №12 (113). С.65; Там же. 2006. №12 (137). С.59; Там же. 2009. №12 (173). С.84; Там же. 2010. №4 (177). С.77; Там же. 2011. №10 (195). С.111; Там же. 2018. №07 (276). С.100; Там же. 2018. №12 (281). С.97.

² Там же.

³ Там же.

экспортно-импортных операций в национальной экономике, которые отражают степень покрытия импорта экспортом.

В этой связи для достижения поставленной цели в рамках настоящего исследования в качестве показателя устойчивости отмеченных взаимосвязей может быть использован коэффициент корреляции рангов Ч.Спирмена (P) [1, с.41]:

$$P = 1 - \frac{6 \cdot \sum_{i=1}^n d_i^2}{n(n^2 - 1)}$$

где n – число уровней ряда (число наблюдений в нашем исследовании составляет 28 лет, т.е. с 1991 по 2018 гг.);

d_i – разность рангов уровней экспорта и импорта в соответствующих им отрезках времени ряда (1991-2018 гг.).

Расчет коэффициента корреляции рангов Ч. Спирмена по стоимостному объему экспорта за анализируемый период произведен на основе официальных статистических данных¹ следующим образом:

$$P = 1 - \frac{6 \times 828}{28 \times (28^2 - 1)} = 1 - 0,227 = 0,773 \text{ или } 77,3\%$$

Как показывают результаты расчетов, за исследуемый период наблюдался достаточно устойчивый рост объемов экспорта Республики Таджикистан на 136% в страны дальнего и ближнего зарубежья, где коэффициент корреляции составил 77,3%.

Коэффициент корреляции рангов Ч. Спирмена по стоимостному объему импорта также рассчитан на основе официальных статистических данных² за соответствующие годы:

$$P = 1 - \frac{6 \times 304}{28 \times (28^2 - 1)} = 1 - 0,083 = 0,917 \text{ или } 91,7\%$$

Результаты расчетов показывают, что во внешнеторговой деятельности Республики Таджикистан за исследуемый период просматривается также довольно устойчивое наращивание и объемов импорта на 4,7 раза из стран дальнего и ближнего зарубежья, где коэффициент корреляции составил 91,7%.

Полученные результаты – коэффициенты корреляции рангов Ч.Спирмена за исследуемый период отражают два диаметрально противоположных явления и по объему экспорта (0,773), и по объему импорта (0,917) и на первый взгляд свидетельствуют о достаточно высокой степени тесноты связи (больше 0,7). Несмотря на это, в рамках настоящего исследования определение коэффициента корреляции рангов Ч.Спирмена всего лишь по объему экспорта и импорта, на наш взгляд, является недостаточным и в целях определения степени устойчивости макроэкономической модели малой открытой экономики Республики Таджикистан следует установить тесноту связи между экспортом и импортом.

Для более реального отражения складывающейся ситуации во внешнеторговой деятельности Республики Таджикистан на основе вышеуказанных официальных статистических данных за исследуемый период был рассчитан коэффициент рангов Ч.Спирмена:

¹ Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан / Статистический сборник. 2006. С.28-34; Там же. 2008. С.22-25; Там же. 2013. С.20-22; Там же. 2018. С.20-22; Там же. 2019. С.19-21.

² Там же. 2006. С.36-44; Там же. 2008. С.27-31; Там же. 2013. С.23-26; Там же. 2018. С.23-26; Там же. 2019. С.22-25.

$$P = 1 - \frac{6 \times 670}{28 \times (28^2 - 1)} = 1 - \dots = 0,183 \text{ или } 18,3\%$$

Следует отметить, что расчет коэффициентов рангов Ч.Спирмена имеет важное научно-практическое значение для оценки ситуации по соблюдению макроэкономического тождества, которая складывается в малой открытой экономике Республики Таджикистан. Результаты расчетов на современном этапе развития национальной экономики показывают, что из всего объема импорта всего лишь 18,3% покрывается за счет экспорта и, согласно шкале Чеддока [9, с.126-127], указывают на очень слабую тесноту связи между ИМ и ЕХ в течение всего периода экономических реформ.

Для выявления угроз внешнеэкономической безопасности очень важно в макроэкономической политике учитывать уровень индексов условий внешней торговли, значение которых позволяет отслеживать ситуацию влияния внешних факторов на состояние экономической безопасности страны [8, с.116].

В этой связи профессор Л.Х.Саидмурадов отмечает, что показатели условий внешней торговли являются важнейшим ориентиром для разработки и реализации внешнеэкономической политики страны и ее составной части – внешнеторговой политики [7, с.132]. Исходя из этого, показатель условий внешней торговли является наиболее важным индикатором, отражающим внешние шоки, влияющие на экономику страны.

В рамках настоящей работы динамика условий внешней торговли оценена с помощью следующей системы экономических индексов [8, с.116-117]:

Во-первых, это индекс валовых условий внешней торговли ($J_{В.Т.}$). Этот индекс характеризует динамику соотношения физических объемов экспорта и импорта товаров в натуральных единицах измерения и рассчитан по следующей формуле:

$$J_{В.Т.} = \sum_{i=1}^n P_{i0э} Q_{i1э} \div \sum_{i=1}^n P_{i0и} Q_{i1и} / \sum_{i=1}^n P_{i0у} Q_{i1у} \div \sum_{i=1}^n P_{i0оу} Q_{i1оу}$$

где P_{i1} , P_{i0} – цена i -го экспортируемого (импортируемого) товара в текущем и базисном периоде (в товарных группах в качестве средних цен ($\overline{P_{11}}$, $\overline{P_{10}}$) берется средняя удельная стоимость единицы товара, определяемая как отношение статистической стоимости к общему объему в натуральных единицах измерения); ($\overline{P_{11}}$, $\overline{P_{10}}$) – количество i -го товара в товарной группе в текущем и базисном периодах; n – количество товаров в товарной группе «Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности».

Во-вторых, это индекс реальных условий внешней торговли ($J_{Т.Р.}$), который рассчитан в настоящем исследовании по следующей формуле:

$$J_{Т.Р.} = \sum_{i=1}^n P_{i1э} Q_{i1э} \div \sum_{i=1}^n P_{i0э} Q_{i1э} / \sum_{i=1}^n P_{i1у} Q_{i1у} \div \sum_{i=1}^n P_{i0у} Q_{i1у}$$

или

$$J_{Т.Р.} = \sum_{i=1}^n P_{i1э} Q_{i1э} \div \sum_{i=1}^n \frac{P_{i1э} Q_{i1э}}{ip_э} / \sum_{i=1}^n P_{i1у} Q_{i1у} \div \sum_{i=1}^n \frac{P_{i1у} Q_{i1у}}{ip_у}$$

где ip – индивидуальные индексы средних экспортируемых (импортируемых) цен товаров по группам «Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности».

В-третьих, это индекс общих условий внешней торговли ($J_{Т.О.}$), который был рассчитан по следующей формуле:

$$J_{T.O.} = \frac{\sum_{i=1}^n P_{i1z} Q_{i1z}}{\sum_{i=1}^n P_{i0z} Q_{i0z}} / \frac{\sum_{i=1}^n P_{i1u} Q_{i1u}}{\sum_{i=1}^n P_{i0u} Q_{i0u}}$$

где P_{i1} , P_{i0} - цена i -го экспортируемого (импортируемого) товара в текущем и базисном периодах по основным товарным группам, где в качестве средних цен ($\overline{P_{i1}}$, $\overline{P_{i0}}$) берется средняя удельная стоимость единицы товара, определяемая как отношение статистической стоимости к общему объему в натуральных единицах измерения; (q_{i1} , q_{i0}) – количество i -го товара в товарной группе в текущем и базисном периодах; n – количество товаров в группе.

В-четвертых, это индекс условий внешней торговли по доходам ($J_{T.D.}$), который рассчитан по следующей формуле:

$$J_{T.D.} = J_{T.P.} \times \frac{\sum_{i=1}^n P_{i0z} Q_{i1z}}{\sum_{i=1}^n P_{i0z} Q_{i0z}}$$

где Q_{i1z} и Q_{i0z} – количество экспорта товаров по группам в текущем и базисном периодах.

Индекс валовых условий внешней торговли характеризует динамику соотношения физических объемов экспорта и импорта товаров в натуральных единицах измерения. Следует отметить, что если результат расчета этого показателя составит больше единицы ($J_{T.O.} > 1$), то будут наблюдаться благоприятные валовые условия внешней торговли Республики Таджикистан со странами мира, а если меньше единицы ($J_{T.O.} < 1$), будет наблюдаться ситуация, свидетельствующая об отставании темпа роста физического объема экспорта от темпа роста физического объема импорта товаров в страну.

Полученные результаты¹ показывают, что в 2000-2007 гг. наиболее благоприятные валовые условия внешней торговли Республики Таджикистан просматриваются со странами Америки – 4,189 (за счет индексов реальных условий торговли и индекса условий внешней торговли по доходам). Наименее благоприятные валовые условия внешней торговли складываются со странами всего мира – 0,661, СНГ – 0,727, Европы – 0,545, Азии – 0,321 и Африки – 0,050. Также неблагоприятные валовые условия внешней торговли просматриваются с внешнеторговыми партнерами из стран бывших союзных республик: Россия – 0,203, Кыргызстан – 0,197, Туркменистан – 0,375 и Белоруссия – 0,368. Наиболее благоприятные валовые условия внешней торговли наблюдаются по Казахстану – 1,744, Азербайджану – 1,628 и Узбекистану – 2,105 (за счет всех индексов условий внешней торговли), а также Украине – 26,857 (за счет всех показателей, кроме индекса реальных условий внешней торговли).

По всем странам мира индекс физического объема экспорта составил – 177,2 и индекс физического импорта – 267,8, по странам СНГ индекс физического объема экспорта – 158,6 и индекс физического импорта – 218,2, по странам Европы индекс физического объема экспорта – 138,0 и индекс физического импорта – 253,0, по странам Азии индекс физического объема экспорта – 3,6 раза и индекс физического импорта – 11,2 раза, по Америке индекс физического объема экспорта – 17,4 и индекс физического объема импорта – 4167,0 раза, по Африке индекс физического объема экспорта – 49,2 и индекс физического импорта – 983,3 раза. Это означает, что за анализируемый период темпы роста физического объема экспорта отставали от темпа роста физического объема импорта

¹ Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан / Статистический сборник. Душанбе, 2001. – С.130-268; Там же. 2010. С.182-484; Там же. 2014. С.117-490; Там же. 2018. С.121-480.

товаров на 90,6%. Иными словами, на единицу экспортируемого товара в натуральных единицах измерения в 2007 году приобретено импортных товаров меньше на 90,6% по всем странам мира, на 59,6% по странам СНГ, на 115% по странам Европы, на 7,6 раза по странам Азии, на 4149 раз по странам Америки, на 934,1 раз по странам Африки, чем в базовом 2000 году.

Анализ показал, что в 2000-2009 гг. индекс валовых условий внешней торговли Республики Таджикистан со странами всего мира составил – 0,511, Европы – 0,128, Азии – 0,425, Америки – 0,001, Африки – 0,001 и СНГ – 0,213. Это означает, что на данном этапе развития национальной экономики экспортно-импортные операции Республики Таджикистан характеризуются неблагоприятными валовыми условиями внешней торговли. Аналогичными неблагоприятными валовыми условиями внешней торговли характеризуются внешнеторговые отношения со следующими странами – бывшими союзными республиками: Россия – 0,148, Туркменистан – 0,124 и Белоруссия – 0,744. Наиболее благоприятные валовые условия внешней торговли наблюдаются с Казахстаном – 1,188, Азербайджаном – 6,860 и Украиной – 4,828 (за счет индекса общих условий торговли и индекса условий внешней торговли по доходам), Кыргызстаном – 1 (за счет условий торговли по доходам), а также Узбекистаном – 4,635 (по всем индексам условий внешней торговли).

По всем странам мира индекс физического объема экспорта составил – 135,2 и индекс физического импорта – 264,6, по странам СНГ индекс физического объема экспорта – 104,4 и индекс физического импорта – 201,2, по странам Европы индекс физического объема экспорта – 18,6 и индекс физического импорта – 144,9, по странам Азии индекс физического объема экспорта – 5,67 раз и индекс физического импорта – 13,35 раз, Америки индекс физического объема экспорта – 108 и индекс физического объема импорта – 8507 раз, Африки – индекс физического объема экспорта – 93,2, и индекс физического импорта – 4917 раз. Это означает, что за анализируемый период темпы роста физического объема экспорта отставали от темпа роста физического объема импорта товаров на 129,4%. Иными словами, на единицу экспортируемого товара в натуральных единицах измерения в 2009 году приобретено импортных товаров меньше на 129,4% по всем странам мира, на 96,8% по странам СНГ, на 126,3% по странам Европы, на 7,7 раз по странам Азии, на 8399 раз по странам Америки, на 4824 раз по странам Африки, чем в базовом 2000 году.

В 2000-2013 гг. величина валовых условий внешней торговли Республики Таджикистан составил со странами всего мира – 0,472, Европы – 0,065, Азии – 0,224, Америки – 0,003, Африки – 0,028 и СНГ – 0,647. Это означает, что на данном этапе развития национальной экономики экспортно-импортные операции Республики Таджикистан характеризуется неблагоприятными валовыми условиями внешней торговли. Аналогичными неблагоприятными валовыми условиями внешней торговли характеризуются внешнеторговые отношения и со следующими странами из бывших союзных республик: Россия – 0,059, Кыргызстан – 0,007, Туркменистан – 0,844 и Белоруссия – 0,180. Наиболее благоприятные валовые условия внешней торговли наблюдаются с Казахстаном – 12,356 (за счет индекса общих условий внешней торговли и индекса условий внешней торговли по доходам), Азербайджаном – 10,615, Узбекистаном – 228,77 и Украиной – 12,465 (за счет индекса общих условий внешней торговли).

По всем странам мира индекс физического объема экспорта составил – 136,7 и индекс физического импорта – 289,9, по странам СНГ индекс физического объема экспорта – 116,1 и индекс физического импорта – 179,3, по странам Европы индекс физического объема экспорта – 2,893 и индекс физического импорта – 44,6, по странам Азии индекс

физического объема экспорта – 5,4 раза и индекс физического импорта – 24,27 раза, Америки индекс физического объема экспорта – 29,9 раза и индекс физического объема импорта – 12246 раза, Африки – индекс физического объема экспорта – 8,475, и индекс физического импорта – 3,0 раза. Это означает, что за анализируемый период темпы роста физического объема экспорта отставали от темпа роста физического объема импорта товаров на 153,2%. Иными словами, на единицу экспортируемого товара в натуральных единицах измерения в 2013 году приобретено импортных товаров меньше на 153,2% по всем странам мира, на 63,2% по странам СНГ, на 41,7% по странам Европы, на 18,9 раза по странам Азии, на 12216 раза по странам Америки, на 292% по странам Африки, чем в базовом 2000 году.

По результатам расчетов видно, что в 2000-2017 гг. благоприятные валовые условия внешней торговли наблюдаются только со странами Азии – 1,7 (за счет индекса условий внешней торговли по доходам). Наименее благоприятные валовые условия внешней торговли просматриваются со странами всего мира – 0,788, СНГ – 0,909, Европы – 0,188, Америки – 0,002 и Африки – 0,012. Неблагоприятные валовые условия внешней торговли наблюдаются также с внешнеторговыми партнерами из стран бывших союзных республик: Россия – 0,203, Туркменистан – 0,375 и Белоруссия – 0,368. Наиболее благоприятные валовые условия внешней торговли можно наблюдать с Казахстаном – 13,796, Узбекистаном – 5,079 (за счет всех индексов условий внешней торговли), Кыргызстаном – 1,455 (за счет индекса условий внешней торговли по доходам), Азербайджаном – 17,226 (за счет индекса общих условий внешней торговли) и Украиной – 2,845.

Динамика экспортно-импортных операций показывает, что по всем странам мира индекс физического объема экспорта составил – 198,8 и индекс физического импорта – 252,3, по странам СНГ индекс физического объема экспорта – 221,8 и индекс физического импорта – 244,0, по странам Европы индекс физического объема экспорта – 4,5 и индекс физического импорта – 23,9, по странам Азии индекс физического объема экспорта – 12,2 раза и индекс физического импорта – 7,2 раза, Америки индекс физического объема экспорта – 3,9 раза и индекс физического объема импорта – 1955,0 раза, Африки индекс физического объема экспорта – 27,1, и индекс физического импорта – 21,8 раза.

Это означает, что за анализируемый период темпы роста физического объема экспорта отставали от темпа роста физического объема импорта товаров на 53,5%. Иными словами, на единицу экспортируемого товара в натуральных единицах измерения в 2017 году приобретено импортных товаров меньше на 53,5% по всем странам мира, на 22,2% по странам СНГ, на 19,4% по странам Европы, на 7,1 раза по странам Азии, на 1951 раза по странам Америки и на 191% по странам Африки, чем в базовом 2000 году.

Необходимо отметить, что индекс валовых условий внешней торговли не лишен отдельных недостатков и не может отразить реальную картину внешнеэкономических операций страны, так как рассматривается с точки зрения соотношения всего лишь физических объемов экспорта и импорта товаров. Для конкретизации анализа внешней торговли страны необходимо рассчитать также индекс реальных условий внешней торговли, характеризуемый как индекс покупательной способности (в единицах импорта) фиксированного товарного экспорта. Обеспечение благоприятных реальных условий внешней торговли является одним из важнейших факторов, влияющих на улучшение социально-экономического положения страны.

Теоретически доказано, что, если индекс реальных условий внешней торговли больше единицы ($J_{Т.Р.} > 1$), происходит рост цены совокупного экспорта страны по сравнению с ценой совокупного импорта, и на каждую единицу экспортируемого товара становится возможным приобрести все больше импортных товаров. И, наоборот, в слу-

чае если индекс реальных условий внешней торговли меньше единицы ($J_{т.р.} < 1$), это свидетельствует о том, что при росте цены совокупного импорта страны по сравнению с ценой совокупного экспорта на каждую единицу экспортируемого товара становится возможным приобрести все меньше импортных товаров. Следовательно, такая ситуация, в свою очередь, приводит к ухудшению социально-экономического положения страны.

Индекс реальных условий внешней торговли характеризует влияние ценового фактора на изменение показателя общих условий внешней торговли. Расчеты данного индекса¹ показывают, что за отчетный период 2000-2007 гг. показатель реальных условий внешней торговли Республики Таджикистан характеризовался как неустойчивое явление, и в пересчете ко всем внешнеторговым партнерам Республики Таджикистан составил по странам всего мира – 0,881, СНГ – 0,188 и Европы – 0,352. Это означает, что по отношению к этим странам сложились неблагоприятные реальные условия внешней торговли, и в 2007 году каждая единица товарного экспорта обменивалась на 11,9%, 81,2% и 64,8% меньше единицы товарного импорта, чем в 2000 году, который принят в расчетах как базовый. Наиболее благоприятные реальные условия внешней торговли наблюдаются по отношению странам Азии – 8,159 раза, Америки – 178,17 раза и Африки – 4,011 раза.

Расчеты показывают, что индекс реальных условий внешней торговли характеризуется своей неустойчивостью по отношению к странам – основным внешнеторговым партнерам Республики Таджикистан и за отчетный период менее благоприятные условия сложились с Россией – 0,134, Казахстаном – 0,716, Кыргызстаном – 0,532, Узбекистаном – 0,931, Украиной – 0,283 и Белоруссией – 0,545. Последние значения свидетельствуют об ухудшении покупательной способности единицы средних экспортных цен по сравнению с единицей средних цен на импортируемые товары. За отчетный период наиболее благоприятные реальные условия внешней торговли наблюдаются с Азербайджаном – 1,027 и Туркменистаном – 1,163.

Расчеты индекса реальных условий внешней торговли Республики Таджикистан за период 2000-2009 гг. в пересчете ко всем внешнеторговым партнерам Республики Таджикистан составил по всем странам мира – 0,590, странам СНГ – 0,326, Европы – 0,896, Азии – 0,925 и более благоприятные реальные условия внешней торговли наблюдаются по странам Америки – 189,4 раза и Африки – 5,5 раза. Это означает, что по странам, в отношении которых реальные условия внешней торговли Республики Таджикистан являются наименее благоприятными, в 2009 году каждая единица товарного экспорта обменивалась на 41,0%, 67,4%, 10,4% и 7,5% меньше единицы товарного импорта, чем в 2000 году.

Индекс реальных условий внешней торговли со странами – основными внешнеторговыми партнерами Республики Таджикистан составил: с Россией – 0,365, Казахстаном – 0,512, Кыргызстаном – 0,470, Азербайджаном – 0,503, Туркменистаном – 0,141, Узбекистаном – 0,904, Украиной – 0,445 и Белоруссией – 0,577, что явно свидетельствует об ухудшении покупательной способности единицы средних экспортных цен по сравнению с единицей средних цен на импортируемые товары.

Расчеты данного показателя показывают, что за отчетный период 2000-2013 гг. индекс реальных условий внешней торговли Республики Таджикистан в пересчете ко всем внешнеторговым партнерам Республики Таджикистан составил по странам всего мира –

¹ Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан / Статистический сборник. Душанбе, 2001. – С.130-268; Там же. 2010. С.182-484; Там же. 2014. С.117-490; Там же. 2018. С.121-480.

0,448 и СНГ – 0,213. Это означает, что по отношению к этим странам сложились менее благоприятные реальные условия внешней торговли, и в 2013 году каждая единица товарного экспорта обменивалась на 55,2% и 78,7% меньше единицы товарного импорта, чем в базовом 2000 году. Формирование наиболее благоприятных реальных условий внешней торговли наблюдаются по отношению к странам Европы – 2,591, Азии – 8,746 раза, Америки – 4,999 раза и Африки – 7,964 раза.

Расчеты показывают, что индекс реальных условий внешней торговли за отчетный период по отношению к странам – основным внешнеторговым партнерам Республики Таджикистан составил: с Россией – 0,475, Казахстаном – 0,193, Туркменистаном – 0,158, Узбекистаном – 0,012, Украиной – 0,106 и Белоруссией – 0,744. Последние данные свидетельствуют об ухудшении покупательной способности единицы средних экспортных цен по сравнению с единицей средних цен на импортируемые товары. За отчетный период наиболее благоприятные реальные условия внешней торговли наблюдаются из числа стран – основных внешнеторговых партнеров Республики Таджикистан только с Кыргызстаном – 5,835.

За отчетный 2000-2017 гг. значение индекса реальных условий внешней торговли в пересчете ко всем внешнеторговым партнерам Республики Таджикистан составил по всем странам мира – 0,432, странами СНГ – 0,460, Азии – 0,115, и более благоприятные реальные условия внешней торговли сложились по странам Европы – 2,468, Америки – 123,02 раза, Африки – 9,046 раза. Это означает, что по странам, в отношении которых реальные условия внешней торговли Республики Таджикистан являются неблагоприятными, в 2017 году каждая единица товарного экспорта обменивалась на 56,8%, 54,0% и 88,5% меньше единицы товарного импорта, чем в 2000 году, который принят как уже отмечалось, в расчетах как базовый.

Индекс реальных условий внешней торговли со странами – основными внешнеторговыми партнерами Республики Таджикистан составил: с Казахстаном – 0,811, Кыргызстаном – 0,314, Азербайджаном – 0,126, Туркменистаном – 0,242 и Украиной – 0,191, что свидетельствует об ухудшении покупательной способности единицы средних экспортных цен по сравнению с единицей средних цен на импортируемые товары. Наиболее благоприятные реальные условия внешней торговли наблюдаются с Россией – 1,189, Узбекистаном – 1,126 и Белоруссией – 1,219. Но несмотря на некоторые положительные моменты, сложившиеся за последние годы, результаты расчета индекса реальных условий внешней торговли показывают, что Республика Таджикистан использует с торговыми партнерами стран мира в целом неэффективную политику цен, что связано, прежде всего, с сырьевой направленностью структуры экспорта страны [3, с.106-107].

Обобщающим показателем, характеризующим общие условия внешней торговли, является индекс общих условий внешней торговли, результаты расчета которого будут отражать общие изменения условий торговли за два периода (текущего и базисного) вследствие изменения двух факторов: изменения физического объема экспорта (импорта) товаров и изменение цен на экспортируемые товары, – а также характеризовать развитие внешней торговли Республики Таджикистан с учетом динамики как количества экспортируемого или импортируемого товара, так и изменения цен. В случае если результат расчета этого индекса окажется больше единицы ($J_{в.т.} > 1$), то будут наблюдаться благоприятные условия внешней торговли Республики Таджикистан со странами мира, а если меньше единицы ($J_{в.т.} < 1$), будет наблюдаться ситуация, свидетельствующая о неэффективной внешнеторговой политике страны с зарубежными партнерами.

Результаты расчета индекса общих условий внешней торговли¹ отражают изменение общих условий внешней торговли Республики Таджикистан со странами мира – внешнеторговыми партнерами в 2000-2007гг., которые произошли вследствие влияния двух факторов: как индекса валовых условий торговли (индекс физического объема), так и индекса реальных условий торговли (индекс цен). Расчет данного индекса за отчетный период показал менее благоприятные условия по отношению к внешнеторговым партнерам и составил для всех стран мира – 0,582, в том числе для стран СНГ – 0,137, стран Европы – 0,733, стран Америки – 0,008 и стран Африки – 0,201. Наиболее благоприятные общие условия внешней торговли наблюдаются в рассматриваемом периоде только со странами Азии – 2,618 (за счет реальных условий внешней торговли и условий внешней торговли по доходам).

Из стран СНГ неблагоприятные общие условия внешней торговли сложились с Россией – 0,027, Кыргызстаном – 0,105, Туркменистаном – 0,436 и Белоруссией – 0,201. Наиболее благоприятные общие условия внешней торговли Республики Таджикистан наблюдаются со странами СНГ: с Казахстаном – 1,249 и Украиной – 7,588 (за счет валовых условий внешней торговли и условий внешней торговли по доходам), Азербайджаном – 1,671 и Узбекистаном – 1,959 (по всем показателям).

Величина значения индекса общих условий внешней торговли в 2000-2009 гг. составил по отношению к странам всего мира – 0,302, странам СНГ – 0,169, странам Европы – 0,115, странам Азии – 0,393, странам Америки – 0,024, и странам Африки – 0,001, что говорит о сложившихся наименее благоприятных условиях и неэффективной внешнеторговой политике страны с зарубежными партнерами.

Из стран СНГ неблагоприятные общие условия внешней торговли сложились с Россией – 0,054, Казахстаном – 0,613, Кыргызстаном – 0,470, Туркменистаном – 0,045 и Белоруссией – 0,071. Наиболее благоприятные условия наблюдаются с Азербайджаном – 3,454 и Украиной – 2,148 (за счет валовых условий внешней торговли и условий внешней торговли по доходам), а также Узбекистаном – 4,192 (за счет валовых условий внешней торговли).

Результаты расчетов индекса общих условий внешней торговли показывают, что данный показатель за 2000-2013 гг. составил по отношению к странам всего мира – 0,211, странам СНГ – 0,138, странам Европы – 0,168, странам Азии – 0,196, странам Америки – 0,012 и странам Африки – 0,002, что говорит о сложившихся наименее благоприятных условиях и неэффективной внешнеторговой политике страны.

Среди стран СНГ неблагоприятные общие условия внешней торговли в указанный период сложились с Россией – 0,028, Кыргызстаном – 0,044, Туркменистаном – 0,134 и Белоруссией – 0,134. Наиболее благоприятные общие условия внешней торговли Республики Таджикистан со странами СНГ – основными внешнеторговыми партнерами наблюдаются с Казахстаном – 2,381 (за счет валовых условий внешней торговли и условий внешней торговли по доходам), Азербайджаном – 3,331, Узбекистаном – 2,841 и Украиной – 1,317 (за счет валовых условий внешней торговли).

Расчет индекса общих условий внешней торговли показывает, что за отчетный период 2000-2017 гг. он составил к странам всего мира – 0,341, странам СНГ – 0,418, странам Европы – 0,463, странам Азии – 0,197, странам Америки – 0,244 и странам Африки –

¹ Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан / Статистический сборник. Душанбе, 2001. С.130-268; Там же. 2010. С.182-484; Там же. 2014. С.117-490; Там же. 2018. С.121-480.

0,112, что говорит о сложившихся наименее благоприятных условиях и неэффективной внешнеторговой политике страны.

Среди стран СНГ неблагоприятные общие условия внешней торговли сложились с Россией – 0,011, Кыргызстаном – 0,457, Туркменистаном – 0,111, Украиной – 0,541 и Белоруссией – 0,084.

Наиболее благоприятные общие условия внешней торговли Республики Таджикистан со странами СНГ – основными внешнеторговыми партнерами наблюдаются с Казахстаном – 11,189 (за счет валовых условий внешней торговли и условий торговли по доходам), Азербайджаном – 2,179 (за счет валовых условий внешней торговли), Узбекистаном – 5,722 (за счет всех индексов условий внешней торговли).

В данном исследовании для определения динамики улучшения внешней торговли в текущем периоде по сравнению с базовым периодом нами также был рассчитан индекс условий внешней торговли по доходам.

Произведенные расчеты показали¹, что за изучаемый нами период 2000-2007 гг. по отношению к внешнеторговым партнерам Республики Таджикистан величина индекса условий внешней торговли по доходу является наиболее благоприятной и составила к странам всего мира – 1,560, Азии – 29,492 (за счет индекса реальных условий внешней торговли и общих условий внешней торговли), Америки – 31,097 (за счет индекса валовых условий внешней торговли и реальных условий внешней торговли) и Африки – 1,972 (за счет индекса реальных условий внешней торговли). Наименее благоприятные условия внешней торговли по доходам составили по странам СНГ – 0,299 и Европы – 0,486.

Значение данного индекса является наименее благоприятным по отношению к следующим странам СНГ: Россия – 0,125, Туркменистан – 0,609 и Белоруссия – 0,888. Наиболее благоприятные значения условий внешней торговли по доходам наблюдаются по отношению к Казахстану – 3,156 и Украине – 2,395 (за счет индекса общих условий внешней торговли и валовых условий внешней торговли), Азербайджану – 1,496 и Узбекистану – 3,120 (за счет всех индексов условий внешней торговли), Кыргызстану – 1,227.

Как показывают результаты произведенных расчетов, величина индекса условий внешней торговли по доходу по отношению к основным внешнеторговым партнерам за период 2000-2009 гг. составила к странам всего мира – 0,798, странам СНГ – 0,340, странам Европы – 0,167, наиболее благоприятные к странам Америки – 204,59 и странам Африки – 5,106 (за счет индекса реальных условий внешней торговли), странам Азии – 5,426.

За этот период значение данного показателя являлся наименее благоприятным по отношению к следующим странам СНГ: Россия – 0,340, Туркменистан – 0,087, Узбекистан – 0,978 и Белоруссия – 0,873. Наиболее благоприятные значения условий внешней торговли по доходам наблюдаются по отношению к Казахстану – 1,262, Кыргызстану – 2,150 (за счет индекса валовых условий внешней торговли), Азербайджану – 1,106 и Украине – 1,720 (за счет индекса общих условий внешней торговли и валовых условий внешней торговли).

Произведенные расчеты показывают, что в 2000-2013 гг. величина индекса условий внешней торговли по доходам Республики Таджикистан составила со странами всего

¹ Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан / Статистический сборник. Душанбе, 2001. С.130-268; Там же. 2010. С.182-484; Там же. 2014. С.117-490; Там же. 2018. С.121-480.

мира – 0,612, странами СНГ – 0,247, странами Европы – 0,075, что означает недостаточные благоприятные условия внешней торговли по доходам на данном этапе развития национальной экономики. Наиболее благоприятные условия внешней торговли по доходам наблюдаются со странами Азии – 47,450, странами Америки – 149,47 и странами Африки – 6,749 (за счет индекса реальных условий внешней торговли).

Аналогичными неблагоприятными условиями внешней торговли по доходам характеризуются внешнеторговые отношения со следующими странами – бывшими союзными республиками: Россией – 0,079, Азербайджаном – 0,169, Туркменистаном – 0,349, Узбекистаном – 0,015, Украиной – 0,189, Белоруссией – 0,628. Наиболее благоприятные условия внешней торговли по доходам наблюдаются с Казахстаном – 7,015 (за счет индекса общих условий внешней торговли и индекса валовых условий внешней торговли) и Кыргызстаном – 1,961.

Как показывают результаты произведенных расчетов, наиболее благоприятные условия внешней торговли по доходам в 2000-2017 гг. просматриваются в странах СНГ – 1,021, странах Азии – 1,406 (за счет индекса валовых условий внешней торговли), странах Америки – 476,7 и странах Африки – 2,453 (за счет индекса реальных условий внешней торговли). Менее благоприятные условия внешней торговли по доходам наблюдаются по странам всего мира – 0,859 и Европы – 0,111.

Аналогичными неблагоприятными условиями внешней торговли по доходам характеризуются внешнеторговые отношения со следующими странами – бывшими союзными республиками: Россией – 0,063, Азербайджаном – 0,038, Туркменистаном – 0,172, Украиной – 0,077 и Белоруссией – 0,717. Наиболее благоприятные условия внешней торговли по доходам наблюдаются с Казахстаном – 41,419 (за счет индекса общих условий внешней торговли и индекса валовых условий внешней торговли), Кыргызстаном – 1,961 (за счет индекса валовых условий внешней торговли), Узбекистаном – 4,305 (за счет всех индексов условий внешней торговли).

Анализ представленной системы показателей экономических индексов, иллюстрирующих динамику условий внешней торговли со странами – внешнеторговыми партнерами Республики Таджикистан, с учетом влияния качественных (ценовых факторов) и количественных (физических объемов) факторов на динамику общих условий внешней торговли указывает на то, что в республике по сей день сохраняется большая зависимость отечественного внутреннего рынка от завоза многих продуктов питания и промышленных товаров из-за рубежа, и тем самым нарастает напряженность внутреннего рынка под воздействием экзогенных факторов.

Исходя из вышеизложенного и анализа системы индексов условий внешней торговли, можно сделать вывод, что экономика Республики Таджикистан очень уязвима к внешним шокам из-за узкой экспортной структуры, ее сырьевой ориентации и высокой импортной зависимости. В ближайшие годы Республике Таджикистан необходимо создать надежную производственную базу на основе современной технологии, модернизации существующих мощностей, и в конечном итоге, добиться увеличения доли готовой продукции в экспорте товаров. Данные изменения в производственном секторе страны будут способствовать снижению импорта многих готовых товаров, и в результате их заменит собственное производство [2, с.157]. Как видно из анализа внешних факторов, в настоящее время они имеют значительное влияние на малую открытую экономику Республики Таджикистан.

Литература

1. Воронцовский А.В., Ефимова Е.Г. Крупные открытые экономики: типологизация и проблемы анализа // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. – 2016. Вып. 2. – С. 27-51. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.202
2. Давлятов А.Д. Покупательная способность национальной валюты: теория и практика. – Душанбе: Ирфон, 2011. – 208с.
3. Иброхимов И.Р. Теоретические основы государственного регулирования рынков малой открытой периферийной экономики (на примере Таджикистана). – Душанбе: Ирфон, 2019. – 312с.
4. Каллаур П.В. Обеспечение монетарной и финансовой стабильности: конфликт или гармония целей? // Экономика и банки. – Минск, 2008. – С. 7-11.
5. Костюнина Г.М. Международный обмен товарами и услугами // Международные экономические отношения: учебник / под ред. Н.Н. Ливенцева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 648с.
6. Саидмурадов Л.Х. Международная экономика: теория, история, политика: учебник. – Душанбе: Ирфон, 2002. – 352с.
7. Саидмурадов Л.Х. Экономическая теория открытого хозяйства и проблемы современного Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 2005. – 260с.
8. Саидмурадов Л.Х., Давлятов А.Д. Республика Таджикистан на пути к открытой экономике: очерки эконометрического анализа: коллект. монография / под общ. ред. Л.Х. Саидмурадова. – Душанбе, 2018. – 184с.
9. Сизова Т.М. Статистика: учеб. пособие. – СПб.: СПб ГУИТМО, 2005. – 190 с.

SYSTEM OF INDEXES OF FOREIGN TRADE CONDITIONS WITH THE COUNTRIES OF THE CIS, EUROPA, ASIA, AMERICA AND AFRICA

Davlyatov Abdurashid Jaborovich

Candidate of economical sciences,
senior lecturer of the chair of economic theory and world economy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 227 15 71 (w.); (+992) 918 13 44 43 (m.)
a.d.davlyatov@gmail.com

Mamadaliyev Farukhruz Saifidinovich

Candidate of economical sciences,
associate professor of the chair of economic theory
State university of finance and economics of Tajikistan
734067, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Nakhimov, 64/14
Ph.: (+992 37) 918 12 10 12 (m)
farukhruz-83@mail.ru

In the article, the issues of the influence of exogenous factors on the small open economy of the Republic of Tajikistan have been considered. Foreign trade, export and import quotas are calculated as

indicators reflecting the degree of openness of the national economy and its dependence on the external environment. It is noted that the degree of openness of the national economy today, despite the increase in foreign economic indicators, tends to decline. The volume of export-import operations in a small open economy is analyzed by using some economic and mathematical research methods. It has been determined that during the period under review, there has been a fairly stable growth in both export volumes and import volumes associated with countries of the far and near abroad.

The analysis of the presented system of indicators of economic indices, illustrating the dynamics of the conditions of foreign trade with countries - foreign trade partners of the Republic of Tajikistan, taking into account the influence of both price factors and physical volumes on the dynamics of the general conditions of foreign trade, indicates that a large dependence remains in the republic to this day. The domestic market from the import of many food and industrial goods from abroad and, thus, the tension of the domestic market is increasing under the influence of exogenous factors.

Thus, it was concluded that exogenous factors at the present stage of development of the national economy have a significant impact on the small open economy of the Republic of Tajikistan.

Keywords: small open economy; macroeconomic balance; export; import; the correlation coefficient of the ranks of C.Spearman; foreign trade quota; export quota; import quota; index of gross foreign trade conditions; index of real conditions of foreign trade; index of general conditions of foreign trade; index of conditions of foreign trade by income.

НИЗОМИ НАМОЯҶОИ ШАРОИТИ САВДОИ БЕРУНА БО КИШВАРҶОИ ИДМ, АВРУПО, ОСИЁ, АМЕРИКА ВА АФРИҚО

Давлятов Абдурашид Чаборович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
муаллими калони кафедраи назарияи иқтисодӣ
ва иқтисоди ҷаҳонии

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 227 15 71 (к.); (+992) 918 13 44 43 (м.)
a.d.davlyatov@gmail.com

Мамадалиев Фарухрӯз Сайфидинович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи назарияи иқтисодӣ

Донишгоҳи давлатии молия ва иқтисоди Тоҷикистон
734067, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Нахимов, 64/14
Тел.: (+992 37) 918 12 10 12 (м)
farukhruz-83@mail.ru

Дар мақола масъалаҳои таъсири омилҳои экзогенӣ ба иқтисоди хурди қушодаи Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ шудааст. Қвотаҳои савдои беруна, содиротӣ ва воридотӣ ҳамчун нишондиҳандаҳои, инъикоскунандаи дараҷаи қушоду шаффоф будани иқтисоди миллӣ ва вобастагии он аз муҳити беруна ҳисоб карда шудааст. Зикр мегардад, ки дараҷаи қушод ва шаффоф будани иқтисоди миллӣ дар вазъи имрӯза, новобаста аз болоравии нишондиҳандаҳои иқтисоди беруна, тамоюли пастравӣ дорад. Ҳаҷми таҳлилшудаи амалиёти содиротию воридотӣ дар шароити иқтисоди хурди қушода бо роҳи истифодабарии баъзе усулҳои иқтисодию риёзии таҳқиқот муайян

карда мешавад. Муайян карда шудааст, ки дар давраи баррасишаванда рушди устувори ҳаҷми содирот ва воридоти марбут бо кишварҳои хориҷи дур ва наздик ба назар мерасад.

Таҳлили низоми пешниҳодшудаи нишондиҳандаҳои намоёҳои иқтисодӣ, ки таҳарруки шароити савдои берунаро бо кишварҳо – ҳамшарикони савдои берунаи Ҷумҳурии Тоҷикистон муаррифӣ мекунанд, бо дарназардошти таъсири ҳам омилҳои нархӣ ва ҳам ҳаҷми воқеӣ ба таҳаррук ва шароити савдои беруна ишорат бар он дорад, ки дар ҷумҳурӣ то ба имрӯз вобастагии бозори дохилии ватанӣ аз воридоти бисёр намудҳои маҳсулоти озуқаворӣ ва саноатӣ аз хориҷ боқӣ мемонад ва ин ба зиёдшавии ташаннучи бозори дохилӣ дар таҳти таъсири омилҳои экзогенӣ оварда мерасонад.

Ҳамин тариқ, хулоса карда мешавад, ки омилҳои экзогенӣ дар марҳилаи муносири рушди иқтисоди миллӣ ба иқтисоди хурди кушодаи Ҷумҳурии Тоҷикистон таъсири калон доранд.

Калидвожаҳо: иқтисоди хурди кушода; баробарвазнии макроиқтисодӣ; содирот; воридот; коэффитсиенти коррелятсияи рутбаҳои Ч.Спирмен; квотаи савдои беруна; квотаи содиротӣ; квотаи воридотӣ; намоёи шароити маҷмӯии савдои беруна; намоёи шароити воқеии савдои беруна; намоёи шароити умумии савдои беруна; намоёи шароити савдои беруна аз рӯи даромад.

УДК 811.161.1=221.32

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ
ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Шамбезода Хусрав Джамshedович

Доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 25

В статье анализируется словообразовательная активность заимствований из русского языка в шугнанском языке. Состояние и развитие словообразования в шугнанском языке проявляется в темпах пополнения лексической системы при помощи новых производных слов, в соотношении своего и заимствованного. Динамические процессы в словообразовании связаны с общими языковыми изменениями, вызванными социально-экономическими и политическими преобразованиями в обществе. К таким изменениям, которые усиливаются в связи с развитием электронных средств массовой информации и коммуникации, относят ослабление нормативных правил образования и употребления языковых единиц, что для бесписьменного языка представляется достаточно условным аспектом. В этом контексте наблюдается всплеск неузального словообразования, удельный вес производных слов с заимствованными корнями среди неологизмов постепенно увеличивается, а число лексических заимствований растёт.

Ключевые слова: аффикс; словообразовательная продуктивность; заимствование; суффикс.

Заимствование русских и интернациональных терминов посредством русского языка началось с конца XIX века. Территория, ранее входившая в подчинение Бухарского эмирата, стала пограничной территорией России. Следствием контактов русских с местным населением было заимствование шугнанским языком нескольких десятков слов, часть которых могла войти в язык через крестьян-отходников, а также посредников-переводчиков, работавших при военных отрядах и научных экспедициях. К числу дореволюционных заимствований из русского языка можно отнести следующие слова: *почта*>*почита*, *капитан*>*кефтун*, *завод*>*завбд*, *начальник*>*началек*, *лавка*>*лафка*, *отряд*>*атрат*, *доктор*>*духтур*, *пуд*>*пут*, *николаевский солдат*>*Николай*.

Малочисленность русских и их спорадические контакты с местным населением не могли создать условий для широких языковых контактов и для развития массового двуязычия со вторым русским языком. Поэтому и количество заимствованной из русского языка невелико.

Интенсивность взаимодействия изучаемых нами языков существенно отличается в различные исторические периоды. Если изолированность шугнанцев от внешнего мира, ограниченные экономические, политические и культурные отношения с другими народами, почти полная неграмотность населения замедляли процесс заимствования до революции, то после победы Великой Октябрьской социалистической революции и уста-

новления Советской власти на Памире начинается второй, более продуктивный, этап взаимодействия и взаимовлияния шугнанского, таджикского и русского языков. В предыдущий период заимствовалась в основном бытовая, земледельческая, военная, торговая лексика. Послереволюционная эпоха характеризуется заимствованиями через посредство таджикского и русского языков интернациональной лексики и советизмов. Появление иноязычной лексики связано с социалистическими преобразованиями народного хозяйства, возникновением новых отраслей хозяйственной деятельности, новым бытом, культурной революцией.

Обогащение лексики шугнанского языка происходит при прямом заимствовании новых слов, использовании калек, активизации словообразовательных возможностей шугнанского языка. Создание в 30-х годах письменности на родном языке сыграло огромную роль в развитии шугнанского языка. Но в то же время выяснилось, что лексическая система шугнанского языка оказалась неподготовленной для выполнения новых и широких общественных функций, не в состоянии отразить все преобразования в общественной жизни, поэтому активно заимствуются слова из таджикского и русского языков и через их посредство из других языков. Воздействие таджикского и русского языков на лексическую систему шугнанского языка обнаруживается во всех сферах материальной и духовной жизни шугнанцев. Влияние таджикского языка на раннем этапе было более сильным, чем русского. Так, в 20-30-е годы вся интернациональная терминология и отдельные заимствования из русского языка проникли в лексику шугнанского посредством таджикского языка, поскольку не получило должного развития шугнано-русское двуязычие. Функция языка-посредника на раннем этапе взаимодействия языков повышала роль таджикского языка для шугнанцев.

Особо следует отметить современный этап развития шугнанского языка, когда он стал все больше использоваться в социальных сетях в разноразличной письменной фиксации. Данный этап заслуживает отдельного исследования.

Войдя в лексическую систему шугнанского языка, заимствованные из русского языка существительные не составляют в нем какой-то обособленный лексический пласт, а являются «строительным материалом» для образования новых слов. Русские заимствования легли в основу производных слов, состоящих из русских основ и словообразовательных аффиксов шугнанского языка. Одним из продуктивных способов образования новых слов от заимствованных основ является суффиксальный. Наиболее продуктивными суффиксами шугнанского языка, образующими новые слова от заимствований из русского языка, являются следующие:

1. Суффикс *-(i)ē* образует: 1) от названий сельскохозяйственных культур существительные со значением участка, предназначенного для засева названной культурой (*памидбр*<помидор, *памидбрēль* «участок для засева помидором», *картушкā*<картошка, *картушкāйēль* «участок для засева картофелем»); 2) имена существительные, называющие материал, предназначенный для изготовления чего-либо (*куртка*<куртка *курткайēль* «материал для шитья куртки», *пилōтка*<пилотка *пилоткайēль* «материал для шитья пилоток»).

2. Суффикс *-e* (*-iē*) образует имена существительные со значением рода занятий, деятельности, названного основой: *шōфир*<шофер *шōфире* «работать шофером», *духтур*<доктор *духтуре* «работать врачом».

3. Суффикс *-зор* образует имена существительные, указывающие на изобилие чего-либо: *лимђн*<лимон *лимђнзор* «место, изобилующее лимоном», *йōлка*<елка *йōлказор* «место, изобилующее елкой». В этом значении также может использоваться и суффикс *-истђн*.

4. Суффикс *-гар* образует имена существительные со значением рода деятельности: *винō* < вино *виногар* «винодел», *пелимен* < пельмени *пелименгар* «готовящий пельмени».

5. Суффикс *-бӡн* образует имена существительные со значением «лицо, охраняющее что-либо»: *лагер* < лагерь *лагербӡн* «охраняющий лагерь», *даӡч* < дача *дачбӡн* «охраняющий дачу».

6. Суффикс *-дӡн* образует имена существительные со значением вместилища: *пудре* < пудра *пудредӡн* «пудреница», *ручка* < ручка *ручкадӡн* «пенал».

Как и от заимствований из таджикского языка, от большинства заимствованных из русского языка существительных с конкретным значением образуются слова с дополнительными эмоциональными оттенками, которые возникают в результате присоединения суффиксов субъективной оценки *-ик* и *-ак*. Первый формант придает существительным уменьшительно-ласкательное значение: *салдат* < солдат *солдатик*, *шарик* < шарик *шарикик*. Суффикс *-ак* придает существительным уменьшительно-пренебрежительный оттенок: *мошӡн* < машина *мошинак*, *шӡрф* < шарф *шӡрфак*.

Малопродуктивен в сфере существительных способ образования слов путем сложения основ. Из трех типов копулятивного сложения в заимствованиях из русского языка используется лишь сложение, когда в новообразованиях второй компонент является бессмысленной аллитерацией первого компонента с переходом начального согласного в «*n*» или «*m*»: *белӡт-мелӡт* «билет и что-нибудь подобное», *кинӡ-пинӡ* «кино или что-нибудь подобное». Несколько шире представлены детерминативные сложения. По характеру основ-компонентов детерминативные сложения можно разделить на: 1) сложения, образованные сочетанием двух существительных: *лӡнтльӡй* «место для ленты» (*лӡнт* < лента, *льӡй* «место»), *вуксубӡӡй* «запах уксуса», (*вуксус* < уксус, *бӡй* «запах»); 2) сложения, образованные сочетанием прилагательного и существительного: *тӡрнаӡӡн* «чернопогонник» (*тӡр* «черный», *паӡӡн* < погон), *цӡ~ӡнерӡт* «с острым пером» (*цӡ~ӡ* «острый», *нерӡт* < перо); 3) сложения, образованные сочетанием существительного с причастием на *-ич*, со значением действующего лица и названия орудия труда: *вутукthathич* «гладильщик» (*вутук* < утюг, *thathич* «делающий»), *винӡбирӡзӡль* «пьющий вино» (*винӡ* < вино, *бирӡзӡль* «пьющий»); 4) сложения, образованные сочетанием числительного и существительного (+ суффикс *-а*): *thубалкӡна* «имеющий два балкона» (*thу* «два», *балкӡн* «балкон»), *арайӡтажӡ* «трехэтажка» (*арӡй* «три», *ӡтажӡ* < этаж); 5) сложения, образованные сочетанием существительного с основой инфинитива (+ суффикс *-ак*): *футбӡлбӡцӡтӡк* «состязание в футболе» (*футбӡл* < футбол, *бӡцӡт* < бегӡтӡн «играть»), *капӡйӡwӡthдӡк* «состязание в метании копья» (*капӡйӡ* < копье, *wethд* < wӡthдӡw «метать»).

От заимствованных из русского языка существительных при помощи суффиксов образуются имена прилагательные, наиболее продуктивными из них являются следующие:

1) суффикс *-ин* (*-йин*) образует имена прилагательные со значением «приготовленный из материала, названного основой»: *пиластилӡн* < *пластилин* > *пиластилинин* «пластилиновый», *алебастир* < *алебастр* > *алебастирин* «алебастровый»;

2) суффикс *-ӡ* (*йӡ*) образует от имен существительных относительные прилагательные со значением «принадлежащий кому-либо»: *калхӡз* < колхоз *калхӡзе* «колхозный», *иниститут* < институт > *иниституте* «институтский»;

3) суффикс *-дор* образует прилагательные со значением обладания чем-либо: *решӡтка* < решетка > *решӡткадор* «имеющий решетку, решетчатый», *карнӡз* < карниз > *карнӡздор* «имеющий карниз».

Шугнанским языком заимствованы из русского языка суффиксы, образующие фамилии и отчества, причем форманты *-ов, -ова, -ович, -овна* используются в именах, оканчивающихся на согласный *-ев, -ева, -евич, -евна* в именах, оканчивающихся на гласный. Данные суффиксы образуют фамилии и отчества от собственно шугнанских имен: *Камол – Камолович – Камоловна – Камолов – Камолова; Мирзо – Мирзоев – Мирзоева – Мирзоевич – Мирзоевна*.

Контактирование языков вызывает такое интересное, на наш взгляд, явление, как активизация отдельных грамматических форм. На данном этапе развития шугнанского языка это наглядно можно проиллюстрировать примером социолингвистического анализа форм вежливости. В таджикском и русском языках в общении двух людей могут использоваться два местоимения: местоимения в форме второго лица единственного и множественного числа «ты» и «вы» в значении «ты» («Вы»). Местоимение «ты» используется: а) при неофициальном общении; б) при обращении вышестоящего или старшего к нижестоящему или младшему. Местоимение «Вы» используется: а) при уважительном обращении к старшим; б) при официальном общении. В современном шугнанском языке форма обращения на «Вы» отсутствует. Следует отметить, что еще в начале нашего столетия данная форма употреблялась, но только по отношению к высшим служителям культа (при этом сохранялось обращение на «ты» с богом, что следует отнести к одной из форм интимного общения). С ослаблением позиции религии форма общения на «Вы» вышла из употребления, и уже под влиянием таджикского и русского языков собственно шугнанская форма «Тама» - «Вы» вновь начинает употребляться, причем не только в своей прежней исконной форме, но и с указанными выше значениями: *«Молим, Тамā māи кате на сētō?» - «Учитель, а Вы с нами не пойдете?»*.

Таким образом, заимствованная русского языка лексика не является чем-то инородным в шугнанском языке. Заимствования органически входят в язык, не нарушая веками выработанных грамматических законов, наделяются грамматическими категориями, отсутствующими у заимствований в языке-источнике. Заимствованная лексика служит базой для многочисленных производных, образованных от заимствованных основ посредством присоединения шугнанских языковых элементов. Участие заимствований в образовании новых слов способствует как количественному обогащению лексики заимствующего языка, так и его качественному развитию. Заимствованная лексика не приводит к утрате специфики заимствующего языка. Количественные накопления могут привести лишь к развитию уже существующих в языке собственных грамматических категорий (см. числительные шугнанского языка). Шугнанским языком из таджикского и русского заимствовались самые различные по своему составу слова: непроизводные (корневые), производные, сложные и сложносокращенные. Проникнув в язык, они распределяются по частям речи, при необходимости оформляются аффиксами шугнанского языка. Следствием языковых контактов является активизация отдельных грамматических форм (см. развитие формы «Вы» в шугнанском языке). Следует отметить, что проблема морфологической характеристики заимствований является неизученной в памирском языкознании. Нами намечены самые общие положения теоретического анализа области межъязыковых взаимоотношений. Типизированы те явления, которые поддаются учету. Рассмотренный нами материал подтверждает, что проницаемость грамматического строя шугнанского языка обусловлена социально взаимодействием шугнанского, таджикского и русского языков.

Литература

1. Баранникова Л.И. Особенности проявления действия экстралингвистических факторов в лексических системах и подсистемах // Язык и общество. Роль экстралингвистических факторов в развитии лексических подсистем: межвуз. науч. сб. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. –С.3-9.
2. Бахтибеков Г. Грамматика шугнанского языка. – Душанбе, 1979. – 146 с. (на тадж.яз.)
3. Бородина М.А. Влияние иноязычных систем на развитие языка // Вопросы социальной лингвистики. –Л., 1969. –С.89-110.
4. Ильина О.В. Семантическое освоение русским языком иноязычных лексических инноваций // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск, 1998. – С.41-48 127-155.
5. Карамшоев Д. О специфике заимствованных слов в памирских языках (на материале шугнанского языка) // Памирские языки и фольклор. – Душанбе, 1972. –С.83-97.
6. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык в школе. – 1994. – №6. –С.56-63.
7. Радбиль Т.Б. Социокультурные, лингвокогнитивные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов / Т.Б.Радбиль, Л.В.Рацибурская, Н.А.Бакич, Е.А.Жданова, В.А.Торопкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2018. – №2. – С.127-155.
8. Цыганкова Н.Д. Словообразовательные тенденции современного целенаправленного словотворчества // Концепция устойчивого развития науки третьего тысячелетия: материалы Международной научно-практической конференции. – СПб, 2016. –С.94-98.

WORD-BUILDING ACTIVITY OF BORROWINGS FROM THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE SHUGNAN LANGUAGE

Shambezoda Khusrav Jamshedovich

Doctor of Philology,
professor of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 44 620 42 25

In the article, the word-formation activity of borrowings from the Russian language in the Shugnan language is considered. The state and development of word-formation in the Shugnan language is manifested in the rate of replenishment of the lexical system with the help of new derivative words in the ratio of one's own and borrowed. Dynamic processes in word formation are associated with general linguistic changes caused by socio-economic and political transformations in society. Such changes, which are intensifying in connection with the development of electronic media and communication, include the weakening of the normative rules for the formation and use of linguistic units, which for a non-written, already normative aspect seems to be a rather conventional aspect. Under these conditions, there is a surge in non-usual word formation, the proportion of derived words with borrowed roots among neologisms is gradually increasing, and the number of lexical borrowings is growing.

Keywords: affix; word-formation productivity; borrowing; suffix.

**КАЛИМАСОЗИИ ФАЪОЛИ ИҚТИБОСКУНӢ АЗ ЗАБОНИ РУСӢ
ДАР ЗАБОНИ ШУҒНОНӢ**

Шамбезода Хусрав Ҷамшедович

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 25

В мақола фаъолнокии калимасозии иқтибосҳо аз забони русӣ дар забони шуғнонӣ мавриди таҳлил қарор дода шудааст. Вазъият ва рушди калимасозӣ дар забони шуғнонӣ аз суръати пуршавии низоми луғавӣ тавассути калимаҳои нави сохта дар таносуби калимаҳои модарӣ ва иқтибосӣ бармеояд. Равандҳои динамикии калимасозӣ бо табаддулотҳои умумии забонӣ ва тағйироте, ки сабабгояшон табаддулотҳои иҷтимоиву иқтисодӣ ва сиёсӣ дар ҷамъият мебошанд, вобастагӣ доранд. Ба чунин тағйироте, ки аз пешрафти воситаҳои электронии иттилоотикунонӣ ва муоширати оммавӣ вобаста мебошанд, сустшавии қоидаҳои меъёри таҳсилот ва истифодабарии воҳидҳои забонӣ мансубанд, ки барои забони бехат меъёрнокӣ бе ин ҳам ҷиҳати хеле шартӣ мебошад. Дар чунин шароит тарқиши калимасозии ғайриузвалан ба назар мерасад, вазни қиёсии калимаҳои сохта бо решаҳои иқтибосӣ дар байни неологизмҳо тадриҷан зиёд мешавад ва миқдори иқтибосҳои луғавӣ торафт зиёд мегардад.

Калидвожаҳо: аффикс; самаранокии калимасозӣ; иқтибоскунӣ; пасванд.

УДК 070(091)(47)

ВОСТОЧНАЯ ТЕМАТИКА В РУССКОЙ ПЕРИОДИКЕ XVIII-XIX вв.

Рахманов Бахтиёр Рузикулович

Доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой литературы
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 10
rbregar@mail.ru

В XVII-XVIII веках сборники восточных сказок, мифология и фольклор, назидательные притчи и басни, сюжеты и мотивы персидско-таджикской литературы проникли в русскую литературу. Переводы ориентальной литературы на русский язык из западноевропейских источников публикуются в периодических изданиях.

Первым из персидско-таджикских классиков привлек внимание русских литературоведов мудростью и дидактизмом произведений Саади Ширази. Сочинения Саади публикуются в журналах XVIII века «Трудолюбивый муравей» (1771), «Утренний свет» (1778), «Покоящийся трудолюбец» (1784), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794-1795).

Благодаря публикациям в периодике, русский читатель знакомится с исследованиями европейской ориенталистики. В журнале «Вестник Европы» №9 мая 1815 г. опубликована статья французского ориенталиста А.Журдена «О языке Персидском и словесности», оценке русских романтиков персидско-таджикской классики посвящено исследование Д.П.Ознобишина «Восточная литература. О духе поэзии Восточных народов...», которая опубликована в журнале «Сын Отечества» (1826).

Восточная тематика нашла отражение и в «Библиотеке для чтения», редактором которой был О.И.Сенковский. В списке публикаций О.И.Сенковского – статьи, помещенные в разных изданиях и в «Библиотеке для чтения», путевые заметки о путешествии по Востоку, его художественные произведения и научные исследования.

Таким образом, в журналах и альманахах XVIII-XIX веков существенное место отводится переводам из восточной литературы и исследованиям европейских и русских ориенталистов по литературным связям, что внесло существенный вклад в распространение и пропаганду восточной литературы.

Ключевые слова: ориентальная литература; журналистика и публицистика; персидско-таджикская литература; русско-восточные литературные связи.

В XVII-XVIII веках сборники восточных сказок («Тысячи и одной ночи», «Калилы и Димны», «Книга попугая»), мифология и фольклор, назидательные притчи и басни, сюжеты и мотивы персидско-таджикской литературы начали активно проникать в русскую литературу. Это могли быть переводы ориентальной литературы на русский язык из западноевропейских источников. Затем появившиеся с начала XIX века в русских периодических изданиях («Азиатский вестник», «Полярная звезда», «Современник», «Мнемозина», «Пчела», «Вестник Европы», «Московский наблюдатель», «Русская мысль» и др.) образцы прямого перевода, переложения некоторых творений классиков

Востока, осуществленные на русский непосредственно с восточных языков, способствовали тому, что процесс освоения восточной литературы стал набирать удивительно быстрые обороты» [9, с.4]. Эти публикации переводов художественных текстов и литературно-критических статей по ориентализму способствовали пропаганде и ускорению освоения восточной литературы.

Так, одним из первых персидско-таджикских классиков, привлечшим внимание европейских и русских литературоведов мудростью и дидактизмом произведений, является Саади Ширази. «В российских журналах XVIII века «Грудолобивый муравей» (1771), «Утренний свет» (1778), «Покоящийся трудолюбец» (1784), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794-1795) произведения Саади публикуются часто» [10, с.23-24].

В «Искусстве править государством, или наставление престарелого Персидского монарха сыну его» (опубликовано в журнале «Покоящийся трудолюбец») персидский правитель делится с наследником искусством правления, о премудрости человеческой и соблюдении законов. «Не подавай ни одному из служителей своих случая надеяться, что может тебя обмануть или поступить несправедливо не быв узнан. Надзирайте над ними; нападайте на них врасплох, не опускайте каждого способного случая, в котором можешь испытать их верность»¹. Наследник узнает о пользе государству от ученых: «Люби науки. Они весьма нужны и полезны...»². Говорится о необходимости торговли, о вреде войны. «Не старайся распространить своего владения. ...Завоевания никогда не равняется тому несчастью, которое завоеватель причиняет своему народу»³.

В произведениях Саади мы находим эти рассуждения. Из главы первой «О справедливости, мудрости и рассудительности» «Бустана»:

*Правителей правдивых назначай,
Умеющих благоустроить край...⁴
На должность мужа чести назначай,
Кормило власти нищим не вручай...
Но честного едва ль найдёшь из ста;
Сам проверяй все книги и счета»⁵.*

Наследника поучают: «Пекись о том, чтоб дороги были в хорошем состоянии и безопасны. Покровительствуй купцам и не ограничивай вольности торговли излишними законами. Они суть подпора твоего государства. Почитай их, престол твой заимствует свой блеск от их трудов»⁶.

Это созвучно повествованию «Бустана» Саади:
Купец какой-то хорошо сказал,

¹ Искусство править государством, или наставление престарелого Персидского монарха сыну его // Покоящийся трудолюбец. Периодическое издание, служащее продолжением Вечерней Зари. Заключающее в себе богословския, философския, нравоучительныя, историческия, и всякого рода как важныя так и забавныя материи, к пользе и удовольствию любопытных читателей, состоящая из подлинных Сочинений на Российском языке и переводов с лучших иностранных писателей в стихах и прозе. М.: универ. типография у Н.Новикова, 1784. Ч.I. 121 с.

² Там же. 121 с.

³ Там же. 121 с.

⁴ Саади. Бустан. Лирика / Саади Ширази; пер. с перс. В.Державина, А.Старостина. М.: Худ. лит-ра, 1962. С.58.

⁵ Там же. С.61.

⁶ Искусство править государством, или наставление престарелого Персидского монарха сыну его // Покоящийся трудолюбец... 123 с.

*Когда он в плен к разбойникам попал:
 ...Беда стране, где властвует разбой,
 Не будет прибыли стране такой...
 Чтоб славу добрую завоевать,
 Шах чужеземцев должен охранять.
 Уважь пришельцев, что приюта просят,
 Они ведь славу добрую разносят.
 А если гостелюбья нет в стране –
 Ущерб и государству будет и казне¹.*

Другой перевод² из восточной литературы: «Наставление, данное от отца детям, как обходиться в свете» (в журнале «Трудолюбивый муравей»). Умудрённый жизнью человек дает советы детям: «Я намерен вам, любезные мои дети, показать несколько примеров и общих правил могущих, между тем, как вы сами собою жить на свете научитесь, избавить вас от насмешек, которые всегда надлежит претерпевать, вступив в светское обхождение; а наипаче, ежели добрым и искусным приятелем руководимы не будете»³. Придерживайтесь правил общения – будьте честными и приветливыми. «Также должно вам наблюдать тихость, ласковость, учтивость и честность в обхождении с людьми, дабы всем вы были угодны и любезны»⁴. Призывает к бережливости в расходах – «Не теряйте денег на блестящие мелочи, ни на безделки»⁵. Основой успеха и счастья является трудолюбие и разумный образ жизни: «Не страшитесь трудов: для приобретения счастья надобно быть проворну, много осторожно и разуму;...»⁶. Таджикский ориенталист А.Р.Гейзер в своём исследовании указывает первоисточник «Наставлений...»: «В самом наставлении целый ряд суждений и высказываний имеет параллели с суждениями Саади» [4, с.13]. Но при этом следует учитывать, что многие переводы из персидско-таджикской классики имели посредника. Перевод (переложение) с оригинала был осуществлен вначале на европейский язык, а потом на русский.

К началу XIX века публицистика, отражая творческие поиски писателей и отвечая требованиям читателей, уделяет большое внимание восточной тематике. П.И. Тартаковский в научном труде «Пушкин, русская классика и литература народов Востока», рассуждая о большом объеме ориентальной темы в публицистике, пишет: «Альманахи и журналы 20-х годов, заполнены переводами и подражаниями восточным поэтам, статьями, где поэзия Востока рассматривается уже национально дифференцированно, и сделаны попытки разобраться в ее методологии, жанровых особенностях (касыда, макама, газель), в специфике восточной монорифмы» [12, с.38].

Одна такая статья «О языке Персидском и словесности» знакомит с восточной литературой и опубликована в журнале «Вестник Европы» (№ 9 май 1815 г.). Автором является французский ориенталист А.Журден⁷. Статья не является полным переводом книги Журдена. «Это были обширные извлечения из книги французского ориенталиста

¹ Саади. Бустан. 59 с.

² Информацией о переводчике не располагаем, так как он скрыт под инициалами «А.К.»

³ Наставление, данное от отца детям, как обходиться в свете // Трудолюбивый муравей. СПб., 1771. №18. С.137.

⁴ Там же. С.137.

⁵ Там же. С.141.

⁶ Там же.

⁷ Амабль Луи Мария Мишель Журден ([фр. Amable Jourdain](http://fr.Amable_Jourdain), 1788-1818) – [французский востоковед](http://fr.востоковед)).

А.Журдена «Персия, или картина управления, религии, литературы этой страны» (1814), посвященные классикам восточной литературы, получившим мировую известность: Фирдоуси, Саади, Хафиз, и знакомит со многими ранее неизвестными образцами персидско-таджикской лирики» [2, с.34]. Укажем, что в названии исследования Журдена говорится о государственном управлении, религии и литературе. Переводчик статьи отобрал литературоведческий материал, который знакомит с персидско-таджикской литературой и таким образом пропагандирует восточную словесность. В статье говорится об особенностях восточных языков и литератур, даны характеристики творчества известных персидских классиков.

Предваряет разговор о восточной словесности пример остроумного вымысла о библейской интерпретации изгнания Адама и Евы из Эдема. В этом маленьком рассказе указывается на своеобразие восточных языков – арабского, персидского и турецкого. Змей, обманывая и прельщая Еву, «употребил язык арабской, сильной и убедительной» [7, №9, ч.81, с.29]. Ева говорит с Адамом на персидском языке – «исполненном прелестей, нежности, на языке самой любви» [7, №9, ч.81, с.29]. Гавриил вначале употребил арабский и персидский, пытаясь изгнать Адама и Еву. И заговорил на турецком наречии – «страшном и гремящем подобному грому». «Едва он начал говорить на оном, как страх объял наших прародителей, и они тотчас оставили обитель блаженную!» [7, №9, ч.81, с.29]. Эти примеры демонстрировали читателям фонетические особенности восточных языков. При этом автор выделил мягкость и звучность персидского языка. Это не случайно. «Ведь романтизм, в противовес классической подражательности и поклонению античному, провозгласил принцип индивидуальности и самобытности литератур. Имея индивидуальные черты, связанные с фонетическими особенностями языка, литературы народов Востока самоценны и самобытны» [9, с.40].

Еще одним примером распространения и пропаганды ориентальной литературы в русском обществе является творчество и научно-исследовательская работа писателя-ориенталиста Д.П.Ознобишина. Разговор об оценке персидско-таджикской классики русскими романтиками невозможен без исследования Д.П.Ознобишина «Восточная литература. О духе поэзии Восточных народов...», которая была опубликована в журнале «Сын Отечества» (1826). Делибюрадер (псевдоним Д.П.Ознобишина) указывает на самобытность и индивидуальность культуры и литературы, быта и традиций народов: «Климат, Правление, Религия, предания, нравы, образ воспитания, наконец степень просвещения более или менее определяют сие различие, которое столь видимо проявляется в нравственном характере человека, а от сего непосредственно – в искусствах свободных или изящных, где преимущественно отражается дух его» [8, №4, ч.105, с.387]. В статье Д.П.Ознобишина рассматриваются особенности арабской, персидской, турецкой поэзии: «Пламенное воображение восточных народов стремится все вокруг себя одушевить, вывести все духовное из мира вещественного, и все лишнее тела из жизни привести в сочувствие и движение» [8, №4, ч.105, с.390]. Восточная поэзия предстает свободной стихией, эта свобода воображения и привлекает внимание европейских читателей. Указывая на возможности слова восточных народов, ориенталист пишет: «Оттого находим в ней ту гибкость в выражении, то невообразимое видоизменение слова и, наконец, тот избыток метафор, противоположений, ту безчисленность украшений, иногда самых выисканных, то разнообразие и вместе гармонию размеров, которых красоты и недостатки, можно сказать, недостижимы для других народов [8, №4, ч.105, с.397]. В работе Д.П.Ознобишина звучит мысль, что свобода воображения и следование естественности, богатство красок, восточные темы и образы обогатят мировой литературный процесс.

О ценности и значимости персидско-таджикской классики свидетельствуют слова Ознобишина: «Каковым является *Фирдуси* (Фирдоуси) в исторической Эпосе, таков, и не менее славен *Низами* в роде романтического, *Энвери* как Панегирик, *Джелаледин* как Писатель мистический, *Саади* как нравоучитель и, наконец, *Гафиц* (Хафиз), как поэт эротический, коего газели (оды), без всякого пристрастия назвать можно неоцененными перлами Востока» [8, №4, ч.105, с.400-401].

Другая статья Д.П. Ознобишина, посвященная искусствам и литературам Востока, «Отрывок из сочинения об искусствах», напечатана в «Северной лире» в 1827 г. Ориенталист повествует о восточной музыке и её влиянии на сознание человека, приводит примеры о значении и силе музыки в жизни индусов, арабов, персов. Так, Д.П. Ознобишин ссылается в статье на сведения Гербелота¹: «Бывши однажды в обществе с Сахеб бен Ибадом, Фараби², взял лютию из рук одного музыканта и своею искусною игрою заставил всех присутствующих смеяться; потом, переменяя тон музыки, привёл их в слёзы и, наконец, новою переменою погрузил всех в глубокий сон» [6, с.196].

Персидско-таджикскую классику в статье Д.П.Ознобишина представляют отрывки из «Тути-наме, «Шахнаме» Фирдоуси и в заключении статьи – перевод автора из «Гулистана» Саади.

*Только сорванный лишь с ветки,
На террасе у беседки,
Я пучок увидел роз;
С ним травка обвивалась.
«Ты, спросил я, как попалась?
Кто презренную занес?»
– Не срывай меня! – сказала
Дочь стыдливая полей, –
В цвете – прелести очей
Мне природа отказала;
Но от розы получала
Я бесценный аромат, –
Нас один взлелеял сад³.*

О роли публицистики в распространении и пропаганде восточной литературы свидетельствует исследование Т.М.Гольц. В примечаниях к очерку о Д.П.Ознобишине «Сердце брата» написано: «Стихотворения Д.П. Ознобишина отдельными изданиями не выходили; они печатались в журналах и альманахах прошлого столетия» [6, с.397]. Среди этих периодических изданий она называет журналы – «Галателея», «Северные цветы», «Молва», «Телескоп», «Московский наблюдатель», «Отечественные записки». «Во-

¹ «Один из трудов XVIII века, вобравший европейские познания о Востоке, является «Восточная библиотека» Бартеlemi д'Эрбело де Моленвиля. Этот универсальный словарь, состоящий из 8600 статей [6, с.26], содержал сведения о народах Востока: историю и традиции, религию и законы, политику и правительства, обычаи и нравы, науку и искусства, географию и медицину и т.д. В названии автор уточняет о сведениях – деяниях известных людей (поэтов), их произведениях (трактатах, переводах, сборниках – т.е. о книгах, написанных на арабском, персидском и тюркском языках)» [11, с.12].

² Фараби (ал-Фараби Абу Наср, 870-950) – философ и ученый-энциклопедист. «Большой трактат о музыке» Фараби – важнейший источник сведений о музыке Востока и древнегреческой музыкальной системе» [4, с.204].

³ Гольц Т.М. Сердце брата: очерк. 2 изд., испр. и доп. Душанбе: Адиб, 1991. 197 с.

сточные» повести Ознобишина стали известны русскому читателю именно в журнальном варианте. Т.М.Гольц указала, что повести «Посещение» и «Идеал» опубликованы в журнале «Северная лира» за 1827 г., повесть «Желание» напечатана в «Галатее» (1829 г., Ч.9), а «Соперничество шести невольниц» – в «Моквитягине» (1841 г., №2).

Говоря о восточной тематике в журналистике и публицистике начала XIX века, необходимо сказать и о А.А.Бестужева-Марлинском. Свои литературоведческие обзоры писатель-критик напечатал в альманахе «Полярная звезда» выпускаемом им совместно с К.Ф.Рылеевым. Статья «Взгляд на старую и новую словесность в России» появилась в «Полярной звезде» в 1823 году, «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» – в 1824 году, а в «Полярной звезде» за 1825 год напечатан «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 года и начале 1825 года».

Писатель-ориенталист, журналист и общественный деятель, А.А.Бестужев-Марлинский своими критическими статьями и восточными произведениями сыграл важную роль в утверждении темы Востока в русской литературе. В произведениях А.А.Бестужева-Марлинского романтическое освоение Востока достигло вершин совершенства. Признанный теоретик, лидер и идеолог русского романтизма, А.А.Бестужев-Марлинский при анализе романа Н.А.Полевого «Клятва при гробе господнем» широко и масштабно развернул свою концепцию романтизма и высказал при этом интересные мысли о взаимодействии и взаимовлиянии восточных и европейских культур. Так как Бестужев выступал сторонником нового течения в литературе и критиком классицизма, то он использует публицистику для распространения своих романтических взглядов. Он опубликовал статью-рецензию¹ в «Московском телеграфе» за 1833 год [1, с.12]. «Бестужев-Марлинский глубже и обстоятельнее, чем кто-либо другой и когда-либо ранее, разработал теорию романтизма. Рассматривая в критической статье эволюцию романтического мирозерцания, декабрист отмечает вехи формирования, утверждения и движения романтических идей» [9, с.68].

Говоря о давних культурно-экономических связях Запада и Востока, Бестужев-Марлинский писал: «Странное дело: Востоку суждено было искони высылать в другие концы мира, с индиго, с кошенилью и пряностями, свои поверья и верования, свои символы и сказки; но Северу подлежало очистить их от грубой коры, переплавить, одухотворить, идеализировать» [3, с.573]. Суждения европейских ориенталистов, что Восток – это мир чувств, эмоций и страсти, а Запад представляет мир разума, отразился в статье: «Восток просвещал их в каком-то магнетическом сне, бессвязно, безотчётно; Север возрастил их в теплице анализа, - ибо Восток есть воображение, а Север – разум» [3, с.573]. Восток принёс в Европу изящную поэзию и архитектуру, блески, благовония, семена веротерпимости. Восточная наука и культура поделилась своими достижениями: «Науки раздвинулись опытным познанием света. Словесность разбогатела восточными сказками, столь причудливыми, столь замысловатыми!» [3, с.578]. Восток для европейца явился в некоторых вопросах эталоном поведения. «Трудно постичь, как могли мавры-мусульмане возвыситься до такой степени чистоты в понятиях уважения к женщине и рыцарской чести, в чём они стали указкою для европейцев!» [3, с.577]. Восточная речь привлекла внимание мастеров слова: «Бросая символический букет на грудь своей любезной, мавр изъяснялся и в речи цветами, подобиями, гиперболами» [3, с.578].

Обширно высказался Бестужев-Марлинский о персидско-таджикской литературе. Приводим большую цитату из статьи писателя-критика, в которой звучит признание и

¹ «Московский телеграф» 1833 год, № XV, XVI, XVII, XVIII.

поклонение восточной классике: «Между тем как поэтическая религия ислама, подобно лаве, растекается по Востоку и зажигает его, сладкозвучный Фердуси (Фирдоуси) плавит в радуго предания Персии и связывает ею истину с вымыслами. Говорю о «Шах-наме» (повесть царей)... Мил гуляка Гафиз (Хафиз), трогателен мудрец Саади, но Фердуси – о, это водопад Державина!» [3, с. 568].

А.А.Бестужев-Марлинский в ссылке на Кавказе делится с читателями своими впечатлениями и печатается в «Библиотеке для чтения» под псевдонимом Александр Марлинский. «Прощание с Каспием» в томе VI за 1834 год, «Путь до города Кубы» в томе XVII за 1836 год, три очерка в томе XI за 1834 год. «Восточные» повести «Мулла-Нур» (быль) впервые опубликована в «Библиотеке для чтения» в 1836 году в XVII томе, а «Аммалат-бек», определённый писателем «Кавказской былью», напечатан в «Московском телеграфе» за 1832 год в №№ 1-4.

В исследовании о восточной тематике в журналистике и публицистике необходимо выделить и «Библиотеку для чтения»¹ и её редактора О.И.Сенковского. О нем сказано: «Внешняя жизнь его, как и большей части мужей мысли и пера, протекла довольно однообразно: в молодости он два года путешествовал по Азии и Африке, потом был двадцать пять лет профессором и двадцать лет журналистом!» [11, I, с.XV]. В главе «О жизни и трудах» Собрания сочинений (в 8 томах) сказано, что Сенковский за два года с 1820 по 1822 годы посетил Турцию, Сирию, Египет и изучил мусульманский Восток, «в его рукописях и живом быте» - религию, законы, литературу, предания и суеверия, нравы и обычаи. Годы учебы в Азии дали знания, чтобы стать первостепенным ориенталистом. Его перу принадлежат перевод «Басен Лукмана (1819), газелей Хафиза (1820), «Восточные сказки».

Приведем список публикаций О.И.Сенковского (статьи, помещенные в разных изданиях до выхода «Библиотеке для Чтения»): «Посещение пирамид. Из путевых записок И.Сенковского (Сын Отечества, 1822, №I, ч.LXXV, с.16-30, 116-122); «Возвратный путь из Египта чрез Архипелаг и часть Малой Азии. Отрывок из дневных путевых записок И.Сенковского (Северный Архив, 1822, ч.I, с.421-443, ч.II, с.45-52, ч.III, с.301-320); «Об изучении арабского языка (Сын Отечества, 1822, ч.LXXX, с.248-167). «Бедуин. Повесть. Перевод с арабского» (Полярная Звезда, 1823, с.378-385); «Витязь буланого коня. Арабская касыда» (Полярная Звезда, 1824, с.297-307); «Деревянная красавица. Восточная повесть. С татарско-азербайджанского наречия (Полярная Звезда, 1825, с.174-182); «Бедуинка. С арабского» (Северные Цветы, 1828, с.166-185); «Смерть Шанфария. С арабского. (Альбом Северных Муз, 1828, с.279-321); «Вор. Восточная повесть. С арабского» (Северные Цветы, 1830, с.242-76); «Антар. Восточная повесть» (Там же, с.69-108) [11, I, с.XV]. В «Библиотеке для Чтения» опубликованы: «Поэзия Пустыни, или Поэзия Аравитян до Магомета» (1837, XXXI, с.93-130); «Падение Ширванского царства» (1842, LI, сс.9-74, 79-164), «Манифест Дария сына Истаспова и прочие каменописные памятники древних царей Персии. Статья первая» (1848, LXXXVI, с.59-94). Мы видим в журналах и альманахах и заметки О.И.Сенковского о путешествии по Востоку, его художественные произведения, и научные исследования.

Подводя итог, можно отметить, что в журналах и альманахах XVIII- XIX веков существенное место отводится переводам из восточной, в частности персидско-таджикской, литературы и исследованиям европейских и русских ориенталистов по ли-

¹ Библиотека для Чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. С.Петербурга. С 1834 по 1856. Сто тридцать семь томов или 273 ежемесячных книги. Имени редактора не было выставляемо на заглавном листе [11, I, с.CXVII].

тературным связям. Публицистика вносит вклад в распространение и пропаганду восточной литературы.

Литература

1. Алимова Д.Х. Восприятие и осмысление персидско-таджикской литературы русской критикой первой половины XIX века: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Алимова Д.Х. – Самарканд: Сам. ГУ, 1995. – 24 с.
2. Алимова Д.Х. Русско-восточные литературные связи: учеб.-метод. пособие: в 2 ч. – Самарканд: Сам. ГУ, 2012. – Ч. 1. – 76 с.
3. Бестужев-Марлинский А.А. О романе Н.Полевого «Клятва при гробе господнем» // Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Гос. изд. худ. лит-ра, 1958. – С 559-615.
4. Гейзер, А.Р. Первые встречи. Русская литература XVIII века. Источники. Посредники. Новые факты. – Берлин; Худжанд, 1999. – 48 с.
5. Гольц Т.М. К проблеме влияния таджикско-персидской литературы на русскую литературу 20-30 гг. XIX века: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.03 / Гольц Татьяна Моисеевна. – Душанбе, 1980. – 19 с.
6. Гольц Т.М. Сердце брата: очерк. – 2-е изд., испр. и доп. – Душанбе: Адиб, 1991. – 207 с.
7. Журден, А. О языке персидском и словесности / Амабль Журден // Вестник Европы. – 81 часть. – № 9. – май 1815. – С. 28-38; – 82 часть. – № 12. – июнь 1815. – С. 284-296; – 82 часть. – № 13. – июль 1815. – С.33-50; – 82 часть. – № 14. – июль 1815. – С.109-120; – 82 часть. – № 15. – август 1815. – С.168-174.
8. Ознобишин, Д.П. Восточная литература. О духе поэзии восточных народов, и рассмотрение статьи Московского Телеграфа под заглавием: Новейшие исследования и сочинения касательно восточной литературы и древностей // Сын Отечества. – 1826. – № 4. – Ч.105. – С. 382-402.; – 1826. – №5. – Ч.106. – С. 63-80; –С. 161-178; – С. 272-292; – С. 351-374.
9. Рахманов Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века: монография. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 314 с.
10. Рахмонова Н.Р. Вхождение Саади в русскую литературу: литературные связи и проблема перевода: монография. – Душанбе: ТНУ, 2021. –103 с.
11. Сенковский О.И. Собр. соч.: в 8 т. – СПб.: 1858. – Т. 1. – 517 с.; – Т. 3. – 504 с.; – Т. 5. – 576 с.; – СПб.: 1859. – Т.6. – 631 с.; – Т.7. – 639 с.; – Т.8. – 630 с.
12. Гартаковский П.И. Пушкин, русская классика и литература народов Востока // Пушкин и мир Востока. – М., 1999. – 160 с.

**EASTERN THEME IN THE RUSSIAN PERIODIC
of XVIII-XIX centuries**

Rakhmanov Bakhtiyor Ruzikulovich

Doctor of Philology,
professor of the char of world literature
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 44 620 42 10
rbregar@mail.ru

In the 17th-18th centuries, collections of oriental tales, mythology and folklore, edifying parables and fables, plots and motifs of Persian-Tajik literature penetrated Russian literature. Translations of oriental literature into Russian from Western European sources are published in periodicals.

Saadi Shirazi was the first of the Persian-Tajik classics who attracted the attention of Russian literary critics with the wisdom and didacticism of his works. Saadi's works are published in the journals of the 18th century "Hardworking Ant" (1771), "Morning Light" (1778), "The Resting Worker" (1784), "Pleasant and Useful Passing of Time" (1794-1795).

Thanks to publications in periodicals, the Russian reader gets acquainted with the studies of European Orientalism. In the journal "Vestnik Evropy" №9 May 1815, an article by the French orientalist A.Jourdain was published "On the Persian language and literature". The study of D.P.Oznobishin "Eastern literature. On the spirit of the poetry of the Eastern peoples ..." was dedicated to assessment of Russian romantics of Persian-Tajik classical literature, which was published in the journal "Son of the Fatherland" (1826).

Oriental themes were also reflected in the "Library for Reading", which was edited by O.I.Senkovsky. In the list of publications by O.I.Senkovsky – (articles placed in different editions and in the "Library for reading") travel notes about the journey to the East, his works of art and scientific research.

Thus, in journals and almanacs of the 18th-19th centuries, a significant place is given to translations from oriental literature and studies of European and Russian orientalists on literary ties, which made a significant contribution to the dissemination and promotion of oriental literature.

Keywords: oriental literature; journalism and journalism; Persian-Tajik literature; Russian-Eastern literary ties.

ДОИРАИ МАВЗЎОТИ ШАРҚӢ ДАР МАТБУОТИ
ДАВРИИ АСРҲОИ XVIII-XIX РОССИЯ

Рахманов Бахтиёр Рузикулович

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи адабиёти ҷаҳон
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 10
rbrregar@mail.ru

Дар асрҳои XVII-XVIII маҷмӯаҳои афсонаҳо, асотир ва фолклори шарқӣ, панду андарз ва ривоятҳои халқӣ, суҷа ва мавзӯоти адабиёти тоҷику форс ба адабиёти рус роҳ ёфтанд. Тарҷумаи адабиёти шарқ ба забони русӣ аз сарчашмаҳои Аврупои Ғарбӣ дар нашрияҳои даврӣ интишор ёфтандизданиях.

Аввалин шуда аз классикони адабиёти тоҷику форс тавачҷуҳи адабиётшиносони русро бо хирадноқӣ ва пандомӯзии асарҳояш Саъдии Шерозӣ ба худ ҷалб намудааст. Осри Саъдӣ дар маҷаллаҳои асри XVIII «Трудолюбивый муравей» (1771), «Утренний свет» (1778), «Покоящийся трудолюбец» (1784), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794-1795) ба таъб расидааст.

Ба шарофати интишорот дар матбуоти даврӣ хонандагони рус бо таҳқиқот дар соҳаи ориенталистикаи аврупоӣ ошно гардиданд. Дар маҷаллаи «Вестник Европы» таҳти №9 аз майи соли 1815 мақолаи ориенталисти фаронсавӣ А.Журден «О языке Персидском и словесности» (Оид ба забони форсӣ ва калом) нашр гардид. Ба арзёбии адабиёти классикии тоҷику форс аз тарафи романтикҳои рус таҳқиқоти Д.П.Ознобишин «Адабиёти шарқ. Роҷеъ ба рӯҳияи назми халқҳои Шарқ...», ки дар маҷаллаи «Сын Отечества» (1826) нашр гардида буд, бахшида шудааст.

Доираи мавзӯоти шарқӣ ҳамчунин дар «Китобхона барои хониш» инъикос ёфтааст, ки муҳаррири он О.И.Сенковский буд. Дар рӯйхати интишороти О.И.Сенковский – (мақолаҳои дар нашрияҳои гуногун ва «Китобхона барои хониш» ҷой додашуда) сафарномаҳо ва хотироти зимни сафари Шарқ гирифташуда, асарҳои бадеӣ ва таҳқиқоти илмӣ мавсуф ҷой дода шудаанд.

Ҳамин тариқ, дар маҷаллаву тазкираҳои асрҳои XVIII-XIX ба тарҷумаҳои адабиёти шарқӣ ва таҳқиқоти ориенталистони аврупоӣ ва рус доир ба робитаҳои адабӣ тавачҷуҳи махсус дода шудааст, ки ин ба раванди паҳнсозӣ ва тарғиб намудани адабиёти шарқӣ саҳми бориз гузоштааст.

Калидвожаҳо: адабиёти ориенталӣ; журналистика ва публицистика; адабиёти тоҷику форс; робитаҳои адабии русӣ ва шарқӣ.

УДК 821.161.1-14=222.8

**ПОЭЗИЯ А.С.ПУШКИНА В ВОСПРИЯТИИ ТАДЖИКСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ
(К ИСТОРИИ ВОПРОСА)**

Холов Хол Раджабович

Доктор филологических наук,
доцент кафедры таджикского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 33 73
hol56@list.ru

В статье рассматривается процесс вхождения произведений А.С.Пушкина в таджикскую культурную среду первой половины XX века, даётся оценка воздействия творчества поэта на таджикских литераторов. Прослеживается история осмысления пушкинских идей в творческом сознании таджикской интеллигенции (писателей, критиков), обосновывается связь освоения наследия А.С.Пушкина с особенностями традиций таджикской культуры и литературы. Отмечается, что А.С.Пушкин воспринимался таджикскими писателями прежде всего как романтик, в связи с чем они акцентировали своё внимание на свободолюбивой лирике поэта. Важными критериями восприятия Пушкина стали его критика самодержавия и народность творчества. Подчеркивается, что в процессе становления современной переводческой школы огромную роль сыграли переводы наследия великого русского поэта.

Ключевые слова: перевод; критика; литературоведение; таджикская литература; русская литература; А.С.Пушкин.

Как известно, обращение к переводу Пушкина на языки народов бывшего СССР началось после выхода Постановления Народного комиссариата по поводу 100-летия со дня кончины великого русского поэта и дало свои плоды уже в 1936 году. Самым первым произведением, которое было переведено на таджикский язык и изучение которого началось в средней школе, стала повесть «Дубровский». В том же году она вышла в свет в виде книги и была размещена в «Хрестоматии таджикской литературы».

Первым поэтом, донесшим до таджикского читателя творчество Пушкина, особенно его реалистическую прозу, является знаменитый просветитель, журналист и литератор Саидризо Ализода (1887-1945). Благодаря его усилиям в круг чтения таджикских ценителей словесности вошли «Капитанская дочка» (1936), «Пиковая дама» (1937), «Повести Белкина» (1938), многократно издававшиеся впоследствии.

Необходимо подчеркнуть, что огромный вклад в пропаганду творчества Пушкина и других гениев мировой литературы внёс поэт и литератор А.Лахути, стоявший у истоков развития переводческого дела в Таджикистане. А.Лахути имел практическое отношение к переводу творчества Пушкина, к тому же он был одним из руководителей Союза писателей СССР, занимавшихся данным участком работы. Лахути всегда охотно делился своим творческим опытом в области перевода. Он неустанно доказывал необходимость

ознакомления с литературой других народов, в том числе с образцами западной литературы.

В этой связи необходимо упомянуть ставшее крылатым выражение Лахути «в нашем небольшом доме Фирдоуси и Пушкин обменялись рукопожатием». Эти слова Лахути произнёс в беседе, где речь шла о его творческой деятельности в связи с переводами Пушкина на таджикский язык и о ходе работы его супруги Сицилии Бану (Лахути) по популяризации в среде русских читателей величайшего эпоса мировой литературы – «Шахнаме» Фирдоуси.

На наш взгляд, это был первый призыв, привлёкший внимание литераторов к Пушкину. Тем самым Лахути нанёс удар по нигилистическому отношению к культурному наследию, которое распространилось среди новоявленных литераторов, считавших наследие классиков, в частности таких представителей русской литературы, как Пушкин и Лермонтов, бесперспективным и даже вредным.

Сам Лахути ощутил большой творческий подъём в процессе изучения и перевода произведений Пушкина, которые, по его мнению, «необходимы как воздух для обновления и развития литературы (каждого народа) на его родном языке» [2, с.126].

Лахути, используя переводы и высказываясь на различных мероприятиях по данному вопросу, занял активную позицию в борьбе против этих ошибочных мнений. В частности, делаясь с читателями своим творческим опытом в Ташкенте (1935 г.), он сказал: «Когда-то некоторые представители молодёжи говорили: «Чтение наследия Пушкина мы считаем ненужным и лишним делом». Но разве среди современных поэтов найдётся смельчак, который скажет, что он может написать стихотворение, подобное «Во глубине сибирских руд...»? Я утверждаю, что это не просто поэзия, а так как стихотворение носит революционный оттенок, – это взрыв бомбы. Ведь сила Пушкина состоит не только в том, что он поэт, он силён тем, что смог развить своё искусство широкими и всесторонними познаниями, обогатить их сокровищами мировой культуры. Нам также следует бороться с узкими взглядами и низким уровнем знания и расширять свой кругозор» [2, с.236].

Нельзя не отметить ещё одну заслугу Лахути, которая имела большое значение в процессе распространения наследия Пушкина среди народов СССР. Речь идёт о решении ЦИК СССР от 16 декабря 1935 года «Об основании общесоюзного комитета Пушкина в ознаменование 100-летия его кончины» и Постановлении Президиума СП СССР и Правления АН СССР об издании полного собрания сочинений Пушкина в 10 томах. Лахути был избран членом комитета и членом редакционной коллегии собрания сочинений. Поэтому он принял активное участие в подготовке и проведении мероприятий, посвященных годовщине смерти поэта, и не только перевёл многие произведения Пушкина, но и внёс свой вклад в определение содержания сборника и в отбор переводимых произведений. В интервью, которое в 1936 году Лахути дал журналу «Новый мир» (№2), он назвал Пушкина «могучим и неподражаемым поэтом».

Первая таджикская литературоведческая статья, в которой речь идёт о жизнедеятельности Пушкина и значении перевода его произведений на таджикский язык, принадлежит известному языковеду Носирджону Маъсуми и называется «Пушкин и память о нём» [3]. В статье упоминаются первые переводы лирики Пушкина. Преподаватель педагогического училища г. Пенжикента Н.Маъсуми завершил статью собственным стихотворением, в котором говорится о значении и величии русского поэта в истории мировой культуры и для Таджикистана.

В 1937 году стараниями известного поэта и переводчика Хабиба Юсуфи была переведена поэма «Кавказский пленник», ему же принадлежит статья под названием «Пушкин и Байрон».

Следует отметить, что Хабиб Юсуфи был не только поэтом, он занимался критической и литературоведческой деятельностью, проявив талант тонкого аналитика проблем литературы, литературных связей, перевода, развития современного литературного языка.

Хабиб Юсуфи анализирует состояние таджикского стихотворения в статьях «Ещё несколько слов о сегодняшней таджикской поэзии» (1940), «Для созвучной времени поэзии» (1940), «Антифашистские стихотворения Лахути» (1941) и других, открыто критикуя недостатки в работе своих коллег и своих собственных стихотворений. В другом цикле статей, таких как «Пушкин и Байрон» (1937), «Властелин мыслей и свободы» (1940), «Лермонтов и его поэма «Демон» (1941), он глубоко анализирует периоды вхождения в таджикскую литературу романтических и реалистических традиций литературы XIX века, их преемственность и связи. Развитие традиций русской классической литературы и передовой западной литературы в новых исторических условиях и в соответствии с требованиями литературы и искусства советского времени, творческий синтез этого богатства с содержанием современной жизни составляют суть нового мышления талантливой таджикской литературоведом.

Примером этому могут служить не только художественное творчество поэта, переводы из русских авторов, его литературоведческая деятельность, но и его конспекты, которые были составлены из классической русской литературы и по которым он преподавал, а также письма друзьям и коллегам, преисполненные такого рода размышлениями. Конспекты, которые Х.Юсуфи в качестве преподавателя древней и классической западной литературы XIX века составил для работы в педагогическом училище и Самаркандском государственном университете на таджикском и узбекском языках, наглядно показывают, что его внимание в большей степени привлекали вопросы теории и в особенности стилистики литературы.

Как выяснилось из письма к писателю А.Дехоти, самым первым переводом из русской литературы стал «Кавказский пленник», и самой первой его литературоведческой работой была статья, посвящённая романтизму и опять же связанная с Пушкиным.

«Мы тут посоветовались с несколькими знатоками, и в частности с домулло (т.е. Айни – прим. Х.Х.), - пишет Х.Юсуфи в письме, написанном 22 февраля 1938 г. Абдусалому Дехоти в Сталинабад, - они дали полезные советы. Дальше я не стал переводить «Эпилог» произведения, потому что он мне не понравился. Но если сочтут нужным напечатать его отдельно, я переведу и эту часть и вместе с одной статьёй («Романтизм и романтические поэмы Пушкина») срочно отошлю для печати» [1].

В этом же письме Х.Юсуфи сообщает, что он занимается переводом и других произведений Пушкина и, если понадобится, может «серьёзно заняться переводом произведений Пушкина и Лермонтова».

Из творческого наследия самого Х.Юсуфи явствует, что в дальнейшем перевод и творческое изучение опыта русских поэтов и писателей стало делом всей его жизни и темой для бесед, переписки, статей и рецензий. Это не могло не проявиться в стилистической манере Х.Юсуфи, в его склонности к романтическому восприятию действительности.

Если романтическая окрашенность в описании характера лирического героя приближала поэта к романтическим традициям таджикской классической литературы и позже – к достижениям литературы советского периода, таким как патриотическая традиция Фирдоуси, гуманизм Саади, интернационализм Лахути, то осознание понятия Ро-

дины в его новейшем и широком смысле пришло к поэту именно из традиции русского патриотического стихотворения.

В 1937-1939 годах таджикские поэты-переводчики и литературоведы, такие как А.Хамди, М.Рахими, С.Айни, М.Турсун-заде, М.Миршакар, Р.Джалил, С.Улугзода, Сухайли, А.Пирмухаммад-заде и другие, так же обращаются к вопросам перевода произведений Пушкина и изучения его творчества. Но большинство этих работ носит скорей эмоциональный характер и не обладают серьезной научной обоснованностью.

Перевод произведений Пушкина для поэтов и писателей Таджикистана стал чрезвычайно важной школой творческого роста. Наши поэты в процессе перевода стихотворений Пушкина приложили немало усилий для изучения его богатейшего литературного наследия и особенностей его поэтики. В этом плане весьма характерными являются переводы и творческий опыт А.Лахути и Х.Юсуфи. В целом, все произведения русских поэтов и писателей, и в частности Пушкина, явились плодотворной почвой для формирования творчества отечественных литераторов.

Впервые данный вопрос был поднят в статье известного таджикского литературоведа Ш.Хусейн-заде. О методике перевода он пишет следующее: «Лахути в переводе произведений Пушкина применил два метода, которые имеют исключительно большое значение для развития таджикской поэзии. Одно из достижений Лахути заключается в том, что он не только сохранил смысл и содержание произведений Пушкина, но и смог сохранить форму выражений, т.е. особенности формы: меру, объем и пропорции, способы построения предложений и рифмовки стихотворений. Такой способ перевода можно наблюдать в «Сказке о рыбаке и рыбке», пьесе «Моцарт и Сальери». В этих двух произведениях Лахути использовал формы, сохранившие стиль и дух оригинала, т.е. стиль и дух народных сказок в «Сказке о рыбаке и рыбке» и стиль и дух средневековой Европы в «Моцарте и Сальери». Но самое ценное то, что ему удалось сделать симбиоз формы и содержания с таджикским национальным колоритом» [6, с.26].

Из таджикского перевода двух отрывков названных произведений можно заключить, что Лахути смог почти идентично передать лексико-грамматические особенности предложений Пушкина. Опираясь на высказывание самого поэта-переводчика, Ш.Хусейн-заде пишет, что «если бы Лахути при переводе данного произведения кроме белых стихов использовал какую-то другую форму, он не достиг бы адекватного перевода, а произведение Пушкина было бы обедненным» [6, с.27].

Кроме того, Лахути при переводе произведений Пушкина употребил особый таджикский стиль, с помощью которого он смог найти свой путь выражения идей великого поэта. Эта особенность наиболее ярко просматривается в поэмах «Песнь о вещем Олеге», «Медный всадник» и других. Несмотря на то, что при их переводе Лахути применил метрическую систему аруз и таджикскую рифмовку, все же в распределении и структуре рифм или в построении предложений у него есть определенные «новшества». Причину этого также надо искать в новаторстве Пушкина, говорит переводчик в предисловии книги «Несколько произведений Пушкина», что совершенно справедливо.

Данное новаторство наглядно просматривается в переводе следующего отрывка:

*Сад сол гузашту аз гили зулмат
Як шахри чавон ба чои чангалхо,
Дар кораи нимашаб дурри зинат,
Пурчилову нуришукӯх шуд барпо.
Он чо ки писарзани табиат-фин
Дар соҳили нас, хастадил, танхо
Мекард фуруба оби сиррогин*

*Тӯри маху – сол – дидаро, холо
Дар сохили зиндаву пуробуранг
Хушманзара истода танготанг.
Дарбори азиму бурҷҳо. Бе маар
Аз ҳар тарафи замин шитоб оранд...*

Пер. А.Лахути [4, с.37].

*Прошло сто лет и из глины темноты
На земле полночи, далекой от украшательств,
Вместо лесов дремучих молодой город
Вырос во всем великолепии и величии...*

(Здесь и далее подстрочный перевод автора – Х.Х.)

В данном отрывке внимание Ш.Хусейн-заде привлекло следующее.

«Описывая состояние и чувства, переданные Пушкиным, он разделяет строку на три части, а иногда может объединить десять строк в одну и тем самым создать одно длинное предложение. Благодаря такому построению в поэме «Медный всадник», строки разделены на двустрочия или строфы, а места рифм интерпретируются вольно и разнообразно. Таким образом, переводчик в одной поэме применил способы построения предложений и рифмы так, как это выглядит в подлиннике» [6, с.28].

Другой таджикский поэт, который так же не остался без внимания Ш.Хусейн-заде, – Х.Юсуфи. В конце 30-х годов, перед уходом на фронт, он переводил стихотворения Пушкина и Лермонтова, что стало предметом обсуждения в статье Ш.Хусейн-заде. Литературовед приходит к выводу, что творчество А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова оказало определенное влияние на формирование поэтического стиля и почерка Хабиба Юсуфи, который во многих своих переводах перенимает их поэтические традиции: он рифмует и разделяет строки по аналогии со стилем Пушкина и Лермонтова.

Новаторство в стихосложении, наблюдающееся в творчестве Х.Юсуфи, становится возможным благодаря неустанному изучению, анализу и переводу на родной язык стихотворений русских поэтов. К примеру, в стихотворении «Песня казахской степи» он тонко и лирично передает настроение автора:

*Мевазад дар канори дарё бод,
Дода овоз меравад чолок...
Не, ин овози бод не, хайҳот!
Месарояд суруд чӯли қазок...
Ветер завывает порывами рядом с рекой,
Несется резво, издавая стон ...
Нет, то не глас ветра, увы!
То казахская степь свою песню поёт...*

Кроме того, Хабибом Юсуфи в подражание сочинениям Пушкина и Лермонтова написаны такие стихотворения, как «Кавказ», «На юге», «Туча» и др. В стилистике этих произведений в их формальном решении ощущается влияние двух русских поэтов.

В честь А.С.Пушкина писал свои стихи и М.Турсун-заде. В них он ставит проблему творческого влияния одного поэта на других и развивает идею, высказанную великим поэтом в стихотворении "Памятник". Так, таджикский поэт признается, что встретил победные дни вместе со стихами Пушкина, которые помогли ему по-новому воспринимать «мощь и величие родной поэзии»:

*Қўллаи тобон туй, гар назм бошад чамчу кӯҳ,
Ёфт аз шеъри ту назми халқҳои мо шукӯҳ.
Ты светящийся пик, если поэзия подобна горам,*

Твои стихи прибавили мощь и величие поэзии наших народов.

Общее количество стихотворений и поэм, посвященных Пушкину в рассматриваемый нами период, публицистических произведений, написанных таджикскими литераторами в честь различных дат великого гения слова, составляет более 50 наименований.

Талантливый поэт и переводчик современной таджикской поэзии из Таджикистана Сергей Сухоян в беседе с корреспондентом газеты «Бахори Ачам» («Весна Аджам») (1999, №6-7), состоявшейся накануне 200-летнего юбилея А.С.Пушкина, на вопрос, «какому таджикскому поэту Пушкин более близок по духу и стилю», ответил следующее:

«Думаю, что по духу он наиболее близок к Гафизу. Конечно, если подойти к его творчеству с точки зрения эпических сюжетов, он во всех остальных случаях, особенно в своей любовной и философской лирике, несомненно, близок к Гафизу» [5, с.31].

В этой беседе С.Сухоян затронул еще один вопрос. Он сказал: «Возможно, нам необходимо заново перевести Пушкина на таджикский язык, несмотря на то, что в предыдущих переводах есть немало положительного. Пушкина надо переводить как мыслителя, глубоко вникать во все нюансы его настроения, осознавая все тонкости его творческих приемов, с использованием, по возможности, его образов и средств сегодняшнего таджикского языка» [5, с.32].

На самом деле, отдавая дань уважения таджикским литераторам, внесшим неоценимый вклад в перевод и изучение творений великого русского поэта, необходимо осмыслить всё проделанное ими с позиций принципов современного перевод. Назрела необходимость активизировать работу над переводами русской классики, что будет способствовать углублению взаимопонимания таджикского и русского народов, обогащению их культурных связей.

Литература

1. Дехоти А. Произведения Пушкина на таджикском языке // Коммунист Таджикистана. – 1939. – 6 июня.
2. Лахути А. Сочинения. – Душанбе, 1963. – Т.6. – 337 с. (на тадж.яз.)
3. Маъсуми Н. Пушкин и воспоминания о нём: к 100-летию смерти А.С.Пушкина // Коммунист Таджикистан. – 1937. – 10 февр.
4. Пушкин А.С. Душе настало пробуждение. Избранная поэзия в переводе Абулькасима Лахути. – М.: ВАГИУС, 1945. – 239 с. (на тадж.яз.)
5. Сухоян С. Талант постижения // Бахори Азам. – 1981. – №6. – С.30-41.
6. Хусейнзаде Ш. Пушкин и таджикские поэты // Шарки сурх. – 1949. – №6. – С.24-30. (на тадж.яз.)

PUSHKIN'S POETRY IN THE PERCEPTION OF TAJIK LITERATORS (TO THE HISTORY OF QUESTION)

Kholov Khol Rajabovich

Doctor of Philology,
associate professor of the chair of Tajik language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992 37) 227 33 73
hol56@list.ru

In the article, the process of the entry of A.S.Pushkin's works into the Tajik cultural environment of the first half of the twentieth century is considered, and the impact of the poet's work on Tajik writers is assessed. The history of comprehension of Pushkin's ideas in the creative consciousness of the Tajik intelligentsia (writers, critics) is traced; the connection between the development of Pushkin's heritage and the peculiarities of the traditions of Tajik culture and literature is substantiated. It is noted that A.S.Pushkin was perceived by Tajik writers primarily as a romantic, in connection with which they focused their attention on the poet's freedom-loving lyrics. Important criteria for the perception of Pushkin were his criticism of the autocracy and the nationality of creativity. It is emphasized that in the process of the formation of the modern translation school, translations of the heritage of the Great Russian poet played a big role.

Keywords: transfer; criticism; literary criticism; Tajik literature; Russian literature; A.S.Pushkin.

**НАЗМИ А.С.ПУШКИН ДАР ТААССУРОТИ АДИБОНИ ТОЧИК
(ДОИР БА ТАЪРИХИ МАСЪАЛА)**

Холов Хол Рачабович

Доктори илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони тоҷикӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 33 73
hol56@list.ru

Дар мақола раванди воридшавии осори А.С.Пушкин ба муҳити фарҳангии тоҷикӣ дар нимаи дуюми асри XX баррасӣ карда шудааст, таъсирпазирии эҷодиёти шоир ба адибони тоҷик баҳогузорӣ карда шудааст. Таърихи тафаккур ва азхудкунии афкори Пушкин дар мафкураи эҷодии зиёиёни тоҷик (нависандагон, мунаққидон) баррасӣ шуда, алоқаи омӯзиши осори А.С.Пушкин бо мухтасоти фарҳангу адабиёти тоҷик асоснок карда шудааст. Зикр мегардад, ки А.С.Пушкин аз тарафи нависандагони тоҷик, пеш аз ҳама, чун адиби романтик шинохта шудааст, ки вобаста аз ин онҳо диққати худро ба шеърҳои ғиноии озодидӯстонаи шоир ҷалб намуданд. Ба сифати меъёрҳои муҳими таассуротпазирии Пушкин танқиди ӯ аз ҳукмронии подшоҳӣ ва хусусияти миллӣ доштани эҷодиёташ баромад мекунад. Таъкид мегардад, ки дар раванди ташаккули мактаби муосири тарҷумонӣ тарҷумаи осори шоири бузург нақши боризро иҷро кардааст.

Калидвожаҳо: раванди воридшавии осор; таъсирпазирӣ; афкори Пушкин; мухтасоти фарҳангу адабиёт; адиби романтик; шеърҳои ғиноӣ; шеърҳои озодидӯстона; таассуротпазирӣ; мактаби муосири тарҷумонӣ.

УДК 81'255.2

ПЕРЕВОДНАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА

Раджабова Раъно Рахматовна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры таджикского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+991) 919 72 65 39 (м.)
j.o.92@mail.ru

Даминова Мадина Зокировна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Таджикский государственный институт языков имени Сотима Улутзода
734019, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Мухаммадиева 17/6,
Тел.: (+992) 988 70 96 00 (м.)
madina.daminova@mail.ru

В статье рассматриваются механизмы пополнения словарного запаса исследователей и специалистов в области перевода и переводоведения за счет переводной лексики и терминологии. Отмечается, что в процессе перевода текстов научных трудов и художественной литературы возникают трудности с восприятием семантических особенностей и значений лексических единиц текстов оригинала, в результате появляется несовпадение между восприятием его содержания в тексте перевода. Это расхождение ведет к двусмысленности некоторых лексем и вследствие этого – к искажению содержания текста. На конкретных примерах анализируются методы и способы подстрочного и художественного перевода. На основе анализа исконно таджикских и русско-интернациональных заимствований в текстах авторами показана адекватность выражения того или иного термина в языке перевода.

Ключевые слова: оригинал; подстрочник; эквивалентный перевод; лексическое значение; семантика; адекватность; художественный перевод.

В таджикской лингвистике советского периода, в частности её лексикологии и терминологии известными отечественными лингвистами – Ш.Рустамовым, В.А.Капрановым, Т.Бердиевой, Ф.Амоновой, М.Абдулоевой, С.Умаровым, Р.Гаффоровым, П.Джамшедовым и другими достигнуты высокие результаты в анализе семантики, структуры и словообразования лексических единиц таджикского литературного языка. В разное время к вопросам лексико-семантической классификации терминологических единиц обращались такие авторитетные учёные, как С.Назарзода, М.Бекмуродов, Т.Рози, М.Султон, которые в своих статьях и монографиях высказывают интересные мысли, наглядно аргументируют и представляют конкретные выводы по

интересующей нас проблеме. В последние годы большое внимание уделяется проблеме перевода отраслевой лексики и терминологии таджикского, русского, английского, немецкого и других языков, которой посвящен ряд научных трудов и диссертационных исследований. Некоторыми специалистами области переводоведения изданы двуязычные и трехязычные, толковые словари, что способствует развитию процесса терминосложения и терминообразования и ещё больше расширяет лексический фонд областей науки, техники, инновационных технологий и более ярко демонстрирует потенциальные возможности словосложения и терминообразования таджикского языка. Все усилия в данном направлении осуществляются в рамках реализации языковой политики нашего государства. Особую динамику данному процессу придало постановление Правительства от 2016 года за № 335 о «Программе развития государственного языка Республики Таджикистан на период 2016-2020гг.», в результате которого наметился ряд позитивных сдвигов по активизации процесса терминообразования и пополнения лексического запаса таджикского языка. В частности, в своём выступлении на встрече с представителями науки и интеллигенции в честь Дня государственного языка Республики Таджикистан, которая проходила 4 октября 2019 года, Президент Эмомали Рахмон высказал пожелания по оптимизации процесса терминологизации как одного из важных условий развития языка науки и техники. Были даны конкретные поручения АН Республики Таджикистан, Институту языка и литературы им. А.Рудаки по изданию в печатном и электронном вариантах таких важных материалов для современного таджикского языкознания, как словари “Луғати фурс”, “Бурхони қотъ”, “Фарҳанги Амид”, “Фарҳанги Онандроч” и другие, способствующие ускорению процесса терминологизации лексических единиц и их адаптации к законам и правилам грамматики современного литературного таджикского языка [5].

Необходимо сказать, что перевод иноязычной лексики и терминологии подразумевает множество проблем при адаптации в языке-реципиенте. К числу таких проблем можно отнести следующие факторы: а) в принимающем языке отсутствуют эквиваленты переводимых лексических единиц по причине того, что в языке носителей нет обозначений объектов (референтов); б) при переводе возникает потребность в передаче коннотационных особенностей слова, его красочности, этнических или исторических особенностей наряду с предметным значением слова. Особую трудность представляет перевод терминов, когда необходимо принимать во внимание так называемые условия терминологизации лексических единиц, такие как однозначность термина, отсутствие его синонимов, лаконичность и семантическая наполненность единицы оригинала. Всё это в комплексе способствует доведению до сознания читателей полного содержания термина. В основном, процесс терминологизации обусловлен применением таких способов, как *транслитерация* и *транскрипция*. Под транслитерацией подразумевается передача буквенного состава языка-донора средствами принимающего языка. В процессе транскрибирования лексических единиц происходит передача звуковой формы переводимого термина с помощью букв переводящего языка [1, с.42]. Такая передача осуществляется на уровне фонем: *подстрочник – таҳт-ул-лафз*. Итак, транскрипция и транслитерация как наиболее действенные методы графического выражения лексики широко используются в процессе перевода следующих групп терминов:

- 1) ономастической терминологии, к которой относятся антропонимы, этнонимы, топонимы, гидронимы, урбанонимы и т.д.;
- 2) названий различных предприятий, заведений, управлений и ведомств и др.;

3) названий отраслевых слов: блюд, костюмов, инструментов, утвари, украшений, традиций и др.

Ещё одним способом перевода терминов является калькирование. Это буквальный или дословный перевод, который позволяет передать в принимающем языке семантику термина с его полным сохранением, например: *Гулзори Ирам – Цветник Эдема* (название произведения – Р.Р., М.Д).

Другим способом пополнения терминологического запаса является описательный перевод, включающий передачу значения лексической единицы посредством развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления, т.е., по сути дела, при помощи её дефиниции, то есть определения [1, с.43]. Вот несколько примеров описательного перевода таджикских безэквивалентных терминов области переводоведения на русский язык: *ширу шакар* – жанр поэтического художественного произведения, в котором переключаются коды двух и более языков; *бадоҳатан* – импровизированное чтение или перевод на основе собственной интерпретации.

Зачастую в процессе синхронного перевода специалистами допускается приблизительный перевод, состоящий в подборе близкого по значению соответствия в принимающем языке для той лексической единицы исходного языка, которая не имеет в языке перевода точного эквивалента. Такие приблизительные эквиваленты лексем в терминологии области переводоведения называются аналогами [1, с.43]. Приведём примеры перевода таджикских безэквивалентных терминов на русский язык путём подбора аналогов: *хаттот* – 1. каллиграф; 2. человек, украшающий орнаментом из арабской вязи фасады архитектурных памятников (мечетей, дворцов и т.д.); *базлагӯй* – остролов, мастер каламбура; *таҳтуллафз* – подстрочник; *поварақ* – сноска и т.д.

Несмотря на то, что такие аналоги приблизительно передают содержание соответствующих слов, ввиду отсутствия их точных эквивалентов в языке перевода их применение вполне оправдано, поскольку они дают некоторое представление о характере обозначаемого предмета или явления. При использовании аналогов в процессе перевода необходимо помнить, что они не всегда могут создавать адекватное представление о характере выражаемого ими предмета или явления. Принимая во внимание данное обстоятельство, переводчику необходимо давать дополнительный комментарий к осуществлённому им переводу. В целом, для обеспечения высокого качества перевода переводчик должен уметь сопоставлять текст перевода с оригиналом, оценивать и классифицировать возможные ошибки, вносить необходимые коррективы [1, с.44].

Одной из проблем и серьёзных преград на пути развития научной терминологии таджикского языка, в частности терминов перевода и переводоведения, мы считаем низкий уровень чтения книг и знания таджикского литературного языка нашими соотечественниками. Но несмотря на этот негативный экстралингвистический фактор, за годы независимости в отечественном языкознании процесс терминообразования в основном формировался и ныне развивается в следующих направлениях:

1) в круг употребления возвращены термины, которые в советский период были заменены на чуждые для лексической системы и фонетики таджикского языка эквиваленты: *конференция* – *ҳамоши*, *форум* – *анҷуман*, *секция* – *бахш*, *оригинал* – *нусхаи асл*, *идея* – *ғоя* и т.д.;

2) в областях науки, культуры и образования преимущественно стали использоваться термины арабского происхождения, которые со временем ассимилировались в таджикском языке: *мундариҷа* – *содержание*, *фехристи* – *каталог*, *мубрам* – *актуальный*, *интишор* – *издание* и т.д.;

3) авторы научных исследований при публикации их работ стали уделять больше внимания этимологии и исконному происхождению лексических единиц, и воздерживаться от эквивалентов русского и европейского происхождения: *институт – донишкада, университет – донишгоҳ, аудитория – синфхона, зачет – санҷиш, газета – рӯзнома, доска – тахта, инсценировка – басаҳнагузорӣ, координация – ҷамоҳангсозӣ, унификация – ҷамрадифсозӣ, автореферат – фишурда, синоним – муродиф, омоним – ҷамгуна* и т.д. [4, с.58].

О процессе терминологизации современного таджикского литературного языка известный терминовед Мирзо Хасан Султон пишет, что изучение терминов различных отраслей науки и техники позволяет утверждать, что опыт наших предков, формы и способы их научного отношения к процессу терминологизации отображают задачи, которые в современное время выполняет таджикское терминоведение [6, с.182]. В наши дни наблюдается процесс таджикизации многих терминов, в том числе переводных, что можно расценивать как позитивное явление. К сожалению, в современном отечественном языкознании всё ещё недостаточно работ, посвящённых сопоставительному и типологическому изучению терминов, и совсем не наблюдается исследований по терминам сферы перевода и переводоведения. Здесь мы ставим цель описания процесса вхождения и пополнения лексического запаса таджикского языка за счёт новых и “забытых” терминов, и, по возможности, их сравнения с русскими эквивалентами. Если в советское время преимущественное большинство терминологических единиц было “русифицированным” или носило признаки слепого подражания, то есть так называемой “кальки”, то на сегодняшний день эти языковые единицы с их огромным лексическим потенциалом подвергаются серьёзной реформе как в семантическом, так и в структурном отношении. К источникам формирования пререводных терминов мы относим следующие факторы:

1) языковой материал, состоящий из терминов, использовавшихся авторами научных произведений прошлых веков;

2) языковой материал из числа терминов, сформировавшихся на основе современных достижений в области перевода и переводоведения [4, с.57].

Таким образом, если в недавнем прошлом (всего 30 лет назад – Р.Р., М.Д.) большая часть переводных терминов была заимствованной из русского языка и в опосредованном виде из европейских языков, то в сегодняшних условиях они преимущественно претерпели замену на исконные эквиваленты и постепенно унифицируются, то есть становятся более лаконичными и понятными. Например: *копия – нусхабардорӣ, идея – гоя, сноска – поварақ, корректор – мусаҳҳеҳ, корректировка – тасҳеҳ, синхрон – мустақим* и т.д.

Следует подчеркнуть, что стремление к переводу отдельных заимствованных терминов на таджикский язык иногда приводит к нежелательным фонетическим проявлениям, причину которых мы видим в подражательстве чужим языкам. Примером такой неудачной замены являются термины *сюжет – сужа, композитсия – композитсион* и др. Такие грубые и нехарактерные для природы таджикского языка замены можно встретить и в других областях научной терминологии.

Наряду с этим, порой представляется, что во избежание русских и интернациональных заимствований мы иногда перегружаем язык сложными для восприятия арабизмами, тогда как для их выражения в таджикском языке имеется достаточно богатый лексический арсенал. И наоборот: какова необходимость в использовании иранизированного термина *виرويш* – вёрстка, если у нас имеется давно ассимилировавшийся термин арабского происхождения *тахрир* – редактирование, или в

применении словосочетания *осори мунтахаб* – избранное, когда мы можем использовать ёмкое и образное выражение *гулчини асарҳо* – избранные произведения? Отсюда, в процессе ассимиляции как арабских, так и древних исконно таджикских терминов решающую роль играет их употребление в повседневной речи [2, с.151]. Если названия некоторых терминов в научном стиле являются трудно произносимыми и сложными для восприятия, то целесообразно их преподавать студентам в форме доступных для понимания синонимов с пояснением заимствованного названия. К примеру, для эффективности осмысления терминов необходимо приводить их иноязычные эквиваленты: *мусахҳеҳ* – корректор, *мачалла* – журнал, *фехрист* – каталог, *сарахбор* – анонс, *сархат* – абзац и т.д.

Важность правильного выбора используемых терминов связана с тем, что в повседневном общении или обращении, при работе с документацией всё больше активизируется применение терминологических единиц таджикского происхождения. Наглядным примером могут послужить термины *паём*, *навид*, *пайк*, *мужда*, которые являются синонимами термина «ахбор» и всё чаще применяются в области переводоведения. В процессе словообразования с применением вышеуказанных корней слов и добавления к ним других формантов они могут расширить свою семантику и пополнить терминологический запас языка: *паёмовар* – вестник, *пайгомдӯст* – приносящий благую весть, *муждарасон* – приносящий добрую весть, *хушпайк* – вестник добра и др. В частности, термин *паёмак* – досл.: небольшое сообщение, который уже относится к другой научной отрасли, содержит семантику “СМС” и удачно пополняет собой лексический запас таджикского языка.

Конечно, приведённые в данной статье размышления охватывают лишь один аспект – уместность и соответствие нормам, правильное применение и преподавание терминов в процессе их перевода. Решение спорных вопросов терминологии приводит к повышению языковой культуры, культуры речевого общения и правомерности выбора терминов. Только в случае их осмысленного применения мы, лингвисты-переводчики, можем добиться того, чтобы смысл и содержание научных и художественных произведений без утерь становились достоянием общества. По этому поводу именитый русский литературный критик и переводчик А.Фёдоров в своей книге “Искусство перевода и жизнь литературы” пишет: “В наше время переводы настолько актуальны, что мысль о том, что переводить и как переводить, для кого и что переводить, соотношение между оригиналом и переводом, индивидуальностью переводимого автора и переводящего лица, приемлемостью перевода по подстрочному тексту – всё это и другие вопросы, по меньшей мере, кажутся поэтичными, но они в наше время неожиданно приобрели эмоциональный и частный смысл. И поэты, которые очень чувствительны к повседневным проблемам, на интересующие их темы теперь пишут не только статьи, но даже и стихи” [7, с.21]. В качестве примера литературный критик приводит следующие строки Самуила Маршака:

*Я перевёл Шекспировы сонеты,
Пускай поэт, покинув старый дом,
Заговорит на языке другом,
В другие дни, в другом краю планеты ...,*

которые мы перевели на таджикский язык следующим образом:

*Ман қиссаҳои Шекспирро кардам тарҷума,
То кунад тарк шоир сарои танги худ.
То бо забони ғайр кунад ӯ арзи вучуд,
Дар дигар замон, бо дигар лафзу калима.*

Литература

1. Даниленко В.П. Терминологизация разных частей речи (термины-глаголы) // Проблемы языка науки и техники. – М.: Наука, 1970. – С. 40-51.
2. Джураев Т.К. Научно-техническая терминология эпохи Авиценны и ее современное употребление. – Душанбе: ТТУ, 2009. – 170с.
3. Назарзода С. Формирование социально-политической терминологии таджикского языка в XX веке. – Душанбе: Дониш, 2004. – 302 с.
4. Раджабова Р. Структурно-семантический анализ терминов сферы телекоммуникации в современном литературном таджикском языке // Закон «О государственном языке Республики Таджикистан» и проблемы современного таджикского языка: сб. статей. – Душанбе: РТСУ, 2011. – С.54-60.
5. Рахмон Э. Выступление в честь Дня государственного языка Республики Таджикистан (4 октября 2019г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.president.tj (дата обращения: 14:36//2.09.2020г.)
6. Султон М.Х. Формирование и становление персидско-таджикской научной терминологии. – Душанбе: Дониш, 2008. – 310 с.
7. Фёдоров А. Искусство перевода и жизнь литературы. – Л.: Советский писатель, 1983. – 352с.

TRANSLATION LEXICON AS A SOURCE OF VOCABULARY REPLENISHMENT

Rajabova Rano Rahmatovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of Tajik language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 919 72 65 39 (m.)
j.o.92@mail.ru

Daminova Madina Zokirovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of English philology
Tajik state institute of languages of Sotim Ulughzoda
734019, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Mukhammadieva, 17/6
Ph.: (+992) 988 70 96 00 (m.)
madina.daminova@mail.ru

The article deals with the mechanisms for replenishing the vocabulary of researchers and specialists in the field of translation and translation studies at the expense of translated vocabulary and terminology. It is noted that in the process of translating the texts of scientific works and fiction, difficulties arise with the perception of the semantic features and meanings of the lexical units of the original texts; as a result, there is a discrepancy between the perceptions of its content in the translated text. This discrepancy leads to the ambiguity of some lexemes and, as a result, to a distortion of the content of the text. Methods and methods of interlinear and literary translation are analyzed using specific examples.

Based on the analysis of primordial Tajik and Russian-international borrowings in the texts, the authors show the adequacy of the expression of a particular term in the target language.

Keywords: original; interlinear; equivalent translation; lexical meaning; semantics; adequacy; literary translation.

ЛУҒАТИ ТАРЧУМАВӢ ҲАМЧУН САРЧАШМАИ ПУРШАВИИ ЗАХИРАИ ЛУҒАВӢ

Рачабова Раъно Раҳматовна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони тоҷикӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+991) 919 72 65 39 (м.)
j.o.92@mail.ru

Даминова Мадина Зокировна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи филологияи англисии
Донишқадаи давлатии забонҳо ба номи Сотим Улуғзода
734019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Муҳаммадиев 17/6
Тел.: (+992) 988 70 96 00 (м.)
madina.daminova@mail.ru

Дар мақола механизмҳои пуршавии захираи луғавии муҳаққиқон ва мутахассисони соҳаи тарҷума ва тарҷумашиносӣ аз ҳисоби луғати тарҷумавӣ ва истилоҳиносии мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд. Зикр мегардад, ки дар рафти тарҷумаи матнҳои асарҳои илмӣ ва адабиёти бадеӣ ӯ дар фаҳмиш ва қабули хусусиятҳои семантикӣ ва маъноӣ воҳидҳои луғавии матнҳо дар нусхаи асл мушкилоти муайян ба миён меояд, дар натиҷа номувофиқатии байни қабули мазмуни матни тарҷума ва нусхаи асл ба вучуд меояд. Чунин фарқият ба маъноӣ духӯра пайдо кардани баъзе вожаҳо оварда мерасонад, ки дар натиҷа мазмуни матн коста мегардад. Дар асоси мисолҳои мушаххас усулу воситаҳои тарҷумаи таҳтуллафзӣ ва бадеӣ таҳлил карда шудаанд. Дар асоси таҳлили иқтибосҳои аслан тоҷикӣ ва русию байналмилалӣ дар матнҳо муаллифони дурустӣ ва баробарвазнии ифодаи ин ё он истилохро дар забони тарҷума нишон додаанд.

Калидвожаҳо: нусхаи асл; таҳтуллафз; тарҷумаи айнан овардашуда; маъноӣ луғавӣ; семантика; баробармаъноӣ; тарҷумаи бадеӣ.

УДК 811.222.8

**АНАЛИЗ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ КЛЮЧЕВОГО СЛОВА
В НОМИНАТИВНОМ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «ГОСТЕПРИИМСТВО»
В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ**

Валиева Замира Абдусаломовна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка (межфак)
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 907 99 76 47
zamira0606@mail.ru

Статья посвящена анализу словарных дефиниций ключевого слова в номинативном поле концепта «гостеприимство» в таджикском языковом сознании.

Показано, что в таджикском языке концепт «Гостеприимство», выражен богатым синонимическим полем и занимает одно из ведущих мест в ментальном лексиконе таджикского народа.

Лексика гостеприимства достаточно широко представлена в различных толковых и переводных словарях таджикского языка, а также в художественном дискурсе. Изучены словарные дефиниции и этимология номинанта концепта «Гостеприимство», установлены его основные признаки, выделены синонимические ряды лексем, репрезентирующих концепт «Гостеприимство», определены лексемы-доминанты, обладающие наиболее концентрированным содержанием.

Анализ языкового и художественного материала показал, что концепт «Гостеприимство», как один из базовых сегментов национальной концептосферы, содержит обширное информационное поле, совокупность элементов которого даёт достаточно наглядное представление об этнокультурной парадигме видения мира носителями таджикского языка.

Ключевые слова: концепт «Гостеприимство»; словарные дефиниции; синонимическое поле; гость; угощение; традиции.

В настоящее время вопросы, посвященные исследованию природы концепта, находятся в ракурсе повышенного интереса современных лингвистов. Кроме базовых определений концептов в целом, ученые первостепенное значение придают структуре и семантике отдельных концептов.

Так, А.И.Стернин и З.Д.Попова убеждены в правильности полевого описания структуры концепта, то есть посредством оперирования такими терминами, как «ядро» и «периферия». Наряду с этим они также отмечают, что «периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления» [1, с.60].

По мнению Ю.С.Степанова, «структуру концепта следует представить в виде слов» [2, с.17]. Каждый из лингвистов предлагает свои номинации этих слов.

Г.В.Токарев в ходе исследования концепта идентифицирует в его структуре несколько слоёв: универсальный, национальный, групповой и/или личностный. Общие

для культуры всего человечества кванты знаний создают универсальный слой концепта. Знания, которые являются результатом ментальной деятельности этноса, входят в уникально структурированный национальный слой. Так, первый его компонент – объективный – состоит из ощущений, восприятий, представлений; аксиологическая система и обусловленные ею культурные установки представляют второй – аксиологический (рациональный) элемент; к третьему компоненту – модусному, включающему оценку, эмоциональность и ассоциации, относится результат соотнесения объективного компонента с рациональным [3].

Ю.С.Степанов выделяет три слоя в структуре концепта и представляет контентное описание каждого слоя:

1) Актуальный. В нем концепт функционирует как одно из средств коммуникации между носителями языка (культуры). Концепт включается в структуру общения и в мыслительные коммуникационные категоризации именно в рамках этого слоя.

2) Дополнительный, пассивный. Так называемые «пассивные» компоненты содержания концепта, являющиеся актуальными лишь для некоторых групп носителей языка, относятся к дополнительному слою.

3) Этимологический. Этот слой рассматривает концепты как элементы культуры.

Кроме того, Ю.С.Степанов также отмечает необходимость учета диахронного, то есть исторического, аспекта. Следовательно, третий «слой» – этимология концепта – доступен «лишь исследователям», и открыт «лишь исследователями». Однако это вовсе не означает полное отсутствие этого слоя языка для рядовых его носителей. «Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значения» [3, с.45].

З.Д.Попова и И.А.Стернин отмечают, что «периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления» [1, с.60].

Принимая во внимание научную трактовку концепта российскими лингвистами, мы поставили цель рассмотреть данное понятие применительно к концепту в таджикском языке.

В статье будет предпринята попытка рассмотреть вариативность обозначения концепта «*меҳмондорӣ*» (гостеприимство) в толковых и этимологических словарях таджикского языка.

Построение номинативного поля концепта «*гостеприимство*» является задачей нашего исследования, что предполагает установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих данный концепт и его отдельные признаки. Номинативное поле концепта имеет комплексный характер, так как включает в свой состав прямые номинации, языковые средства – ключевое слово и его синонимический ряд, – представляющие собой ядро номинативного поля концепта «*гостеприимство*», лексико-семантические, лексико-фразеологические, паремиологические группы слов и др.

Кроме того, анализируются толкования ключевого слова и синонимов номинативного поля исследуемого концепта, входящих в ядерную зону, на материале лексикографических источников: этимологического, семантического, синонимического, толковых и переводных словарей таджикского языка. Все использованные лексикографические источники формируют представление о когнитивных признаках концепта.

Объективация исследуемого концепта в сознании носителей таджикского языка осуществляется лексемой *гостеприимство*, в таджикском языке – *меҳмондорӣ*. Выбор данной лексемы в качестве ключевой объясняется большей частотностью и обобщенно-

стью выражения значения «*гостеприимство*» по сравнению с лексемами со схожей семной наполненностью.

Лексикографический анализ ключевой лексемы и синонимического ряда в таджикском языке проводился на материале следующих лексикографических источников: «Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ» («Толковый словарь таджикского языка») С.Назарзода, А.Сангинова, С.Каримова, «Фарҳанги забони тоҷикӣ» («Словарь таджикского языка») под редакцией М.Ш.Шукурова, В.А.Капранова, Р.Хашима, Н.А.Масуми, «Русско-таджикский словарь» («Луғати русӣ-тоҷикӣ») под редакцией М.С.Осими, «Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ» («Таджикско-русский словарь») Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой, С.Каримова, «Таджикско-русский словарь» («Луғати тоҷикӣ-русӣ») под редакцией М.В.Рахими и Л.В.Успенской.

Построение ядра номинативного поля концепта «гостеприимство» определяется выявлением прямых номинаций: ключевого слова и его синонимов. Под ключевым словом понимается лексическая единица, которая наиболее полно номинирует исследуемый концепт. Кроме того, ядро номинативного поля составляют синонимичные ядерному слову лексемы – наиболее употребительные, обобщенные по своей семантике, стилистически нейтральные языковые единицы, что позволит получить более полное представление о когнитивных признаках концепта.

Рассмотрим семантику ключевого слова, являющегося доминантом и заключающего в себе основное значение синонимического ряда, и синонимов номинативного поля «*гостеприимство*» в таджикском языке. Объективация исследуемого концепта в сознании носителей таджикского языка осуществляется посредством лексемы *меҳмондорӣ* в таджикском языке, выбранной в качестве ключевого слова, так как оно наиболее обобщенно выражает рассматриваемое значение.

В «Толковом словаре таджикского языка» («Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ») С.Назарзода, А.Сангинова, С.Каримова ключевой лексеме «*меҳмондорӣ*» даются следующие толкования: 1. *пазирой ва парасториҳои меҳмон, қабули меҳмон; зиёфат барои меҳмонон - эта сема переводится как приём и уход за гостем, приём гостя; банкет для гостей*; 2. *меҳмоннавозӣ; меҳмондорӣ кардан (намудан); ба сифати меҳмон даъват карда, зиёфат додан – приглашать в качестве гостя и устроить угощение*; 3. *меҳмоннавозӣ кардан, меҳмондорӣ кардан (намудан) – проявлять гостеприимство; оказание почёта гостю* [4, с.793].

*Чӣ хуш меҳмондорӣ – нозу неъмат рӯи дастурхон,
Гирад чашму димогатро ба сад алвон.
Табиат шоҳу хотират вазир гардида бинишинӣ,
а шарте, шодчехру хушухан пайрав шавад мизбон (Таскини Хучандӣ)
Какое чудесное гостеприимство - лакомство на столе,
Радует глаза и обоняния сотнями красок
Будешь сидеть с натурой царя и желаниями визиря,
В том случае, если хозяин будет приветлив и ласков с тобой.*

В «Таджикско-русском словаре» (Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ) Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой, С.Каримова лексема *меҳмондорӣ* полисемична и трактуется как *мизбон (хозяин)*. Она представлена следующими значениями: 1. *приём гостей: меҳмондорӣ кардан* обозначает: а) *принимать гостей*, б) *оказать гостеприимство*. Слово *меҳмоннавозӣ* также переводится: *гостеприимство, хлебосольство, приветливость*. В сочетании *бо меҳмоннавозӣ* – *гостеприимно*, в сочетании с *меҳмоннавозӣ кардан* – *оказывать гостеприимство* [7, с.347].

Слово *меҳмонпазир* «гостеприимный» является синонимом лексеме *меҳмоннавоз* и образует словосочетания *мизбонони меҳмонпазир* «гостеприимные хозяева», *шахси меҳмоннавоз* «гостеприимный человек».

В «Русско-таджикском словаре» («Луғати русӣ-тоҷикӣ») под редакцией М.С.Осими лексема *гостеприимство* переводится на таджикский язык следующим образом: 1. *меҳмондорӣ / меҳмондӯстӣ*, (гостеприимство) 2. *меҳмоннавозӣ* [5, с.186].

В «Толковом словаре таджикского языка» («Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ») лексема *меҳмонпазир* трактуется так: *он, ки меҳмон пазирой мекунад, пазирандаи меҳмон, мизбон, соҳиби хона;*

Ҳар кӣ омад, лачомгир шуданд,

Ба худаи меҳмонпазир шуданд. (Низомӣ)

У каждого прибывшего взяли коня под узды

Ласково привечали его [6, с.793].

Кроме того, *меҳмонпазир* в сочетании с лексемой *меҳмонпараст*, *меҳмондӯст*.

Ба рамз андарун жандапил аст, маст,

Ба базм андарун моҳи меҳмонпараст. Фирдавсӣ.

В бою он подобен разбушевавшемуся слону,

В празднествах, словно приветливая к гостям луна.

Важно обратить внимание на то, что справочные материалы, представленные в толковых словарях таджикского языка относительно лексемы «гостеприимство», практически идентичны, они в таджикском языке эксплицированы в толковых и переводных словарях как *меҳмондорӣ/меҳмоннавозӣ*.

В Таджикском этимологическом словаре лексема *меҳмондорӣ* имеет персидское происхождение. Анализ этимологии лексемы, репрезентирующей концепт «*меҳмондорӣ*», сохранившейся в наивной картине мира, позволяет выявить семантические и национально-культурные особенности исследуемого концепта. Например: *самимият* – искренность, *муносибати дӯстона* – дружеские отношения, *рафоқат* – верность, *базм* – вечеринка, *вактушиӣ* – веселье, *эҳтиромона* – уважительно, *дилкушодӣ* – открытость, *сахей*, *дасткушодӣ* – щедрость, *одамдӯстӣ* – человеколюбие, *кушодарӯӣ* – приветливость и т.д.

Таким образом, национальный слой, будучи обособленной долей, позволяет с позиции культурологии провести анализ языковых единиц представляющих разные слои концепта, т.е. языковые репрезентации, на предмет их уникальных и универсальных характеристик.

Рассмотрим семантические множители в контексте лексикографического анализа значимостной составляющей концепта «Гостеприимство» через описание внутривариативной «равнозначности» и «разнозначности» семантических дублетов лексемы «*меҳмондорӣ*»/«*меҳмоннавозӣ*».

Следует отметить, что в число специфических характеристик мы включили прагматические свойства лексико-грамматических единиц, их словообразовательную продуктивность и соотношение частеречных реализаций имени концепта.

Анализ идеографических, толковых, семантических, синонимических, этимологических словарей демонстрирует широкую степень вариативности в представлении ключевого слова номинативного поля концепта «Гостеприимство».

Национально-специфическая особенность таджикской лингвокультуры выражается в сочетании *меҳмондорӣи сахаватмандона*, в котором гостеприимство сравнивается с *щедростью, высоким почётом и уважением к гостю*.

В «Таджикско-русском словаре» (Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ) Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой, С.Каримова лексема *меҳмондорӣ* полисемична трактуется как *мизбон* (хозяин), она представлена со следующими значениями: *приём гостей* и в сочетании со словосочетанием *меҳмондорӣ кардан* обозначает: а) принимать гостей; б) оказать гостеприимство.

Кроме того, лексема *меҳмоннавозӣ* также переводится как гостеприимство, хлебосольство; приветливость, в сочетании *бо меҳмоннавозӣ* – гостеприимно; в сочетании *меҳмоннавозӣ кардан* – оказать гостеприимство в выражениях.

Анализ словарных статей рассматриваемой лексемы позволил выделить ее синонимический ряд, в который вошли такие слова, как *меҳмоннавоз*, словосочетания *мизбонони меҳмонпазир* (гостеприимные хозяева), *шахси меҳмоннавоз* «гостеприимный человек».

Согласно «Таджико-русскому словарю» («Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ») под редакцией С.Д.Холматовой, «*меҳмоннавоз*» – это: «гостеприимный, хлебосольный, приветливый»; *меҳмоннавозӣ* – «гостеприимство, хлебосольство, приветливость»; *меҳмоннавозона* – «гостеприимно», *меҳмоннавозӣ кардан* – оказывать гостеприимство [7, с.347].

Лексема *меҳмондӯст* означает: *он ки омадани меҳмонро дӯст медорад, меҳмонпарвар; меҳмоннавоз: мардуми меҳмондӯст, мизбони меҳмондӯст. Лексема меҳмондӯстӣ – меҳмондӯст будан; меҳмоннавозӣ* [4, с.793].

Гостеприимство представителей различных национальностей проявляется в организации угощений в честь приглашенного или пришедшего гостя. В Таджикистане люди очень гостеприимны, они всегда сажают гостя на лучшее место, а если приглашают гостей, то в их сознании столы обязательно должны "ломиться" от всяких вкусных блюд. Угощение – это один из важнейших факторов, выражающих добросердечное отношение к гостю и проявление гостеприимства.

В «Толковом словаре таджикского языка» («Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ») ключевое слово *гостеприимство* также может передаваться лексемой *зиёфат*, которая означает: *меҳмонӣ, меҳмондорӣ, пазироии меҳмонон; зиёфати барфӣ зиёфате, ки ба муносибати бой додан дарбозии хати барфӣ ҳангоми боридани барфи аввал барпо карда мешавад: зиёфат кардан (додан) меҳмон кардан; меҳмондорӣ намудан; зиёфатгоҳ ҷои зиёфат; зиёфатдиҳӣ зиёфат додан; зиёфатдор дорои зиёфат; зиёфатхӯр ба зиёфат даъват шуда, меҳмон; он ки дар зиёфатҳо гаитанро дӯст медорад. В словаре приводятся сочетания данной лексемы: *зиёфат додан, ташикил кардани зиёфат* – устраивать угощение, *зиёфат оростан* – угощать; *зиёфатгоҳ* – место угощения, торжества, праздника; *зиёфатдиҳӣ* – устраивать угощение, приём гостей с угощением; *зиёфатдор* – устраивающий праздник, угощение; угощающий; *зиёфатдорӣ* – устраивание угощений; *зиёфатхӯр* 1. Принимающий участие в угощениях, угощающийся; 2. Любитель ходить на угощения, любитель угощаться за чужой счёт [4, с.520].*

В таджикском языке со словом *зиёфат* построено большое число фразеологизмов, некоторые из них считаем необходимым привести ниже: *Зиёфати оби ҳаммом – илтифоти хушкӯ холӣ* – напрасное обещание; *зиёфат пои нас хам дорад* – в гости ходить – надо и к себе водить; *зиёфатхӯр хушмадгӯӣ мебошад* – любитель угощений бывает льстецом.

Чанд гоҳ шароити зиёфат ба ҷо оварда, аз ҳоли вай истифсор намуд.

Ва агар дар зиёфат тасире кунӣ, ба ҳиссати ту шӯҳрат диҳанд.

Некоторое время соблюдай этикет и накрывай угощения, спрашивай о

его самочувствии.

*Но если допустишь недостаток в угощениях, прославишься скрягой.
(«Равзат-ус-сафо»).*

Поскольку для таджиков гость – это человек уважаемый и почтенный, то все лучшее ставится на дастархон:

*Ҳар кӣ меҳмонро гиромӣ мекунад,
Кӯшиши дар неқномӣ мекунад.
Ҳар кӣ меҳмонат шавад, ар хосу ом,
Пеши ӯ мебояд овардан таом* (Аттори Нишопурӣ).

*Всякий, кто оказывает почёт гостю,
Старается стать добродетельным.
Перед каждым, кто стал твоим гостем, – знатный он или нет,
Ты должен поставить угощение.*

Эти строки описывают щедрое и сердечное гостеприимство, которое является основной обычаем таджикского народа. Согласно традициям, нельзя человеку отказываться, если кто-нибудь зовет его на пиалу (чашку) чая в свой дом. Отказ может нанести хозяину оскорбление. Общеизвестно, что зарождение института гостеприимства произошло ещё в период первобытного общества и было связано с необходимостью избежания конфликтов, связанных с совместным использованием природных ресурсов. Позднее традиции гостеприимства принимали характер норм обычного права.

Фразеологический оборот «*Ба дастархон нигоҳ кунед!*» переводится на русский язык «Угощайтесь!», т.е. содержит просьбу отведать сладости, фрукты и приготовленные блюда. Для описания полной картины этого фразеологического оборота в словарных статьях рассмотрим лексему *дастархон*.

Лексема *дастархон* 1. *суфра, ки дар рӯи он таом меҳӯранд, моида, дастархон, хон: дастархон андохтан, дастархон паҳн кардан (густурдан). маҷ. нону кулчаю қанд, қатламаю фатир ва ғ., ки занҳо бо худ ба тӯю меҳмонӣ мебаранд; сари дастархон атрофии суфраи зиёфат нишастан, гирди суфраи меҳмондорӣ; дастархон кардан а) ба назди касе дастархон кушода, хӯрок гузоштан; касро зиёфат кардан; б) тайёр кардани нону қанд ва ғ. Барои ҳамчун дастовез бурдан ба ҷое; дастархони кушода доштан меҳмоннавоз будан, дасткушод будан, боҳиммат будан (дар меҳмондорӣ);*

стол, за которм они едят, майда, дастархан, хан: накрыть стол, разложить дастархан. переносн.: хлеб, пирожные, лепешки и т. д., которые женщины берут с собой на свадьбу; вокруг банкетного стола, вокруг стола гостеприимства; чтобы накрыть на стол.

Одним словом, *дастархон (дастурхон)* – это скатерть, которой накрывают на стол для трапезы. Во время трапез и разных мероприятий приглашали женщин, которых называли *дастурхончӣ*. Работа *дастурхончӣ* издревле существовала у народов Центральноазиатского региона, в частности у таджиков.

Дастурхончӣ – это специально приглашенная женщина, чаще пожилая, принимающая участие в организации приготовления пищи, наблюдающая за убранством стола и подаваемыми угощениями, руководящая приёмом гостей на свадьбах, поминках и т.п. Кроме того, в обязанности *дастархончӣ* входили приём и проводы гостей, а также принятие даров и гостинцев от них и благодарить такими же дарами и гостинцами от имени хозяев дома, когда они уходят.

... - *Дастурхончӣ – оим – ҳамин кас, - гуфта оҳиста ба ғӯши Оймулло ҳам шуд Муҳаррами Фарҷ. – Бе рухсати ин кас ҷонзоте ба назди Эшонбӣби даромада наметавонад. Тартиботи меҳмонқабулкунӣ ва меҳмонгуселкунӣ ҳам дар дасти ҳамин кас – Эта*

госпожа - домоправительница её высочества, - пояснила Мухаррама Гарч. – Без её решения никто не может подойти к её высочеству. Все в её руках¹.

...Эшонбиби оими **даструхончиро** ба назди худ чег заду гуфт: - Оймуллоро дар даҳлез зиёфат кун, хурсанд кун, гӯй, ки ҳар вақт ки Пошиобиби қаришгӣ биёянд, мо ба ӯ кас мефиристам. – Эшонбиби подозвала распорядительницу и приказала: - Угости там, в передней, госпожу Танбур, да получше! И скажи, что каждый раз, как ее высочество пожалует из Карши, мы будем за ней посылать².

В «Фарҳанги тафсирии забони тоҷик» лексема **дастовез** имеет следующие толкования: 1. он чӣ меҳмон чун тўҳфа ба мизбон меорад, тўҳфа, ҳада, армугон. 2. чизе ё касе, ки ба вай истинод (тақя) карда кореро буд мекунад. 3. маҷ. васила, восита; **дастовез** кардан: а) ба сифати тўҳфа бо худ бурдани чизе ба ҷо (хусусан ба меҳмонӣ, тўю маърака ва ғ.); б) баҳона кардан (чизеро дар исботи дурустии амале); **санад** ва далел қарор додан (чизеро) – как подарок хозяину; 2. некто или кто-то, на кого они полагаются. 3. переносн. знач: способ, средство, подарок а) взять чего-либо в подарок (особенно для вечеринки, свадьбы и т. д.); б) ссылаться на что-то, (чтобы доказать правоту действия); приводить примеры и доказательства чего-то) [4, с.428].

Лексема **тўҳфа ҳада, савгот** [4, с.498]. Лексема **ҳадия//ҳада** чизи тўҳфа кардашуда, тўҳфа, бахшиши, савго (бо феълҳои гирифттан, додан, кардан, овардан меояд. Лексема дар; путеводитель, подарок (используется с глаголами брать, давать, приносить).

*Ҳавлиамон боги аҷиб,
Ҳавзи пуробаи базеб,
Ҳар касе меҳмон шавад,
Ҳада кунам ноку себ (Ашӯр Сафар).*

*Наш двор - прекрасный сад,
Его полноводный пруд очень красив,
Каждого, кто будет моим гостем,
Одарю грушами и яблоками.*

Лексема **инъом** означает: чизеро ба касе бе бадал бахшидан, бахшиши, ато, ҳада; инъом додан, бахшиши, ато, ҳада; инъом додан бахшиши додан; мукофот додан, инъом кардан бахшидан, пешкаши намудан. **Инъомбахи** ниг. инъомдиҳӣ тўҳфа додан, мукофот додан; инъом бахшидан ба касе. **Инъомӣ** 1. мансуб ба инъом; ба тариқи инъом гирифташуда, тўҳфашуда. 2. силоҳ, соат ва ё асбоби дигаре, ки ба касе бо номнавис шудан тўҳфа гардидааст. (дать кому-то безвозмездно, подарки; отдавать, дарить, дарение; вознаграждение, подарки).

*Забон дар ком аз номи ӯ ёфт,
Нам аз сарчашмаи инъоми ӯ ёфт.*

*Прославил свой язык его именем
Питался от источника его вознаграждений.*

Лексема **армугон** означает: тўҳфае, ки мусофир аз сафр меоварад, ҳада, савгот, раҳовард; армугон овардан, тўҳфа овардан. **Армугонӣ** тўҳфашаванда, савготӣ [4, с.78].

*Аз он пай ба ганҷи маонӣ барам,
Ба асҳоби худ армугонӣ барам.
Затем обращаюсь к кладезю духовности,
Преподнесу подарок своим последователям.*

¹ Икрами Дж. Дочь огня. Душанбе: Ирфон, 2009. С.303 (на тадж.)

² Там же. С.307.

Анализ словарных статей рассматриваемой лексики позволил выделить её синонимический ряд, в который вошли такие слова, как *меҳрубонӣ*, *кушодадастӣ*, *саховатмандӣ*, *хайрхоҳӣ*, *хушмуомилағӣ*, *неқӯаҳволӣ*, *ҳамдилӣ*, *боварӣ*, *дӯстӣ*, *самимият*, *кушодадилӣ*, *кушодарӯӣ* и др.

Слово *меҳрубонӣ* употребляется в значениях: 1. *доброта, ласка, приветливость*; 2. *любезность, душевность, благосклонность*; *меҳрубонӣ кардан* – оказывать милость; ласкать; проявлять доброту; душевность; *меҳрубонона*: *ласково, дружелюбно, благосклонно*; в сочетании с *меҳрубонона пазируфтан* – *оказать любезный приём*.

Слово *кушодадастӣ* обозначает: 1. *щедрость*; 2. *доброта*. Дефиниция лексической единицы *кушодадилӣ* представлено в 1. *откровенность; искренность*; 2. *прямота; непосредственность*. Слово *хайрхоҳӣ* определяется, в основном, такими значениями, как: *доброжелательность; благосклонность*.

Лексема *саховат (мандӣ)* 1. *щедрость; великодушие с сочетанием хайру саховат* – *щедрость; хайру саховат кардан* – *проявлять щедрость; проявлять великодушие; саховатмандӣ* – *щедрость; великодушие; саховатмандона* – 1. *щедро; великодушно*; 2. *щедрый; великодушный*.

Лексическая единица *самимият* употребляется в значении: 1. *искренность; сердечность; задушевность*; с сочетанием *бо самимият* – *искренне; самимият доштан* – *быть искренним* [4, с.354].

В этом же значении выступают такие единицы, как *дӯстӣ*, *бародарӣ*, *рафиқӣ* со значением *дружба, отражающимся в лексеме дӯстона* – *по-дружески; бародарона* – *по-братски; рафиқона* – *по-товарищески*. Кроме того, слово *хайрхоҳӣ* употребляется в значении *доброжелательность, благосклонность, благоволение, отзывчивость, хайрхоҳӣ кардан ба касе* – *быть чьим-л. доброжелателем; быть благожелателем к кому-л. с которым связаны слова хайр и хайра (в 3 значениях), содержащие сему добро, благо, последнее имеет коннотативную сему добро, доброта. Также гостеприимство определяется как хайрандешиӣ – добрая мысль*.

В «Толковом словаре таджикского языка» («Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ») лексема *меҳмонпазир* трактуется как: *он ки меҳмон пазирой мекунад, пазирандаи меҳмон, мизбон – тот, кто принимает гостя, принимающий гостя, хозяин* [1, с.793].

Таким образом, синонимы ключевого слова, вербализующие концепт «*меҳмондорӣ*», составляя ядерную зону рассматриваемого концепта, объективируют следующие его признаки в таджикском языке: *меҳрубонӣ* «*вежливость*», *кушодадастӣ* «*щедрость*»; *кушодадилӣ* «*искренность*», *саховатмандӣ* «*великодушие*»; *дӯстона* «*по-дружески*»; *бародарона*, «*по-братски*»; *рафиқона* – «*по-товарищески*»; *хирадмандона* «*разумно*» и др.

Подводя итоги, следует отметить, что ключевое слово концепта «Гостеприимство» в таджикском языке, его синонимический ряд и рассматриваемые лексические единицы являются полисемичными, содержат денотативное и коннотативное значения. Семантические синонимы уточняют и дополняют ключевую лексему, что позволяет более подробно описать лексико-семантическое поле концепта «*меҳмондорӣ*».

Литература

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191с.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

3. Токарев Г.В. Лингвокультурология. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2009. – 135 с.
- Словари:**
4. Толковый словарь таджикского языка. Т.II / под ред. С.Назарзода, А.Сангинова, С.Каримова. – Душанбе, 2008. – 945 с. (на тадж.яз.).
5. Русско-таджикский словарь. Луғати русӣ-тоҷикӣ / под ред. М.С.Осими. – М.: Русский язык, 1985. – 1280 с.
6. Толковый словарь таджикского языка. Т.І (А-О) / под ред. М.Ш.Шукурова, В.А.Капранова, Р.Хашима, Н.А.Масуми. – М.: Сов.энциклопедия, 1969. – 952 с. (на тадж.яз.).
7. Таджико-русский словарь / под ред. Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой, С.Каримова. – Душанбе: Пайванд, 2006. – 789 с.

**ANALYSIS OF DICTIONARY DEFINITIONS OF A KEYWORD IN THE
NOMINATIVE FIELD OF THE CONCEPT "HOSPITALITY" IN TAJIK LANGUAGE**

Valieva Zamira Abdusalomovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the English chair (interfaculty)
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 907 99 76 47 (m.)
zamira0606@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the dictionary definitions of the keyword in the nominative field of the concept "hospitality" in the Tajik linguistic consciousness.

It is shown that in the Tajik language the concept of "Hospitality" is expressed in a rich synonymous field and occupies one of the leading places in the mental vocabulary of the Tajik people.

The vocabulary of hospitality is widely represented in various explanatory and translation dictionaries of the Tajik language, as well as in artistic discourse. The dictionary definitions and etymology of the nominee for the concept of "Hospitality" have been studied, its main features have been established, synonymous rows of lexemes representing the concept of "Hospitality" have been identified, and dominant lexemes with the most concentrated content have been determined.

Analysis of linguistic and artistic material showed that the concept of "Hospitality", as one of the basic segments of the national conceptual sphere, contains an extensive information field, the set of elements of which gives a fairly clear idea of the ethnocultural paradigm of the world view by native speakers of the Tajik language.

Keywords: concept "Hospitality"; dictionary definitions; synonymous field; guest; treat; traditions.

**ТАҲЛИЛИ ДЕФИНИТСИЯҲОИ ЛУҒАВИИ КАЛИДВОЖА ДАР МАЙДОНИ
НОМИНАТИВИИ КОНСЕПТИ «МЕҲМОНДОРӢ» ДАР ЗАБОНИ ТОЧИКӢ**

Валиева Замира Абдусаломовна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони англисӣ (байнифакултавӣ)
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 907 99 76 47
zamira0606@mail.ru

Мақола ба таҳлили дефинитсияҳои луғавии калидвожа дар майдони номинативии концепти «Меҳмондорӣ»и забони тоҷикӣ бахшида шудааст.

Нишон дода шудааст, ки дар забони тоҷикӣ концепти «Меҳмондорӣ» бо майдони васеи муродифӣ ифода ёфта, дар ҳувият ва таркиби луғавии ҳалқи тоҷик акси худро ёфтааст.

Доираи луғавии мафҳуми «Меҳмондорӣ» дар фарҳангу осори илмӣ ба забони тоҷикӣ навишташуда, инчунин дар дискурси бадеӣ хеле равшан муаррифӣ шудааст. Дефинитсияҳои луғавӣ ва этимологияи номинанти концепти «Меҳмондорӣ» омӯхта шудаанд, нишонаҳои асоситарини он муқаррар гардида, қаторҳои муродифии вожаҳое, ки концепти «Меҳмондорӣ»ро муаррифӣ мекунад, вожаҳои доминантие, ки дорои мазмуни баланд ҳастанд, мебошанд.

Таҳлили маводи забонӣ ва бадеӣ нишон дод, ки концепти «Меҳмондорӣ», ҳамчун яке аз сегментҳои фазои концептии миллӣ, дорои майдони фароҳи иттилоотӣ аст, ки маҷмӯи унсурҳои он доир ба парадигмаи милливу фарҳангӣ тасаввуроти кофиро доир ба ҷаҳонбинӣ аз тарафи ҳомилони забони тоҷикӣ медиҳанд.

Калидвожаҳо: концепти «Меҳмондорӣ»; дефинитсияҳои луғавӣ; майдони муродифӣ; меҳмон; зиёфат; анъанаҳо.

УДК 811.133.1

**ИНТЕРТЕКСТ В ПОНИМАНИИ ФРАНЦУЗСКИХ СТРУКТУРАЛИСТОВ:
СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ**

Алламуродова Сабохат Джураевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка для нефилологических факультетов
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел: (+992) 908 55 25 25 (м.)
sabo_70@list.ru

Интертекстуальность – понятие сложное ввиду расплывчатости и чрезвычайной неопределенности его содержания. Такая неопределенность объясняется отчасти отсутствием единства в понимании базисных категорий теории интертекста, отчасти тем, что интертекстуальность обычно воспринимается исследователями как понятие элементарное и далее неделимое. Между тем при внимательном его рассмотрении оказывается, что оно представлено целым рядом субкатегориальных подтипов. В данном контексте очевидной кажется необходимость уточнения ключевых понятий теории интертекста. В статье рассматривается введение в научный обиход термина «интертекст» Юлией Кристевой, понимание данного термина французскими структуралистами и их последователями и обсуждение спорных моментов в трактовке термина.

Ключевые слова: текст; интертекст; французский структурализм; авангард; транспозиция; текстуальная интерпретация.

Интертекстуальность – удобный термин, который свидетельствует о взаимосвязи между текстами, поскольку объясняет совокупные текстовые процессы, стоящие за всей мировой литературой прошлого. Однако только в своем теоретическом выражении конца 1960-х годов его можно сформулировать наиболее точно.

Данная статья представляет собой краткий междисциплинарный обзор, направленный на то, чтобы сформулировать интертекстуальную дилемму в контексте критики прошлого и настоящего, используя литературно-критические и семиотические ресурсы с опорой на французских структуралистов середины XX века.

Юлия Кристева придумала термин «интертекстуальность» и снабдила его различными, при этом точными и связными определениями [2, с.10]. В своем труде «Слово, диалог и роман» («Word, Dialogue and Novel», 1989), исследуя идеи Михаила Бахтина о гетероглоссии и полифонии в тексте, Ю.Кристева вводит идею Бахтина о литературном слове «как пересечении текстовых поверхностей, а не точке (фиксированном значении)» [10, с.36]. Ю.Кристева следующим образом разъясняет эту концепцию: «...любой текст строится как мозаика цитат: любой текст – это поглощение и трансформация другого. Понятие интертекстуальности заменяет понятие интересубъективности, и поэтический язык воспринимается по меньшей мере двояко» [10, с.37].

Ее идея интертекстуальности имеет форму двух осей: «субъект-адресат» занимает горизонтальную ось, а «текст-контекст» – вертикальную. Какое-либо пересечение этих двух осей создает интертекстуальность. Позже Ю.Кристева переопределила этот термин как «интертекстуальный диалог» [10, с.42]. В конечном счете, ее позиция по интертекстуальности состоит в том, что каждый текст говорит о связях от одного к другим текстам и производит “двойные” или даже многочисленные значения, которые из-за непрерывного производства художественных текстов никогда не прекращаются в их развитии.

Однако в ее эссе есть основополагающая идея, что интертекстуальность, присущая повествованию, не всегда является сознательным выбором. Для нее, как и для Бахтина, текст – это диалог, который происходит между писателем, читателем, самим текстом и «внешними текстами» [10, с.36]. «Бахтинский диалогизм, - пишет она, - отождествляет письмо и как субъективность, и как коммуникацию, или, лучше сказать, как интертекстуальность» [10, с.39]. Она утверждает, однако, что текст проникнут Бахтинским диалогизмом не обязательно из-за авторской интенции, но потому, что диалогический процесс является неотъемлемым аспектом коммуникации. Позднее она развивает это предположение, утверждая, что эти значения могут быть извлечены не только из самого текста или слова, но и из структуры текста [10, с.50].

Литературные жанры, как и тексты, находятся в постоянном процессе производства, утверждает Ю.Кристева, и представляют собой «бессознательную экстерниоризацию языковых структур на их различных уровнях». Более того, считает она, что «роман – это жанр, который наиболее эффективно экстерниоризирует языковые структуры» [10, с.37]. Интертекстуальность, таким образом, присуща жанру и практически неизбежна в любом конкретном примере жанра. Основной вывод Ю.Кристевой состоит в том, что тексты имеют множество (“по крайней мере, двойных”) значений и, что романист может сознательно или бессознательно использовать интертекстуальность.

Следуя раннему определению и использованию Ю.Кристевой понятия "интертекстуальность", последующие исследователи интертекстуальности расходились во мнениях относительно первоначального смысла и ценности этого термина. Основная точка соприкосновения относительно появления слова "интертекстуальность" касается его назначения как социального или литературного инструмента. Адольф Хаберер полагает, что, поскольку этот термин возник в связи с Бахтиным, который, по словам Кристевой, «родился в революционной России, озабоченной социальными проблемами» [7, с.39], интертекстуальность изначально фокусировалась «на общественном, а не литературном влиянии» [7, с.56]. А.Хаберер слегка критикует связь Ю.Кристевой с «гиперактивными» редакторами авангардного литературного журнала *Tel Quel*, который, по словам Хаберера, “безуспешно пытался применить научные идеи к изучению литературы” [7, с.38].

Джон Фроу вторит этой мысли, когда говорит, что «язык современного общества, который в первую очередь касается Ю.Кристевой, не переводится на язык литературы» [4, с.127].

Генрих Ф.Плетт также преуменьшает значение этого термина в отношении изучения литературы, предполагая, что интертекстуальность была “первоначально задумана и использована критическим авангардом как форма протеста против установленных культурных и социальных ценностей” [13, с.3]. Для Плетта "интертекстуальность" предстает не более чем вызывающим актом против традиции. Он, кажется, рассматривает «заигрывание» Ю.Кристевой с авангардом, как нечто похожее на бунтующего подростка, который со зрелостью поймет, что родитель, традиция и классицизм были правы все это время.

Однако Манфред Пфистер, по-видимому, понимает и принимает смысл употребления Ю.Кристева этого термина. Он считает, что ее цель «состояла не в том, чтобы дать новый заголовок для различных форм аллюзий и цитат и стимулировать более тонкие и систематические классификации, а в том, чтобы революционизировать наши представления об искусстве, литературе, тексте и субъективности» [12, с.211]. Определение М.Пфистера лучше подходит для использования Ю.Кристева этого термина, когда «мы рассматриваем ее окончательный отказ от его метаморфозы в нечто, чего она не собиралась делать. Сожалея о постоянном непонимании этого термина как простого "изучения источника", она в конце концов отменила его собственное использование в 1974 году в эссе "Революция в поэтическом языке" и заменила его словом "транспозиция"» [12, с.211]. Несмотря на ее отречение, целая и разнообразная область науки продолжает посвящать себя изучению интертекстуальности.

Один из спорных моментов в изучении интертекстуальности связан с ее отличием от «литературного влияния» – давно принятого термина, использовавшегося задолго до того, как Ю.Кристева ввела интертекстуальность. Во введении к книге «Интертекстуальность: теория и практика» Джудит Стилл и Майкл Уортон утверждают, что интертекстуальность «в той или иной форме так же стара, как и само человеческое общество» [19, с.2]. Аналогичным образом, М.Пфистер утверждает, что «с самых ранних истоков, которые можно проследить, литературные тексты всегда ссылались не только на реальность (*imitation vitae*), но и на предшествующие другие тексты (*imitation veterum*)» [12, с.210]. Многие ученые посвятили свои исследования изучению интертекстуальности, как это практиковалось на ранних этапах развития литературы. Например, в своей попытке определить постмодернистскую интертекстуальность Линда Хатчен придерживается аналогичного подхода, обсуждая, как Данте включил Вергилия не только для придания престижа своему тексту, но и по дидактическим соображениям [8, с.88].

Ханс-Петер Май считает, что применение термина «интертекстуальность» к случаям влияния, таким как те, которые были выявлены в работах эпохи Возрождения, непродуктивно, потому что здесь, по-видимому, есть фундаментальное различие в способе, которым были разработаны "интертекстуальные" стратегии. Х.-П.Май цитирует авторов, чья практика состояла в том, чтобы ссылаться на известные произведения просто для того, чтобы поставить себя рядом с этими более известными авторами [11, с.32]. В то время как влияние известных текстов (вплоть до подражания) существует и продолжает существовать в литературных произведениях, ученые так же, как читатели все чаще считают оригинальность обязательной для высоко ценимого произведения. Как предполагают Джей Клейтон и Эрик Ротстайн, современное использование влияния "ценит индивидуальное творчество, но продолжает опираться на мощную традицию, которая передается по наследству" [3, с.12].

В книге "Влияние и интертекстуальность в истории литературы" («*Influence and Intertextuality in Literary History*», 1991) Дж.Клейтон и Э.Ротстайн добавляют к этому спору еще одно измерение. Они предполагают, что термин интертекстуальность является маркером поколений для более поздних критиков, которые повторяют многое из того, что делали предыдущие критики, используя простые термины, такие как *влияние*, *контекст*, *аллюзия* и *традиция* [3, с.3]. Однако они также признают, что чаще всего «влияние имеет отношение к произведению, тогда как интертекстуальность имеет отношение к гораздо более безличному полю пересекающихся текстов» [3, с.4]. Между тем Дж.Клейтон и Э.Ротстайн предполагают, что «никто не выбирает, на кого и как он будет влиять или чьему влиянию будет подвергаться. Напротив, это больше похоже на акт восприятия, в котором наблюдение вызывает действие. Часть ужасающей силы влияния состоит в том,

что его действие происходит просто как побочный продукт, приложение силы без реальных усилий» [3, с.7]. Кроме того, Дж.Клейтон и Э.Ротстайн предполагают, что само слово «влияние» не вполне определено, потому что возможно, очевидно само влияние имеет много определений. В то время как ученые-интертекстуалисты расходятся во мнениях при надлежащем использовании этого термина, они часто соглашаются относительно различных, а иногда и противоположных классификаций в данной области.

Г.Плетт выделяет три группы ученых в современной интертекстуальной науке: прогрессисты, традиционалисты и антиинтертекстуалисты [14]. Он с юмором цитирует недостатки каждой группы, рассматривая то, что он считает худшими атрибутами их позиций. Согласно Плетту, такие прогрессисты, как Бахтин, Ролан Барт, Кристева и Жак Деррида, позволяют своим публикациям иметь «странно абстрактное качество, при их решительном отдалении от реальности» [14, с.4]. Риффатерр и Жерар Женетт, наряду с другими традиционными интертекстуалистами, согласно Плетту, используют общий термин интертекстуальность, чтобы заставить себя выглядеть более способными теоретиками, чем они есть на самом деле. Наконец, он считает, что "антиинтертекстуалистами" являются те люди, которые считают, что литература всегда была интертекстуальной и, таким образом, полностью отвергают интертекстуальность и ее теории как ненужный мусор [14].

В то время как Г.Плетт преувеличивает недостатки каждого типа ученых, его классификация соответствует большинству классификаций Грэма Аллена в интертекстуальности [2]. Для Г.Аллена преданные интертекстуалисты (Кристева, Барт и Деррида) видят, что текст и язык текста сходятся с языком читателя и социальной средой читателя, как в прошлом, так и в настоящем, чтобы производить множественные и изменчивые значения. Для него структуралисты – Риффатерр, Каллер, Женетт и Лоран Дженни – представляют более устойчивый и упорядоченный взгляд на интертекстуальность. Их интерпретация интертекстуальности способствует представлению о том, что в тексте существуют аллюзии, которые намеренно изменяют отношение читателя к тексту и раскрывают неизменные смыслы, заложенные в текст автором. Следовательно, литературное произведение не может находиться в одиночестве, в отрыве от всего, потому что оно обязательно связано с предшествующей ему традицией и контекстом, в котором оно создается. Для Г.Аллена интертекстуальность имеет решающее значение для понимания литературоведения сегодня [2].

Структуралистские теории интертекстуальности лучше всего решают эту проблему, особенно те теории, которые, по словам Г.Аллена, «отстаивают критические позиции, порой диаметрально противоположные позициям Кристевой и Барта» [2, с.4]. Из тех структуралистов, которых обсуждает Г.Аллен (Каллер, Дженни, Женетт и Риффатерр), Ж.Женетт и М.Риффатерр выдвигают теории, наиболее тесно дополняющие друг друга. В своих исследованиях Ж.Женетт и М.Риффатерр фокусируются не только на процессе интертекстуального чтения, но и на результатах такого чтения [1; 5-6; 15-18]. Их идеи отличаются от идей Ю.Кристевой тем, что они считают, что интертекстуальность может привести к фиксированному значению, в то время как она рассматривает интертекстуальность как часть непрерывного процесса смысла. Г.Аллен суммирует их различия: «Жерар Женетт и Майкл Риффатерр оба используют интертекстуальную теорию, чтобы доказать критическую достоверность или, по крайней мере, возможность говорить определенные, стабильные и непроверяемые вещи о художественных текстах» [2, с.4]. Несмотря на некоторые различия по другим вопросам, подходы Ж.Женетта и М.Риффатерра к текстуальной интерпретации утверждают, что авторы стремятся через интертекстуальность привести своих читателей к определенному смыслу.

Жерар Женетт находит цель литературных текстов в том, что он называет «сетью архитектуры» [5, с.83], где диалог между текстом, читателем и другими текстами образует сложную паутину. Следование путям внутри этой сети требует изобретения, определения, переопределения и экспликации многочисленных терминов, которые объясняют операции интертекстуальности.

Чтобы понять интертекстуальный лексикон Ж.Женетта, необходимо вернуться к определению самой интертекстуальности. Ж.Женетт определяет интертекстуальность более ограниченно, чем Ю.Кристева, как «отношение соприсутствия между двумя текстами или между несколькими текстами: то есть эйдетически и типично как фактическое присутствие одного текста внутри другого» [1, с.1-2]. Ж.Женетт выделяет три типа интертекстуальных отношений: явные, скрытые и имплицитные. Интертекстуальность основана на том, что он называет соприсутствием: всякий раз, когда часть текста присутствует в другом тексте, существует интертекстуальная связь. Для Женетта интертекстуальность сосредоточена на аллюзиях, цитатах и даже плагиате, а не на культурных или семиотических проблемах, которые Ю.Кристева предпочитает [9, с.101]. Его определение вызвало некоторые споры. Критики, такие как М.Пфистер, утверждают, что определение Ж.Женетта «противоречит жизненно расширительной природе этого принципа» [12, с.211]. Май, между тем, находит определение Женетта неадекватным в том смысле, что оно «не особенно способствует лучшему пониманию» интертекстуальности [11, с.51]. Точно так же Плетт соглашается с тем, что абстрактное и общее определение «затрудняет понимание» [13, с.4]. Май, между тем, считает определение Женетта неадекватным в том смысле, что оно «не особенно способствует лучшему пониманию» интертекстуальности [11, с.51]. Точно так же Плетт соглашается с тем, что абстрактное и общее определение «препятствует пониманию» [13, с.4]. Имея в виду эти возражения и оговорки, можно рассматривать определение интертекстуальности Ж.Женетта как надежный инструмент, хорошо подходящий для анализа примеров очевидной, скрытой и неявной интертекстуальности. Ж.Женетт уточняет свое понимание интертекстуальности, предоставляя дополнительные определения и термины. Они включают в себя паратекстуальность (то есть отношения между собственно текстом и конкретными элементами внутри текста), метатекстуальность (то есть «критические отношения *par excellence*» между текстами, в которых один текст говорит о другом без прямой цитаты) и архитекстуальность (то есть таксономические категории произведения, обозначенные заголовками или, чаще, субтитрами текста) [1, с.2-5]. Категория, которая особенно касается Женетта, – это гипертекстуальность – «любое отношение, объединяющее текст В ... с более ранним текстом А, к которому он привит способом, не являющимся комментарием» [1, с.5].

Ж.Женетт распознает паратекст первоначально и обычно в палимпсестах как «заглавие, подзаголовок, интертитры; предисловия, послесловия, примечания, предисловия и т.д.; маргинальные, интрамаргинальные, конечные примечания; эпиграфы; иллюстрации; рекламные объявления, обложки книг, суперобложки и многие другие виды вторичных сигналов, будь то аллографические или автографические» [1, с.3]. Проще говоря, Грэм Аллен резюмирует определение Ж.Женетта как «те элементы, которые лежат на пороге текста и которые помогают направлять и контролировать восприятие текста его читателями» [2, с.103]. Однако позже, в Паратексте [6], Женетт уточняет термин паратекст, разделяя его на две категории: эпитекст и перитекст. Эпитекст относится к интертекстуальным случаям, происходящим вне фактического текста, таким как письма, дискуссии, статьи, сплетни и обзоры [6, с.38]; перитекст относится к обложкам, эпиграфам,

заголовкам, Примечаниям или любым другим случаям, происходящим как часть самого фактического произведения, но не внутри рассказа [6, с.16].

Приводя в качестве примера "Дон Кихота", Женетт определяет антиромантизм как форму, связанную с пародией и насмешливой героической поэмой [1, с.50-53]. Однако в продолжении он отмечает, что это не так, потому что, сосредоточившись на заблуждении главного героя, Дон Кихот выходит за рамки пародии или притворно-героического и фактически переворачивает жанр романа, чтобы стать антироманом. В терминах Женетта текст Сервантеса не только раскрывает свой гипотекст, но и перепрофилирует свой гипогенет. В примере Ж.Женетта Сервантес, таким образом, трансформирует не только характер романа, но и жанровую категорию.

В рамках своих теорий транстилизации Ж.Женетт также обращается к жанрам стилизации и пародии. Ж.Женетт определяет пастиш как "имитацию без сатирической функции" [1, с.24]. Пародия для него – это "подражание, более сильно нагруженное сатирическим или карикатурным эффектом" [1, с.23].

Как правило, Ж.Женетт применяет эти понятия ко всем текстам. Помимо того, это то, что Женетт называет метатекстуальностью, т.е. случаи, когда один текст ссылается на другой, "не обязательно цитируя его (не вызывая его), а иногда даже не называя его" [1, с.4].

Однако, по мнению Аллена, этот аспект интертекстуальности "недостаточно развит Женеттом" [2, с.99]. Действительно, Ж.Женетт посвящает этой форме интертекстуальности лишь краткий абзац и заканчивает тем, что лишь немногие ученые изучают ее. Затем он эффективно опровергает свою точку зрения, говоря, что невнимательность "может вот-вот измениться" [1, с.4].

В своей статье "Принудительная реакция читателя: Интертекстуальный драйв" ("Compulsory Reader Response: The Intertextual Drive", 1990) М.Риффатерр эффективно отвергает те интертекстуальные теории, которые пытаются свергнуть традиционное значение, отделяя слова от языка. Во-первых, он утверждает, что "эта реакция читателя на тексты не может быть объяснена лингвистическими структурами", поскольку нелитературные вхождения используют одни и те же лингвистические структуры [16, с.56]. Затем он отвергает работы Ю.Кристовой, Р.Барта, Ж.Деррида и их последователей, предполагая, что "литературность ... следует искать на уровне, где тексты объединяются или означают, ссылаясь на другие тексты, а не на меньшую знаковую систему" [16, с.56]. В сущности, М.Риффатерр предполагает, что есть опасность в слишком пристальном взгляде на состав литературы, потому что, будучи препарированной до такой степени, литература перестает быть литературой. Изучение интертекстуальности, доведенное до такой крайности, грозит стать бессмысленным.

Во многих своих работах М.Риффатерр определяет интертекстуальность, объясняя, что это такое. В работе "Интертекстуальная репрезентация: о Мимесисе как интерпретативном дискурсе" он выделяет часто ошибочный синоним интертекстуальности – *влияние*. Он предупреждает, что «некоторые ученые путают интертекст с источниками и, кажется, думают, что интертекстуальность – это просто новомодное название влияния или подражания. Нам должно быть ясно, что интертекст не означает собрание литературных произведений, которые могли повлиять на текст или которые сам текст мог имитировать» [17, с.142]. Однако он продолжает утверждать, что «интертекстуальность — это не просто восприятие гомологов или культивируемое восприятие читателем сходства или различия. Интертекстуальность – это не счастливый излишек, не привилегия хорошей памяти или классического образования» [17, с.142]. Другими словами, интертекстуаль-

ность не является ни авторской имитацией, ни необязательным бонусом, доступным для одних авторов, но не для других.

М.Риффатерр воспринимает интертекстуальность как мощь, требующую от читателя усилий по раскрытию смыслов внутри текста. Для него интертекстуальность – неотъемлемая черта, присущая каждому конкретному тексту. Он определяет интертекстуальность как «модальность восприятия, расшифровку текста читателем таким образом, что он идентифицирует структуры, которым текст обязан своим качеством художественного произведения» [15, с.625]. Интертекстуальность сродни интеллектуальной функции, выполняемой читателем. Далее он утверждает, что сам интертекст – это произведение, которое читатель “должен знать”, чтобы понять общее значение текста.

Однако многие ученые не согласны с тем, что М.Риффатерр делает упор на знания читателя. М.Уортон, например, резюмирует основную критику: “у Риффатерра интертекстуальные чтения отдельных стихотворений – это блестящий анализ, но они часто зависят от эрудиции, от обширных знаний литературного канона” [20, с.14]. Точно так же, хотя Дж.Клейтон и Э.Ротстайн хвалят М.Риффатера за то, что он «наиболее эффективно использовал интертекстуальность в практической критике» [3, с.23], они выражают озабоченность тем, что критика Риффатера “опирается на энциклопедическое знание французской и английской литературы” [4, с.26]. Критики утверждают, что такие проницательные чтения недоступны многим другим читателям. Даже эрудированные читатели не могут быть уверены, что их чтение текста достаточно основательно, чтобы соответствовать стандартам Майкла Риффатерра.

Методология М.Риффатерра также предполагает, что смысл интертекстуальности заключается в попытке декодировать текст. Он действительно является первым, кто признает, что читатели обычно встречают тексты, не знающие аллюзий на гипотекст. Тем не менее, говорит он, даже неизвестные ссылки в гипертексте могут предупредить читателей о пробелах, которые, в свою очередь, дают “карту” для более ясного понимания смысла текста [16, с.57]. Затем читателей подталкивают к заполнению этих пробелов и открытию этих значений. Чтобы определить, является ли их опыт с интертекстуальностью действительным, читатели должны убедиться, что их наполнение (знание) может быть применено и вписано во весь текст [18, с.371]. В конечном счете интертекстуальность в произведениях обеспечивает указатели и декодеры, которые позволяют читателю раскрыть дополнительные смыслы в тексте. М.Риффатерр называет эти декодеры связками: элементами, которые материализуются в различных формах как *syllipsis* (например, «вам, скорее всего, нужен тезаурус, элементарный учебник грамматики и хватка за реальность»), синонимами или антонимами (например, «не отвечайте глупцу по его глупости, чтобы не уподобиться ему»), которые гипертекст разделяет с гипотекстом [16, с.57]. Риффатерр в конце концов заявляет: “не имеет значения, что читатель не может сравниться с аналитиком в мастерстве или что, учитывая предпосылки, он мог бы повторить по крайней мере некоторые из этих критических подвигов. Важно то, что у нас нет доказательств, что он один мог бы найти отправную точку” [18, с.373]. Пока читатель участвует в интертекстуальном опыте, пытаясь распознать пробелы и связи, смысл в конечном счете будет проявляться.

Таким образом, различные идеи различных исследователей интертекстуальности могут помочь читателю понять интертекстуальность произведений художественной литературы. Однако именно через терминологию Жерара Женетта и методологию Майкла Риффатера смысл термина интертекстуальность становится наиболее ясным и понятным. Как предполагает М.Риффатерр, интертекстуальность предъявляет определенные требования к читателю. Читатели должны быть готовы работать с «соприсутствием» в

тексте, явным, скрытым или неявным. Через исследования и тщательное изучение они должны заполнить пробелы, которые представляет интертекстуальность.

Сосредоточив внимание на интертекстуальности, данная статья является попыткой не только раскрыть более глубокие уровни смысла в термине, но и помочь читателю раскрыть его интеллектуальный потенциал, что в свою очередь способствует культивированию диалога, необходимого для продолжения языковой и литературной культуры с точки зрения французских структуралистов и сторонников теории интертекстуальности.

Литература

1. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. – М.: Науч.мир, 1982. – 76 с.
2. Allen, Graham: *Intertextuality*. – London; – New York: Routledge, 2000. – 238 p.
3. Clayton Jay and Eric Rothstein. *Figures in the Corpus: theories of influence and intertextuality // Influence and Intertextuality in literary history*; eds. Jay Clayton and Eric Rothstein. – Madison: U of Wisconsin P, 1991. –P.3-36.
4. Frow John. *Marxism and Literary history*. – Cambridge, MA: Harvard UP, 1986. – 275 p.
5. Genette Gérard. *The Architext: An Introduction / trans. Jane E.Lewin*. – Berkeley: U of California P, 1992. – 100 p.
6. Genette Gérard. *Paratexts: Thresholds of Interpretation / trans. Jane E.Lewitt*. – Cambridge, MA: Cambridge UP, 1977. – 427 p.
7. Haberer Adolphe. *The Intertextual Effect // Symbolism: An international journal of critical aesthetics*. – 2005. – №5. –P.35-60.
8. Hutcheon Linda. *A Theory of parody: The teachings of twentieth-century art forms*. – Champagne-Urbana: U of Illinois P, 2000. – 168 p.
9. Kristeva Julia. *Revolution in Poetic Language // The Kristeva Reader*; trans. Margaret Waller; ed. Toril Moi. – Oxford: Blackwell, 1989. –P.89-136.
10. Kristeva Julia. *Word, Dialogue and Novel // The Kristeva Reader*; trans. Alice Jardine, Thomas Gora, and Léon S.Roudiez; ed. Toril Moi. – Oxford: Blackwell, 1989. –P.34-61.
11. Mai Hans-Peter. *Bypassing intertextuality: Hermeneutics, textual practice, hypertext // In Intertextuality*. Plett, Heinrich F. (ed.) Walter de Gruyter. – Berlin, 1991. – P.30-59.
12. Pfister Manfred. *How Postmodern Is Intertextuality? // In Intertextuality*. Plett, Heinrich F. (ed.) Walter de Gruyter. – Berlin, 1991. – P.207-224.
13. Plett Heinrich F. *The Poetics of Quotation // Annales Universitatis scientiarum budapestinensis: Sectio linguistica*. – 1986. – №17. –P.293-313.
14. Plett Heinrich F. *Intertextualities // Intertextuality*; ed. Heinrich F.Plett. –Berlin: Walter de Gruyter, 1991. – P.3-29.
15. Riffaterre Michael. *Syllepsis // Critical Inquiry*. – 1980. – №7. –P.625-638.
16. Riffaterre Michael. *Compulsory Reader Response: The Intertextual Drive // Intertextuality*; ed. Judith Still and Michael Worton. – Manchester: Manchester UP, 1990. – P.56-78.
17. Riffaterre Michael. *Intertextual Representation: On Mimesis as Interpretive Discourse // Critical Inquiry*. – 1984. – №11.1. – P.141-162.
18. Riffaterre Michael. *Intertextual Unconscious // Critical Inquiry*. – №13. 2. *The Trial(s) of Psychoanalysis (Winter)*. – 1987. –P. 371-385.
19. Still Judith, and Michael Worton. *Intertextuality: Theories and practice*. – Manchester; – New York: Manchester UP, 1990. – 208 p.
20. Worton Michael. *Textuality: To InterTextuality or to Ressurect It // Cross-References: Modern french theory and the practice of criticism*; eds. Isabella Llasera and David Kelley. – Leeds, UK: Society for French Society, 1986. –P.14-23.

**INTERTEXT IN THE UNDERSTANDING OF FRENCH STRUCTURALISTS:
CONTROVERSIAL MOMENTS**

Allamurodova Sabohat Juraevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of the Russian language for non-philological faculties
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan Dushanbe, Rudaki ave., 17
Ph: (+992) 908 55 25 25 (m.)
sabo_70@list.ru

Intertextuality is a complex concept due to the vagueness and extreme vagueness of its content. This uncertainty is partly explained by the lack of unity in the understanding of the basic categories of the theory of intertext, partly by the fact that intertextuality is usually perceived by researchers as an elementary concept and further indivisible. Meanwhile, upon closer examination, it turns out that it is represented by a number of subcategory subtypes. In this context, it seems obvious that it is necessary to clarify the key concepts of the intertext theory. In the article, the introduction of the term "intertext" into scientific use by Julia Kristeva considered, as well as the understanding of this term by French structuralists and their followers, and discussion of controversial issues in the interpretation of the term.

Keywords: text; intertext; French structuralism; vanguard; transposition; textual interpretation.

**ИНТЕРМАТН ДАР ФАҲМИШИ СТРУКТУРАЛИСТОНИ ФАРОНСАВӢ:
ЧИҲАТҲОИ БАҲСНОК**

Алламуродова Сабоҳат Ҷӯраевна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони русӣ барои факултетиҳои ғайрифилологӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17
Тел: (+992) 908 55 25 25 (м.)
sabo_70@list.ru

Интерматннокӣ мафҳуми мураккаб аст, чунки мазмуни он басо печдарпеч ва хеле васеъ аст. Чунин номуайяни қисман аз вучуд надоштани ягонагӣ дар фаҳмиши категорияҳои заминавии назарияи интерматн, қисман аз он, ки интерматннокӣ одатан аз тарафи муҳаққикон ҳамчун мафҳуми оддитарин ва минбаъд тақисмнашаванда фаҳмида мешавад, бармеояд. Аммо таҳлили амиқ ва ҳаматарафаи он нишон медиҳад, ки ин мафҳум бо як қатор зертипуҳои субкатегориалӣ муаррифӣ шудааст. Дар хошиаи ин матлаб зарурати аниқ намудани мафҳумҳои калидии назарияи интерматн ҳатмӣ ва мантиқан дуруст менамояд. Дар мақола ба таолифоти илмӣ ворид намудани истилоҳи «интерматн» аз ҷониби Юлия Кристева, дарки маънои истилоҳи мазкур аз тарафи структуралистони фаронсавӣ ва пайравони онҳо, инчунин муҳокимаи чихатҳои баҳснок дар фаҳмиши ин истилоҳ маридаи баррасӣ қарор дода шудааст.

Калидвожаҳо: матн; интерматн; структурализми фаронсавӣ; авангард; транспозитсия; фаҳмиши матнӣ.

УДК 811.222.8=111

ЛЕКСИКА ПРАЗДНОВАНИЯ НОВОГО ГОДА В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Мухиддинова Тахмина Хамрокуловна

Кандидат филологических наук,
доцент общеуниверситетской кафедры английского языка
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 936 01 49 94 (м.)

Статья посвящена сопоставительному анализу формальных и семантических характеристик лексики празднования Нового года в таджикском и английском языках.

Показано, что структура и лексическое наполнение образного лексикона семантического поля “Новый год” отражает его универсальность и национально-культурную специфику, транслируемую денотативным содержанием лексических единиц.

Охарактеризованы элементы традиционной народной культуры носителей таджикского и английского языков, соотносящиеся с рассматриваемым семантическим полем – обычаи, приметы, поверья, предписания, выявлены архаические черты народных представлений о Наврузе – Новом годе.

Рассмотрены семантико-стилистические особенности рассматриваемой лексики, её функции и специфика использования в быту и в художественном тексте. Отмечается, что важную роль в номинации лексики Навруза – Нового года в таджикском и английском языках играют экстралингвистические факторы, историко-культурные процессы, развивающиеся в социуме.

Ключевые слова: праздник; Новый год; Навруз; Рождество; традиции; суеверия; лексикон.

Культура часто ассоциируется с другими явлениями, через которые проявляются ее ценности. Главным помощником в передаче культуры является язык. Язык нельзя рассматривать только как средство общения, потому что все происходящее имеет свое происхождение в слове [6, с.14].

Все, что мы видим вокруг себя, описывается языком, и каждый из нас воспринимает мир по-разному, в зависимости от своего видения мира. Явления, не имеющие названий, можно сказать, отсутствуют в природе. Богатство языка имеет огромное значение для народа, поскольку оно определяет многообразие "культурного сознания" мира.

Под традицией понимаются элементы социального и культурного наследия, передаваемые из поколения в поколение и сохраняемые в обществе и социальных группах (в семьях, классах, общинах, сословиях, нациях, религиях и т. д.) в течение длительного времени.

Традиция охватывает и объединяет объекты материальных и духовных ценностей, процесс социокультурного наследования, способы и средства передачи наследия от предыдущего поколения к следующему.

Традиция – многогранное и сложное социальное явление. Знание этнических традиций, понимание и сохранение прогрессивных ценностей прошлого, восприятие и за-

крепление новых правил и норм жизни людей в обществе имеют значение для функционирования и развития общества.

Каждое поколение обязательно воспринимает, усваивает и соблюдает традиции, при этом, в определенной мере, делает выбор одних традиций, сохраняя одни элементы социального наследия и отвергая другие.

Традиция – это сложное, многокомпонентное психическое образование.

Лексическое значение слова является внутренней стороной слова и представляет собой сложную структуру. Употребляя слово в речи, человек придает ему определенную характеристику, определенный оттенок, т.е. вкладывает в это слово индивидуальное авторское отношение к предмету, который он называет этим словом.

Языковая картина мира складывается из слов, возникающих в результате номинации объектов действительности, осуществляемой коллективным номинантом. При этом жизнь и практическая деятельность человека, сфера его быта лучше всего отражаются в лексике, а точнее – в традиции. Именно это понятие позволяет сквозь призму языковой материи увидеть человека, творящего язык; выявить, как образ человека, его жизнь отражаются и сохраняются в языке.

Исследуемая лексика имеет в своем составе как общеупотребительные, так и диалектные слова. Лексические единицы, репрезентирующие понятие «традиции», свидетельствуют о том, что языковое сознание представителей лингвокультурной общности вербализует в первую очередь полезную информацию о поверьях и традициях.

Представленный материал наглядно показывает, что в народных традициях, которые являются частью культурно-исторического наследия народа, отражается ценностная картина мира народа, содержатся знания о внутреннем, духовном и культурном мире человека.

В лексику праздника Нового года таджиков входят следующие термины: *плов, суманак, шурбо, домлама, курутоб, шакароб, фатир шурбо, наск шурбо, атола, ордоб, сиёхалаф, оши тупа, самбуса, ширкаду, чанголи, гулингоб, гандумкуча, умоч, атолаи кочи, фатир маска, ширчой, ширбиринч, калапоча, пиёба, тушбера, товакабоб, кулчакабоб, мучакабоб, кебаб из целого быка, барана; десятки видов кайла – жареного мяса, кайлаи сугди, Навруз, аспдавонӣ, бузкашӣ – козлодрание, аргамчинбозӣ – прыгание через веревку (скакалку), ҳафтсин, ҳафтишин, сумалак и тд.*

Навруз – Nowruz "New day", мусульманский Новый год. Слово "Навруз" означает "новый день" (от "нав" – новый и "руз" – день). Он приходится на 21 и 22 марта.

Этот праздник называется весенним праздником, первым днем Нового года, днем весеннего равноденствия, является самым известным и распространенным из таджикских праздников.

Корни праздника уходят далеко в историю, вплоть до 3000 лет до нашей эры. История Навруза, как указано в "Наврузнаме" ("Книге Навруза") Омара Хайяма, восходит ко временам одного из древнейших в мире и истории персидского царства династии Пешдадидов [7, с.54]. В произведении Омара Хайяма Новый год – Навруз описывается следующим образом:

*Чун абр ба Наврӯз рухи лола бишуст,
Бархезу ба ҷоми бода кун аҳд дуруст,
К-ин сабза имрӯз тамошогаҳи туст,
Фардо ҳама аз хоки ту бархоҳад руст [8, с.15].
(Когда плачут весной облака - не грусти,
Прикажи себе чашу вина принести.
Травка эта, которая радует взоры,*

Завтра будет из нашего праха расти).

Омар Хайям, упоминая Навруз, подтверждает славу этого древнего праздника в его эпоху. Поэт описывает природу, изображает ее прекрасные пейзажи, особенно весну и Навруз, и таким образом старается пробудить в читателе любовь к жизни и ее радостям, ко всему прекрасному:

*Чун лола ба Наврӯз қадаҳ гир ба даст,
Бо лоларухе агар туро фурсат ҳаст.
Май нӯш ба хуррамӣ, ки ин чархи кабӯд
Ногоҳ туро чу хок гардонад наст [8, с.17].
(Да пребудет вино неразлучно с тобой!
Пей с любовью подругой из чаши любой,
Виноградную кровь, ибо в чёрную глину
Превращает людей небосвод голубой).*

Следует отметить, что в стихах, посвященных теме Навруза, наряду с реалистическим описанием любви к жизни и ее радостей, наблюдаются и мистические мотивы:

*Бар чехраи гул насими Наврӯз хуш аст,
Дар саҳни чаман рӯи дилафрӯз хуш аст.
Аз дай, ки гузаит, ҳарчӣ гӯи, хуш аст,
Хуш бош, зи дӣ магу, ки имрӯз хуш аст [8, с.12].
(Как нежно щеки розы Наврӯз целует ветерок!
Как светел лик подруги, и луг, и ручеек.
Не говори о прошлом: какой теперь в нем прок?
Будь счастлив настоящим. Смотри, какой денек!).*

Лексика Навруза в приведенных в примерах наглядно демонстрирует, что корни традиций этого праздника уходят далеко в историю.

В старину горцы использовали мельничную воду во время свадебной церемонии, а также при купании новорожденного ребенка. Этот обряд, как правило, совершался в день празднования Навруза. Обряд получения или "кражи" воды из-под мельницы в первую неделю Навруза существовал во времена правления династии Сасанидов (III-VII вв.). По преданию, "воду украли девушка в серебряном кувшине"... из двух благословенных мест" - из-под мельницы и из цистерн " [10, с.678].

Бад аз Наврӯз зимистон як рӯз. – После Навруза зиме один день [5, с.206].

Как уже отмечалось новогодний праздник ираноязычных народов соответствует дню весеннего равноденствия – 21 марта. Согласно пословице, Навруз символизирует завершение зимы, круговорот календарных сезонов невозможно повернуть вспять, то есть всему свое время.

В дни великого Навруза, по народным традициям, проводились конные скачки – *аспдавонӣ*, *бузкашӣ* – козлодрание, *аргамчинбозӣ* – прыгание через веревку и др.

Особое внимание уделяется праздничному столу, приготовлению различных блюд, названия которых начинаются с букв "С" и "Ш", Как правило, имеется 2 праздничных стола: "*ҳафтсин*" и "*ҳафтишин*". "Син" и "Шин" – это названия букв "с" и "ш" в персидском алфавите, а "ҳафт" означает семь. В зороастризме и исламе число 7 считается священным.

Символом Навруза и Нового года является суманак (сумалак). Его приготовление также имеет свои традиции. Заранее замачивают зерно пшеницы в тарелке до праздника. К празднику зерно пшеницы проращивается.

Считается, что чем больше длина проросшего стручка, тем больше и лучше будет урожай. Проросшие зерна измельчают в металлической посуде, кладут в казан, заливают

водой, добавляют муку и варят 10-12 часов, и при этом они все время перемешиваются. Хотя сахар вообще не добавляют в это блюдо суманак получается очень сладким.

Суманак считается священным блюдом, поэтому, прежде чем приготовить его, повар читает суру из Корана, а именно "Ихлос" – первую суру. Суманак раздают всем соседям, родственникам, друзьям. Прежде чем попробовать, его нужно загадать три желания, которые могут исполниться в течение года.

Древними таджикскими блюдами являются *кабоб, плов, шӯрбо, ширбиринч, шавла* и т.д.

Палов (Плов) – это блюдо восточной кухни, основой которого является отварной рис (в исключительных случаях другие крупы или мелкие макароны). Отличительной особенностью плова является его рассыпчатость, достигаемая соблюдением технологии приготовления риса и добавлением в плов животного или растительного жира, препятствующего слипанию крупинок. Рис издавна занимал главное место в рационе таджиков, а плов был известен уже в средние века, и сейчас он занимает доминирующее место как в ежедневной пище, так и в ритуальных трапезах. В настоящее время существует более 50 его обновлений.

В горных районах Таджикистана, где имеется домашний скот, готовят блюда из мяса и молока. К таким блюдам относятся *ширравган, нонушир, шурҷӯш, равганҷушӣ* популярные в настоящее время блюда *курутоб, нонудуг, широдугӣ, гулборсар, кокишир, ширбат, дӯзбат, калиябат, ширкаду* и т.п., основными ингредиентами которых являлись *молоко и топленое масло*, а также *нон – хлеб* из кислого теста или *фатир – пресные хлебцы*.

В южных и центральных районах в настоящее время очень популярно блюдо "шакароб" с приятным тестом – вместе с насыщенным кислым молоком и салатом из помидоров.

Существовали десятки видов кабоба, например: *товакабоб, кулчакабоб, мучакабоб, кебаб из целого быка, барана; десятки видов кайла – жареного мяса*, одной из разновидностей которого является *кайлаи сугди*.

Суп, или *шурбо*, – *мясной суп*, является самым первым блюдом таджиков.

Таджики очень уважительно относятся к еде, особенно к хлебу: хлеб не следует бросать и ронять на пол, не принято класть нижней стороной вверх на дастархан, хлеб следует не резать, а ломать очень осторожно.

Таким образом, таджикская национальная кухня – это древнее искусство, которое обогащалось веками. В исторических хрониках описано более 50 видов плова, каждый из которых имеет свой неповторимый вкус. Это плов с барбарисом, горохом, перепелиными яйцами и многими другими видами. За годы государственной независимости этот список значительно расширился, и сегодня таджикские повара предлагают более 130 его видов.

В английских традициях Новый год носит специфический характер. Во время *Christmas Day – Рождества* (the period immediately before and after December 25 – период до и после 25 декабря) устанавливают «*Christmas tree – рождественское дерево*».

Когда-то Рождество еще не было семейным праздником, оно было городским и общественным событием.

Как правило, к потолку подвешивалось дерево, а иногда даже сверху донизу, и для этой цели сначала использовалась не белая ель, а бук. В конце праздника детям разрешили стряхивать с дерева фрукты и сладости.

В Англии впервые елку украсила немецкая принцесса (в 1760 году), ставшая женой Георга III, а в 1840 году в Виндзоре елку для детей устроила королева Виктория со своим мужем Альбертом [<https://smekni.com>›istoriya-novogodney-elki-i-nekoto]

Некоторые считают, что эта традиция связана с верой в сверхъестественные свойства ели – её колючие иголки защищают от ведьм, колдунов и прочих нечистых сил.

Считается, что предшественниками рождественской елки были *branch* – ветки фруктовых деревьев, которые ставили в домах в воду задолго до Рождества, чтобы они зацвели к празднику.

Опасаясь, что ветви по какой-то причине не зацветут (а это был плохой знак), люди стали заменять *green tree* – вечнозеленой елкой. Другая точка зрения: *whitewood* – ель, украшенная плодами, имеет своим прототипом библейское «*paradise tree* – райское дерево». Интересно также, что, несмотря на языческие оттенки обряда рождественской елки, со временем ее стали ставить в *church* – церквях.

Существует много легенд о *Christmas tree* – Рождественской ёлке, связанных с *ghost* – духом (ум, воля человеческая, стремление к небесному) или с местом, где обитал *ghost* – дух, а также легенды о древе жизни и познания (древо, упомянутое в книге Бытия и Апокалипсисе, находилось посреди неба [1; 2], *beat* – древо познания (добра и зла) (в Библии относится к древу жизни в Эдемском саду [1;2]).

На древе познания произрастают плоды добра и зла, вкусив которые, Адам и Ева, а также их потомки вынуждены самостоятельно искать дорогу обратно в Эдем – *the tree of knowledge* (of good and evil). Героем одной из легенд был лидер немецкой реформации Мартин Лютер. В канун Рождества он пошел домой через лес и принес елку, поставил ее для семьи и прикрепил много свечей к ее толстым ветвям.

В Англии при дворе Генриха VIII в 1516 году была выставлена рождественская елка из золота, украшенная розами и гранатами. В канун Рождества принято украшать дом *thistle* – чертополохом, плющом и жимолостью. Если первая веточка остролиста (чертополоха), принесенная в дом, окажется колючей, – в течение года хозяин будет доминировать в доме, а если листья будут гладкими – будет главенствовать хозяйка.

Поскольку праздник приходится на время Великого поста, он наделен определенной мистикой. Если хочешь быть счастливым, ешь рождественский пудинг на Рождество. – *If you want to be happy, eat Christmas pudding on Christmas Day.* – (Если ты хочешь быть счастливым, съешь рождественский пудинг на Рождество). *If you wear new shoes on Christmas Day, it will bring you bad luck.* – (Если ты наденешь новую обувь в день рождества, это принесет тебе неудачу).

Пасха – *the Passover* – главный христианский праздник, в основе которого лежит евангельская легенда о чудесном воскресении Иисуса Христа, распятого на кресте по приговору иудейского суда – синедриона, утвержденному римским наместником Понтием Пилатом.

Это подвижный праздник, который выпадает на разные даты каждого года; празднуется в первое воскресенье после полнолуния (после весеннего равноденствия) *Easter*, *(Holy) Pasch(a)*, *Pasch day*, *Pasque God's Sunday* (вышедшее из употребления)

Подготовка к Пасхе начинается за семь недель до самого праздника. Это время Великого поста. Многие христиане в этот период не едят мяса и продуктов животного происхождения. Неделя перед Пасхой довольно насыщенная, потому что люди начинают основательно готовиться к празднику.

Традиции празднования Пасхи во всех странах разные. Четверг перед Пасхой называется Чистым четвергом. Традиционно в этот день люди должны искупаться до восхода солнца. Дома и квартиры тоже должны быть убраны. Есть еще Страстная пятница. В

этот день хозяйки пекут пасхальный кулич под названием "паска" или "пасха". В субботу дети красят пасхальные яйца, которые называются "писанками". Вечером люди идут в церковь на пасхальную службу, которая длится всю ночь. Воскресенье – это день Пасхи. В этот день люди ходят друг к другу в гости и обмениваются разноцветными "писанками" [2, с.11-20].

Изучение репрезентации лексики празднования Нового года в лингвокультурах таджикского и английского народов показывает, что в них находят отражение стереотипы их представлений и поведения, обычаи, ритуалы, этикеты и в целом образ жизни.

Следует добавить, что сходства и различия в традициях празднования Нового года таджиками и англичанами зависят от того, насколько различна была история этих двух народов, их фоновые культурные знания, насколько различны территории проживания. Так, структура и семантические особенности английской лексики во многом обусловлены влиянием церкви на английскую лингвокультуру, а также культурными связями с другими европейскими народами. Состав данного сегмента английской лексики пополнился за счет заимствований из латинского, немецкого и других языков и калькирований латинских названий основных христианских праздников. Лексика обряда празднования таджикского Нового года, представляя древнейший пласт общетаджикской лексики, восходит к доисламским временам, в связи с чем в ней преобладают лексические единицы, сформировавшиеся в процессе становления фольклорной обрядовой культуры.

Национальные праздники и торжества имеют большое значение в кругу культурного и духовного наследия, и каждый народ по-своему отмечает свои национальные праздники, укрепляя и развивая основы своей идентичности.

Литература

1. Библия онлайн. Бытие. Глава 2, стих 9 / пер. Кулакова; Бытие, Глава 3, стих 22 / пер.Синодальный. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bible-center.ru/bibletext> (дата обращения: 05.09.2019)
2. Большая Пасхальная книга. Пасхальные рассказы: сборник. – М.: Изд-во АСТЮ, 2016. – 320 с.
3. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты / подг. О.М.Чунаковой. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 352 с.
4. История новогодней елки и некоторых праздничных обрядов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://smekni.com/istoriya-novogodney-elki-i-nekoto...> (дата обращения: 12.10.2018)
5. Калонтаров Я.И. Мудрость трёх народов / Панду хикмати се халк / Уч халкнинг хикматлари: сборник / отв. ред. Б.Тилавов. – Душанбе: Адиб, 1989. – 432 с.
6. Лихачев Д.С. Духовное завещание Лихачева // Библиотека. – 2000. – №9. – С.14-19.
7. Умари Хайём. Наврузнома. – Душанбе: Адиб, 2010. – 355 с.
8. Умар Хайям. Рубайят. – Душанбе: Маориф, 2010. – 242 с.
9. Фарҳанги забони тоҷикӣ (Словарь таджикского языка) / под ред. М.Ш.Шукурова, В.А.Капранова, Р.Хашима, Н.А.Масумӣ. – М.: Советская Энциклопедия. – М., 1969. – Ч.І. – 951 с.; Ч.ІІ. – 947 с.
10. Эшонкулов У. История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). – Душанбе: Деваштич, 2007. – 848 с.

**VOCABULARY OF THE NEW YEAR'S HOLIDAY IN TAJIK
AND ENGLISH LANGUAGES**

Mukhiddinova Takhmina Khamrokulovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the university English chair
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 17
Ph.: (+992) 936 01 49 94 (m.)

This article is devoted to the comparative analysis of the formal and semantic characteristics of the vocabulary of the New Year celebration in the Tajik and English languages.

It is shown that the structure and lexical content of the figurative lexicon of the semantic field "New Year" reflects its universality and national-cultural specifics, translated by the denotative content of lexical units.

The elements of the traditional folk culture of the speakers of the Tajik and English languages, correlating with the considered semantic field – customs, omens, beliefs, prescriptions, are characterized, archaic features of folk ideas about Naruz – New Year are revealed.

The semantic and stylistic features of the lexicon under consideration, its functions, and specificity of use in everyday life and in literary text are considered. It is noted that extralinguistic factors, historical and cultural processes developing in society play an important role in the nomination of the vocabulary of Navruz – New Year in the Tajik and English languages.

Keywords: holiday; New Year; Navruz; ancient; Christmas; religious; tradition; superstition of peoples; roots.

ЛУҒАТИ ИДИ СОЛИ НАВ ДАР ЗАБОНҲОИ ТОЧИКӢ ВА АНГЛИСӢ

Муҳиддинова Таҳмина Ҳамроқуловна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи умумидонишгоҳии забони англисӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17
Тел.: (+992) 936 01 49 94 (м.)

Мақола ба таҳлили муқоисавии тавсифҳои шаклӣ ва маъноии луғати ҷашнгирии Соли нав дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ бахшида шудааст.

Нишон дода шудааст, ки сохтор ва пуррагии луғавии ҳайати вожагонии майдони семантикии “Соли нав” универсалият ва мухтасоти миллию фарҳангиро инъикос менамояд, ки он бо мазмуни денотативии воҳидҳои луғавӣ интиқол дода мешавад.

Унсурҳои фарҳанги анъанавии миллии ҳомилони забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ, ки бо майдони баррасишавандаи семантикии урфу одат, нишонаҳо, иримҳо, насибаҳо мувофиқат мекунад, баҳогузори карда шудаанд ва хусусияти архаистӣ доштани тасаввуроти мардумӣ доир ба Наврӯз – Соли нав таъкид карда мешавад.

Хусусиятҳои маъноиву услубии вожаҳои майдони мазкур, амалкард ва хусусиятҳои истифодабарии он дар рӯзор ва матнҳои бадеӣ тавсиф ва таҳлил карда шудаанд. Зикр мегардад,

ки дар номгузори лугати Наврӯз – Соли нав дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ омилҳои экстразабонӣ, равандҳои таърихию фарҳангӣ, ки дар ҷомеа инкишоф меёбанд, мавқеи калон доранд.

Калидвожаҳо: ид; Соли нав; Наврӯз; қадимтарин; Мавлуд; динӣ; анъана; иримҳои мардумӣ; решаҳо.

УДК 81'373.613=112.2=161.1

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОСТАВЕ АНТРОПОНИМИКОНА НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Фаязова Ирана Фараджевна

Старший преподаватель кафедры романо-германских языков
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 90 800 80 27 (м.)
irandukht@mail.ru

В статье рассматривается вопрос заимствования как способа обогащения антропонимикона немецкого и русского языков. Ономастическая лексика, реагируя на общественно-политические, социальные, культурные преобразования, настраивает всю свою систему и ее отдельные компоненты на выполнение социального заказа. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что система личных имен немецкого и русского языков очень разнообразна, интересна с точки зрения своей этимологии. Имена отражают все события, происходившие в социуме в различные эпохи, являются маркером истории, ценностей народов и их духовного богатства.

В статье приводится этимологическая классификация рассматриваемых единиц в обоих языках. Анализируются имена древнего периода, их этимология, имена религиозного периода, появление первых заимствованных имен в немецком и русском языках. Дается характеристика состояния системы имен в двадцатом веке. На материале словарей личных имен выявлены и классифицированы на этимологическом уровне заимствованные единицы, проведен их количественный анализ, представленный в виде диаграмм.

Согласно выводу автора, большинство заимствований в немецком антропонимиконе представлено кельтскими, латинскими и греческими именами. Английские, французские, еврейские и славянские имена так же составляют весомую часть в составе имен.

Результаты проведенного количественного анализа заимствований в составе русских имен показали, что основной объем заимствованных единиц представлен греческими и латинскими именами. Третью позицию занимают имена, заимствованные из немецкого языка.

Ключевые слова: антропонимикон; семантическая сочетаемость; заимствованные имена; языковая принадлежность; имянарекание.

Заимствование как один из естественных процессов обогащения языка является путем пополнения и антропонимикона. Процесс пополнения ономастической лексики происходил на протяжении всех этапов развития языка и общества. Рассмотрение личных имен связано с данными культурологии, социолингвистики и этнолингвистики.

Традиционно система немецких имен подразделяется на три группы. Первая группа представлена германскими именами, из которых состоял именной фонд народов, проживающих на территории распространения немецкого языка вплоть до VII века. Эти имена обычно состояли из двух основ (Hein-rich, Hel-mut, Wolf-gang, Ger-hart или Heid-run), каждая из которых обладала своей семантикой. Семантическая сочетаемость каждой из основ соблюдалась до IV века, затем для выбора имени большее значение приобретала благозвучность и указание на родственную связь. Это наглядно наблюдается в истори-

ческом эпосе о древних германцах «Сказание о Нибелунгах», где имена трех братьев начинались на «Г»: Gunther, Gernot и Giselher.

Русский ономастикон очень неоднороден по своему составу. В разные эпохи ономастиком русского языка были заимствованы имена из самых разных языков. Это говорит о богатой истории культурных связей народов, проживающих на территории современной России, с другими государствами.

Историю русских имен принято делить на три этапа:

1) дохристианский, когда использовались самобытные имена, созданные на восточнославянской почве средствами древнерусского языка;

2) период после введения христианства на Руси, когда церковь стала насаждать вместе с христианскими религиозными обрядами иноязычные имена, заимствованные византийской церковью от разных народов древности;

3) новый этап, начавшийся после Великой Октябрьской социалистической революции и ознаменовавшийся проникновением в русский именослов большого числа заимствованных имен и активным имятворчеством.

Первый этап формирования русского ономастикона поражает своим огромным разнообразием и самобытностью. Древнерусские имена – прозвания включали в себя весь числовой ряд, например: Первак, Первой, Вторак, Второй, Патак, Пятой и т.д. Имена – прозвания присваивались как по тем или иным внешним признакам (Черныш, Белой, Сухой, Малюта, Беспалой, Головач, Лобан), так и в зависимости от характера ребенка (Бессон, Булгак (беспокойный), Забава, Неулыба, Смеяна, Крик, Смирной и многие другие). Также в некоторых именах отражались желанность и нежеланность появления ребенка в семье и другие обстоятельства (Богдан, Божен (желанный, милый), Голуба, Любим, Любава, Ждан и Неждан, Чаян и Нечай, Милава, Поздей, Пospel, Хотен и др.). Некоторые имена давались по времени рождения ребенка (Вешняк (весной), Зима, Мороз). Встречались и некрасивые имена, которым приписывалась способность отворачивать злых духов, болезни, смерть (Горяин, Немил, Некрас, Нелюба, Неустрой, Злоба, Старой, Тугарин (туга, печаль). Кроме того, встречались имена, связанные с животным и растительным миром (Волк, Кот, Жеребец, Корова, Трава, Пырей, Щавей (щавель), Ветка и др.). Среди древнерусских имен были и такие, которые дошли до наших дней: Вадим, Всеволод, Горазд – а также те, которые были долгое время забыты, но ныне возрождаются.

Вторая группа немецких антропонимов состоит из библейских имен. С приходом христианства стали популярны библейские имена и их варианты. Особенно широкое распространение получили имена Christian и Christina, а также ветхозаветные имена Daniel, Samuel, Elisabeth. Начиная с XII века, в моду вошли и имена из Нового Завета: Andreas, Johannes, Johanna, Matthias и другие. Эти личные имена видоизменялись, приобретали новую форму, сокращались и адаптировались к диалектам. Лучше всего это можно наглядно увидеть на примере имени, восходящего к др. еврейскому языку Johann, которое, наряду с использованием в своей основной форме, трансформировалось в следующие формы: Jens, Jahn, John, Hans, Hänsel, Hanko.

В истории русских имен второй, очень длительный период наступил после введения христианства на Руси в 988 г., вместе с которым вошли в практику и так называемые календарные имена. Почти все личные имена, которые используются сегодня, попали на Русь из древней Византии. Это видоизмененные греческие, латинские и некоторые восточные имена. Однако древнерусские имена не сразу были вытеснены заимствованными. Памятники письменности показывают, что вплоть до XVII века русские люди параллельно с христианскими именами, дававшимися церковью, носили и древнерусские

имена, которые в дальнейшем перешли в прозвища. Приведем примеры имен из рукописных памятников: «боярин Федор, зовомый Святополк», «в крещении Остромир, Иосиф». Первое имя (Федор, Иосиф) было церковным, данным при крещении, второе (Святополк, Остромир) было древнерусским, мирским. Таких примеров известно очень много.

Византийские имена пришли на Русь в разное время, отражая и византийское, и новогреческое произношение, а также через посредство разных языков, которые наложили свой отпечаток на формы отдельных имен. Поэтому изначально принятые у славян (в том числе у русских) имена не имели однозначного соотношения с определенным хронологическим срезом греческого языка. Так звучали некоторые из известных нам имен в XI – XIII вв.: Абросим, Абакум, Василий, Евсевий, Иван, Карп, Курил, Кур (совр. Кирилл, Кир), Мефодий, Никита, Павел, Сава, Саватий, сумон, Сумеон (совр. Симон, Сиемон), Тарасий, Фадей, Феодор; Анна, Евдокия, Улита, Татьяна и др.

К XVIII-XIX векам древнерусские имена были полностью забыты и вышли из употребления. В XVIII веке в крестьянских семьях девочек часто называли Василиса, Фекла, Федосья, Марва, в дворянских семьях – Ольга, Екатерина, Елизавета, Александра [2, с.149-189].

В дореволюционное время вопрос о выборе имени для ребенка решался просто. Регистрация новорожденных проводилась в церкви, и, таким образом, обряд крещения не миновал ни одного ребенка. В русской православной церкви были месяцесловы, или святцы, где на каждый день месяца записаны имена святых, чтимых в этот день церковью. Например, имя Иван (Иоанн) в полных святцах встречается 170 раз, т.е. почти через день, именно поэтому это имя было таким распространенным. Священник перед обрядом крещения предлагал на выбор несколько имен, которые значились в святцах на день рождения ребенка. Однако иногда священник шел на уступки и по просьбе родителей давал другое имя, которое на данный день в святцах не значилось. Этим и объясняется тот факт, что иногда имя, редко встречающееся в святцах, в жизни встречалось довольно часто. Так, славянские имена Вера, Надежда и Любовь в дореволюционное время давались детям часто, несмотря на то, что Вера в святцах встречается в году только два раза, а Надежда и Любовь – только по одному разу. Но в любом случае, ребенку можно было дать только такое имя, которое значится в святцах. Никакого вольнодумства не допускалось [1, с.5-7].

К третьей группе немецких имен относятся иностранные имена. Примерно в XVI веке в немецкий ономастикон начали проникать имена из других культур. Так в немецком языке появились английские и французские имена. Сначала эти имена были популярны в знатных слоях общества. Затем в XX веке иностранные имена стали переживать свой расцвет, благодаря средствам массовой информации, через книги, фильмы, радио, телевидение и в XXI веке – интернет. Среди таких новых имен: Stan, Perry, Neil, Jennifer, Chantal, Jessica и другие.

Деление имен на исконно немецкие и заимствованные по происхождению известно не только в ономастике, но и повсеместно. Разумеется, границы при этом различении проводятся по-разному. Для языкового чувства в общем многие личные имена иностранного происхождения (Martin, Paul, Peter, Anna), особенно вошедшие в состав немецкого антропонимикона сокращенные формы (Hans, Grete, Klaus, Magda, Käte), считаются исконно немецкими именами. Это мнение вполне приемлемо, так как здесь действуют те же языковые законы, что и в отношении другой заимствованной лексики: Mauer (от лат. murus), Fieber (от лат. februs) и др. С другой стороны, имена, образовавшиеся от других германских языков (английского, шведского, норвежского, датского),

должны рассматриваться так же, как и имена романского или латинского происхождения. Alfred, Edith, Edgar или Ingeborg и Helga, даже несмотря на свое звучание, по сути не являются исконно немецкими именами.

Многие заимствованные имена со временем так прочно вжились и вошли в оборот, изменившись по форме и приспособившись к исконным именам, что перестали восприниматься как иностранные, и только языковедам под силу объяснить их возникновение. Теоретически можно различать исконные и заимствованные имена, при этом ученые сталкиваются с одними и теми же разграничительными трудностями как у исконных, так и у заимствованных имен. Для некоторых носителей немецкого языка имена Aleit, Arbogast, Erkenbald, Kunigunde, Roswitha, Swidger звучат более чуждо, чем некогда заимствованные из других языков Hans, Paul, Peter, Grete, Bärbel, Marei, Stefan, Thomas, Christine. Этимологически многие могут объяснить значение таких имен, как Gisela, Hildegard, Hildegunde, Brunhilde, Konrad, Berthold, Dietmar, Werner только с помощью словарей имен, т.к. компоненты, из которых они состоят, больше не существуют в современном языке. Поэтому может происходить и так, что заимствованные из других стран имена могут, по сути, не являться чужими, а однажды уже быть заимствованными из немецкого языка, как, например, Wencke (этимологически нижненемецкая сокращенная форма от имен с компонентом Wern-, восходящее к германскому племенному имени Warnen «предупреждение»).

Для языковой классификации заимствованного имени ключевую роль играет не тот язык, в котором нужно искать его этимологическое происхождение, а тот, из которого оно было заимствовано. Patrick является поэтому заимствованием из англ., Pascal из франц., хотя первое имя восходит к лат. Patricius, а второе – к евр.-греч. paschalis. Таким же образом Iwan является заимствованием из русск., Jean из франц., Janos из венг., John из англ., хотя все перечисленные имена восходят к евр.-греч. Johannes. Эти формы возникли не в иврите или греческом языке, а в выше названных языках, и оттуда они проникли в немецкий язык. Из тех же соображений имена Johann, Hannes, Hans и Jan не могут считаться заимствованиями. Заимствовано было имя Johannes, а остальные формы являются немецкими, т.к. они возникли в немецком языке.

С точки зрения социолингвистики интересно наблюдение, что имена гастарбайтеров в Германии, прежде всего турков, греков, албанцев или югославов, очень редко выбираются немецкими родителями. Непосредственно только социальные контакты не могут послужить импульсом к использованию для имянаречения. Языковая и, в первую очередь, социальная отчужденность данной группы людей, их небольшой авторитет в обществе, хотя и неоправданно, способствуют тому, что эти имена становятся табу. Если где-то выбираются итальянские и испанские имена, это связано с воспоминаниями об отпуске или с контактами по работе. Смогут ли некоторые переселенцы из Польши закрепить свои имена (н. Viruta, Danuta) в репертуаре немецкого антропонимикона, предсказать невозможно [4, с.112].

Нами был проанализирован этимологический словарь немецких имен. На протяжении многих веков эти имена под влиянием многих факторов прочно вжились в общество и со временем вошли в состав немецкого ономастикона. Мы отделили имена древнегерманского происхождения и в общем нами было выявлено 728 имен иноязычного происхождения. Ниже мы приводим примеры заимствованных имен, поделенных на группы исключительно в соответствии с их языковой принадлежностью, без учета степени ассимиляции формам немецкого языка.

Арабские: Achmed, Alina, Eleonore, Elmira, Fatima, Leila, Rabea, Suleika.

Еврейские: Abel, Abraham, Benjamin, Daniel, David, Anna Debora, Delilah, Dina

Греческие: Christian, Damaris, Erasmus, Eugen, Eusebius, Georg, Agathe, Ägid, Aglaia, Amarante, Anastasia, Andrea, Angela

Латинские: Cäsar, Cladius, Clemens, Cornelius, Desiderius, Julia, Juliana, Justina, Klara, Konstanze, Laura, Livia

Итальянские: Carlo, Claudio, Dario, Enrico, Flavia, Gilda, Griselda, Isabella, Rita

Испанские: Alfons, Ferdinand, Ramon, Xavier, Dolores, Elvira, Esmeralda, Estrella, Ines, Lola, Mercedes

Французские: Danielle, Denise, Dorette, Eduard, Eliane, Jacqueline, Jeannette, Jeanine, Licien, Lucienne, Luise

Кельтские: Donald, Douglas, Gwendolin, Muriel, Tristan. Brigitte, Jennifer

Английские: Alfred, Bobby, Richard, Ronald, Sammy, Sean, Tilly, Tom, Alice, Helen, Jenny, Leslie, Scarlett

Нидерландские: Hendrikje, Saskia

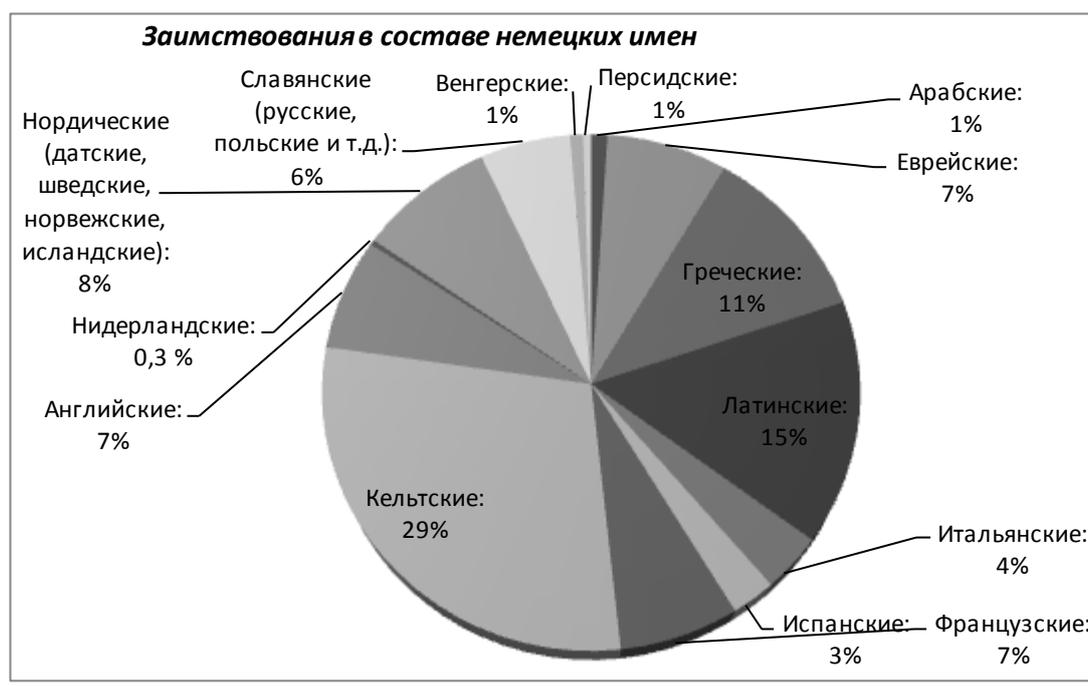
Нордические (датские, шведские, норвежские, исландские): Erich, Erik, Gunhild, Dagmar, Freia, Gerda, Greta, Hedda

Славянские (русские, польские и т.д.): Bogdan, Bogislav, Fedor, Igor, Iwan, Jaroslaw, Kasimir, Katja, Larissa, Ludmila, Natascha, Nina, Olga, Sascha, Sonja, Tamara, Tanja, Tatjana

Венгерские: Ferenc, Tibor, Bela, Ilona, Ilonka, Marika

Персидские: Darius, Daria, Esther, Soraya.

В нижеследующей диаграмме мы приводим результаты количественного подсчета заимствований в составе немецких имен.

Из представленной диаграммы следует, что большинство заимствований в немецком антропонимиконе представлено кельтскими, латинскими и греческими именами. Английские, французские, еврейские и славянские имена составляют также весомую часть в составе имен.

Третий этап развития русского ономастикона наступил после Октябрьской социалистической революции. Ситуация с именовани^{ем} резко изменилась. Регистрацию новорожденных стали вести отделы записи актов гражданского состояния (загсы), и родителям предоставлялась свобода выбора имени для новорожденного. Можно было выбирать любое имя: старое (бывшее церковное), заимствованное имя (польское, немецкое и т.д.), и даже изобрести новое имя. Поэтому в это время в русском именнике появилось большое количество странных, необычных, порой нелепых имен, которых насчитывалось около трех тысяч.

Появляются имена, состоящие из двух и даже нескольких слов: Белая ночь, Серп и – молот, Жан-Поль-Марат. Л.В. Успенский в статье «Зовут Зовуткой» приводит такие имена, как: Великий рабочий и Цвет вишневого дерева в мае. Автор выделяет также особый вид имен: «родительское», например: у сына Михаила и Ольги имя Миоль, у дочери Владимира и Екатерины – Владикатра и т.д. Встречались и имена от слов, прочитанных с конца: Нинель – Ленин, Авксом – Москва.

В это время также увеличивается количество иностранных имен в составе русского ономастикона: Роберт, Ромуальд, Рудольф, Ричард, Жозефина, Эдуард, Эрик, Жанна и т.д.

Проанализировав имена в этимологическом словаре, приведенном А.В. Суперанской в ее труде «Имя через века и страны», мы составили список имен, исключив все славянские имена. Большинство имен представлено именами греческого, латинского и древнееврейского происхождения. Всего было рассмотрено 830 имен. Рассмотрим некоторые примеры заимствованных имен в составе русского ономастикона.

Английские: Артур, Вильям, Гарий/Гарей (от Гарри), Оскар, Ричард, Роберт, Эрик, Аделина, Амелия, Анджела, Изольда

Арабские: Шамиль, Аза, Аида, Заира, Замира, Лейла

Ассирийские: Бальтазар/Валтасар

Венгерские: Шандор (от Александр), Илона

Немецкие: Адольф, Альберт, Альвин, Альфред, Вальдемар, Вильгельм, Гертруда, Ильза (от Элизабет), Ирма, Фрида, Эльза, Эльфрида, Эмма

Греческие (Церковно-славянская форма): Макар, Македон, Максим, Мамий, Мамонт (Мамант), Мануил, Аглая, Агнеса, Акулина (Акилина), Александра, Алла, Анастасия/Настасья, Ангелина, Анфиса/Анфуса, Ариадна, Арина, Арсения

Древнееврейские (Церковно-славянская форма): Асаф/Асафий (Иосаф), Вениамин/Вельямин, Гаврила/Гаврил (Гавриил), Лия/Лея, Мария, Серафима, Сусанна, Тамара

Индийские: Индира

Испанские: Долорес, Инесса, Лолита, Эльвира, Эсмеральда, Эстелла, Эстрелла

Латинские: Людовик, Максимилиан, Мариан, Марий/Марей, Марк, Мартын, Елена/Алёна/Олёна, Камилла, Кандида, Капитолина, Клара, Конкордия, Констанция, Корнелия, Ливия

Монгольские: Тимур

Итальянские: Гвидон, Виолетта, Виринея, Леонора, Либера, Элеонора

Персидские: Дарий, Дарья, Зара, Ширин

Сирийские: Татиан

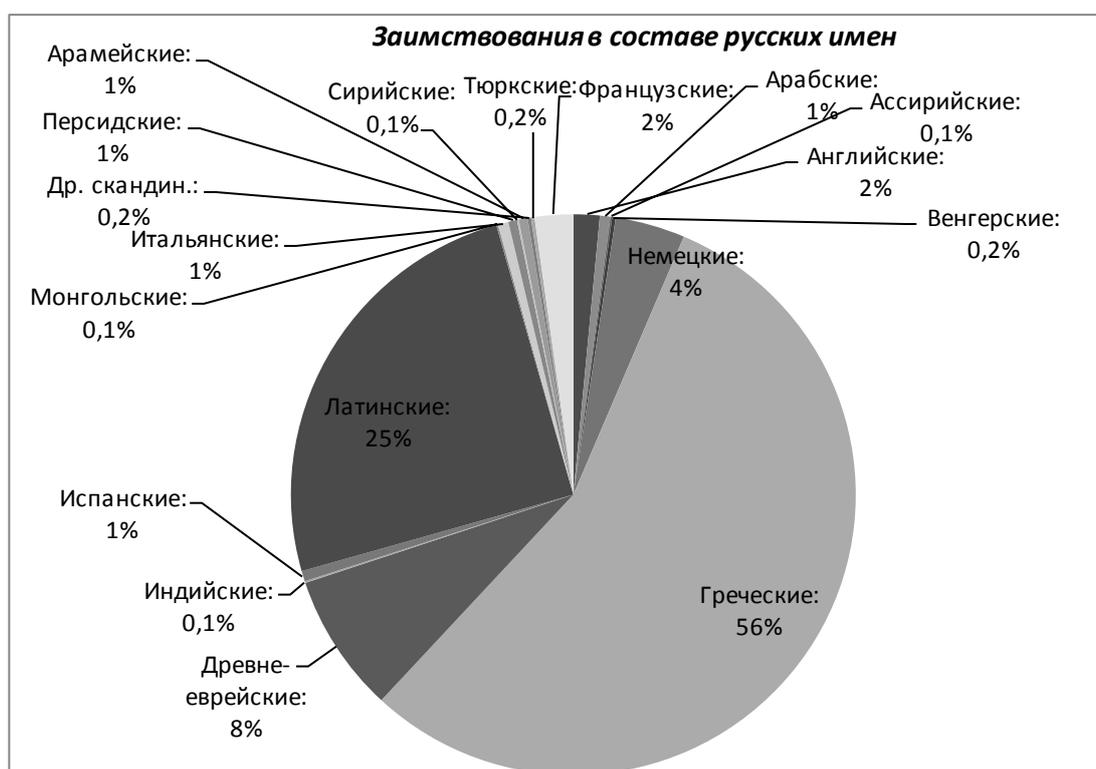
Арамейские: Бартоломей/Варфломей, Варсава, Саманта

Др. скандинавские: Аскольд, Олег

Тюркские: Руслан (от Арслан), Руслана

Французские: Жак, Жан, Жозеф, Жорж, Жюль, Жюльен, Жюстен, *Адель, Ажелика, Екзуперия, Жаклина, Жанна, Жозефина, Жюли/Жюльетта, Жюстина, Луиза, Тереза, Шарлотта.*

Результаты проведенного количественного анализа заимствований в составе русских имен показаны в следующей диаграмме. Как мы видим, основной объем заимствованных единиц представлен греческими и латинскими именами. Третью позицию занимают имена, заимствованные из немецкого языка.

Таким образом, отметим, что ономастическая лексика, реагируя на общественно-политические, социальные, культурные преобразования, настраивает всю свою систему и ее отдельные компоненты на выполнение социального заказа. Из проведенного анализа выяснилось, что система личных имен немецкого и русского языков очень разнообразна, интересна с точки зрения их этимологии. Имена отражают все события, происходившие в социуме в различные эпохи, являются маркером истории, ценностей народов и их духовного богатства.

Литература

1. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 384 с.
2. Суперанская А.В. Имя через века и страны. – М.: Наука, 1990. – 192 с.
3. Duden, Lexikon der Vornamen. Günter Drosdowski. Herkunft, Bedeutung und Gebrauch von mehreren tausend Vornamen. – Mannheim, 1968. – 263 p.
4. Seibicke W. Die Personennamen im Deutschen. Eine Einführung. 2. überarbeitete Auflage. – Berlin: Walter de Gruyter-GmbH, 2008. – 235 p.

**BORROWING IN ANTHROPONYMICON OF GERMAN
AND RUSSIAN LANGUAGES**

Fayazova Irana Faradzhevna

Senior lecturer of the chair of Romance-Germanic languages
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 90 800 80 27 (m.)
irandukht@mail.ru

The article deals with the issue of borrowing as a way of enriching the anthroponymicon of the German and Russian languages. Onomastic vocabulary, reacting to socio-political, social, cultural transformations, adjusts its entire system and its individual components to fulfill a social order. The conducted research allows us to conclude that the system of personal names of the German and Russian languages is very diverse and interesting from the point of view of its etymology. The names reflect all the events that took place in society in different eras, are a marker of history, values of peoples and their spiritual wealth.

The article provides an etymological classification of the units under consideration in both languages. The names of the ancient period, their etymology, the names of the religious period, the appearance of the first borrowed names in the German and Russian languages are analyzed. The characterization of the state of the name system in the twentieth century is given. On the basis of personal names dictionaries, borrowed units were identified and classified at the etymological level, their quantitative analysis was carried out, presented in the form of diagrams.

According to the author's conclusion, most of the borrowings in the German anthroponymicon are represented by Celtic, Latin and Greek names. English, French, Hebrew and Slavic names also make up a significant part of the names.

The results of the conducted quantitative analysis of borrowings in the composition of Russian names showed that the bulk of borrowed units is represented by Greek and Latin names. The third position is occupied by names borrowed from the German language.

Keywords: anthroponymicon; semantic compatibility; borrowed names; linguistic affiliation; name.

**ИҚТИБОСҶО ДАР ТАРКИБИ АНТРОПОНИМИКони
ЗАБОНҶОИ НЕМИСӢ ВА РУСӢ**

Фаязова Ирана Фараджевна

Муаллими калони кафедраи забонҳои романию германӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 90 800 80 27 (м.)
irandukht@mail.ru

Дар мақола масъалаи иқтибосҷо ҳамчун тарзи ғанигардони антропонимикони забонҳои немисӣ ва русӣ мавриди баррасӣ қарор дода шудааст. Луғати ономастикӣ, ба табaddулотҳои чамъи-

ятию сиёсӣ, иҷтимоӣ, фарҳангӣ таъсирпазир буда, тамоми низоми худ ва ҷузъҳои алоҳидаи онро барои иҷро намудани фармоиши иҷтимоӣ мутобиқ месозад. Таҳқиқоти гузаронидашуда барои баровардани чунин хулоса, ки низоми исмҳои хоси забонҳои немисӣ ва русӣ аз нуқтаи назари этимологияи худ ниҳоят гуногунранг ва шавқовар аст, имкон медиҳад. Исмҳо ҳамаи воқеаҳои дар давраҳои гуногуни иҷтимоӣ рухдиҳандаро инъикос карда, таърих, арзишҳои халқҳо ва бойгариҳои маънавии онҳоро таҷассум мекунанд.

Дар мақола таснифоти этимологии воҳидҳои дар ҳар ду забон баррасишаванда оварда шудааст. Исмҳои давраҳои қадим, этимологияи онҳо, исмҳои давраҳои динӣ, пайдоиши аввалин номҳои иқтибосӣ дар таркиби забонҳои немисӣ ва русӣ таҳлил карда шудаанд. Аз ҷумла, вазъи низоми номҳо дар асри бистум таҳлил карда шудааст. Воҳидҳои иқтибосӣ дар асоси маводи луғатҳои исмҳои хос дар сатҳи этимологӣ ошкор ва тасниф карда шуда, таҳлили миқдории онҳо, ки дар шакли диаграммаҳо дода шудааст, гузаронида шуд.

Тибқи хулосаи муаллиф, аксарияти иқтибосҳо дар антропонимикони немисӣ бо номҳои келтӣ, лотинӣ ва юнонӣ муаррифӣ карда шудааст. Номҳои англисӣ, фаронсавӣ, яҳудӣ ва славянӣ низ дар таркиби номҳо қисми калонро ташкил медиҳанд.

Натиҷаҳои таҳлили гузаронидашудаи миқдории иқтибосҳо дар таркиби номҳои русӣ нишон доданд, ки ҳаҷми асосии воҳидҳои иқтибосӣ бо номҳои юнонӣ ва лотинӣ муаррифӣ карда шудааст. Номҳои аз забони немисӣ иқтибосшуда мавқеи сеюмро ишғол мекунанд.

Калидвожаҳо: антропонимикон; мувофиқати семантикӣ; номҳои иқтибосшуда; мансубияти забонӣ; номгузорӣ.

УДК 81'373.613=112.2=161.1=222.8

**УСЕЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОНИМИКОНА
НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ**

Фаязова Ирана Фараджевна

Старший преподаватель кафедры романо-германских языков
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 90 800 80 27 (м.)
irandukht@mail.ru

В статье рассматриваются особенности образования усеченных форм личных имен в немецком, русском и таджикском языках. Актуальность темы имен определяется неослабевающим интересом к феномену собственного имени, а также тем, что ономастические реалии представляют собой важнейший языковой источник информации о духовной культуре народа. Как и в языке в целом, наряду с чистым заимствованием и чистой деривацией в антропонимии имеет место деривация на базе заимствований. Однако деривация на базе исконных имен путем их усечения занимает ведущую позицию. В статье рассмотрена морфологическая структура антропонимов, подвергающихся процессу усечения, приводится классификация личных имен по позиции сокращения опорных единиц. В результате анализа морфологической структуры производящих простых имен в трех языках установлено, что основная их масса представлена десубстантивными, деадъективными и девербальными именами; лексико-грамматический анализ показал, что основной производящей базой процесса усечения для имен в данных языках являются десубстантивные образования среди двухосновных имен и деадъективные среди одноосновных. Установлены определенные закономерности образования усеченных единиц в рассматриваемых языках.

Ключевые слова: антропонимикон; фоновая информация; производные единицы; онимическая лексика; деривация; дериваты; опорные единицы; усеченные единицы.

Выбирая личное имя, человек вносит свой вклад в развитие будущего данного социума, поскольку имя – это часть языка и часть культуры, благодаря которому народные ценности передаются из поколения в поколение [2, с.64-72].

Под антропонимом мы понимаем единичное имя собственное или совокупность имен, идентифицирующих человека, включающие личное имя (одно или несколько), отчество (патроним – именованья по отцу, деду и т.д.), фамилию (семейное или родовое имя), родовое имя, мононим (например, у коронованных особ), прозвище, псевдонимы различных типов (которые могут быть как индивидуальными, так и групповыми), криптоним (скрываемое имя). Совокупность антропонимов составляет антропонимию, изучаемую антропонимикой [9, с.36].

Особенность личных имен заключается в том, что они обладают способностью к образованию вариантов, или дериватов, которые преимущественно используются в неформальной обстановке, в кругу друзей, знакомых, близких и родных. Под дериватом (деривативное имя, производное имя) понимается однословное имя собственное, образованное путем деривации.

Процесс изучения производных единиц напрямую связан с исследованием проблем общетеоретического характера, т.е. с одной из вечных проблем языкознания – проблемой пополнения состава языка за счет нового структурного типа производимых слов.

Сокращения достаточно объемно представлены в лингвистических исследованиях, как в составе нарицательных, так и в составе собственных имен. Большой интерес лингвистов к изучению сокращенных единиц объясним тем, что объект исследования достаточно сложен. Однако сокращению собственных имен уделяется значительно меньше внимания в отличие от нарицательных единиц.

Цель данной статьи заключается в описании механизма формирования усеченных (сокращенных) имен и выявлении закономерностей данного процесса.

Являясь собственными именами, антропонимы относятся к существительным, обладая категорией рода, числа, падежа, а также одушевленности и лица. При описании свойств исследуемых единиц мы берем за основу не выявление специфики их грамматических показателей и синтаксических функций, а рассмотрение лексико-грамматических свойств производящих единиц, и в первую очередь, морфологической формы сложных (двухосновных) имен как одного из самых продуктивных типов сокращения единиц. Этот вопрос является актуальным для изучения, учитывая, что информация о морфологической структуре композитных имен, о грамматической принадлежности составляющих их компонентов в лингвистической литературе имеется не в полном объеме. Не вызывает сомнений лишь то, что личные имена генетически восходят к апелляциям, которые в лингвистике обозначаются антропоосновами. Принято также полагать, что в древности в качестве антропооснов сложных имен использовались большей частью единицы, относящиеся к именам существительным и прилагательным.

Структурной (морфологической) особенностью немецких антропонимов является то, что они могут употребляться как дублиеты в виде формообразовательных вариантов. Как и в русском языке, эти варианты также присутствуют в разговорной речи, в бытовом общении. В немецком языке эти дублиеты иногда заносятся как имена в паспорт и другие документы. Таким образом, в качестве вариантов существуют немецкие имена, образованные от одной основы: *Brigitte: Birgit, Bergit, Git, Gitta, Gitte, Birga, Berga; Joseph: Jupp, Sepp; Elisabeth: Else, Elsa, Betti, Lisa, Liese* и др. Часто имена различаются только написанием: *Gunter/ Gunther/Günther; Joseph /Josef; Annett /Annette*.

Большое влияние на формирование русских сокращенных форм оказали древнерусские дохристианские имена, исторически предшествовавшие именам церковным. Так, имя *Люба*, сокращенное от церковного *Любовь*, могло быть в дохристианские времена сокращением от женского имени *Любава* или мужских имен *Любим, Любомир, Нелюб*. Древнерусское мужское имя *Воля* иногда и в наше время используют как сокращенный вариант имени *Владимир* [8, с.110].

Мы подразделяем антропонимы в соответствии с их общими структурными принципами на: а) двухосновные или сложные; б) одноосновные – производные и простые.

В состав двухосновных антропонимов входят и двойные имена. Целесообразно выделять их в особую структурную группу антропонимов по причине двухкомпонентности их состава, например, немецкое имя *Siegmар* (др. нем. «*sieg*» + «*mari*») – «знаменитый» - имя, состоящее из двух основ, представляющих собой синонимы, поэтому имя переводится одним словом; русское имя *Александр* (лат. «*alexo*» (защищаю) + «*Andros*» (мужчина)) – переводится как «защитник»; таджикское имя *Гулчехра* («гул» + «чехр») – «лицо подобное цветку».

Анализируемый материал позволяет пояснить существующие положения о частеречной принадлежности антропонимических компонентов, степени их употребительно-

сти в составе сложного имени. Поэтому представляется целесообразным в рамках данного исследования рассмотреть морфологическую специфику простых опорных имен. Под морфологическим аспектом исходных имен понимается их морфологическая структура и лексико-грамматические свойства их форм.

В ходе проведенного анализа морфологической структуры простых производящих имен в немецком, русском и таджикском языках было выявлено, что их преимущественная часть представлена:

- 1) десубстантивными именами;
- 2) деадъективными именами;
- 3) девербальными именами.

В основе десубстантивных имен лежит имя существительное:

нем.: *Silvia* (лат.) «*silva*» - «лес»; *Ursula* (лат.) «*ursus*» - «медведь»; *Leona* ж.ф. от *Leon* (лат.) «*leo*» «лев»; *Abel* (евр.) «*hebel*» - «след, переходность»; *Alba* - (лат.) «*abel*» «жемчужина» и др.;

рус.: *Борис* (рус. и болг.) - «борец»; *Андрей* (др. греч.) «человек, мужчина»; *Кирилл* (др. греч.) - «господин, владыка»; *Марк* (лат.) «*marcus*» - «молоток»; *Дмитрий* (греч.) - посвящ. богине *Деметре*, доп. знач. «земледелец»; *Ирина* (др. греч.) - «мир, покой» и др.;

тадж.: *Даврон* - «время, век», *Чалол* - «слава»; *Чаъфар* - «петрушка»; *Фулом* - «раб»; *Фафур* - «прощение»; *Баҳор* - «весна» и др.;

Деадъективные имена были созданы на базе прилагательных:

нем.: *Helga* (лат.) «*helig*» - «*gesund, heil, unversehrt*» («здоровый, исцеленный, невредимый»);

рус.: *Валерия* (лат.) «здоровая», *Виталий* (лат.) «живой, жизнеспособный»; *Геннадий* (греч.) «благородный, благородного происхождения»; *Ждан* (слав.) «ожидаемый»; *Оксана* греч. «*xenos*» «чужой, чужеземный»;

тадж.: *Озода* (тадж.) - «свободная», *Човид* - «вечный», *Саломат* - «здоровый», *Часур* - «храбрый», *Олим* - «ученый».

Девербальные имена являются отглагольными образованиями:

нем.: *Werner* (др. нем. «*warjan, werjan*») - «*wehren*» («защищаться»);

рус.: *Серафим* (др. евр., от гл. «сжигать») - «огненный, пламенный»;

тадж.: *Хамид* (араб., от гл. «славить») - «славящий, восхваляющий».

Следует отметить, что существует группа имен, которую нельзя отнести ни к одной из вышеперечисленных категорий. Это теофорные имена, дающие при переводе не одно слово, а целую фразу, например нем.: *Nathanael* - «*Gott hat gegeben*» («Бог дал»), *Emanuel* - «*Mit uns ist Gott*» («С нами Бог»), *Daniel* - «*Mein Richter ist Gott*» - «Бог - мой судья»; рус.: *Семен* (греч.) - «слушающий Бога», *Яна* (слав. из др.евр.) - «милованная Богом», *Глеб* (рус. из др.герм.) - «защищаемый Богом»; тадж.: *Абдулатиф* (тадж. из араб.) - «раб милостивого Аллаха», *Гайбулло* (тадж. из араб.) - «сокровенное знает Аллах», *Саадулла* (тадж. из араб.) - удача, которую дает Аллах.

Как было установлено в ходе анализа на лексико-грамматическом уровне, основной производящей базой процесса усечения для имен в данных языках являются десубстантивные образования среди двухосновных имен и деадъективные среди одноосновных.

При сопоставлении опорных и усеченных единиц в каждом из языков было выявлено, что количество производящих и производных имен не одинаково. Это можно объяснить тем, что на основе одного и того же имени может образоваться нескольких усеченных по принципу объемности и ступенчатости.

Образование вторичных единиц производится при ступенчатой деривации по формуле ИЕ>УЕ1>УЕ2: *Sebastian>Bastian>Bas*; *Алексей>Алеша>Леша, Шерали>Шер>Али*. Формула объемной деривации: ИЕ> УЕ1> УЕ2 >УЕ3.

Например: *Eberhard>Eb/Ebe>Eber>Hard*; *Александр>Саша>Саня>Шура*; *Мухаммадамин>Мамадамин>Мухаммад>Махмад>Амин*.

Рассмотрим приведенную классификацию производных немецких, русских и таджикских имен в соответствии с позицией сокращения опорных единиц:

а) инициальные, с отсеченной финальной частью, например: *Johann <Johannes, Tobi <Thobias, Fried <Friedrich; Bernd, Bernt, Benz <Bernhard; Berk, Brix <Britius; Brünne <Brünhilde; Bennix, Benno <Benedikt; Briga, Brigga <Brigitte; Bronja <Bronislaw; Burk <Burkhard; Bert, Bertel, Berti, Berto <Berthold; Blide <Blidhilde; Candy, Candie <Candida; Carol <Caroline; Jo <Johannes, Connie, Conny <Constantin; Chris, Christ <Christian, Christa <Christiana; Cora, Kora <Cornelia; Вася <Василий, Гриша <Григорий; Юра <Юрий; Гена <Геннадий; Надя <Надежда; Дима <Дмитрий; Вика <Виктория; Витя <Виктор; Вова, Володя <Владимир, Костя <Константин; Маша <Мария; Даша <Дарья; Боря <Борис; Вася <Василий, Василиса; Поля <Полина; Далик, Даля <Далер; Ноза <Нозанин, Нозбегим, Нозукбй; Сиродж <Сироджиддин; Диля <Дилафруз, Гуля <Гулчехра, Гулнамо, Гулзира; Чамила <Бибирамила; Файз <Файзулло; Ворис <Ворисзон; Нач <Начиддин; Точ <Точиддин;*

б) финальные, с элиминированной начальной частью исходных единиц, н.: *Sten <Thorsten; Karda <Rikarda; Dele <Adele; Bettina <Elisabeth; Vine <Sabine; Cella, Celina, Cellina <Marcellina; Centa <Vincenta; Dan <Bogdan; Fita <Josefita, Fred <Alfred, Manfred; Gina <Regina; Hanna <Johanna; Fanni, Fanny <Stephanie; Fieke <Sophia; Fiene <Josefine; Lena, Lene, Leni, Lenke <Helene, Magdalene; Fons <Alfons; Fran, Frane <Francisko; Freddi, Freddo <Frederich, Frederik; Слав-а <Вячеслав; Слава <Ярослава, Ваня <Иван; Толя, Толик <Анатолий; Лена <Елена; Мурод <Холмурод, Вали <Шовали, Асад <Абдуасад; Мирзо <Мирзогул; Ёр <Мирзоёр; Бону <Бехбону; Баҳор <Баҳорхотун; Гуля <Чинигул, Идигул, Зебогул, Зиёдагул, Чамангул; Ноза <Бибиноз, Сарвиноз;*

в) медиальные, с редуцированными одновременно инициальной и финальной частями прототипа, н.: *Bas <Sebastian, Dino <Ferdinand, Töns <Antonius; Femke <Euphemia; Gelia <Angelina; Hanse <Johanna; Ilka <Helena; Li, Lies, Lis, Liesa, Lisa <Elisabeth; Loisa <Aloisia; Mali <Amalie; Nelli, Nelly <Cornelia; Nies, Nis <Dionisius; Olf <Wolhart; Коля <Николай, Женя <Евгений, Тоня <Антонина; Саша, Шура <Александр/а; Настя <Анастасия; Катя <Екатерина. Для таджикских имен такие сокращения не характерны.*

Как видно из примеров, для немецких имен чаще, чем для русских и таджикских, характерно «чистое» отсечение финальной и начальной частей. Для русских имен характерно образование кратких форм посредством аффиксов (например: *Вас-я, Ван-я, Слав-а*). То же самое наблюдается и в кратких образованиях таджикских имен (например: *Нур-а*). Аффиксальное словообразование характерно для русского языка, что отражается и на образовании кратких форм имен. Однако наличие такого типа образования кратких таджикских имен объясняется калькированием из русского языка, причем краткие формы образуются при помощи русских аффиксов (например: *Дил-я, Гул-я, Дил-ик и т.д.*). Медиальное образование, с отсечением и начальной, и финальной частей, характерно для немецких и русских имен, но для последних, как было сказано выше, характерно и прибавление различных аффиксов (например: *Кол-я, Тон-я*), а также чередование согласных (например: *Женя от Евгений*). Для таджикских имен чередование согласных

при образовании усечений не характерно, то же относится и к медиальному типу образования.

Формирование нескольких вторичных единиц на основе одной и той же первичной позволяет говорить о действии в сфере производства усеченных имен наряду с одноразовым или одноступенчатым сокращением прототипов, их ступенчатого или объемного усечения. Однако для немецкого языка образование многоступенчатой деривации является более характерным явлением, чем для русского и таджикского языков, где чаще встречается одноступенчатая или двухступенчатая деривация. В русском же и в таджикском языках сокращенные имена встречаются ничуть не меньше, однако многие из них существуют только в разговорной или даже в сленговой форме (н., кроме образованной литературной формы от «Сергей» - *Сереза*, - есть еще и разговорные варианты – *Сереза*, *Серый* и т.д.; для имени «Фаррух» в таджикском языке существуют неформальные краткие формы – *Фара*, *Фарик* и т.д.). Связано это явление со словообразовательными особенностями русского языка и проникшим на их основе калькированием в таджикский язык.

Наличие ступеней деривации может создать ложное впечатление об отсутствии правил, регулирующих образование антропонимических кратких форм. Однако при подробном изучении процессов сокращения можно убедиться в том, что определенная предсказуемость образования кратких форм имен все-таки существует.

В результате проведенного анализа образования сокращенных имен антропонимов в трех сопоставляемых языках мы пришли к следующим выводам:

- 1) общим в трех языках является преобладание первой модели усечения, т.е. образование сокращенных имен путем отсечения финальной части;
- 2) немецкие имена обладают большей производимостью, чем русские и таджикские;
- 3) морфология в таджикских именах остается прозрачной;
- 4) учитывая особенности усечения таджикских имен, отметим, что для них характерны первые два типа сокращения;
- 5) морфология таджикских имен является более устойчивой к преобразованиям;
- 6) двухступенчатое усечение в сравнении с объемным играет менее заметную роль в пополнении антропонимикона сокращенными формами, что, прежде всего, определяется достаточно активным в нем участием производящих единиц, а также характером образования производных.

Кроме того, характерной особенностью структуры производящих таджикских имен является обилие традиционных, исконных имен с компонентами «гул» («цветок»), «дил» («сердце»), «ноз» («нежный»), «нур» («свет»). Сокращенные формы от этих имен будут *Гуля* (*Гуландом*), *Диля* (*Дилафруз*), *Ноза* (*Нозанин*), *Нура* (*Нурангез*).

Стоит отметить, что для наиболее глубокого рассмотрения вопроса о механизме образования сокращенных личных имен в трех сопоставляемых языках необходимо полное выделение их инвентаря и систематизированное его описание, выявление этимологических, фонетических и структурно-семантических характеристик полных и кратких усеченных форм, а также выявление условий, регулирующих производство основных типов кратких единиц.

Литература

1. Бондалетов В.Д. Русский именник прежде и теперь: К сопоставительно-диахроническому изучению состава и употребительности личных имен // Русская ономастика: республ. сб. науч. тр. – Рязань: Рязан. пед. ин-т, 1977. – С.17-39.

2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С.64-72.
3. Комарова Р.А. Сокращение личных имен. Основные принципы и теории. – М.: Наука, 1996. – 132 с.
4. Косими М., Мирбобоев А. Словарь таджикских имен. – Душанбе: Пайванд, 2000. – 607 с. (на тадж. яз.)
5. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 279 с.
6. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен / спец. науч. ред. О.Д.Митрофанова. – М.: Рус. яз., 1984. – 384 с.
7. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В.Суперанская, В.Э.Сталтмане, Н.В.Подольская, А.Х.Султанов. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
8. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. – Л.: Лениздат, 1991. – 220 с.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. / гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
10. Weitershaus F.W. Das neue Vornamenbuch. – Orbis-Verlag; München, 1988. – 190 p.

TRUNKING AS A MEANS OF FORMING ANTHROPONYMICON OF GERMAN, RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES

Fayazova Irana Faradzhevna

Senior lecturer of the chair of Romance-Germanic languages
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 90 800 80 27 (m.)
irandukht@mail.ru

The article deals with the features of the formation of truncated forms of personal names in German, Russian and Tajik languages. The relevance of the topic of names is determined by the unflagging interest in the phenomenon of the proper name, as well as by the fact that onomastic realities are the most important linguistic source of information about the spiritual culture of the people. As in the language as a whole, along with pure borrowing and pure derivation in anthroponymy there is derivation on the basis of borrowings. However, derivation from original names by truncation takes a leading position. In the article, the morphological structure of anthroponyms that undergo the truncation process is considered, provides a classification of personal names according to the position of the reduction of reference units. As a result of the analysis of the morphological structure of the generating simple names in the three languages, it was established that the bulk of them are represented by desubstantial, deadjective and deverbal names. The lexical and grammatical analysis showed that the main generating base of the truncation process for names in these languages are desubstantial formations among dibasic names and deadjective among monobasic ones. Certain regularities of the formation of truncated units in the languages under consideration have been established.

Keywords: anthroponymicon; background information; derived units; onymic vocabulary; derivation; derivatives; reference units; truncated units.

**ИХТИСОРКУНӢ ҲАМЧУН ВОСИТАИ ТАШАККУЛИ
АНТРОПОНИМИКОНИ ЗАБОНҲОИ НЕМИСӢ, РУСӢ ВА ТОЧИКӢ**

Фаязова Ирана Фараджевна

Муаллими калони кафедраи забонҳои романио германӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 90 800 80 27 (м.)
irandukht@mail.ru

Дар мақола хусусиятҳои ташкил додани шаклҳои ихтисоршудаи исмҳои ҳос дар забонҳои немисӣ, русӣ ва тоҷикӣ мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд. Мубрамии мавзӯи номҳо бо таваҷҷуҳи камнашаванда исмҳои ҳос, инчунин бо он, ки воқеияти ономастикӣ муҳимтарин сарчашмаи иттилооти забонӣ дар бораи фарҳанги маънавии халқ мебошанд, муайян карда мешавад. Ҳамчунин дар маҷмӯъ дар забон, дар баробари иқтибосҳо ва дериватсияи тоза дар антропонимия инчунин дериватсияи иқтибосӣ вучуд дорад. Аммо дериватсия дар асоси номҳои асли бо роҳи ихтисоркунии онҳо мавқеи аввалиндараҷа дорад. Дар мақола сохтори сарфии антропонимҳо, ки бо раванди ихтисоркунии фаро гирифта шудаанд, таҳлил карда шудааст. Таснифи исмҳои ҳос аз рӯи мавқеи пастравии воҳидҳои таъриҳӣ гузаронида шудааст. Дар натиҷаи таҳлили сохтори сарфии исмҳои содаи се забон муқаррар карда шудааст, ки қисми асосии онҳо бо номҳои десубстантивӣ, деадъективӣ ва девербалӣ муаррифӣ карда мешавад; таҳлили луғавию грамматикӣ нишон дод, ки заминаи асосии истехсолкунандаи раванди ихтисоркунии барои номҳо дар забонҳои мазкур шаклҳои десубстантивии миёни исмҳои дуасоса ва деадъективӣ дар байни яқасоса мебошад. Қонуниятҳои муайяни ташкилбӣи воҳидҳои ихтисоршуда дар забонҳои баррасишаванда муқаррар карда шудаанд.

Калидвожаҳо: антропонимикон; иттилооти сатҳӣ; воҳидҳои сохта; вожаҳои онимӣ; дериватсия; дериватҳо; воҳидҳои таъриҳӣ; воҳидҳои ихтисоршуда.

УДК 81'44: 811.161.1 =222.8

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГНЕВ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ

Азизов Фаррух Джурабоевич

Преподаватель кафедры русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 900 28 22 00 (м.)
juraboizodaf@gmail.com

В работе рассматриваются особенности репрезентации концепта «гнев» в паремиологическом фонде русского и таджикского языков. На примере пословиц, поговорок и фразеологизмов проведен сравнительный анализ понятия «гнев» в сопоставляемых языках и выявлены основные языковые значения, в которых представлены различные формы репрезентации данного концепта.

Очерчен круг пословиц, поговорок и фразеологизмов, номинирующих гнев как нечто запретное, не приемлемое разумному существу. Показана ассоциативная связь гнева с таким природным явлением, как огонь или сила, которая возникает в момент гнева, и особенности ее языковой репрезентации. По мнению автора, выявленные лексико-семантические группы пословиц, поговорок и фразеологизмов являются относительными и требуют дополнительного исследования. Это еще раз подтверждает, что паремиологическая система исследуемых языковых картин представляет большой интерес для дальнейших изысканий.

Ключевые слова: концепт; гнев; номинативное поле; структура; семантика; языковая картина; лингвокультура.

Репрезентация концепта «гнев/газаб» в паремиологическом фонде языковых картин мира имеет большую значимость, так как в паремиях мы находим наиболее яркую вербализацию многовековых культурных ценностей, присущих многим языкам. По мнению И.А.Стернина, именно «паремии образуют номинативное поле концепта и тем самым выступают средствами его вербализации» [7, с.71]. Пословицы, поговорки и фразеологизмы являются основным источником, где хранятся культурные ценности того или иного народа, национальные стереотипы, объективирующие этапы жизнедеятельности какого-либо языкового сообщества, в них можно проиллюстрировать застывшие языковые элементы, в которых хранятся особенности реализации духовного мира народа.

Существуют различные трактовки понятия «концепт» в современной лингвистической науке, каждый ученый дает свое толкование данного термина, имеются различные подходы в определении структуры концепта. Мы придерживаемся мнения М.В.Пименовой, которая утверждает, что «концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [3, с.10]. Значит, концепт можно считать категорией мысли, в которую включаются еще оценки, ассоциации и эмоции.

Концепт имеет определенный структурный код, который основан на полевом подходе. Полевой подход дает возможность выявить в структуре концепта ядро, значение и представление, которые содержатся в слоях интерпретационного поля. Прием построения паремиологического поля концепта является основным, так как именно в паремиях «...мы находим застывшие осмысления того или иного концепта, складывавшиеся на протяжении длительного времени» [4, с.128].

Анализ устойчивых сочетаний с номинантами изучаемого концепта позволил выявить в структуре понятия «гнева» определенные лексическо-семантические категории, которые пополняют номинативное поле исследуемого концепта и позволяют формировать национально-специфический характер русского и таджикского этноса. Например, *гнев/газаб* в русской и таджикской лингвокультурах имеет отрицательный оттенок и может выражаться в лексемах: *злоба/злость, сердитость, вспыльчивость, ярость, безумие; қаҳр/чаҳл, хаши, кина, ситеза, оташини, бад* (в значении зло). Семантика эмоции гнева отражается в данных лексемах, которые были собраны методом сплошной выборки из следующих источников: «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русским» [Я.И.Калонтаров, 1965], «Мудрость трех народов» [Я.И.Калонтаров, 1989], Фразеологический словарь русского языка [А.И.Молотков, 1987], «Школьный русско-таджикский фразеологический словарь» [И.А.Александров, 1984]. Собранный материал был распределен на определённые лексико-семантические группы, каждая из которых имеет свою семантическую доминанту.

Семантическая особенность понятия гнев в паремиологической системе русского и таджикского языков указывает на негативную сторону данной лексемы, и большинство паремиологических единиц описывают семантику гнева с отрицательной стороны. В связи с этим в пословицах, поговорках и фразеологизмах исследуемых языковых картин эмоциональное состояние гнева считается несвойственным разумному существу, и если гнев проявился, то сознание уже не контролируется разумом, т.е. гнев преобладает над разумом. Например: В русском языковом сознании: *гнев гасит лампу разума и разогревает кулак; гнев – начало безумия; следуй голосу ума, а не гнева; у огня не бывает прохлады, у гнева – рассудка; гнев глупого – в его словах, гнев умного – в его делах; гнев – враг, разум – друг; гнев шагает впереди, ум – сзади.*

В таджикском языковом сознании: *хаши андешаро мебарад (гнев уносит мысли, т.е. разум); ақл дуст, чаҳл душман (разум – друг, гнев – враг); чаҳл ақро кунд мекунад (гнев притупляет разум); чаҳл ояд, – ақл мегурезад (когда приходит гнев – уходит разум)* (Калонтаров Я.И. 1989 г., с. 142, 377, 378; Калонтаров Я.И., 1965 г., с. 309).

Причина и следствие эмоции гнева могут быть разнообразными. Возникновение эмоции русская паремиологическая система связывает с действительностью, которая нас окружает. Во время коммуникации индивид получает определенную информацию, которая может быть воспринята сознанием негативно или положительно, в случае негативного восприятия информации, например, когда говорят правду в лицо или когда обманывают, человек может прийти состояние гнева: *правдивое слово бога радует, а человека гневит; правдою жить – от людей отбить, неправдою жить – бога прогневить; нечего бога гневить, надо правду говорить; когда человек сердится – он неправ.* В паремиологической системе таджикского языка эмоция гнева представляет собой не причину, которая вызвала данное чувство, а следственно-направленное представление о гневе, выражающееся в лексеме *зло/бад*, и имеющее отношение к внутреннему миру человека. Например: *аз бад – касофат, аз нек – шафоат (от злого – беда, от доброго – слава); алогии одам ба дарунаш (злоба человека внутри него, т.е. скрыта); ба чуз бад набошад мукофоти бад (за зло платят только злом); аз зани (ёрй)*

ганда буйдоқ беҳ (лучше быть холостяком, чем иметь злую жену); бад ба бадхоҳ мерасад (зло постигает самого злодержателя); одами бад ба бадӣ меравад (злой человек пойдет на совершение зла) (Калонтаров Я.И., 1965 г., с.48, 66, 86, 104, 106, 260). Следовательно, гнев проявляется в результате воздействия каких-либо внешних раздражителей на сознание и подсознание человека и имеет отношение к его внутреннему миру. Кроме того, гнев имеет непосредственное отношение к эмоциональной природе человека и относится к базисным эмоциям наряду с печалью, радостью и др.

В русской и таджикской паремиологической системе лексема «гнев» описывает не только действительность, которая нас окружает, но и религиозную абстракцию, которая также указывает на нежелательность проявления этого чувства. В этой связи понятие «Гнев» можно отнести к культурно-нравственным и индивидуально-физиологическим особенностям человека, которые имеют отношение к абстрактно-теологическим представлением о мире. Например:

В русском языке: *не гневи бога ропотом, молись ему шепотом; гнев божий – бедствие, постигающее человека, но пожар от грозы – божья милость; живет, хлеб жует, небо коптит да бога гневит; на это плакаться, только напрасно бога гневить, бога прогневишь – и смерти не даст; богу молись, а черта не гневи.*

В таджикском языковом сознании: *аз газаби худо тарсидан (бояться гнева господня); ба газаби худо гирифтोर шудан (навлечь на себя гнев божий); қарздорӣ қаҳри худо (долги – гнев божий)* (Калонтаров Я.И., 1965 г., с. 332, Фарҳанги тавсири забони тоҷики С.Назарзода, ч.1, с.364).

В паремиологической системе исследуемых языковых картин мира гнев связан не только с эмоциональными и духовно-теологическими особенностями человека, но и с некоторыми природными явлениями. Например, семантическую особенность гнева в русском и таджикском паремиологическом фонде может определить понятие огонь:

В русском языке: *у огня не бывает прохлады, у гнева – рассудка; гнев разжигает фантазии, да так, что можно обжечься; в гнев ты – как огонь, а в любви – как вода;*

В таджикском языковом сознании: *ба оташи қаҳри касе равған рехтан (подливать масло в огонь) в значении – болои сӯхта намакоб; ба деги газаб оби сард рехтан (залить холодной водой пламя гнева); қаҳли касеро овардан (довести до белого каления) в значении – касеро оташин кардан* (Александров И.А., 1984 г., с. 26, 39, 61).

Следует отметить, что данная эмоция имеет семантическую связь еще и с понятием сила, которая духовно заложена в человеке от природы (сила духа), возникающая в момент гнева и управляющая разумом и сознанием любого живого организма. Например:

В русском языке: *в бессилии гнев очень сильный; гнев – оружие бессилия; на сердитых воду возят; во гневу не наказывай/не карай во гневу; кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает; господин гневу своему, господин всему; истинно могуч тот, кто побеждает самого себя;*

В таджикском языке: *зӯр касест, ки дар вақти қаҳл худдорӣ кунад (силен тот, кто в гневе сумеет сдержать себя); давои газаб – хомушӣ (лекарство от гнев – молчание); қаҳрат (қаҳлат) ояд, биниатро газ (если ты сердисься, укуси свой нос) худро ба даст гирифтанд (держат себя в руках/сохраняют самообладание)* (Калонтаров Я.И., 1965 г., с.211, 171, 649; Александров И.А., 1984 г., с.25).

Как уже было отмечено выше, некоторые выражения имеют религиозно-метафизический оттенок, в них нашли отражение средневековые абстрактно-идеологические представления. Эти выражения имеют непосредственную связь с духовностью и религией, что обостряет их культурологическую особенность. В связи с

этим в русском и таджикском языковом сознании понятие «гнев» объективируется с понятием наказание, т.е. с божественной карой за те или иные прегрешения: *«Живет, хлеб жует, небо коптит да Бога гневит»* (о бездельнике); *«Нечего бога гневить, надо правду говорить»* (об обманщике); *«На это плакаться, только напрасно Бога гневить»* (о пустяке); *«Аз газоби Худо тарсидан»* (бояться гнева Господа), *«Ба газоби Худо гирифтор шудан»* (навлечь на себя гнев Божий) и др.

Большинство паремиологических единиц в русской и таджикской языковой картине имеют переносное значение, в этой связи необходимо рассмотреть метафорическую интерпретацию понятия «гнев», который, по мнению О.Ю.Любимовой, представляет собой *«...контейнер с горячей жидкостью, гневаясь, человек закипает, выпускает пар»* или *«гнев – это огонь, человек горит, вспыхивает, гнев гаснет»* [1]. Данное сходство можно проанализировать в выражении *«Метать громы и молнии»* (Молотков А.И., 1987, с.246); *«Аланга задани оташи қаҳру газаб-оташи газаб афрухтан»* (раздувание пламени гнева и ярости) (Фарҳанги тавсири забони тоҷики С.Назарзода, ч.1, с.94). Однако, поскольку гнев является эмоциональным состоянием, он имеет определенные стадии развития. В пословицах, поговорках и фразеологизмах представлены особенности вербального и невербального выражения эмоционального состояния человека в момент гнева, а также отражается динамика развития данной эмоции. Например, выражение *действовать на нервы-играть на нервах* (Молотков А.И., 1987, с.179) *касоро асабони кардан* (Александров И.А., 1984, с.23) может восприниматься как начальная стадия гнева. Любое разумное существо имеет свое представление о пределе своих возможностей, и когда этот предел доходит до крайности и невозможно больше терпеть, проявляется эмоция гнева. В результате происходит переход из одного состояния в другое, т.е. индивид кардинально меняется. Данное изменение можно проанализировать в выражении: *попасть под горячую руку* (Молотков А.И., 1987, с.402) *ба аспи чаҳл савор шудан (прийти в неистовую ярость)* (Александров И.А., 1984, с.60). Следовательно, невербальное проявление гнева начинается в то время, когда действуют на нервы, и человек начинает кипеть, мышцы шеи начинают напрягаться, руки сжимаются в кулак и др. Постепенно гнев начинает приобретать вербальную форму, которая может сопровождаться ругательными и бранными словами, или индивид может ударить того, кто действовал на нервы, и в результате тот попадает под горячую руку.

В конечном итоге индивид приходит в состояние, когда можно использовать выражение *«снесло крышу, кровь закипела»* (Молотков А.И., 1987, с.213) *«сар/асаб вайрон шуд, хун дар чуш омад»* (Фарҳанги тавсири забони тоҷики С.Назарзода, ч.1, с.82). Это последняя стадия гнева, когда индивид доходит до такой предельной крайности, что становится совершенно неконтролируемым. Однако данный предел должен контролироваться разумом, который ассоциируется с положительной стороны и является основным инструментом человеческого мышления. Например, в пословице *«гнев – враг, разум – друг / ақл дуст, чаҳл душман»* (Калонтаров Я.И., 1989, с.142) гнев имеет отрицательную семантику, а разум – положительную. Однако эмоция гнева является сильнее разума, потому что *«гнев шагает впереди, ум – сзади / чаҳл ояд, - ақл мегурезад»* (Калонтаров Я.И., 1989, с.378).

Следует обратить внимание на тот факт, что каждая паремиологическая единица, в зависимости от метода исследования, может относиться к той или иной системе значений. В этой связи данная классификация является относительной. Различия в суждениях зависят от менталитета и культуры народа, ареальной распространенности и ассоциативных представлений. Кроме того, если рассмотреть иллюстративный материал

с точки зрения семантики, то классификация системы значений концепта будет одна, а если рассмотреть со структурной стороны, то возможны различия.

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что понятие «гнев» в русской и таджикской паремиологической системе имеет как универсальный, так и национальный характер, что достаточно точно отражается в пословицах, поговорках и фразеологических единицах. Гнев является инструментом нашего сознания, который приводится в действие в тот момент, когда других возможных вариантов для решения возникшей ситуации не находится. Когда этот предел доходит до крайности и невозможно больше терпеть, гнев начинает преобладать над разумом и сознанием. В конечном итоге человек может впасть в состояние аффекта, когда разум и сознание полностью отключаются. Не случайно эта лексема связана с таким природным явлением, как огонь, который семантически отражает гнев с отрицательной стороны. Например, когда человек в гневе, он начинает краснеть и воспламеняться изнутри, и в определённый момент индивид может взорваться как вулкан. В связи с этим динамика развития эмоции гнева в паремиологических системах исследуемых языков метафорически можно представить в виде жидкости, которая накапливается, как лава, внутри вулкана. Этапы накопления негативной эмоции формально можно разделить на 3 этапа, каждая из которых имеет свою статистическую особенность:

1 этап в большей степени имеет невербальную окраску и указывает на начальную стадию выражения гнева. Данный этап может быть выражен во взгляде или жесте «возмущённый взгляд, отмахнуть с негодованием», когда *действуют на нервы/асабонӣ кардан*. Данный этап насыщен иллюстративным материалом и более 50% проанализированных паремиологических единиц относятся сюда.

2 этап находит свою вербализацию в конкретных действиях или пренебрежительных словах, которые указывают на неконтролируемое состояние индивида, когда он не в силах сдерживать свои эмоции. На данном этапе лучше всего не *попасться под горячую руку/ба асти чаҳл савор шудаанд* (его невежеству и злобе не было предела), иначе последствия будут плохие. По статистическим данным, ко 2 этапу можно отнести примерно 30% паремиологических единиц, исследованных в рамках данной работы.

3 этап имеет связь с духовностью и культурой, где вопрос контроля над внутренним эмоциональным состоянием является основным. Ведь когда *сносит крышу/асаб вайрон шавад* или когда *кровь кипит/хун дар ҷӯш ояд* индивид может впасть в состояние аффекта, который по словарю Д.Н. Ушакова понимается как «*состояние запальчивости и раздражения*» (Ушаков Д.Н., 2014, с. 25). Следовательно, самым опасным и губительным эмоциональным состоянием можно считать 3 этап накопления негативной эмоции, при котором индивид способен совершить любые поступки и не помнить их. К данному этапу формально относятся остальные 20% паремиологических единиц, проанализированных в работе.

Как видим, в русской и таджикской паремиологической системе гнев имеет отрицательный характер, который приводит человека к негативным поступкам, это состояние непосредственно связано с нашим окружением, мы не в силах его контролировать, и гнев берет верх над разумом. Кроме того, в русской и таджикской языковой картине данная эмоция может иметь одинаковую вербализацию, однако паремиологические единицы, описывающие понятие «Гнев» в русской языковой картине количественно преобладают. Таджикский язык так же обладает богатым фразеологическим запасом, который представляет большой интерес для дальнейших исследований.

Литература

1. Любимова О.Ю. Методика изучения эмоциональной метафоры (на примере концепта «гнев») // Вестник МГЛУ. – 2015. – Вып. 27 (738). – С.93-103.
2. Никитина И.Я. Понятие концепта «гнев» в современном английском языке. // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В.Красных, А.И.Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып.23. – 124 с.
3. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации: монография. // Серия: Концептуальные исследования. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – Вып. 3. – 386 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. – 226 с.
5. Раковский М. Пословицы, поговорки и мудрые мысли. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 355 с.
6. Рублёва В.В. Особенности воспроизведения фразеологизмов с концептом «гнев» в арабском, английском и русском языках. // Научный вестник Крыма, Таврическая академия им. В.И.Вернадского. – 2016. – №2 (2). – С.275-283.
7. Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во «ИСТОКИ», 2002. – 318 с.
8. Шанский Н.М. 700 фразеологических оборотов русского языка (для говорящих на таджикском языке) / Н.М.Шанский, Е.А.Быстрова, С.Ш.Салихов. – М.: Рус. яз., 1982. – 115с.

IMPLEMENTATION OF THE "ANGER" CONCEPT IN THE PAREMIOLOGICAL SYSTEM OF RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES

Azizov Farrukh Juraboevich

Lecturer of the Russian chair
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 900 28 22 00 (m.)
juraboizodaf@gmail.com

The paper deals with the features of the representation of the concept «anger" in the paremiological fund of the Russian and Tajik languages. On the example of proverbs, sayings and phraseological units, a comparative analysis of the concept of "anger" in the compared languages is carried out and the main linguistic meanings are revealed, in which various forms of representation of this concept are presented.

A circle of proverbs, sayings and phraseological units is outlined that nominate *anger* as something forbidden, not acceptable to a rational being. The associative connection of anger with such a natural phenomenon as fire or force that arises at the moment of anger, and the features of its linguistic representation have been shown. According to the author, the identified lexico-semantic groups of proverbs, sayings and phraseological units are relative and require additional research. This confirms once again that the paremiological system of the studied language pictures is of great interest for further research.

Keywords: concept; anger; nominative field; structure; semantics; language picture; linguoculture.

**ТАТБИҚИ КОНСЕПТИ «ГНЕВ/ХАШМ» ДАР НИЗОМИ ПАРЕМИОЛОГИИ
ЗАБОНҲОИ РУСӢ ВА ТОЧИКӢ**

Азизов Фаррух Ҷӯрабоевич

Муаллими кафедраи забони русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, қўч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 900 28 22 00 (м.)
juraboizodaf@gmail.com

Дар кори мазкур хусусиятҳои муаррифии концепти «гнев/хашм» дар захираи паремиологии забонҳои русӣ ва тоҷикӣ баррасӣ шудааст. Дар мисоли зарбулмасалу мақолҳо ва фразеологизмҳо таҳлили муқоисавии мафҳуми «гнев/хашм» дар забонҳои муқоисашаванда гузаронида шуда, маъноҳои асосии забоние, ки дар онҳо шаклҳои гуногуни муаррифии концепти мазкур дода шудааст, ошкор карда шудааст.

Доираи зарбулмасалҳо, мақолҳо ва фразеологизмҳои номгузорандаи хашм ҳамчун як чизи мамнӯъ ва барои мавҷудодӣ бошуур номақбул муайян карда шудааст. Алоқаи ассотсиативии хашм бо чунин ҳодисаи табиӣ, ҳамчун оташ ва ё қувва, ки дар лаҳзаи хашмолудшавӣ ба вучуд меояд, ва хусусиятҳои муаррифии забонии он нишон дода шудааст. Тибқи ақидаи муаллиф, гурӯҳҳои ошкор карда шудаи зарбулмасал, мақолҳо ва фразеологизмҳо нисбӣ буда, гузаронидани таҳқиқоти иловагиро тақозо мекунад. Ин бори дигар тасдиқ мекунад, ки низоми паремиологии таҳқиқшаванда барои ҷустуҷӯҳои нав ба нав хеле муҳим аст.

Калидвожаҳо: концепт; гнев/хашм; майдони номинативӣ; сохтор; маъно; манзараи забонӣ; фарҳанги забонӣ.

УДК 81'367.322=161.1=222.8=111

**ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ВОПРОСИТЕЛЬНЫМИ СЛОВАМИ
В РУССКОМ, ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Хакимова Зарина Абдуалимовна

Преподаватель кафедры иностранных языков
Кулябский государственный университет имени Абуабдуллох Рудаки
735360, Республика Таджикистан, Куляб, ул. С. Сафаров, 16
Тел.: (+992) 98 880 88 40 (м.)
zarina250189@mail.ru

В статье рассматриваются местоименные вопросительные предложения в английском, русском и таджикском языках на материале художественных произведений русских, английских и таджикских писателей и их переводов на сопоставляемые языки. Актуальность проблематики работы связана с некоторыми пробелами в сопоставительном анализе синтаксического, семантического и прагматического аспектов вопросительных предложений на материале наиболее частотных и наименее изученных в английском, русском и таджикском языках местоименных вопросительных предложений. Важность изучения семантического и прагматического аспектов вопросительного предложения обусловлена тем, что адекватный анализ предложения возможен лишь при учете не только формальной, но и содержательной стороны исследуемого объекта. Востребованность исследования местоименных вопросительных предложений как неотъемлемых компонентов диалогической речи в английском, русском и таджикском языках возрастает в связи с интенсивными культурно-языковыми контактами и необходимостью создания сопоставительной грамматики английских, русских и таджикских интеррогативов в вопросно-ответных диалогических единствах, что имеет выход в теорию речевой деятельности и лингвистику текста.

Ключевые слова: синтаксис; структура; семантика; вопросительные местоимения; вопросительные предложения; русский язык; таджикский язык; сопоставление.

Как известно, роль процесса общения значительно возросла в современном мире. Высокая степень распространенности диалогического общения в условиях современной коммуникации обуславливает актуальность изучения единиц речи. На фоне бурного развития технологий, помогающих расширить возможности диалогического взаимодействия людей в обществе и мире, диалог становится ведущим методом и методологией гуманитарных наук. Единицей диалога является диалогическое единство. Важнейшим видом диалогического единства является вопросно-ответный комплекс: Что должна дать ребенку книга? (А.Н.Толстой. О литературе и искусстве, с.246); Что ждет их впереди? (М.Шолохов, Судьба человека, с.648); Чего вы ждете; Какая проклятая философия вам мешает (Чехов, Чайка, с.280); Чй бекор шиштай? (Махмадрахими Карим, Чумъа Куддус. Ширин, с.13). – Что сидишь без дела? Махмадрахим Карим, Джума Куддус. Ширин, 12). – Why you sitting here not doing anything. Mahmadrachim Karim Juma Kudus Shirin, 13). Чаро ба ин чои дурр обгирй омадед (Махмадрахими Карим, Чумъа Куддус Ширин, с.14). – К чему было идти так далеко за водой? (Махмадрахим Карим,

Джума Куддус. Ширин, с.14). Why it was needed to go so far for water? (Mahmadrahim Karim Juma Kudus. Shirin 14). Why does it look so dark? (Anton Chekhov. The sea-gull, p.9) – Отчего оно такою темное? (Чехов. Чайка, с.234). – Чаро вай ин кадар сиёҳ аст? (Чехов. Чайка, с.264). Где он теперь? (Чехов. Чайка, с.235). – Ӯ ҳоло дар кучо бошад? (Чехов. Чайка, с.266). – Where is he now? (Anton Chekhov. The sea-gull). What is it you have to say? (Main Reid. The headless Horseman, p.398). Why has she thus deviated from her route? (Main Reid. The headless Horseman, p.309). – Почему она сделала такой крюк? (Майн Рид. Всадник без головы, с.263). – Чаро вай чарх зада рохро ин кадар дур мекунад? (Майн Рид. Савораи бесар, с.319).

Вопросительные предложения – одна из функциональных разновидностей предложения. Вопрос представляет собой особую форму мысли, цель которой – запрос (поиск) необходимой адресанту информации.

В «Русской грамматике» предлагают такое определение: «Вопросительными называются предложения, в которых специальными языковыми средствами выражается стремление говорящего узнать что-либо или удостовериться в чем-либо. Вопросительные предложения, таким образом, информируют о том, что хочет узнать говорящий» [4, с.386].

Основной целевой установкой вопросительного предложения является непосредственное побуждение слушателя (читателя) к ответу, к известному речевому акту, связанному с содержанием данного вопросительного предложения. Иначе говоря, целевая направленность такого предложения – вызвать ответ, соотносительный с вопросом [7, с.258].

В истории изучения высказываний, оформленных вопросительным знаком, в лингвистике можно выделить три наиболее распространенных направления: структурно-синтаксическое, семантико-синтаксическое и функциональное. В рамках структурно-синтаксического направления лингвистов интересовала, главным образом, синтаксическая структура вопросительных предложений. Структурная схема изучалась с двух сторон: со стороны способа построения и со стороны полноты или усеченности вопросительного предложения. Лингвистами выделяются: местоименные и неместоименные вопросительные предложения; альтернативные, разделительные и др.

Среди вопросительных предложений в полном смысле И.П.Распопов выделял три типа: 1) собственно-вопросительные предложения, 2) удостоверительно-вопросительные предложения, 3) предположительно-вопросительные предложения [5].

Собственно-вопросительные предложения выражают вопрос, требующий в ответе конкретного наименования каких-то неизвестных говорящему «деталей» обозначаемого события (в широком смысле этого слова). Они строятся исключительно на базе синтаксических конструкций, включающих в свой состав вопросительные местоименные слова, которые и служат непосредственно для указания на то, какими именно «детальями» события интересуется говорящий: "What time is it now?" (Anton Chekhov. The Bi shop). – Ҳозир соат чанд? (Чехов. Архиерей, с.148). – Сколько сейчас времени? (Чехов. Архиерей). What does Mirzo suffer from? (Mahmadrahim Karim, Juma Kudus. Shirin, с.113). Мирзо чи беморӣ дорад? (Маҳмадраҳими Карим, Ҷумъа Қуддус. Ширин, с.113). Чем болен Мирзо? (Маҳмадраҳим Карим, Джума Куддус. Ширин, с.113). What sort of a lady? (Main Reid. The headless horseman, p.337). – Какую женщину? (Майн Рид. Всадник без головы, с.288). – Чӣ хел зан? (Майн Рид. Савораи бесар, с.349). Where did you meet the lady you speak of? (Main Reid. The headless horseman, p.337). – Где же вы её встретили? (Main Reid. The headless horseman, p.228). – Шумо

уро дар кучо дидед? (МайнРид. Савораи бесар, с.349). Where did you meet the lady you speak of? (Main Reid. The headless horse man, p.337).

В лингвистической науке известны и другие классификации вопросительных предложений.

Так, А.Н.Гвоздев в «Очерках по стилистике русского языка» выделяет две группы вопросительных предложений, противоположных по характеру ожидаемого ответа: «Вопросительные предложения, не имеющие вопросительных слов и отличающиеся от повествовательных только интонацией или вопросительной частицей, и вопросительные предложения, в которых говорящему неизвестны те или иные элементы интересующей его мысли, ему важно знать лицо или предмет, их качества, место, время, причину, цель действия и т.п. В этих случаях вопросительные предложения включают вопросительные слова, выступающие членами предложения (кто, что, когда, почему, куда, зачем» и т. д.) [3, с.89].

Н.С.Валгина в учебнике «Синтаксис современного русского языка» пишет: «Вопросительные предложения делятся на собственно вопросительные, вопросительно-побудительные и вопросительно-риторические» [2, с.75].

Проблеме таджикского вопросительного предложения посвящено специальное монографическое исследование С. Собирджанова «Собственно вопросительные предложения в современном таджикском литературном языке» [7].

Л.С.Бархударов в учебнике «Грамматика английского языка» выделяет два основных типа вопросительных предложений: общие вопросы и специальные вопросы. Кроме того, существует особая смешанная группа так называемых альтернативных вопросов, отмечает он [1, с.275].

В теории речевых актов вопросительное предложение, выражающее вопрос, является квеситивом в его традиционном понимании. В вопросительном высказывании проявляется не только уровень знаний – незнаний говорящего, но дается установка адресату на выбор реакции на вопрос для заполнения лакуны в знании адресанта. С точки зрения теории речевых актов, роль вопросов в организации диалогов важна и многофункциональна, так как вопросы регулируют речь собеседников: Are you parents goot to you? – Твои родители к тебе хорошо относятся? Do your sisters not let their servants smile either? (Mark Twain. The Prinse and Pauper. p.12). –Твои сестры тоже не позволяют своим слугам улыбаться? (Марк Твен. Принц и нищий). –Хоҳарони ту ҳам магар хизматгоронашонро аз хандидан манъ мекунад?(Марк Твен. Шоҳзода ва гадо, с.14). Ин трактор дар ин чо чӣ кор мекунад? (Махмадраҳими Карим, Чумъа Қуддус. Ширин, с.15). – Что здесь делает этот трактор? (Махмадрахим Карим, Джума Куддус. Ширин, с.15). What ist his tractor doing here? (Mahmadrahim Karim, Juma Kudus. Shirin, p.15).

В основе существующих классификаций вопросительных предложений лежит стремление разграничить, прежде всего предложения, являющиеся вопросительными по форме и по коммуникативной задаче, т.е. побуждающие к ответу, с одной стороны, и предложения, у которых вопросительная форма не соответствует содержанию, – с другой: Where can I hide my roog head? (Mahmadrahim Karim. Juma Kudus. Shirin, с.105). – Ман сари сахтама ба кучо занам? Махмадраҳими Карим, Чумъа Қуддус. Ширин, с.105). – Куда мне деть свою бедную головушку? (Махмадрахим Карим, Джума Куддус. Ширин, с.105).

В данной статье объектом анализа являются вопросительные предложения с вопросительным словом в русском, английском и таджикском языках на материале художе-

ственных произведений русских, английских и таджикских писателей и их переводов на сопоставляемые языки.

Вопросительное предложение является специальной лингвистической структурой, созданной для выражения материализации - вопроса как особой формы мышления и коммуникации.

Прежде всего, сам термин «вопросительное предложение», равно как стоящие с ним в одном ряду «повествовательное предложение», «побудительное предложение» – это дань лингвистической традиции. С их помощью предложение характеризуется «по цели высказывания». Но с точки зрения современной лингвистики, предложение – единица языка, отвлеченная от конкретного лексического наполнения и условий функционирования; потому «по цели» оно определено быть не может. В речи мы используем не предложения, а высказывания. М.А.Шелякин по этому поводу пишет: «Предложение как конкретную коммуникативную единицу речи с его индивидуальным лексическим составом, синтаксическими значениями, порядком слов и интонацией называют высказыванием (фразой), в отличие от предложения как синтаксической единицы, выступающей в роли типовой модели построения высказывания» [9, с.163]. В связи с этим надо бы говорить о вопросительных и т.д. не предложениях, а высказываниях и видеть основу разграничения данных конструкций в коммуникативной цели, которую преследует говорящий.

Коммуникативную цель можно определить как функцию высказывания в данном акте общения, как ту задачу, которую ставил перед собой говорящий при формировании и производстве высказывания: сообщить что-либо, выразить свое желание, побудить к действию, задать вопрос [5, с.165]. Эти задачи и выполняют, соответственно, повествовательные.

В значении вопросительного предложения заложено сочетание определенности, неопределенности и побудительности. В структуре значения вопросительного предложения присутствует тематическая часть, заданность, некоторый пласт информации уже известной (определенность), исходя из которой, побудительно (так как требуется ответная реакция), запрашивается новая информативная часть – рематическая (неопределенность): "What is the lad to thee?" – Ту ба ин бача чи дахл дорй? – Какое ты имеешь отношение к мальчику? (Махмадрахими Карим, Чумъа Куддус. Ширин, с.17). Кучои либосам маъкул нест? – Что тебе в моем платье не нравится? (Махмадрахим Карим, Джума Куддус. Ширин, с.17). – What don't you like on my dress? (Mahmadrahim Karim, Juma Kudus. Shirin, с.17). Евгений Сергеевич, кто из вас моложе (Чехов. Чайка, с.244). – Tellme, Doctor, which of us is the younger looking? (Anton Chekhov. The seagull). – Евгений Иванович, мархамат карда гӯед, кадоми мо чавонтар менамоем? (Чехов. Чайка, с.275).

По способу построения среди вопросительных предложений обычно выделяются вопросы с вопросительным словом (местоименные), без вопросительного слова (неместоименные), с присоединенным вопросительным элементом и альтернативные.

Вопросительные местоименные слова обозначают то, о чем спрашивается. Они являются членами предложения и обычно занимают препозицию, т.е. стоят в начале предложения, но такой словопорядок не обязателен: What would you prefer – port, chery, claret (Main Reid. The Headless Horseman, p.73). – Что вы предпочитаете: портвейн, шерри, кларет (Майн Рид. Всадник без головы, с.63). – Кадомаш ба шумо маъкул: портвейн, шерри, кларет? (Майн Рид. Савораи бесар, с.73) (буквально – Какой из них вы предпочитаете: портвейн, шерри, кларет?). What fear of them? (Main Reid. The Headless Horseman, p.100). – Что же в них страшного? (Майн Рид.

Всадник без головы, с.63). – Чӣ чоӣ тарс доранд онҳо? (Майн Рид. Савораи бесар, с.73). What proof have you of what you say? (Main Reid. The Headless Horseman, p.208). – Какие у тебя доказательства? (Майн Рид. Всадник без головы, с.180). – Чӣ гуна далелҳо дорӣ? (Майн Рид. Савораи бесар, с.217). Of whom do you speak? (Main Reid. The Headless horseman, p.273). – О ком вы говорите? (Майн Рид. Всадник без головы, с.234). – (Шумо) Киро мегӯед? (Майн Рид. Савораи бесар, с.283). Что должна дать ребенку книга? (А.Н.Толстой. О литературе и искусстве, с.246); Что ждет их впереди?(М.Шолохов. Судьба человека, с.648); Чего вы ждете; Какая проклятая философия вам мешает (Чехов, Чайка, с.280).

Как показало наше исследование, вопросительные предложения с вопросительными словами являются наиболее частотными из всех типов вопросительных предложений в вопросно-ответных единствах в художественной литературе: What makes you think there is? (Main Reid. The Headless horseman, p.44). – Почему ты меня об этом спрашиваешь? (Майн Рид. Всадник без головы, с.38). – Чаро инро аз ман мепурсӣ? (Майн Рид. Савораи бесар, с.353); Что же ты сердисься? (Чехов. Чайка, с.238). – What are you so angry about? (Anton Chekhov. Thesea-gull). – Ту чаро ғаш мекуни? (Чехов. Чайка, с.268). Чӣ гуфтани дорӣ? (Махмадрахими Карим Чумъа Кудду. Ширин, с.21). – Что хочешь сказать? (Чего имеешь сказать?) (Махмадрахим Карим, Джума Куддус. Ширин, с.21). – What you want to say? (Mahmadrahim Karim Juma Kudus. Shirin, с.21). When you will be grown up? (Mahmadrahim Karim, Juma Kudus. Shirin, с.34). Кай калон мешавӣ? (Махмадрахим Карим, Чума Куддус. Ширин, с.34). – Когда же ты вырастешь? Махмадрахим Карим, Джума Куддус Ширин, с.34).

В исследовании установлено, что в английских, русских и таджикских вопросительных предложениях функционируют синтаксически изменяемые и синтаксически неизменяемые вопросительные слова. Анализ показал, что вопросительные слова в вопросах в исследуемых языках лексикализуют и грамматикализуют различные релевантные для коммуникации вопроса смыслы.

Вопросительные местоимения (англ. *Interrogative pronouns*, также *interrogative words*, тадж. *Чонишинҳои саволӣ*) – это класс местоимений, которые означают, что говорящий не в состоянии идентифицировать объект или его свойства и побуждает слушающего помочь ему осуществить эту идентификацию (кто? who – кӣ, что – what? – чӣ, какой – which – кадом, whose (чей) – азони кӣ, where – где – дар куҷо, when – когда – кай, which – кадом, how – как, чӣ тавр., whom – кто – кӣ и др.). Они представляют собой синтаксический ряд, включающий синтаксическую форму слова, словосочетания, а также предложения, релативная информация которого функционально тождественна члену предложения. Отношения между членами ряда характеризуются субституцией. Роль ремы ответа в составе вопросно-ответного единства аналогична роли отдельного члена в составе простого вопросительного предложения: What do you have to eat? (Ernest Hemingway. The old Man and the Sea, p.16). – Чӣ хурдание дорӣ? (Эрнест Хемингвей. Пирамард ва баҳр, с.17). А сколько жалованья получает синодальный певчий? (Чехов. Чайка, с.242). – What salary does the church pay its singers? (Anton Chekhov. The sea-gull). – Истед, ки хонандаи синод чӣ қадар маош мегирад? (Чехов. Чайка, с.273). Что же мне делать? (Чехов. Чайка, с.243). – Чӣ бояд кард? (Чехов. Чайка, с.274). – What can I think of now? (Ernest Hemingway. The old Man and the Sea, p.146).

Холо дар бораи чӣ чизе фикр бикунам? (Эрнест Хемингвей. Пирамард ва баҳр, с.147). Ба кӣ механдед? (Махмадрахими Карим, Чумъа Куддус. Ширин, с.13). – Над кем смеётесь? (Махмадрахим Карим, Джума Куддус Ширин, с.13). – Whom are you laughing at? (Mahmadrahim Karim, Juma Kudus. Shirin, с.13). Who has been here since then? (Mayne Reid. The Headless Horseman, p.342). – Дар ин муддат кӣ ба инҷо омада

буд? (Томас Майн Рид. Савораи бесар. с.353). – Кадом фермаро мегӯед, Раис? (Махмадраҳими Карим, Чумъа Қуддус. Ширин, с.15). – О какой ферме речь, Председатель? (Махмадраҳими Карим, Джума Қуддус. Ширин, с.15). – Which farm you are talking about? (Mahmadrahim Karim, Juma Kudus. Shirin, c.15). Who art thou? What is thy business here? (Mark Twain. The Prinse and Pauper, p.). – Ту кистӣ? Ба ту дар инчо чӣ лозим аст? (Марк Твен. Шохзода ва гадо, с.120). – Кто ты? Что тебе здесь нужно? (Марк Твен. Принц и нищий, с.). – Что же ему я сказала? (Чехов. Чайка, с.239). – What did I say to him? (Anton Chekhov. The sea-gull, c.239). – Охир ман ба ӯ чӣ гуфтам? (Чехов. Чайка, с.269). – Чаро ба ман поида нигоҳ мекуни? (Чарлз Дикенс. Саргузашти Оливер Твист, с.77).

Основной целевой установкой вопросительного предложения является непосредственное побуждение слушателя (читателя) к ответу, к известному речевому акту, связанному с содержанием данного вопросительного предложения. Иначе говоря, целевая направленность такого предложения – вызвать ответ, соотносительный с вопросом [7, с.258]: How did you sleep old man? – (Ernest Hemingway. The old Man and the Sea, p.30). – Чӣ хел хоб кардӣ бобо? (Эрнест Хемингвей. Пирамардвабахр, с.31).

Структурно-семантические типы вопросительных предложений с вопросительными словами нашли отражение в следующей таблице.

№	Английский язык	Таджикский язык	Русский язык
1.	Who has been here since then? (Mayne Reid. The Headless Horseman, p.342)	Дар ин мудат кӣ ба ин чо омада буд? (Майн Рид. Савораи бесар. с.342)	Кто пришел за это время сюда? (Майн Рид. Всадник без головы, с.342)
2.	Why I give you money? (Mahmadrahim Karim, Juma Kudus. Shirin, p.167)	Барои чӣ ба ту пул медиҳам? (Махмадраҳими Карим, Чумъа Қуддус. Ширин, с.167)	Зачем я даю тебе денег? (Махмадраҳими Карим, Джума Қуддус. Ширин, с.167)
3.	Why luck trum from me? (Mahmadrahim Karim, Juma Kudus. Shirin, p.124)	Чаро бахт аз ман рӯй мегардонад? (Махмадраҳими Карим, Чумъа Қуддус. Ширин, с.124)	Отчего счастье отворачивается от меня? (Махмадраҳими Карим, Джума Қуддус. Ширин, с.124)
4.	What is your name, lad? (Mark Twain. The Prinse and Pauper, p.12)	Номат чист, бача? (Марк Твен. Шохзода ва гадо, с.12)	Как тебя зовут, парень? (Марк Твен. Принц и нищий, с.12).
5.	Where do you live? (Mark Twain. The Prinse and Pauper. p.12)	Дар кучо истиқомат мекуни? (Марк Твен. Шохзода ва гадо, с.12)	Где ты живешь? (Марк Твен. Принц и нищий, с.12)
6.	How can she beat you? (Mark Twain. The Prinse and Pauper, p.12)	Чаро туро (вай) мезанад?	Почему она тебя бьет (Марк Твен. Приключение Оливера Твиста, с.12)
7.	What are you crying for? (Mark Twain, p.19)	Чаро гирия мекуни? (Марк Твейн. Саргузашти Оливер Твист, с.19)	Почему ты плачешь? (Марк Твен. Приключение Оливера Твиста, с.19)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

8.	What is the matter?	Чӣ гап шуд? (Марк Твейн. Саргузашти Оливер Твист, с.32)	Что случилось? (Марк Твен. Приключение Оливера Твиста, с.32)
9.	Where is Trigorin? (Anton Chekhov. The sea-gull)	Борис Алесеевич кучост? (Чехов. Чайка, с.275)	Где Борис Алексеевич? (Чехов. Чайка, с.246)
10.	Why do I hear a note of sadness that wrings my heart in this cry of a pure soul? (Anton Chekhov. The sea-gull, p.295)	Чаро аз ин даъвати рӯҳӣ пок ба гӯши ман оҳанги ҳасрат меояд ва дилам ин қадар афшурда ҳаст? (Чехов. Чайка, с.295)	Отчего в этом призыве чистой души слышалась мне печаль и мое сердце так болезненно сжалось? (Чехов. Чайка, с.2262-263)
11.	Why should I fly? (Chekhov. The sea-gull, p.296)	Аз вай гурехтан чӣ маънӣ дорад? (Чехов. Чайка, с.296)	Какой же смысл бежать от нее? (Чехов. Чайка, с.296)
12.	Yes, really, why should you hurry away? (Chekhov. The sea-gull, www.englishglobe.ru)	Дар ҳақиқат, ба кучо шитоб мекунӣ? (Чехов. Чайка, с.297)	В самом деле, куда тебе спешить? (Чехов. Чайка, с.264).
13.	... Where Suzdaltzeff the actor is now? (The sea-gull, www.englishglobe.ru)	... Актер Суздальцев холо кучост? (Чехов. Чайка, с.297)	... Где теперь актер Суздальцев (Чехов. Чайка, с.265)
14.	What more can I tell you? (The sea-gull, www.englishglobe.ru)	Боз чӣ гуфтан мумкин аст? (Чехов. Чайка, с.305)	Что же вам еще сказать? (Чехов. Чайка, с.272)
15.	Why didn't you let me go to you? Why didn't you come sooner to me? (The sea-gull, www.englishglobe.ru)	Барои чӣ маро ба наздатон намондед? Барои чӣ ин қадар вақт наомадед? (Чехов. Чайка, с.312)	Отчего вы не пускали меня к себе? Отчего вы до сих пор не приходили? (Чехов. Чайка, с.278)
16.	Why, why does he talk to me like this? (The sea-gull, www.englishglobe.ru)	Ин суханхоро барои чӣ мегӯед? (Чехов. Чайка, с.313)	Зачем он так говорить, зачем он так говорить (Чехов. Чайка, с.279)
17.	Where are you going? (The sea-gull, www.englishglobe.ru)	Ҳоло ба кучо меравед? (Чехов. Чайка, с.313)	Вы куда теперь (пойдете)? (Чехов. Чайка, с.230)
18.	Where could he go? (Mark Twain. The Prinse and Pauper, p.172)	Ў ба кучо рафта метавонист? (Марк Твейн. Шоҳзода ва гадо, с.225)	Куда он мог пойти? (Марк Твен. Принц и нищий)
19.	Who forced you do	Кӣ туро маҷбур кардааст?	Кто тебя заставил?

	it? (Mahmadrahim Karim, Juma Kudus Shirin, c.38)	(Маҳмадраҳими Карим ,Чумъа Куддус. Ширин, с.38)	(Махмадрахим Карим, Джума Куддус. Ширин, с.38)
20.	What are we todo? (Main Reid. The Headless horseman, p.14)	Чй кор кунем? (Майн Рид. Савораи бесар, с.10)	Что же нам делать? (Майн Рид. Всадник без головы, с.11)
21.	...Who can tell how long (Main Reid. The Headless horseman, p.14)	Ки медонад кичигунадушвориҳоонхоро дар пеш аст? (Майн Рид. Савораи бесар, с.14)	Кто знает, что их ждёт впереди? (Майн Рид. Всадник без головы, с.11)
	How are they to find their way? (Main Reid. The Headless horseman, p.14, 17)	Вале рохро чй тавр ёбанд? (Майн Рид. Савораи бесар, с.14)	Как же найти дорогу? (Майн Рид. Всадник без головы, с.11)

Анализ структуры и семантики вопросительных предложений с вопросительными словами свидетельствует о том, что в отличие от английского языка, где вопросительные местоимения и наречия всегда занимают препозицию по отношению к другим членам предложения, в русском языке так же занимают препозицию, однако такой словоупорядок не обязателен, а в таджикском языке они могут занимать чаще в постпозиции к подлежащему и препозицию к сказуемому. Это связано с устойчивым порядком слов в английском языке.

What was the next step to be taken? (Main Reid. The Headless horseman, p.275). – Что же делать дальше? (Майн Рид. Всадник без головы, с.236). – Акнунчй бояд кард? (Майн Рид. Савораи бесар, с.286).

Структура вопросительных местоимений в английском, русском и таджикском языках:

Когда она приехала? (Чехов. Архиерей, с.211). – Вопросительное слово + подлежащее + сказуемое (русский язык).

When did she come?" (Chekhov. The bishop, p.). – Вопросительное слово + вспомогательный глагол + подлежащее + основной глагол (английский язык).

Онҳо кай омаданд? (Чехов. Архиерей, с.149). – Подлежащее + вопросительное слово + сказуемое

Или же:

Where is she now? (Main Reid. The Headless horseman, p.273). – Вопросительное слово + вспомогательный глагол + подлежащее + обстоятельство (английский язык).

Где же она сейчас? (Майн Рид. Всадник без головы, с.235) – Вопросительное слово + подлежащее + сказуемое (русский язык).

Вай ҳозир дар кучост? (Майн Рид. Савораи бесар, с.283). – Подлежащее + обстоятельство + вопросительное слово + сказуемое (таджикский язык).

Который теперь час? (Чехов. Архиерей, с.211). – What time is it now? (Chekhov. The bishop, p.). – Ҳозир соат чанд? (Чехов. Архиерей, с.149).

Кто это там внизу все отворяет и затворяет дверь? (Чехов. Архиерей, с.220). – Who is it downstairs who keeps opening and shutting a door? (Chekhov. The bishop, p.). – Вай кист, ки дар поён дарро як зайл мепӯшаду мекушоад? (Чехов. Архиерей, с.159). А когда вы туда собираетесь? (Майн Рид. Всадник без головы, с.11). А отец твой от

какой болезни умер? (Чехов. Архиерей, с.220). – And what was it your father died of? (Chekhov. The bishop, p.). – Падарат аз кадом дард мурд ? (Чехов. Архиерей, с.160).

Об этом свидетельствуют и переводы таджикских вопросительных предложений на английский и русский языки:

О, (ты) кайкалон мешавӣ? (Махмадрахим Карим, Джума Куддус. Ширин, с.34). – When you will be grown up? (Mahmadrahim Karim, Juma Kudus. Shirin, p.34). – Когда же ты вырастешь? (Махмадрахим Карим, Джума Куддус. Ширин, с.34).

Таким образом, в русском, английском и таджикском языках в предложениях с вопросительными словами вопрос связан с выяснением перспективы потенциально возможного действия, где уточняются лишь частные детали о реально спрашиваемом действии. Речь идет о таких частных деталях, с которыми связана сама возможность реализации действия.

Вопросительные предложения с вопросительными словами в русском, английском языках отличаются по структуре. В английском языке место вопросительных слов устойчиво, они всегда препозитивны, а в таджикском и русском языках они могут занимать в структуре вопросительного предложения любую позицию.

Литература

1. Бархударов Л.С, Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. – М.: URSS, 2019. – 424 с.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: учебник для вузов. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1991. – 416с.
3. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч.2. – М.: Учпедгиз, 1961. – 302 с.
4. Грамматика современного таджикского литературного языка. Т.2. – Душанбе: Дониш, 1986. – 372 с. (на тадж.яз.).
5. Распопов И.П. Вопросительные предложения // Русский язык в школе. – 1958. – №1. – С.73-75.
6. Русская грамматика. Т.2 / под ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Наука, 1982. – 709с.
7. Сабирджанов С. Собственно-вопросительные предложения в современном таджикском литературном языке. – Душанбе: Мир издателей, 2011. – 200 с.
8. Смирницкий. Синтаксис английского языка. – М.: Иностр. лит-ра, 1957. – 258 с.
9. Современный русский язык. – М.: Азбуковник, 1997. – 928 с.
10. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 2001. – 288с.

INTERROGATIVE SENTENCES WITH INTERROGATIVE WORDS IN RUSSIAN, TAJIK AND ENGLISH LANGUAGES

Khakimova Zarina Abdualimovna

Lecturer of the chair of foreign languages
Kulob state university of Abuabdulloh Rudaki
735360, Republic of Tajikistan, Kulob, S.Safarov, 16
Ph.: (+992) 98 880 88 40 (m.)
zarina250189@mail.ru

The article deals with pronominal interrogative sentences in English, Russian and Tajik languages on the material of works of art by Russian, English and Tajik writers and their translations into the compared languages. The relevance of the problematic of the work is associated with some gaps in the comparative analysis of the syntactic, semantic and pragmatic aspects of interrogative sentences on the material of the most frequent and least studied pronominal interrogative sentences in English, Russian and Tajik languages. The importance of studying the semantic and pragmatic aspects of an interrogative sentence is due to the fact that an adequate analysis of the sentence is possible only when taking into account not only the formal, but also the content side of the object under study. The demand for the study of pronominal interrogative sentences as integral components of dialogical speech in English, Russian and Tajik is increasing due to intensive cultural and linguistic contacts and the need to create a comparative grammar of English, Russian and Tajik interrogatives in question-answer dialogical unities, which has a way out in the theory of speech activity and the linguistics of the text.

Keywords: syntax; structure; semantics; interrogative pronouns; interrogative sentences; Russian language; Tajik; comparison.

ЧУМЛАҲОИ САВОЛӢ БО КАЛИМАҲОИ САВОЛӢ ДАР ЗАБОНҲОИ РУСӢ, ТОЧИКӢ ВА АНГЛИСӢ

Ҳакимова Зарина Абдуалимовна

Муаллимаи кафедраи забонҳои хориҷӣ
Донишгоҳи давлатии Кӯлоб ба номи Абуабдуллои Рӯдакӣ
735360, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Кӯлоб, кӯч. С. Сафаров, 16
Тел.: (+992) 98 880 88 40 (м.)
zarina250189@mail.ru

Дар мақола ҷумлаҳои саволии ҷонишинӣ дар забонҳои англисӣ, русӣ ва тоҷикӣ дар асоси маводи осори бадеии адибон ва тарҷумаҳои русӣ, англисӣ ва тоҷикии онҳо ба забонҳои муқоисашаванда мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд. Мубрамии мушкilotи қор бо баъзе ноқисҳо дар таҳлили муқоисавии ҷиҳатҳои наҳвӣ, маъноӣ ва прагматикии калимаҳои саволӣ дар таркиби ҷумлаҳо дар асоси маводи калимаҳои ҷонишинии дар ҷумлаҳои саволӣ бештар ё камтар омӯхташудаи забонҳои англисӣ, русӣ ва тоҷикӣ фаҳмонида мешавад. Муҳимии омӯзиши ҷиҳатҳои маъноӣ ва прагматикии калимаҳои саволии ин навъи ҷумлаҳо ҳамин чиз тақозо менамояд, ки таҳлили дурусти ҷумлаҳои мазкур танҳо дар сурати баҳисобгирии на танҳо ҷиҳати шаклӣ, балки мазмунии объекти таҳқиқшаванда имкон дорад. Зарурати таҳқиқи ҷонишинҳои ҷумлаҳои саволӣ ҳамчун унсурҳои ҷудонашавандаи нутқи муқоламавӣ дар забонҳои англисӣ, русӣ ва тоҷикӣ вобаста аз робитаҳои фаъолони фарҳангии забонӣ ва зарурати тартиб додани грамматикаи муқоисавии интеррогативҳои забонҳои англисӣ, русӣ ва тоҷикӣ дар умумиятҳои саволиро ҷавобии муқоламавӣ торафт меафзояд ва ин ба назарияи фаъолияти нутқи матн оварда мерасонад.

Калидвожаҳо: наҳв; сохтор; маъно; калимаҳои саволии ҷонишинӣ; калимаҳои саволии ҷумлаҳо; забони русӣ; забони тоҷикӣ; муқоиса.

УДК 811.221.32=161.1

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» ПО ТИПУ
РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ШУГНАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Махсутшоева Назарбегим Моеншоевна

Аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 557 77 79 99 (м.)
naida94.94@mail.ru

В статье предпринимается когнитивный подход к определению лексической объективации концепта «Женщина» в шугнанском и русском языках на материале лексикографических источников с целью выявления национально-культурной специфики репрезентации концепта в этих языках. Проводится анализ лексических единиц, реализующих концепт «Женщина», приводятся примеры с различными коннотациями данного концепта. Отмечается, что рассматриваемый культурный концепт с древних времён ярко отражался в национальном сознании носителей шугнанского и русского языков.

Подчеркивается актуальность изучения универсальных и специфических концептов в шугнанском языке в связи с его бесписьменным функционированием и вместе с тем жизнеспособностью в силу его системного характера.

Ключевые слова: концепт; женщина; лексика; лексическая объективация; феномен; универсальный; специфический.

При исследовании бесписьменных языков возникает много трудностей, в частности, обусловленных проблемой их функционирования в зоне влияния развитых и конкурирующих письменных языков. Как отмечает Х.Д.Шамбегаде, «малые народы находятся в зоне аксиоматического двуязычия – формы этноязыковых существования, предполагающего обязательное владение вторым функционально активным языком и обусловленного социальными и политическими факторами. Аксиоматическое двуязычие может быть однополярным и привести к смене родного языка и биполярным, что ведет к многоязычию и сохранению родного языка малого народа в условиях воздействия двух или более функционально активных языков» [7, с.12].

«Являясь бесписьменным, шугнанский язык представляет собой открытую языковую систему, на которую воздействуют литературные языки, обладающие большим объемом общественных функций. Вместе с тем, жизнеспособность шугнанского языка проявляется в силу его системного характера, которым обладает любой язык. Длительное и активное воздействие таджикского языка на шугнанский не сказалось коренным образом на его фонетической и грамматической системах: несмотря на то, что шугнанский язык обладает ограниченным объемом общественных функций и используется только в сфере семейно-бытового и неофициального общения, в условиях активного и массового полилингвизма он совершенствуется и обогащается за счет

различных лингвистических единиц иноязычного происхождения, мобилизуя одновременно свои внутренние языковые ресурсы» [7, с.14].

Проблема типов культурных концептов относится к числу наиболее спорных вопросов в области языкознания, Ю.С.Степанов дает определение, связывающее концепт с культурой: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей”, – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [5, с. 40].

С.Х.Ляпин называет концепты своеобразными культурными генами, входящими в генотип культуры [4, с.16-18].

В.И.Карасик определяет концепты как первичные культурные образования, которые существуют в культурно-историческом пространстве народа, определяют его менталитет и транслируются в разные сферы бытия человека, как коллективные ментальные образования, фиксирующие своеобразие культуры (ментальная проекция элементов культуры) [2, с. 38].

В.А.Маслова дает несколько определений концепта: «концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека»; «концепт – оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике»; «концепт – культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму, единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [5, с.43].

По мнению исследователей, концепт «женщина», как один из важнейших феноменов национального сознания, широко представлен в рассматриваемых языках, сам концепт представляет собой проекцию стереотипных представлений о женщине как носителе социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на основании половых, семейных, общественных, этических, эстетических и других функций. Данному социальному феномену посвящены отдельные исследования в области философии, социологии, психологии, истории, политологии. Женщина как феномен получает множественное и вариативное обозначение во многих языковых картинах мира, однако в памироведении данный вопрос не рассматривался [3, с.1].

В данной статье нами проанализирована тематическая группа слов, репрезентирующих концепт «женщина» по типу родственных отношений. Всю лексику данной тематической группы следует разделить на две большие подгруппы: слова, репрезентирующие кровное родство, и слова, репрезентирующие некровное родство. Нас интересует группа слов, репрезентирующих кровное родство.

Основным источником выборки послужил трехтомный словарь Д.Карамшоева «Шугнанско-русский словарь» и «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И.Ожегова. В процессе выборки нами выведены 7 слов, репрезентирующих кровное родство в шугнанском языке, и 6 слов в русском языке.

Ризин – дочь лицо женского пола по отношению к своим родителям. Например: *Ту ризинента аз мактаб ца яден вегакета вав чирен? Что делают обычно твои дочери после полудня, когда приходят из школы?* [1, т.2, с.493]. В шугнанском языке *ризин* служит для обозначения ребенка или подростка женского пола. Народные традиции, в которых нашли отражение вопросы морали и этики, предписывают бережное отношение родителей к дочерям, исключая физическое наказание, объединяющие в себе,

доверие любовь и уважение, к ним с требовательностью к исполнению ими своих обязанностей. Родители с младенческих лет прививают уважительное отношение к старшим по возрасту, что способствует установлению связи поколений. Дети участвуют в различных видах домашнего труда, что обуславливает естественную общность детей и взрослых, их взаимоотношения на равных. В доме у шугнанцев традиции выступают в виде принципов, норм, идеалов, правил, создающих общественное мнение, вырабатывают определенные алгоритмы поведения дочерей. Особое место в семье отводят образованию дочерей, ставя дочь и сына на равный уровень, и потому большинство девушек являются грамотными и образованными.

Йах – сестра, дочь тех же родителей по отношению к другим их детям. Например: *Аз маш кишлоканде му йах дон тар хар хейд. Из нашего села только моя сестра училась в городе.* [1, т.3, с.500]. Чаще всего слово *йах* в шугнанском языке используется при обращении к старшей сестре, которую не принято называть по имени. В знак большого уважения и доброго отношения часто используется уменьшительно-ласкательная форма *йахик*. Следует отметить, что слова *йах* или *йахик* могут использоваться в знак уважения к девушке или женщине старше себя.

Нан – мама, женщина, имеющая детей. Например: *Му нанат му татен муслат чуд. Моя мать стала советоваться с (моим) отцом* [1, т.2, с.297]. Мать в шугнанской культуре пользуется исключительным уважением, образ матери как символ самых искренних и глубоких чувств пронизывает всю духовную традицию шугнанцев. Искренняя забота матерей во все времена принималась с большой благодарностью, мудрые решения охотно и с любовью исполняются, а к добрым наставлениям и советам с уважением прислушиваются. Все стороны жизни матери и ее детей так или иначе связаны с частной жизнью женщины, но и являются одной из главных ее составляющих.

Мум – бабушка, мать отца или матери. Например: *А мум ар де боген хелакаф гацен давен фок то резинено-о? Бабушка в саду много девушек, они все являются твоими дочерьми?* [1, т.2, с.268] Обращение *мум – бабушка* часто используется в отношении к пожилой женщине. Бабушка в шугнанской культуре является важным членом расширенной семьи. В традиционной культуре бабушки имеют четко определённую роль, выражающуюся в их уходе за младшими детьми в семье.

Нибес – внучка. Например: *Йе лав лувен йа му небес дес кобил озта факат фахрейом вам те. Все говорят у меня способная внучка, я очень горжусь ею.* [1, с.305, т.2]. В менталитете любого народа внуки окружены любовью и заботой, особенно кровных родственников старшего поколения.

Набаса – правнучка, в словаре шугнанского языка данное слово отсутствует.

Фарнабаса – праправнучка, в словаре данное слово так же отсутствует.

Хер – племянница, девочка/женщина по отношению к дяде или тёте, дочь брата или сестры. Данный термин является общим для обозначения племянника или племянницы. Например: *Дам хо хербицар – дат аз хар чиз вуд, Чамол? Чамол, а ну-ка скажи нам что ты привез своей племяннице из города?* Уменьшительно-ласкательная форма слова *хербиц* дифференцируется по роду: *хербиц* употребляется для обозначения племянницы, *хербуц* – для обозначения племянника [1, т.1, с.200].

Питиш – двоюродный брат, двоюродная сестра. Например: *Мот то нанам худе петешен, бовар ца на кене пеху вам! Я и твоя мать – двоюродные сестры, если не веришь мне, можешь у нее спросить!* Данный термин в шугнанском языке используется также при обращении к сверстникам, не состоящим в кровном родстве [1, т.1, с.200].

Выборка тематической группы слов, репрезентирующих концепт «женщина» по типу родственных отношений в русском языке, проводилась по «Толковому словарю рус-

ского языка» под редакцией С.И.Ожегова. Слова, репрезентирующие кровное родство в русском языке:

Дочь – в Толковом словаре С.И.Ожегов дается в двух значениях :

1. Лицо женского пола по отношению к своим родителям уменьшительное ласкательное дочка, -и, ж. (к 1 знач.), доченька.. 2. Женщина как носитель характерных черт своего народа, своей среды (высок.)».

Например:

■ *Была ли она мне дочь, или сестра, или совсем посторонняя?* [Апухтин А.Н. Между жизнью и смертью (1892)]. *Вот время идёт.* (НКРЯ).

■ *А у меня дочь родилась, Дашка* [Геласимов Андрей. Ты можешь (2001)]. (НКРЯ).

Сестра – в Толковом словаре Ожегова даётся в четырёх значениях:

1. Дочь тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям.
2. Единомышленица, товарищ в каком-н. общем деле (высок.).
3. Лицо среднего медицинского персонала в лечебных, детских учреждениях.
4. Монахиня (обычно в обращении, чаще при имени).

Например:

■ *Да, хоть наш уже не новый, года полтора ему, но стоил он 500 уе. Сестра купила попроще, совсем дешёвый, вроде тоже нормальный* [Наши дети: Подростки (2004)]. (НКРЯ)

■ *У сестры был договор, это, как выяснилось, совсем плохо: - А у тебя парни совсем большие* [Наши дети: Подростки (2004)] (НКРЯ).

Завтра утром придёт сестра, возьмёт анализ крови [Муравьева Ирина. Мещанин во дворянстве (1994)]. (НКРЯ).

Мать – в Толковом словаре Ожегова дается в пяти значениях:

1. Женщина по отношению к своим детям.
2. В переносном значении – источник, начало чего-нибудь, а также о том, что дорого, близко каждому.
3. Самка по отношению к своим детенышам.
4. Обращение к пожилой женщине или к жене как к матери своих детей (прост.).
5. Название монахини, а также (разг.) обращение к ней.

Например:

■ *Мать садилась в передний угол напротив невесты «Народное творчество».* (НКРЯ).

■ *А в райсовете сказали: "Язгуль – мать героиня, никто не выселит, не беспокойся"* [Трифонов Юрий. Предварительные итоги (1970)] (НКРЯ).

■ *Материнская любовь со дня моря вынет* [Сибирцев В.].

Я так устала ... Устала прятаться .Я хочу ,чтоб мы жили как раньше, -сказала мама голосом, дрожащим от слез [Боби Пирс. Похититель луридиума, 2015]. (НКРЯ).

Бабушка – в Толковом словаре Ожегова дается в трех значениях:

1. Мать отца или матери.
2. Вообще о старой женщине(разговорный уменьшительное ласкательное бабуся, -и, ас., бабуля, -и, ж., бабулечка, -и, ж. и бабуленька, -и, ас.

Например:

■ *В ванную ставились рефлектор, который дедушка должен был выносить по хлопку бабушки, и два стула, которые накрывались полотенцами* [коллективный форум: Похороните меня за плинтусом. Фильм (2009-2011)] (НКРЯ).

■ *Мамка сама жалуется: нет денег, спасибо, бабушка пенсию получает, её обираем, папку ругает каждый день...* [Екимов Борис. Пиночет (1999)].(НКРЯ).

■ Я ей, можно сказать, в бабушки гожусь. Так и звала меня "бабуля Даша". Любила. [Грекова И. Перелом (1987)].(НКРЯ).

Племянница – в Толковом словаре Ожегова дается лишь в одном значении:

1. Дочка брата или сестры.

Например:

У нас там племянница сгорела, как сказать, 5 мужчин, 5 женщин, так что считай как минимум 5 невинных [коллективный. Трагедия в Орске // Русский репортер. (НКРЯ).

Внучка – в Толковом словаре Ожегова дается лишь в одном значении:

1. Дочь сына или дочери.

Например: Так бы и провели время, семей но, да внучка в друг заявила [Екимов Борис. Пиночет (1999)] (НКРЯ).

По результатам сопоставления исследуемых терминов можно отметить сходства и различия, а также семантическую наполняемость слов, обозначающих кровное родство, в русском и шугнанском языках.

Так, слово *дочь* в русском языке используется в двух значениях с указанием стилистических помет и грамматических форм. В шугнанском языке слово *дочь* используется только в прямом номинативном значении и уменьшительно-ласкательной форме.

Сопоставляя слова *сестра* в шугнанском и русском языках, мы пришли к выводу, что в русском языке, по Толковому словарю Ожегова, слово *сестра*, кроме основного значения, имеет переносное метафорическое значение (на основе признака заботливости) – *«работница лечебных учреждений, лицо среднего (прежде низшего) медицинского персонала, выполняющее медицинские или хозяйственные обязанности. Третье значение – монахиня является специфичным для христианского вероисповедания»*. В шугнанском языке слово *сестра* используется только в своем прямом номинативном значении – дочь тех же родителей по отношению к другим их детям.

Слове *мать* в русском языке, кроме прямого значения, используется в еще в 4 значениях. В словаре Д.Карамшоева даются только два значения – прямое и переносное – обращение к пожилой женщине.

Слово *бабушка* в обоих языках полностью совпадает в значении мать отца или матери и как обращение к старой женщине.

Слово *племянница* так же в обоих языках имеет одинаковое значение, однако следует иметь в виду, что в шугнанском языке есть общее наименование слова племянник и племянницы (*хер*) которое можно отнести к общему роду.

Значение слова *внучка* в обоих языках является одинаковым, какого-либо различия не наблюдается.

Таким образом, проанализировав тематическую группу слов, репрезентирующих концепт «женщина» по типу родственных отношений в шугнанском и русском языках, можно отметить, что лексическая объективация концепта «женщина» в русском и шугнанском языках имеет существенные различия. Связано это, прежде всего, с тем, что русский язык является письменным языком, в нем достаточно развиты давно сформировавшаяся литературная норма, это один из мировых языков с развитой лексической системой, и многофункциональной сферой использования. Шугнанский язык является бесписьменным языком, использующимся в пределах бытового общения, с ограниченными функциональными возможностями практически во всех сферах общения. В нем

сложно выделить стилистическое расслоение лексики, что наглядно продемонстрировано при сопоставлении словарных статей, репрезентирующих лексику кровного родства.

Литература

1. Карамшов Д. Шугнанско-Русский словарь: в 3 т. –М.: Наука, 1991-1999.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Волгоград. госпедун-т; науч.-иссл. лаборатория аксиологической лингвистики. – Волгоград, 2004. – 389 с.
3. Лю Бо. Концепт «женщина» в русской языковой картине мира: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Лю Бо. – Владивосток, 2010. – 26 с.
4. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центра концепта. Вып. 1. – Архангельск, 1977. –С.99-105.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 825 с.
7. Шамбезода Х.Д. Функционирование бесписьменного языка малой народности в условиях полиэтнического социума (на материале шугнанского языка в таджикско русском окружении): автореф. д-ра фил. наук: 10.02.19 / Шамбезода Хусрав Джамшедович. – Воронеж, 2007. – 40 с.

LEXICAL OBJECTIVATION OF THE "WOMAN" CONCEPT BY KIND OF RELATIONSHIP IN THE SHUGNAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Makhsutshoeva Nazarbegim Moenshoevna

Postgraduate student of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 557 77 79 99 (m.)
naida94.94@mail.ru

In the article, a cognitive approach to the definition of the lexical objectification of the concept "Woman" in the Shugnan and Russian languages on the basis of lexicographic sources is taken, in order to identify the national-cultural specifics of the representation of the concept in these languages. The analysis of lexical units that implement the concept of "Woman" is carried out; examples are given with different connotations of this concept. It is noted that the considered cultural concept from ancient times was clearly reflected in the national consciousness of the speakers of the Shugnan and Russian languages.

The relevance of the study of universal and specific concepts in the Shugnan language is emphasized in connection with its unwritten functioning and place with the viability due to its systemic nature.

Keywords: concept; woman; vocabulary; lexical objectification; phenomenon; universal; specific.

**ФОИЛГАРДОНИИ ЛУҒАВИИ КОНСЕПТИ «ЗАН» ТИБҚИ ТИПИ
МУНОСИБАТҲОИ ХЕШУТАБОРӢ ДАР ЗАБОНҲОИ ШУҒНОӢ ВА РУСӢ**

Махсутшоева Назарбегим Моеншоевна

Аспиранти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 557 77 79 99 (м.)
naida94.94@mail.ru

Дар мақола муносибати шинохтӣ нисбат ба муайян сохтани фоилгардонии луғавии концепти «Зан» дар забонҳои шуғноӣ ва русӣ дар асоси маводи сарчашмаҳои луғатнигорӣ бо мақсади ошкор кардани мухтасоти миллию фарҳангии муаррифии концептдар забонҳои мазкур пешкаш гардидааст. Таҳлили воҳидҳои луғавии ифодакунандаи концепти «Зан» гузаронида шуда, мисолҳои дорои коннотатсияҳои гуногуни концепти мазкур оварда шудаанд. Зикр мегардад, ки концепти фарҳангии баррасишаванда аз давраҳои қадим дар шуури миллии ҳомилони забонҳои шуғноӣ ва русӣ инъикос меёфт.

Мубрамнокии омӯзиши концептҳои универсалӣ ва махсус дар забони шуғноӣ вобаста ба амалкарди беҳат ва дар баробари ин қудрати ҳаётӣ доштани он бинобар хусусияти низомнокии он зикр мегардад.

Калидвожаҳо: концепт; зан; луғат; фоилгардонии луғавии; нубуғ; универсалӣ; махсус.

УДК 821.222.8-343

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В СКАЗКАХ И КРАТКИХ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ (ЛАТИФА) ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Аминова Фарангис Шарифовна

Аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 904103553 (м.)
aminova.f@inbox.ru

В статье представлен анализ прецедентных текстов таджикского фольклора и выявлены аксиогенные ситуации, рассматривающиеся как основа ценностной картины мира. В качестве материала выбраны сказки и краткие юмористические рассказы (латифа) таджикского народа, в которых находит отражение компонент «Тарс» (страх). Изучение данных текстов позволяет установить культурнозначимые характеристики концепта в таджикской языковой картине мира. В результате анализа были выявлены языковые средства объективации эмоционального концепта «Страх». Данные средства следуют в совместительстве с единицами, вербализующими физиологические проявления (невербальными маркерами), так как в основе концепта лежит эмоция страха, испуга. Данная эмоция проявляется кинесимическими средствами, то есть мимикой, жестами, которые образуют ещё один (после вербального) канал передачи информации.

Ключевые слова: страх; прецедентные тексты; аксиогенные ситуации; таджикская лингвокультура; кинесимические средства; маркеры.

Концепт как лингвокультурологическое явление определяется в литературе как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей”, – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [7, с.40].

Реализация концептов в фольклоре позволяет проследить национально-специфические особенности исследуемой картины мира. Прозаический тип таджикского фольклора представлен следующими жанрами: сказки (афсона), короткие юмористические рассказы (латифа), хикоят, ривоят, ёддошт. Данные тексты можно выделить в категорию прецедентных текстов. Под прецедентными текстами принято понимать любые тексты, характеризующиеся цельностью и связностью, последовательностью знаковых единиц, обладающие ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса.

Исследуя образную составляющую эмоционального концепта «Страх», мы попытались выявить специфику его интерпретации в сказочном текстовом материале, так как при рассмотрении общетеоретических вопросов культурной языковой концептуализации мира важно учитывать статус прецедентных текстов как одного из важнейших ментально-когнитивных средств языковой концептуализации действительности [2, с.15].

Анализ сказок таджикского народа был проведен на основе «Свода таджикского фольклора», в котором представлены 116 текстов и сборник «Афсонаҳои халқи тоҷик» («Сказки таджикского народа»). В таджикском языке сказки обозначаются как *афсона* или как *масал*. Следует отметить, что *афсона* – слово иранского происхождения, тогда как слово *масал* является широко распространенным на Востоке арабским заимствованием с тем же значением [5, с.9]. Согласно В.Асрори, все таджикские сказки можно разделить на три группы: сказки о животных (афсонаҳо дар бораи ҳайвонот), волшебные сказки, главными персонажами в данной группе являются деви и пери, социально-бытовые сказки (афсонаҳои иҷтимоӣ-маишӣ).

Основными персонажами сказок первой группы являются животные, птицы. Сказки о животных (басни) присутствуют в творчестве всех народов и имеют ярко выраженный воспитательный характер.

Следует отметить, что каждый персонаж в сказках о животных являясь носителем определенных человеческих качеств, представляя собой прототип. К примеру *шер* (лев) – символ царя, падишаха, *рӯбоҳ* (лис) – символ хитреца, *мӯрча* (муравей) – символ трудолюбивого, трудящегося человека, *харгӯш* (заяц) – символ трусливого человека, *каждум* (скорпион) – символ злопамятного мстительного человека, *зоғ* (ворона) – символ сплетника.

В результате анализа сказок о животных (басен), представленных в Своде таджикского фольклора, нами выявлены сказки, в которых герои испытывают эмоцию страха, также выделены аксиогенные ситуации (ценностно-порождающие). Аксиогенные ситуации осмысливаются в виде концептов – квантов переживаемого знания — и объективируются в семантике слов и фразеологизмов, в высказываниях, определенных сюжетах и жанрах речи [Бабаева 2003; Вежбицкая 1999; Воркачев 2007; Дементьев 2013; Карасик 2004; Колесов 2004; Красавский 2008; Ларина 2009; Пименова 2004; Степанов 1997; Стернин 2001; Шмелев 2002].

Аксиологическая база представлена следующими ценностями: добро и зло, должное и недолжное, правильное и неправильное, в то же время они сопоставляются с нормами и правилами поведения, которые формируются из предписаний и запретов и выражаются в писаных и неписаных кодексах. В каждой лингвокультуре специфические традиционные нормы и формы поведения реализуются на основе определенных ценностей.

Этнолингвокультурное изучение фольклора создает благоприятную почву для установления системы аксиогенных ситуаций, которые представляют собой ценностно насыщенные фрагменты бытия. В результате детального анализа можно выявить нормы и ценности, определяющие поведение людей.

Реализацию эмоции страха мы рассмотрим на примере сказки «ПАЛАНГ, ГАВАЗН ВА РҶБОҲ» («Тигр, олень и лисица»)

Боре паланг дар пастхамии теппае сайру гашт карда мегашт. Якбора дид, ки гавазни хурдакае дар зери дарахтон дар алаф чарида гаштааст. *Гавазни палангро дид ва аз тарс дар ҷояш шах шуда монд.* Роҳи гурез набуд. Он гоҳ гавазн Тамоми *далерии худро ҷамъ намуда*, хост палангро *фиреб диҳад*. Вай пай бурд, ки ин паланг то ҳол ҳеҷ гавазни зиндари надидааст. Барои ҳамин худро ҷунин нишон дод, ки гӯё палангро намебинад ва рӯяшро гардонда, чаридан гирифт.

Паланг дар таачуб монд, ки: «Барои ҷӣ ин ҳайвони аҷоиб намегурезад?» Вай ба гавазн наздиктар шуда пурсид:

- Гӯед Азизам, барои ҷӣ дар болои сари шумо шох аст?
- Барои палангро пора кардан!

- Гӯед, барои чӣ дар биқинатон ин қадар доғҳои сафед бисёранд? – пурсид боз паланг.

Гавазн ҷавоб дод:

- Ҳар боре, ки ман як паланг хурам, дар бадани ман як доғи сафеди нав пайдо мешавад. Ман бародарони туро чунон бисёр хурдаам, ки акнун ҳамаи доғҳои баданамро ҳисоб карда наметавонам!

Паланг инро шунида тарсид ва гурехта рафт. Паланг дар роҳ рӯбохро дида монд ва ба ӯ дар бораи тарси худ нақл кард. Рӯбоҳ хандида фиристонд.

- Гавазни хурдакак туро фиреб кардааст! – гуфт рӯбоҳ.

Вале паланг ба гапи ӯ бовар накард, аз тарс меларзид.

- Хайр, агар ту инқадар метарсида бошӣ, - гуфт рӯбоҳ, - иҷозат дех, ки ман дар пушти ту савор шавам ва мо якҷоя ба пеши гавазни хурдакак рафта, ҳамаашро фаҳмида гирирем.

Вақте ки гавазн онҳоро дид, фаҳмид, ки рӯбоҳ ҳамаи ҳақиқатро ба паланг гуфта додаст. Акнун чи тавр халос шавад? Якбора ба ӯ бо тамоми овоз фарёд зад:

- Раҳмат, азизам, хоҳарак-рӯбоҳ! Дирӯз ту ба ман ваъда дода будӣ, ки паланги калонро меорӣ. Мебинам, ту ба гапат истода метавонӣ! Чихел паланги зебоеро барои ман овардӣ! Дар вақташ омади, айнан дар вақти хӯроки пешин!

Паланг инро шунида, худро ба қафо кашил ва рӯбоҳи бечораро газида гирифта, бо тамоми қувва гурехта рафт!

ТИГР, ОЛЕНЬ И ЛИСИЦА,

Однажды тигр гулял на холме. Вдруг он увидел, что на траве под деревьями пасется маленький олененок. *Увидел олененок тигра и от страха замер на месте.* Бежать ему было некуда. Тогда олененок собрал все свое мужество и решил обмануть тигра. Понял он, что этот тигр никогда раньше не видел живого оленя. Поэтому он притворился, что вообще не замечает тигра и, отвернувшись от него, продолжал пастись.

Тигр удивился: «Почему это странное животное не убегает?»

Приблизившись к оленю, он спросил:

- Скажите, дорогой, для чего у вас на голове рога?

- Чтобы разрывать на части тигров.

- Скажите, а для чего у вас на боку так много белых пятен? – снова спросил тигр.

Олененок ответил:

- Всякий раз, как съедаю тигра, у меня на боку появляется новое белое пятнышко. Я столько съел твоих братьев, что теперь всех пятен на моем теле и сосчитать не могу.

Услышал это тигр, испугался и убежал. Встретив по дороге лисицу, тигр остановился и рассказал ей о своем испуге. Лисица засмеялась.

- Это тебя обманул маленький олененок, - сказала она.

Но тигр ей не поверил и продолжал дрожать от страха.

- Ну что же, если ты так боишься, - сказала лисица, - то разреши мне сесть на тебя верхом, мы вместе отправимся к маленькому олененку, и там ты все поймешь.

Когда олененок их увидел, он сразу понял, что лисица рассказала тигру всю правду. Как же ему теперь спастись?

И вдруг он громко закричал.

- Спасибо, дорогая лисичка-сестричка! Вчера ты мне обещала привести большого тигра. Теперь я вижу, что ты держишь слово. Какого прекрасного тигра ты мне привела! Ты пришла вовремя, как раз время обедать!

Услышал это тигр, отскочил и, разодрав бедную лисицу, бросился бежать изо всех сил.

В данной сказке рассматривается аксиогенное событие – «Смекалка». Согласно сюжету сказки, тигр впервые встречается оленя. Олень же, догадавшись об этом, решает воспользоваться данной ситуацией и спасти собственную жизнь. Когда тигр спрашивает оленя о пятнах на его шкуре, олень говорит, что они появляются каждый раз, как он съедает тигра. Рассказ олененка изрядно пугает тигра. Лиса решает помочь тигру, но сама становится жертвой своей медвежьей услуги. Из данного аксиогенного события вытекают следующие принципы выживания:

- 1) Смекалка и смелость могут спасти жизнь;
- 2) Осведомленность о враге – сильное оружие;
- 3) Нельзя поддаваться страху, стоит всегда искать выход из ситуации;
- 4) Внешний облик бывает обманчив;
- 5) Сила не всегда может соперничать со смекалкой и смелостью;
- 6) Если ты не осведомлен о чем-либо, слова противника могут иметь большое влияние на тебя.

В данной сказке присутствует и назидательная составляющая: если не можешь победить силой, побеждай умом, смекалкой. Сказки о том, как слабый герой может перехитрить сильного, можно встретить у многих народов.

Согласно В.И.Шаховскому [8], существует три группы единиц, репрезентирующих концепт: номинативные, экспрессивные и дескриптивные. Номинативные единицы – это номинанты, используемые в словарных описаниях концепта, репрезентирующие особенности обыденного сознания, которое отмечено национально-культурной спецификой. Подробно они были рассмотрены при лексикографическом анализе. К единицам дескрипции принято относить фразеологические единицы, объективирующие эмоцию испуга, страха. Считается, что в паремических представлениях находит отражение культурно-национальный опыт этноса и, соответственно, в них зафиксирована специфика восприятия и осмысления исследуемого концепта [3, с.67].

Языковые средства объективации эмоционального концепта «Страх» следуют в совместительстве с единицами, вербализующими физиологические проявления (невербальными маркерами), так как в основе концепта лежит эмоция страха, испуга. Данная эмоция проявляется кинесимическими средствами, то есть мимикой, жестами. Данные маркеры являются значимыми характеристиками эмоции.

В сказке «Тигр, олень и лиса» невербальные признаки страха наблюдаются в следующих предложениях.

1. *Гавазн палангро дид ва аз тарс дар льяш шах шуда монд.
Увидел олененок тигра и от страха замер на месте.*

Испугавшись, надвигающейся угрозы олененок замер на месте. Его тело таким образом отреагировало на чувство страха. Невербальным проявлением эмоции страха было оцепенение.

2. *Тамоми далерии худро чамъ намуда, хост палангро фиреб дихад.
Тогда олененок собрал все свое мужество и решил обмануть тигра.*

Преодолев чувство страха и собрав мужество, герой находит выход из трудной ситуации.

2. *Паланг инро шунида тарсид ва гурехта рафт.
Услышал это тигр, испугался и убежал.*

Реакцией тигра на страх был побег. Услышав, что олень может представлять угрозу его жизни, тигр убежал.

3. *Вале паланг ба гапи ў бовар накард, аз тарс меларзид.
Но тигр ей не поверил и продолжал дрожать от страха.*

Тигр, переживающий страх, начал дрожать. В этом случае концепт реализован через внешнее проявление страха – дрожь (меларзид).

Проявление смекалки и мужества так же можно отнести к результату эмоционального состояния страха героя.

Латифа (краткие юмористические рассказы) относится к малым жанрам прозаического фольклора, который имеет древнюю историю. Особенное распространение данного жанра в письменном и устном виде началось в период средних веков. Одним из ярких его образцов является «Чавомеъ-ул-Ҳикоёт ва Лавомеъ-ур-Ривоёт» Мухаммада Авфӣ, относящийся ко второй половине XII и первой половине XIII веков.

К особенностям данной разновидности фольклорной прозы можно отнести, то что основное событие начинается практически с самого начала, быстро доходит до кульминации, сопровождающейся смехом читателя или слушающего. Латифа обладает следующими характеристиками: простота композиции, быстрота и острота развития сюжета и содержания. Данный жанр является распространенным и излюбленным в народной среде.

Краткие юмористические рассказы таджикского фольклора принято подразделять на три группы:

1. Краткие юмористические рассказы, в которых высмеивается и разоблачается феодальный строй, а именно шахи, эмиры, власть имущие, торговцы и другие эксплуататоры-феодалы.

2. Краткие юмористические рассказы, в которых высмеиваются и разоблачаются хитрость и коварство мулл (духовных лиц): имамов, шейхов.

3. Краткие юмористические рассказы, имеющие нравственный, воспитательный характер. В данных рассказах критикуются отрицательные качества, присущие человеку.

Главными героями кратких рассказов являются такие юмористические персонажи, как Ходжа Насриддин, Мушфиқӣ, Афанди.

Анализируя краткие юмористические рассказы, представленные в сборнике В.Асрори, мы отобрали те, в которых реализуется эмоция страха.

Рассмотрим её на примере краткого юмористического рассказа (латифа) под названием «Мард бошӣ ба чоӣ ман гузашта исто кани» (Если ты настолько бесстрашен, то встань на моё место).

Мушфиқи як вақт золимии амирро тасвир карда як шеър нависта буд. Амир аз ин бохабар шуда, ба чаллод фармуд, ки Мушфиқиро оварда дар пеши назараш қатл кунанд.

Мушфиқиро ёфта оварданд. *Аз даҳшат тамоми аъзои бадани Мушфиқи меларзид. Яке аз аҳли дарбор ба ин холи Мушфиқи хандида гуфт:*

- Ин чӣ номардӣ ва буздилӣ! Аз мурдан одам ҳамин қадар метарсад-чӣ?!

- Агар ту мард бошӣ, биё ба чоӣ ман гузашта исто-кани! – гуфт Мушфиқи.

В данном юмористическом рассказе говорится о том, как юмористический персонаж Мушфиқи в своем стихотворении описал жестокость эмира. Узнав об этом, эмир приказал казнить Мушфиқи.

Мушфиқи нашли и привели к правителю. *Он дрожал всем телом от ужаса.* В этот момент один из придворных, усмехнувшись, сказал:

- Что за малодушие и трусость?! Неужели человек так сильно боится смерти?

- Если ты настолько мужественен (бесстрашен), можешь встать на мое место! – сказал Мушфиқи.

В данном рассказе объективация переживания ужаса передается через описание дрожи по телу. В предложении: «*Аз даҳшат тамоми аъзои бадани Мушфиқи меларзид*»

мы можем наблюдать внешнее проявление страха героя. Мы можем выделить преодоление страха на лексическом уровне, когда герой отвечает придворному: «*Агар ту мард бошӣ, биё ба ҷои ман гузашта исто-канӣ! – гуфт Мушфиқӣ*».

Анализ внешнего проявления страха «*аз даҳшат тамоми аъзои бадани Мушфиқӣ меларзид*» выявил связь эмоции страха с образом холода.

Образ холода лежит в основе концепта «Страх» в таджикской лингвокультуре. Существует выражение: «аз тарс ларзидан», что соответствует выражению на русском языке: «дрожать от страха».

В результате анализа прецедентных текстов нам удалось выявить вербальную и невербальную реализацию концепта «Страх» в таджикской языковой картине мира. Одним из невербальных проявлений является дрожь, которую можно определить как внешнюю реакцию организма на эмоцию страха. В сказках о животных так же встречается внешняя реакция на эмоцию страх, которая проявляется в побеге. Столкнувшись с объектом, вызывающим страх, один из героев сказки предпочитает убежать.

Герои, анализируемых фольклорных текстов испытывают целую палитру эмоций, связанных друг с другом. Ключевой причиной страха, возникающего у героев, является смерть. Реакция каждого героя отражает специфичное восприятие эмоции страха отдельными людьми. Происходящие события вселяют в героев тревогу, одновременно подталкивая преодолеть возникшие сложности. В случае с оленем, героем сказки «Тигр, олень и лисица», состояние страха помогло ему защитить себя, что можно определить, как положительную сторону страха. У остальных героев страх оказывает исключительно отрицательное влияние на физическое и психологическое состояние.

Литература

1. Асрори В. Малые жанры таджикского фольклора. – Душанбе; Маориф, 1990. – 255с.
2. Давлатмирова М.Б. Национально-специфические особенности макроконцепта «Судьба» в арабских сказках «Тысяча и одна ночь» // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». – Душанбе: ТНУ, 2019. – №1. – С.13-20.
3. Катермина В.В. Концепт “Ноғор” и языковая личность Стивена Кинга // Actual issues of modern philology and journalism. – 2017. – №3(26). – С.65-71.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003. – 287 с.
5. Левин И. Свод таджикского фольклора. Басни и сказки о животных. Т.1. / И.Левин, Дж.Рабиев, М.Явич. – М.: Глав.ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1981. – 389 с.
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С.40-43.
8. Шаховский В.И. Эмоциональная/эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты?). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/016/2_16.pdf

OBJECTIVATION OF THE CONCEPT "FEAR" IN FAIRY TALES AND SHORT HUMORISTIC STORIES (LATIFA) OF THE TAJIK PEOPLE

Aminova Farangis Sharifovna

Postgraduate student of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 904 10 35 53 (m.)
aminova.f@inbox.ru

In the article, an analysis of precedent texts of Tajik folklore is given, and axiogenic situations are identified that are considered as the basis of the value picture of the world. Tales and short humorous stories (latifa) of the Tajik people, which reflect the component "Tars" (fear), were chosen as material. The study of these texts makes it possible to establish the culturally significant characteristics of the concept in the Tajik linguistic picture of the world. As a result of the analysis, the linguistic means of objectification of the emotional concept "Fear" were revealed. These means are used in conjunction with units that verbalize physiological manifestations (non-verbal markers), since the concept is based on the emotion of fear, fear. This emotion is manifested by kinesemic means, that is, facial expressions, gestures that form one (after the verbal) channel of information transmission.

Keywords: fear; case texts; axiogenic situations; Tajik linguistic culture; kinesemic means; markers.

ОБЪЕКТИВИКУНОНИИ КОНСЕПТИ «ТАРС» ДАР АФСОНАҲО ВА ЛАТИФАҲОИ ХАЛҚИ ТОЧИК

Аминова Фарангис Шарифовна

Аспиранти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 904 10 35 53 (м.)
aminova.f@inbox.ru

Дар мақола таҳлили матнҳои баҳсноки фолклори тоҷикӣ оварда шуда, ҳолатҳои аксиогенӣ, ки ҳамчун асоси манзараи арзишии ҷаҳон баррасӣ карда мешаванд, мавриди таҳлил қарор дода шудаанд. Ба сифати мавод афсонаҳо ва латифаҳои халқи тоҷик интиҳоб карда шудаанд, ки дар онҳо ҷузъи «Тарс» инъикос ёфтааст. Омӯзиши матнҳои мазкур барои муқаррар кардани тавсифҳои аз ҷиҳати фарҳангӣ аҳамиятноки концепти мазкур дар манзараи забонии ҷаҳони забони тоҷикӣ имконият медиҳад. Дар натиҷаи таҳлил воситаҳои забонии объективикунони концепти эҳсосоти «Тарс» ошкор карда шуданд. Воситаҳои мазкур дар якҷоягӣ бо воҳидҳои меоянд, ки ҳодисаҳои физиологиро тавассти маркерҳои ғайризабонӣ вербализатсия мекунанд, зеро дар асоси концепт эҳсоси тарсу ҳарос ниҳон аст. Эҳсосоти мазкур ба воситаи воситаҳои кинесимикӣ, яъне имову ишора ифода меёбанд ва як канали интиқоли иттилоӣро (пас аз канали забонӣ) ташкил медиҳанд.

Калидвожаҳо: тарс; матнҳои баҳснок; ҳолатҳои аксиогенӣ; фарҳанги забонии забони тоҷикӣ; воситаҳои кинесимикӣ; маркерҳо.

УДК 81' 255.2=222.8

**ТРАНСКРИПЦИЯ И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ АНТРОПОНИМОВ И ТОПОНИМОВ
РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИХ ПЕРЕВОДЕ НА ТАДЖИКСКИЙ (НА ПРИМЕРЕ
РОМАНА Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)**

Хабибов Асомуддин Одинаевич

Докторант PhD кафедры грамматики и теории перевода
Таджикский государственный институт языков имени Сотима Улугзода
734019, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мухаммадиева, 17/6
Тел.: (+992 37) 232 50 00; 232 50 03

В статье рассматриваются особенности и способы передачи имён собственных и географических названий романа «Преступление и наказание» при переводе на таджикский язык. Несмотря на то, что таджикский алфавит базируется на русской графике, отмечаются существенные отличия русского алфавита от таджикского. Подчёркиваются специфика согласных таджикского языка *б, в, г, д, з, к, м, п, с, т, ф, ч, ю*, которые в отличие от русских согласных не смягчаются перед йотированными, и особенности *в, з, ж, м, н, р, л*, не оглушающихся в конце слова. Кроме того, обращается внимание на то, что шипящие *ж* и *ш* в таджикском языке всегда мягкие. Упоминается веляризация в русском языке звуков *л, г, к, х*, которые существенно отличаются от *н* в таджикском языке. Выявлено, что при практической транскрипции и транслитерации с русского языка на таджикский помимо всех существующих расхождений в фонетико-графической системе данных языков подавляющее большинство антропонимов и топонимов романа «Преступление и наказание» максимально сохраняют свой звукобуквенный облик. Объясняются неточности в передаче имён собственных при переводе на таджикский язык. Исследование показывает, что при передаче антропонимов и топонимов с русского языка на таджикский самыми распространёнными способами на данном этапе современного переводоведения остаются транскрипция и транслитерация. Вместе с тем, анализ примеров подтверждает, что более удачным в данном случае является транслитерация, а не транскрипция. В заключение делается вывод о необходимости пересмотра нерешённых вопросов при транскрипции и транслитерации собственных имён и названий с русского языка на таджикский, связанных с фонетическими законами данных языков.

Ключевые слова: транскрипция; транслитерация; антропоним; топоним; «Преступление и наказание»; переводческая практика; современное переводоведение.

При передаче антропонимов и топонимов в межязыковом переводе ключевым моментом является факт расхождения алфавита языка-источника с алфавитом языка-приемника, и на современном этапе для решения этой проблемы в переводоведении применяются методы транскрипции и транслитерации, но в особых случаях антропонимы и топонимы могут подвергаться и переводу.

Об определении транскрипции и транслитерации как методе передачи собственных имён и географических названий существует огромная литература, что существенно облегчает нашу задачу.

«Такой вид перевода, при котором соответствие между единицами ИЯ и ПЯ устанавливается на уровне фонем, носит название переводческой (или практической) транскрипции» [2, с.176].

Иными словами, транскрипция – это пофонемное воссоздание собственного имени или географического названия с языка-источника графическими средствами языка-приемника.

«Транслитерация (от лат. *trans* – через и *littera* – буква) – побуквенная передача текстов и отдельных слов, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы, базируясь на к.-л. алфавите» [16, с.518].

В переводческой литературе транскрипция и транслитерация применяются как синонимы, и в переводческой практике данные приёмы в чистом виде встречаются редко, т.е. транскрипция применяется в сочетании с транслитерацией, поскольку они тесно связаны с графическими и фонетическими законами исходного и переводящего языков. Исходя из этого, в данном исследовании, которое посвящено переводу собственных имён и топонимов романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» с русского языка на таджикский, мы посчитали целесообразным рассмотреть транскрипцию в сочетании с транслитерацией, т.к. первая передаёт звуковой облик собственного имени или названия, а второй – графическую форму.

Поначалу может показаться, что в практической транскрипции и транслитерации топонимов и антропонимов с русского языка на таджикский нет ни малейшей трудности на том основании, что таджикский алфавит базируется на русской графике, однако это не следует понимать как механическую подстановку под каждой буквой и каждым звуком русского алфавита букв и звуков таджикского алфавита, поскольку общий процесс эволюции таджикского языка привёл к преобразованию в области вокализма и консонантизма, в результате которого количество гласных фонем сократилось до шести.

В.В.Виноградов отмечает: «Итак, вроде бы всё просто: если переводчик работает с двумя языками <...> с одинаковой графикой, то имя без изменений переносится из оригинала в перевод. Однако даже в этом простом деле появляются свои трудности и исключения из правил» [4, с.151].

Если мы углубимся в историю эволюции таджикского алфавита, то мы увидим, что он претерпел существенные изменения, когда «арабское завоевание (VII-VIII вв.) и, как его следствие, господство арабского халифата привели к упадку среднеперсидской (пехлевийской и манихейской) письменности. Основой письменности и литературного языка на всей территории Ирана, Афганистана и Средней Азии почти на два столетия стал арабский. В Хорасане и Мавераннахре в IX-X вв. сформировался письменный литературный язык *pārsī*, *pārsī-yi darī* или просто *darī*, как его называли (в арабской форме *pārsī*, *pārsī-yi darī*)» [10, с.5-6].

В связи с этим антропонимическая и топонимическая система таджикского языка заменилась на арабскую модель. А.В.Суперанская в своей книге выделяет 8 моделей антропонимов в арабском языке, 6 из которых сохранились в персидско-таджикском классическом языке.

Арабская письменность просуществовала в течение несколько веков, но представители народов, которые приняли данную письменность, обращали особое внимание на существенные ее недостатки. Среди персов, прекрасно понимавших недостатки арабской письменности, был великий учёный-энциклопедист Абурайхан Беруни.

Б.С.Асимова в своём труде «Языковое строительство в Таджикистане» (1920-1940 гг.) указывает на 24 недостатка арабского алфавита, основными среди которых являются отсутствие гласных букв, наличие различного письма (наسخ, настаълик, шикаста и т.д.), различное написание некоторых согласных и наличие диакритических знаков, от выпадения которых искажается смысл слов и т.д. [1, с.30-31].

В связи с этим «в 1940 г. таджикский язык, как и другие языки народов Советского Союза, в целях унификации письменности был переведён на русскую графику. Известной помехой в этом была арабская графика, плохо приспособленная к таджикской фонетике, трудная для усвоения и потому не способствовавшая быстрому внедрению грамотности среди населения» [10, с.8-9].

В этот период антропонимическая система таджикского языка, существенно изменилась. Из арабских заимствований сохранился суффикс -й для образования личных имён, фамилий, отчеств и прозвищ.

«Для образования собственных имён, фамилий, отчеств и прозвищ в таджикском языке существуют определённые способы. Так, при помощи суффикса -й образуются и прозвище, и фамилия, и отчество: Рудақӣ, Ҷомӣ (прозвище), Зарифӣ, Раҳимӣ, Ансорӣ, Асрорӣ (фамилия и отчество). Фамилии и отчества образуются также при помощи слов -зода, и -зод: Турсунзода, Мирзозода, Раҳимзода, Афсаҳзод, Шарафзод и т. д.

В современном таджикском языке фамилии и отчества, главным образом, образуются при помощи суффиксов -ов, -ев, -ова, -ева, -ович, -евич, -овна, -евна, заимствованных из русского языка: Одил Зокирович Собиров, Зафар Шукурович Шодиев, Дилбар Латиповна Бозорова, Зебо Кабировна Абдуллоева» [6, с. 58].

Роман «Преступление и наказание» Ф.М.Достоевского был переведён на таджикский язык в 1984 году, т.е. в советское время, и в этот период алфавит таджикского языка имел следующий буквенный состав: «Знаки таджикского алфавита располагаются следующим образом: а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ь, э, ю, я, ғ, ӣ, қ, ў, ҳ, ҷ» [17, с. 213].

Как видим, таджикский алфавит, на первый взгляд, по графическому облику ничем не отличается от русского алфавита, кроме 6 добавленных букв – ғ, ӣ, қ, ў, ҳ, ҷ. Однако по звуковой природе в них присутствует много различий.

В отличие от русского языка согласные таджикского алфавита б, в, г, д, з, к, м, р, с, т, ф, ч не смягчаются перед и и е; в, з, ж, м, н, р, л не оглушаются в конце слова; шипящие ж и ш в таджикском языке всегда мягкие: *мижа, ширин, шаш, жарф*, – и переднеязычный согласный н после к, г произносится как заднеязычный согласный, например в словах *ангур, санг, анкабут* и т.д. По-другому этот звук называется веляризованным, т.е. при произношении н после к, г задняя часть спинки языка поднимается к мягкому нёбу. Этот звук похож на английский звук [ŋ]. Веляризация в русском языке звуков л, г, к, х существенно отличается от н в таджикском языке. Вместе с тем, «буквы ц, щ, ы употребляются в словах, заимствованных из русского языка: *цирк, Щорс, вышка*. Буква ь пишется в словах арабского происхождения там, где стояли айн или гамза: *маълум* “известный”, *қалъа* “крепость”, *маъмур* “назначенный”. Кроме того, она имеется в словах, заимствованных из русского языка: *разъезд, подъезд*. Буква ь в таджикских словах используется как разделительный знак перед ё, ю, я: *даръё*, “река”, *афъюн* “опиум”, *такья* “опора”» [17, с.213]. Рамки короткой статьи не позволяют рассмотреть все расхождения в системе консонантизма и вокализма русского и таджикского языков.

Обращаемся к роману «Преступление и наказание».

Имя *Алена Ивановна* передано на таджикский язык при помощи транскрипции и транслитерации, но в таджикском варианте допущена небольшая неточность в передаче “ё”. Дело в том, что в русском языке данная буква иногда пишется без диакритических знаков, но это не типично для таджикского языка и поэтому точнее было бы передать как *Алёна*.

В процессе перевода с одного языка на другой потери неизбежны, поэтому помимо существующих расхождений между таджикским и русским языками при практической

транскрипции и транслитерации неизменными остаются буквы: б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ш, ч, а, о, и, у, э, о, е, ё, ю, я. Следовательно, при переводе собственных имён романа «Преступление и наказание» с русского языка на таджикский в именах: *Афанасий Иванович Вахрушин, Дарвин, Амалия Людвиговна, Аркадий Иванович Свидригайлов, Матвей, Гертруда Карловна Ресслих, Катерина Ивановна, Разумихин, Клопшток Иван Иванович, Никодим Фомич, Лужин, Пушкин, Тургенев*, и др. – наблюдается полное соответствие.

Существенное различие наблюдается при передаче мягких согласных, к примеру, звук «в» в фамилии *Мармеладов* в русском произношении оглушается и произносится как «ф», а буква «о» опускается [мармелад'ф], фамилия *Добролюбов* произносится как [дабралюб'ф]. Это касается и имён *Елагин, Пестряков, Крюков, Генерал Кобелев* и др. Такой интонационный рисунок не типичен для таджикского языка. В системе консонантизма таджикского языка нет мягких согласных, поэтому в именах *Вяземский, Катерина, Крюков, Пестряков, Соня* согласные перед йотированными не смягчаются, с другой стороны нарушается фонетическое и акцентологическое варьирование.

Однако «в тех случаях, когда графическая основа текста подлинника и текста перевода идентичны (как у большинства латинописущих народов), собственные имена обычно даются в подлинном написании, независимо от того, как они должны читаться по правилам чтения языка перевода» [11, с.318].

Таким образом, подавляющее большинство антропонимов романа «Преступление и наказание» в переводе с русского языка на таджикский максимально сохраняют свой звукобуквенный облик несмотря на существующее различие между «ы» и «и» в именах *Андрей Семеныч Лебезятников, Нил Павлыч Кобылятников или Романыч* (разговорная форма имени *Родион Романович*), а также прямое графическое соответствие русской букве *щ* (в именах *Щегольской, Радищев*). Буква *ь* в таджикском языке советского периода использовалась как разделительный знак перед *е, ё, ю, я*, но в именах *Пульхерия Раскольникова, Шлезвиг Гольдштейн, Гоголь, Лазарь, Рафаэль Мадонна, Безземельная* эта буква не выполняет разделительную функцию, а указывает на мягкость согласного перед ней, и это объясняется тем, что таджикский язык допускает фонетическую адаптацию при переводе антропонимов и топонимов.

При транскрипции и транслитерации собственных имён происходят фонетические и графические подмены, при которых две и более фонемы или графемы ИЯ заменяются одной фонемой или графемой ПЯ и наоборот. Например, арабские *س ص ث* заменяются в русском и таджикском языках единственной фонемой и графемой *с*, а *ق ك* заменяются в русском языке фонемой и графемой *к*, *ذ ظ ز ض* заменяются в называемых языках единственной фонемой и графемой *з* и т. д.

Такая картина наблюдается в таджикском и русском языках. Например, русские фонемы и графемы *щ* и *ш* заменяются в таджикском языке единственной фонемой *ш*, а *ц* заменяется в таджикском языке диграфом *тс* или фонемой *с*; *ы* заменяется фонемой *и*, и как раз наоборот – фонема *ч* заменяется в русском языке диграфом *дж*, а фонемы *к*, *г* и *у* заменяются в русском языке единственными фонемами *к*, *ч* и *у*. Однако данный способ передачи не был принят во времена перевода романа на таджикский язык, и именно поэтому в вышеприведённых примерах звукобуквенные знаки *ц, ш, ы* переданы в исходном варианте.

Таким образом, «варьирование многих имён в тексте перевода связано с возможностями <...> алфавита, при помощи которого нельзя обозначать некоторые признаки, имеющие фонематическое значение в языке-источнике» [8, с.160].

Среди антропонимов особую группу составляют уменьшительно-ласкательные имена с суффиксами субъективной оценки, иначе диминутивы.

«Диминутивы в романе «Преступление и наказание», в первую очередь, служат средствами создания образов персонажей произведения, то есть выполняют характерологическую, изобразительную функцию, а также функцию оценки, которая «связана с выражением при помощи языковых средств оценочной позиции говорящего по отношению к предмету речи» [7, с.18-21].

В данном романе диминутивы демонстрируют широкий спектр эмоционально-оценочных значений, а также пренебрежительность, негативную характеристику персонажа или ласковое отношение к ним. Эти диминутивы в основном выражены именами прилагательными.

«В таджикском языке для образования уменьшительно-ласкательных имён с суффиксами субъективной оценки или диминутивов употребляются суффиксы *-ча, -ак, -як, -ича, -хон* с эмоциональными оттенками значений уменьшительности, ласки, радости или неуважительности, насмешки, близости. Ласкательное значение в таджикском языке выражается и при помощи суффикса *-шон*, но если этот суффикс является частью собственных имён, то теряет своё ласкательное значение» [6, с.117-118].

Использование данных суффиксов при переводе диминутивов с русского языка на таджикский нецелесообразно. К примеру, мы не можем рус. *Сонечка* передать тадж. *Соняхон* или *Сонечкахон*, поскольку эти суффиксы (таджикские или русские) являются носителями некоторого отблеска национального колорита и русские имена при этом теряют своё определённое национальное своеобразие. И именно поэтому при переводе диминутивов *Афросиньюшка, Митька, Пашенька, Дунечка, Поленька и Аниська* переводчик применяет метод транслитерации, который в данном случае является уместным.

Название песни «Хуторок» транслитерировано как *Хуторча* с заменой суффикса *-ок* с уменьшительным и смягчающе-экспрессивным значением на таджикский суффикс *-ча*, который вполне заменяет семантическую нагрузку суффикса *-ок*, и его применение в данном случае является оправданным.

«Заключенная в значимых именах смысловая и эмоциональная информация должна быть «проявлена». Поэтому переводчик стремится к сохранению в переводе его эмоциональной силы. В современной переводческой практике тенденция переводить смысловые имена является весьма заметной» [4, с.162-163].

Из сказанного вытекает, что переводу подвергается иногда второй составляющий элемент собственных имён. К таким именам относятся *Иван Великий, Христос и Евангелия*, которые переведены как *Ивани Кабир, Исои Масех и Инчил*.

Следующий пример можно считать случаем удачного подбора переводчиком аналога фразеологизма *при царе Горохе – замонҳои Дақёнус*, в котором полностью отражается цель автора.

– Это я в этот последний месяц выучился болтать, лёжа по целым суткам в углу и думая... *о царе Горохе*. – Ман дар ҳамин як моҳи охир шабу рӯз дар як кунҷи хучра хобида хаёлу андешаи *замонҳои Дақёнусро* карда... лақиданро омӯхтаам.

В романе «Преступление и наказание» особого внимания заслуживает перевод имени героя Ильи Петровича по прозвищу Порох. «А зачем меня поручик *Порох* допрашивал после обморока?» — Поручик Огаш баъди баъди беҳуш шуда афтоданам барои чӣ маро пурсиш карда буд?

Слово *порох* имеет следующие значения: а) взрывчатое вещество, применяемое для изготовления снарядов и т.д. б) о пылком или вспыльчивом человеке [14, с.305].

Как отмечает С.Белов, «у Достоевского нет ничего случайного. Все им продумано и в подборе имён и фамилий героев» [3, с.37-40].

Илья Петрович не случайно носит прозвище Порох. По характеру Илья Петрович был взрывной, грозный и вспыльчивый человек «- Опять грохот, опять гром и молния, смерч, ураган! <...> я вам скажу, человек, он порох, порох! Вспылел, вскипел, сгорел — и нет!». Именно поэтому данный герой носит прозвище Порох.

Слово *порох* переводится на таджикский язык как: «борут, доруи милтик, зудранч, тундмизоч, тундхӯ» [12, с.803]. Однако переводчик перевёл его как *Оташ*, что в переводе на русский язык означает *огонь* или в переносном значении вспыхнуть, вспылить, рассердиться, разгневаться. Такой перевод невозможно считать целесообразным, поскольку, с одной стороны, «если имя, отчество и фамилия обычно транскрибируются, то прозвище, напротив, мы стремимся перевести или передать иным путём с учётом его смыслового содержания» [5, с.211].

Однако в таджикской именной традиции имена на основе «оташ» (огонь) имеют совсем другое значение, и данный перевод приведёт к недопониманию смысла внутренней формы имени. В истории персов огонь имел особое значение и почитался ещё в зороастризме. «Особое место в поведении человека, исповедующего зороастризм, занимает отношение к огню, воде, земле: человек должен постоянно заботиться о них и охранять их чистоту» [9, с.29]. Персы, особенно иранцы воздвигали алтари для защиты огня и считали огонь источником жизни, света и процветания.

В таджикской ономастике широко используется семантика огня. К производным именам от слова огонь в смысле источника жизни относятся следующие: *Оташ* (огонь), *Озар* (пламя) *Озарраху* (небесное пламя) *Озарак* (маленькое пламя) и т.д.

В.Виноградов в связи с этим вопросом пишет следующее: «Итак, смысловые имена собственные переводятся. Но если бы даже это считалось правилом, из него были бы важные и существенные исключения. Ведь Дон Кихот и Санчо Панса, Грангузье и Гаргамелла – тоже значимые антропонимы: Quijote – это, во-первых, «часть рыцарских лат, защищающая бедра», во-вторых, «круп лошади», наконец, «попона»; Panza – «брюхо, пузо»; Grandgousier – «большая глотка», а Gargamelle – «глотка». Однако эти имена транскрибированы, а не переведены. Правила вовсе не указывают какого бы то ни было шаблона и бездумного подхода к воссозданию смысловых имён» [4, с.176].

Таким образом, перевод прозвища *Порох* на *Оташ* нельзя считать удачным, поскольку для читателя, с одной стороны, важно, как прозвище звучит на языке оригинала, с другой – важно понимать его значение и происхождение, и в данном случае транслитерация является единственным способом передачи оригинального звучания, а для раскрытия внутреннего содержания прозвища необходимо дать комментарий в постраничной сноске, чтобы таджикскому читателю было понятно внутреннее содержание оригинала.

Подавляющее большинство собственных имён романа «Преступление и наказание» в переводе с русского на таджикский язык переданы посредством транслитерации, в том числе и топонимы. Как правило, для передачи общеизвестных географических названий (топонимов) нет особо установленных правил. «По традиции, одни топонимы передаются путём транскрипции <...> другие переводятся...» [5, с.217].

«Вторую группу иностранных слов, которую надо выделить, составляют географические названия. Она, в свою очередь, распадается на две подгруппы: 1) названия, часто употребляющиеся, имеющие вековую традицию и в языке, и на письме, а потому, в сущности, не являющиеся иностранными словами. Их, конечно, не следует трогать, и

нужно писать: Вена, Париж, Лондон, Рим Копенгаген, Брюссель, Кассель, Геттинген, Гольфшторм, Дувр, Гельсингфорс и т.д....» [15, с.155].

В романе «Преступление и наказание» в число таких топонимов входят: Англия, Петербург, Вознесенск, Москва, Починкова, Швейцария, Вифания, Севастополь и др., – которые переносятся без изменения. Данные топонимы не требуют особого пояснения с расчётом на то, что они известны образованному миру и транскрибированы в соответствии с фонетическими нормами русского и таджикского языков.

Примеры перевода топонимов:

1. Именно он: он никак не мог понять и объяснить себе, почему он, усталый, измученный, которому было бы всего выгоднее возвратиться домой самым кратчайшим и прямым путём, воротился домой через *Сенную площадь*, на которую ему было совсем лишнее идти. – Яъне: вай мутлақо ба хамин ҳол сарфаҳм рафта ва онро ба худ ва онро ба худ маънидод карда наметавонист, ки барои чӣ вай дар ҳоле ки хастаҳоли бемадор буд ва аз ин рӯ, ба хонааш аз роҳи рост ва кӯтоҳтарин бароғаштан салоҳи кор буд, ба воситаи *Майдони Сеная* бароғаштаас, ва ҳол он ки мутлақо хочати аз он роҳ рафтаниш набуд.

2. Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить *Летний сад* на все *Марсово поле* и даже соединить с *дворцовым Михайловским садом*, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь. – Тадричан дар дили ӯ чунин ақида пайдо шуд, ки агар *Боги Тобистонаро* васеъ карда саросари *майдони Марсро* фаро гирад в хатто ин боғро бо *боги дарбории Михайловск* пайвандад, як чизе олиҷанобе барои шаҳр *фондабахштарине* мешуд.

3. На *Кире Персидском* остановились. – Ба шоҳи *эрониён Куруш* омада мондем.

Как видим, в данных примерах топонимы переведены и частично транслитерированы. В первом примере основная часть *Сенная* – название транслитерировано, вторая часть переведена на существующую таджикскую аналогию *майдон*, это касается и топонимов *Марсово поле* – *Майдони марс* и *дворцовым Михайловским* – *боги дарбории Михайловск*, во втором примере *Летний сад* – *Боги Тобистона* переведён путём буквального перевода, что понятно таджикскому читателю. Третий пример так же переведён, однако в его таджикском варианте допущена небольшая неточность: во второй части *Персидском* точнее было бы *Форсҳо*, поскольку «Кир II Великий (др.-перс. Куруш) – в древней Персии царь» [13, с.252]. Иначе говоря, Кир Великий был первым императором Персии, а не только иранцев.

Таким образом, в эту группу входят названия *Пяти углов*¹ – *Панҷ Гуша*, *Васильевский остров* – *Ҷазираи Васильев*, *Юсупов сад* – *боги Юсупов*, *Новый Иерусалим* – *Қуддуси Шарифи Нав*, *Новый завет*² – *Аҳди Ҷадид* и т. д.

Затруднительным и непонятным для таджикского читателя мог бы быть перевод *Пале де Кристаль*, который показан в следующем примере.

– Завтра вечером я его гулять веду! – решил Разумихин, – в Юсупова сад, а потом в «*Пале де Кристаль*» зайдём. – Пагоҳ бегоҳӣ ман вайро ба сайру гашт мебарорам! – гуфт Разумихин, – ба боғи Юсупов, сонӣ ба «*Пале де Кристаль*» мебароем.

Пале де Кристаль – это французское название гостиницы с рестораном в Петербурге, которое передано путём транслитерации, однако данное название в романе «Преступление и наказание» встречается и в форме перевода «*Хрустальный дворец*», кото-

¹ Название улицы.

² Новый Завет – собрание книг, представляющее собой одну из двух, наряду с Ветхим Заветом, частей Библии.

рый переведен на таджикский язык как «*Қасри булӯрин*». Переводчик, чтобы донести смысл до читателей, даёт комментарий в постраничной сноске.

В заключение следует сказать, что транскрипция и транслитерация как приём передачи антропонимов и топонимов с русского языка на таджикский являются основными приёмами на данном этапе современного переводоведения за исключением некоторых случаев, связанных с внутренними значениями собственных имён и названий, которые подвергаются переводу. Вместе с тем анализ примеров показывает, что наиболее удачным для передачи антропонимов и топонимов с русского на таджикский из данных приёмов является транслитерация, кроме тех имён и названий, которые имеют устойчивую традиционную форму в языке-источнике.

Исследование также показывает, что необходим пересмотр нерешённых вопросов на современном этапе, связанных с передачей антропонимов и топонимов с русского языка на таджикский, что, в свою очередь, связано с фонетическими законами данных языков.

Литература

1. Асимова Б.С. Языковое строительство в Таджикистане (1920-1940). – Душанбе: Дониш, 1982. – 152с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240с.
3. Белов В.С. Неслучайные слова и детали в «Преступлении и наказании» // Русская речь. – М., 1975. – №1. – С. 37-40.
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во ин-та общ. ср. образ. РАО, 2001. – 224с.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 351с.
6. Го Чжинань, Го Юйцзинь, Гао Ни. Функции уменьшительно-ласкательных образований в романе «Преступление и наказание» // Грамота. – Тамбов, 2019. – №6. – С. 18-21.
7. Горбачевский А.А. Имя собственное в тексте перевода // Ономастика Поволжья: тезисы докладов VIII Междунар. конф. (Волгоград, 8-9 сент. 1998 г.) / отв. ред. и сост. В.И.Супрун. – Волгоград: Перемена, 1998. – С.159-161.
8. Грамматика современного таджикского литературного языка. – Душанбе: Дониш, 1985. – 356с.
9. Дорошенко А.Р. Зороастрийцы в Иране. – М.: Наука, 1982. – 133с.
10. Основы иранского языкознания. – М.: Наука, 1982. – Т. 3. – 562с.
11. Реформаторский А.А. Перевод или транскрипция? // Восточнославянская ономастика: Сб. статей / под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1972. – С. 311-332.
12. Русско-таджикский словарь / под ред. М.С.Асимова. – М.: Рус. яз., 1985. – 1280с.
13. Словарь русского языка. в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1987. – Т. 3. – 752с.
14. Советская историческая энциклопедия. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1965. – Т.7. – 520с.
15. Щерба Л.В. Транскрипция иностранных слов и собственных имён и фамилий // Избранные работы по языкознанию и фонетике: отв. ред. М.И.Матусевич. – Л.:1958. – Т.1. – 182с.
16. Языки народов СССР. – М.: Наука, 1966. –Т. 1. – 660с.
17. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685с.

**TRANSCRIPTION AND transliteration OF ANTHOROPONYMS AND
TOPONYMS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THEIR TRANSLATION
INTO TAJIK (ON THE EXAMPLE OF NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT"
BY F.M.DOSTOEVSKY)**

Khabibov Asomuddin Odinaevich

PhD candidate of the chair of grammar and translation theory
Tajik state institute of languages of Sotim Ulughzoda
734019, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Mukhammadiev, 17/6
Ph.: (+992 37) 232 50 00; 232 50 03

The article deals with the features and methods of transferring proper names and geographical names of the novel "Crime and Punishment" when translated into the Tajik language. Despite the fact that the Tajik alphabet is based on the Russian graphics, there are significant differences between the Russian alphabet and the Tajik. The specificity of the consonants of the Tajik language *б, в, з, д, з, к, м, п, с, т, ф, ч, ю*, are emphasized, which, unlike Russian consonants, are not softened before iotated ones, and especially *в, з, ж, м, н, п, л*, not stunned at the end of a word. In addition, attention is drawn to the fact that the hissing *ж* and *ш* in the Tajik language are always soft. Velarization in the Russian language is mentioned of the sounds *л, з, к, х*, which differ significantly from *н* in the Tajik language. It was revealed that with practical transcription and transliteration from Russian into Tajik, in addition to all existing discrepancies in the phonetic-graphic system of these languages, the overwhelming majority of anthroponyms and toponyms of the novel "Crime and Punishment" retain their sound-letter appearance as much as possible. Inaccuracies in the transfer of proper names when translated into Tajik are explained. The study shows that when transferring anthroponyms and toponyms from Russian into Tajik by the most common methods, at this stage of modern translation studies, transcription and transliteration remain. At the same time, the analysis of examples confirms that transliteration rather than transcription is a more successful technique in this case. In conclusion, it is concluded that it is necessary to revise the unresolved issues in the transcription and transliteration of proper names and names from Russian into Tajik, related to the phonetic laws of these languages.

Keywords: transcription; transliteration; anthroponym; toponym; "Crime and Punishment"; translation practice; modern translation studies.

**ТРАНСКРИПСИЯ ВА ТРАНСЛИТЕРАТСИЯИ АНТОРОПОНИМҲО
ВА ТОПОНИМҲОИ ЗАБОНИ РУСӢ ЗИМНИ ТАРҶУМАИ ОНҲО БА
ЗАБОНИ ТОҶИКӢ (ДАР МИСОЛИ РОМАНИ Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ
«ЧИНОЯТ ВА ҶАЗО»)**

Ҳабибов Асомуддин Одинаевич

Докторанти PhD кафедраи грамматика ва назарияи тарҷумаи
Донишкадаи давлатии забонҳо ба номи Сотим Улуғзода
734019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Муҳаммадиев, 17/6
Тел.: (+992 37) 232 50 00; 232 50 03

Дар мақола хусусиятҳо ва тарзҳои ифодаи исмҳои хос ва номҳои ҷуғрофӣи романи «Чиноят ва ҷазо» зимни тарҷумаи онҳо ба забони тоҷикӣ мавриди баррасӣ қарор дода шудаанд. Новобаста

аз он, ки дар забони тоҷикӣ алифбо ба хати русӣ асос меёбад, дар он фарқияти назарраси алифбои русӣ аз тоҷикӣ зикр мегардад. Хусусиятҳои ҳамсадоҳои забони тоҷикӣ *б, в, г, д, з, к, м, р, с, т, ф, ч, ю* зикр карда мешавад, ки онҳо дар фарқият аз ҳамсадоҳои русӣ пеш аз овозҳои ёдбарсар мулоим намешаванд ва хусусиятҳои ҳамсадоҳои *в, з, ж, м, н, р, л*, дар охири калима бечаранг намегарданд. Ғайр аз ин, тавачҷуҳи муаллиф ба он нигаронида шудааст, ки ҳамсадоҳои бечаранги забони тоҷикӣ *ж* ва *ш* в тоҷикӣ ҳамеша мулоим ҳастанд. Барои забони русӣ хос будани веляризатсияи овозҳои *л, г, к, х*, ки аз овози *н* дар забони тоҷикӣ куллан фарқ мекунанд, зикр мегардад. Ошкор карда шудааст, зимни транскрипсия ва транслитератсияи амалӣ аз забони русӣ ба забони тоҷикӣ ба ғайр аз ҳамаи фарқиятҳои мавҷудаи низоми овозию хаттии ин забонҳо аксарияти антропонимҳо ва топонимҳои романи «Ҷиноят ва ҷазо» ба таври максималӣ намуди овозию ҳарфии худро нигоҳ медоранд. Ноаниқҳои ифодакунии исмҳои хос ҳангоми тарҷумаи онҳо ба забони тоҷикӣ қайд карда шудаанд. Таҳқиқот нишон медиҳад, ки ҳангоми ифода кардани антропонимҳо ва топонимҳо аз забони русӣ ба забони тоҷикӣ тарзу усулҳои маъмултарини ифодашавӣ дар давраи кунунии тарҷумашиносии муосир транскрипсия ва транслитератсия боқӣ мемонанд. Дар баробари ин, таҳлили мисолҳо тасдиқ месозад, ки усули аз ҳама дуруст транслитератсия, на транскрипсия мебошад. Дар охир доир ба зарурати аз нав дида баромадани масъалаҳои ҳалношудаи транскрипсия ва транслитератсияи исмҳои хос ва номҳо аз забони русӣ ба забони тоҷикӣ, к ибто қонунҳои савтиёти забонҳои мазкур марбут ҳастанд, ҳулоса бароварда шудааст.

Калидвожаҳо: транскрипсия; транслитератсия; антропоним; топоним; «Ҷиноят ва ҷазо»; таҷрибаи тарҷумашиносӣ; тарҷумашиносии муосир.

УКАЗАТЕЛЬ

**УКАЗАТЕЛЬ
статей, опубликованных в журнале «Вестник университета» в 2020 году**

<u>ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ</u>	<u>№</u>	<u>Стр.</u>
Азимзода А.Ш., Галиновская Е.А. Землеустройство – основа перспективного развития территории	2(70)	12-24
Батюкова В.Е., Асылбаев Н.А. Роль государственной службы финансовой разведки Кыргызской Республики (ГСФР КР) в борьбе с отмыванием «грязных» денег	2(70)	32-42
Мурзагалиев Е.Ч. Некоторые вопросы борьбы с трансграничными налоговыми преступлениями в рамках ООН	2(70)	25-31
<u>ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ</u>		
Абдулназаров Н.Ч., Джурахонзода Б.Дж. Государственно-частное партнерство по освоению и использованию природных ресурсов Горно-Бадахшанской автономной области	2(70)	153-160
Абдулхаева Ш.Р., Давлатов М.С. Фискальная децентрализация и формирование новой системы бюджетного планирования на региональном уровне	2(70)	133-140
Амонова Д.С., Карамхудоев Х.Е. Основные направления и перспективы развития экологического туризма в высокогорных регионах Таджикистана	3(71)	22-35
Арабов Ф.П., Гулбекова С.Дж. Механизм инвестиционного обеспечения сферы водопользования в сельском хозяйстве: от теории к практике	3(71)	153-166
Арабов Ф.П., Гулбекова С.Дж., Рабиев Д.Р. Повышение эффективности инвестиционной привлекательности сельскохозяйственных предприятий на основе землепользования	4(72)	68-79
Асрорзода У.С. Экономические связи стран Центральной Азии и КНР: структурные проблемы	2(70)	72-78
Ахмедов Х.А. Влияние государственного внешнего долга на эффективность расходов секторов национальной экономики	2(70)	141-152
Ашуров С.Б. Балансовое соотношение между некоторыми индикаторами всех и части трудовых ресурсов	2(70)	54-61
Гадоев Д.О. Правовые основы оптимизации государственного регулирования рыночных отношений в АПК: проблемы эффективности агропромышленного законодательства	4(72)	31-38
Ганиев Р.Г. Роль и значение финансовых технологий в цифровизации банковских услуг	1(69)	69-75
Гвоздарева Л.П., Марикян Е.А., Сурина Е.А. Возможно ли «экономическое чудо» в России?	3(71)	36-52
Давлатзода Д.А. Особенности бюджетного планирования в системе социального страхования и пенсий в Республике Таджикистан	1(69)	49-68

Давлатов А.А. Применение МСФО в банках: ключевые аспекты	2(70)	170-180
Давлятов А.Дж., Мамадалиев Ф.С. Система индексов условий внешней торговли со странами СНГ, Европы, Азии, Америки и Африки	4(72)	80-95
Джумъев Б.М. Подходы к совершенствованию механизма оказания бизнес-услуг в условиях инновационной трансформации экономической системы	3(71)	167-176
Икромидж.З., Шамсуддинов А.Х. История индустриализации экономики Таджикистана	4(72)	48-58
Кодирзода Ф.А. Внешний и внутренний вектор ориентированности торговых связей стран ЕАЭС	3(71)	73-81
Комилов С.Дж., Тагаева С.А. Концепция цифровой экономики Республики Таджикистан (к проблеме цифрового развития)	1(69)	31-38
Крыжанова Л.С., Плоских Е.В., Плоских В.В. Особенности эволюции брачности и разводимости в Кыргызстане	3(71)	12-21
Ли И.Т., Назаров А.Ш., Назаров Д.А. Выбор метода регулирования рынка труда на основе обзора методов прогнозирования и регулирования	4(72)	39-47
Ли И.Т., Назаров А.Ш., Назаров Д.А. Методология регулирования рынка труда	1(69)	76-84
Маликова Р.Э. Формирование конкурентоспособности работников на предприятиях: зарубежный опыт	2(70)	161-169
Мамадалиев Ф.С., Давлятов А.Дж. Анализ денежного обращения в Таджикистане: особенности – перспективы – развитие	3(71)	118-129
Миразизов А.Х., Раджабова И.Р. Перспективы развития кредитования реального сектора экономики	2(70)	89-100
Мирзоалиев А.А., Шаропов А.Дж. Практические аспекты формирования показателей прочего совокупного дохода и отчета об изменениях в капитале	3(71)	95-106
Мирзоева Е.Ш. Анализ инновационно-инвестиционной деятельности отрасли легкой промышленности Республики Таджикистан	1(69)	85-95
Мирзокаримов О.А. Реформа в системе ЖКХ и повышение её экономической стабильности	1(69)	96-108
Мукимова Н.Р. Активизация инновационного развития Республики Таджикистан	2(70)	110-124
Мухиддинова Дж.З. Роль и составляющие институциональной структуры регулирования рынка труда и занятости населения	3(71)	107-117
Назаров А.А. Цифровая экономика как фактор эффективности системы хозяйствования региона	1(69)	39-48
Низомов С.Ф., Бобоев Ш.Н. Современное состояние и перспективы развития управленческого учета в энергетическом секторе путем внедрения метода ABC	2(70)	62-71
Олимов И.А. Нормативно-методическая и правовая база развития системы управленческого учета в Российской Федерации и Республике Таджикистан и дальнейшее её совершен-	2(70)	101-109

УКАЗАТЕЛЬ

ствование		
Разыков Б.Х., Рахимова Х.Дж. Совершенствование инвестиционного климата Таджикистана как ключ к развитию страны	3(71)	141-152
Рахимназаров Т.Ш. Роль государственно-частного партнёрства в развитии инновации в регионе	3(71)	195-207
Саидов Ё.М. Обеспечение эффективности развития инновационно-инвестиционной деятельности промышленного предприятия	3(71)	206-214
Саидов Р.Н. Покупательная способность денежных доходов населения в Республике Таджикистан	2(70)	125-132
Салимов Ш.Б., Шодиева З.Н. Экономические предпосылки возникновения и развития кризисных ситуаций в коммерческих банках	3(71)	177-186
Стулов С.В., Тришкин В.В. Методологическое направление развития военно-логистической системы ОДКБ: интеграционный подход	3(71)	130-140
Султанов З. Вопросы оценки и управления банковскими рисками	1(69)	9-16
Султанов З. Формирование таджикских диаспор в странах приема трудовых мигрантов	2(70)	43-53
Султанов З., Салимов Ш.Б., Шодиева З.Н. Эффективная финансовая политика банка как важное условие преодоления кризисных явлений (банкротства)	4(72)	10-21
Табаров У.З., Ашуров И.С. Мировая практика регулирования аграрного производства	4(72)	22-30
Ткаченко А.А. Экономическое развитие стран Центральной Азии и цели ООН в области устойчивого развития	1(69)	17-30
Фозилханов Д.О., Нурализода Н.Н. К развитию партнерских отношений между малым предпринимательством, рынком бытовых услуг и государством в Республике Таджикистан	3(71)	53-63
Хасанов Р.Х., Раджабова И.Р., Асророва З.И. Шодиева З.Н. Экономические аспекты мировой туристической отрасли: до и после кризиса	3(71)	82-94
Хикматов С.Х., Рахимов Р.Р. Инвестиционные возможности ипотечного жилищного кредитования	4(72)	59-67
Худоёров Ш.Х. Концептуальные вопросы управления цепями поставок продовольственных товаров в Республике Таджикистан	3(71)	187-194
Шарипова А.Г. Влияние миграционных процессов на структурные изменения в экономике Республики Таджикистан	3(71)	64-72
Шарипова А.Г. Современное состояние и особенности внешней трудовой миграции Республики Таджикистан	2(70)	79-88

<u>ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ</u>		
Азизов Ф.Дж. Реализация концепта «гнев» в паремиологической системе русского и таджикского языков	4(72)	169-175
Азизов Ф.Дж. Структурно-семантический анализ концепта «гнев» в лексической системе русского и таджикского языков	1(69)	130-136
Алламуродова С.Дж. Интертекст в понимании французских структуралистов: спорные моменты	4(72)	136-144
Алламуродова С.Дж. Структура гипертекста в сказках «Тысяча и одной ночи»	2(70)	211-219
Аминов А.С. Обратный перевод как способ оценки степени его эквивалентности тексту оригинала	3(71)	257-265
Аминова Ф.Ш. Объективация концепта «страх» в сказках и кратких юмористических рассказах (латифа) таджикского народа	4(72)	193-199
Аминова Ф.Ш. Реализация концепта «страх» в фольклорных жанрах таджикского народа	2(70)	278-287
Бобоева Г.И. Универсальная концепция значения языкового знака (на материале таджикского и русского языков)	2(70)	251-257
Валиева З.А. «Як табак оши палов» как фразеологический репрезентант концепта «гостеприимство» в таджикском языке	2(70)	203-210
Валиева З.А. Анализ словарных дефиниций ключевого слова в номинативном поле концепта «гостеприимство» в таджикском языке	4(72)	126-135
Валиева З.А. Паремиологическое поле концепта «гостеприимство» в таджикском языке	3(71)	275-284
Гундогдыева Г. Богатство языка – мост дружбы и братства (сравнительный анализ фразеологизмов в туркменском и персидском языках)	3(71)	285-292
Джабборовва М.Т. Модальные слова как средство выражения субъективной модальности (на примере русского и таджикского языков)	1(69)	109-115
Дусматова З.М. Семантическое осложнение основного значения причины	1(69)	137-144
Исаева Л.Р., Шестакова Е.В. К вопросу о составе лексико-семантического поля элементарного уровня владения русским языком как иностранным	2(70)	229-239
Искандарова Д.М. Типологические характеристики аспектуальности (на материале таджикского языка)	3(71)	225-237
Ковтун М.Б. Суруш – вестник добра, света и истины	3(71)	246-256
Комкова Н.И. Концептосфера прозы Б.В.Шергина: особенности репрезентации	1(69)	163-176
Курбонова Х.Х. Концепт <i>сабр/терпение</i> в ассоциативном сознании таджикских и русских респондентов	3(71)	293-299
Махмудова Ф.С. Фразеологическая объективация концепта «добро» в таджикском языке	1(69)	124-129

УКАЗАТЕЛЬ

Махсутшоева Н.М. Лексическая объективация концепта «женщина» по типу родственных отношений в шугнанском и русском языках	4(72)	186-192
Мухиддинова Т.Х. Лексика празднования нового года в таджикском и английском языках	4(72)	145-152
Нуридинзода М.С. Лексико-семантический аспект систематизации гидронимов Таджикистана тюркского происхождения	2(70)	220-228
Раджабова Р.Р., Даминова М.З. Переводная лексика как источник пополнения словарного запаса	4(72)	119-125
Рахимова Ш.Б. Сопоставительный анализ национальных особенностей концепта «счастье» в русском и таджикском языках (на материале художественных произведений)	2(70)	240-250
Рахманов Б.Р. Восточная тематика в русской периодике XVIII-XIX вв.	4(72)	102-111
Рахманов З.А. Переводы произведений М.Горького на таджикский язык и развитие художественного перевода в Таджикистане (30-е – 50-е гг. XX в.)	3(71)	266-274
Салимов Р.Д. Структура и семантика сложноподчинённых предложений с определительной придаточной частью в русском и таджикском языках	2(70)	181-190
Салимов Р.Д., Яо Цзян. Лексические средства выражения оптативности в русском языке и способы и средства их передачи на китайском языке	2(70)	191-202
Салихов Н.Н. Идеи таджикского национального самосознания в работах М.Шакури советского периода	3(71)	238-245
Султанова Р.М. Сравнение и аспекты его изучения в таджикском языке	1(69)	116-123
Толибова О.О. Оптативные предложения в русском и таджикском языках	2(70)	266-277
Умарова М.С. Источники формирования терминологии молочной отрасли в русском и таджикском языках	2(70)	258-265
Умарова Ф.К. Моделирование лексико-семантического поля «красота/зебои» в русском и таджикском языках посредством ассоциативного эксперимента	1(69)	145-153
Фаязова И.Ф. Заимствования в составе антропонимикона немецкого и русского языков	4(72)	153-161
Фаязова И.Ф. Усечение как средство формирования антропонимикона немецкого, русского и таджикского языков	4(72)	162-168
Хабибов А.О. Синхронно-диахронический анализ термина «трансформация» в переводоведении	2(70)	288-297
Хабибов А.О. Транскрипция и транслитерация антропонимов и топонимов русского языка при их переводе на таджикский (на примере романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание»)	4(72)	200-209
Хакимова З.А. Вопросительные предложения с вопросительными словами в русском, таджикском и английском языках	4(72)	176-185

Холов Х.Р. Поэзия А.С.Пушкина в восприятии таджикских литераторов (к истории вопроса)	4(72)	112-118
Шамбезода Х.Дж. Интерференция в русской речи шугнанцев в области вокализма	3(71)	215-224
Шамбезода Х.Дж. Словообразовательная активность заимствований из русского языка в шугнанском языке	4(72)	96-101
Шан Вэньцин. Семантика чрезмерности в русской фразеологии: стереотипные представления и тематический спектр	1(69)	154-162

LIST
of articles published in University Bulletin in 2020

<u>JURISPRUDENCE</u>	<u>№</u>	<u>P.</u>
Azimzoda A.Sh., Galinovskaya E.A. Land management – the basis for perspective development of the territory	2(70)	12-24
Batukova V.E., Asylbaev N.A. Role of the state financial intelligence service of the Kyrgyz Republic (SFIS KR) against dirty money laundering	2(70)	32-42
Murzagaliev E.Ch. Some issues of combating transnational tax crimes within the United Nations	2(70)	25-31
<u>ECONOMIC SCIENCES</u>		
Abdulhaeva Sh.R., Davlatov M.S. Fiscal decentralization and formation of a new budgetary planning system at the regional level	2(70)	133-140
Abdulnazarov N.Ch., Juruhonzoda B.J. Public-private partnership for the development and use of natural Resources of Mountain Badakhshan autonomous region	2(70)	153-160
Akhmedov Kh.A. The impact of public external debt on the efficiency of expenditure in the sectors of the national economy	2(70)	141-152
Amonova D.S., Karamkhudoev Kh.E. Main trends and perspectives of development of ecological tourism in highland regions of Tajikistan	3(71)	22-35
Arabov F.P., Gulbekova S.J. Mechanism of investment support of the water use sphere in agriculture: from theory to practice	3(71)	153-166
Arabov F.P., Gulbekova S.J., Rabiev D.R. Increasing the efficiency of the investment attractiveness of agricultural enterprises on the basis of land use	4(72)	68-79
Ashurov S.B. Balance ratio between some indicators of all and parts of labor resources	2(70)	54-61
Asrorzoda U.S. Economic relations between central Asia and China: structural problems	2(70)	72-78
Davlatov A.A. Application of IFRS in banks: key aspects	2(70)	170-180
Davlatzoda D.A. Features of budgetary planning in the system of social insurance and pension in the Republic of Tajikistan	1(69)	49-68
Davlyatov A.J., Mamadaliev F.S. System of indexes of foreign trade conditions with the countries of the CIS, Europa, Asia, America and Africa	4(72)	80-95
Fozilkhanov D.O., Nuralizoda N.N. Development of partnership relations between small businesses, market for household services and the state in the Republic of Tajikistan	3(71)	53-63
Gadoev D.O. Legal framework for optimizing state regulation of market relations in AIC: problems of efficiency of agroindustrial	4(72)	31-38

legislation		
Ganiev R.G. Role and significance of financial technologies in the digitalization of banking services	1(69)	69-75
Gvozdareva L.P., Marikyan E.A., Surina E.A. Is an "economic miracle" possible in Russia?	3(71)	36-52
Ikromi J.Z., Shamsuddinov A.Kh. History of industrialization of the economy of Tajikistan	4(72)	48-58
Jumaev B.M. Approaches to develop the mechanism of providing business-services in the conditions of innovative transformation of the economic system	3(71)	167-176
Khasanov R.Kh., Rajabova I.R., Asrorova Z.I., Shodieva Z.N. Economic aspects of the world tourism industry: before and after the crisis	3(71)	82-94
Khikmatov S.Kh., Rakhimov R.R. Investment opportunities for mortgage housing loans	4(72)	59-67
Khudoyorov Sh.Kh. Conceptual issues of food supply chain management in the Republic of Tajikistan	3(71)	187-194
Kodirzoda F.A. External and internal orientation vector of trade relations of the EAEU countries	3(71)	73-81
Komilov S.J., Tagaeva S.A. The concept of the digital economy of the Republic of Tajikistan (to the problem of digital development)	1(69)	31-38
Kryzhanova L.S., Ploskikh E.V., Ploskikh V.V. Features of the evolution of marriage and divorce in Kyrgyzstan	3(71)	12-21
Lee I.T., Nazarov A.Sh., Nazarov D.A. Choice of a labor market regulation method based on a review of forecasting and regulatory methods	4(72)	39-47
Lee I.T., Nazarov A.Sh., Nazarov D.A. Methodology of labor market regulation	1(69)	76-84
Malikova R.E. Formation of competitiveness of employees in the enterprises: foreign experience	2(70)	161-169
Mamadaliyev F.S., Davlyatov A.J. Analysis of money circulation in Tajikistan: features – prospects – development	3(71)	118-129
Mirazizov A.Kh., Rajabova I.R. Prospects for the lending development of the real sector of economy	2(70)	89-100
Mirzoaliev A.A., Sharopov A.J. Practical aspects of formation of indicators of other comprehensive income and reporting on changes in capital	3(71)	95-106
Mirzoeva E.Sh. Analysis of innovation and investment activities of the light industry branch of the Republic of Tajikistan	1(69)	85-95
Mirzokarimov O.A. Reform in the system of utilities and increasing its economic stability	1(69)	96-108
Mukhiddinova J.Z. Role and components of the institutional structure for regulating the labor market and employment	3(71)	107-117
Mukimova N.R. Activation of innovative development of the Republic of Tajikistan	2(70)	110-124
Nazarov A.A. Digital economy as a factor efficiency of the economic system of the region	1(69)	39-48

УКАЗАТЕЛЬ

Nizomov S.F., Boboev Sh.N. Current state and prospects for development of management accounting in the energy sector by implementing the ABC method	2(70)	62-71
Olimov I.A. Regulatory, methodological and legal framework for the development of the management accounting system in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan and its further development	2(70)	101-109
Rakhimnazarov T.Sh. The role of public-private partnership in development of innovation in the region	3(71)	195-207
Razykov B.Kh., Rakhimova Kh.J. Improving the investment climate of Tajikistan as a key to country's development	3(71)	141-152
Saidov R.N. Purchasing power of the population's monetary income in the Republic of Tajikistan	2(70)	125-132
Saidov Yo.M. Efficiency of investment activities development of the industrial enterprise	3(71)	206-214
Salimov Sh.B., Shodieva Z.N. Economic preconditions for the emergence and development of crisis situations in commercial banks	3(71)	177-186
Sharipova A.G. Impact of migration processes on structural changes in the economy of the Republic of Tajikistan	3(71)	64-72
Sharipova A.G. Modern state and features of the external labor migration of the Republic of Tajikistan	2(70)	79-88
Stulov S.V., Trishkin V.V. Methodological direction of development of the military-logistic system of the CSTO: an integration approach	3(71)	130-140
Sultanov Z. Formation of Tajik diasporas in migrant-receiving countries	2(70)	43-53
Sultanov Z. Issues of assessment and management of banking risks	1(69)	9-16
Sultanov Z., Salimov Sh.B., Shodieva Z.N. Effective financial policy of the bank as an important condition for overcoming crisis (bankruptcy)	4(72)	10-21
Tabarov U.Z., Ashurov I.S. World practice of regulating agrarian production	4(72)	22-30
Tkachenko A.A. Economic development of Central Asian countries and un sustainable development goals	1(69)	17-30
<u>PHILOLOGICAL SCIENCES</u>		
Allamurodova S.J. Intertext in the understanding of french structuralists: controversial moments	4(72)	136-144
Allamurodova S.J. Structure of hypertext in the fairy tales "Thousand and one nights"	2(70)	211-219
Aminov A.S. Back translation as a way to assess its degree equivalences with original text	3(71)	257-265
Aminova F.Sh. Implementation of the concept "fear" in folklore genre of the Tajik people	2(70)	278-287

Aminova F.Sh. Objectivation of the concept "fear" in fairy tales and short humoristic stories (latifa) of the Tajik people	4(72)	193-199
Azizov F.J. Implementation of the "anger" concept in the paremiological system of Russian and Tajik languages	4(72)	169-175
Azizov F.J. Structural-semantic analysis of the concept "anger" in the lexical system of Russian and Tajik languages	1(69)	130-136
Boboeva G.I. Universal concept of the meaning of a language sign (on the material of the Tajik and Russian languages)	2(70)	251-257
Dusmatova Z.M. Semantic complication of the main meaning of reason	1(69)	137-144
Fayazova I.F. Borrowing in anthroponymicon of German and Russian languages	4(72)	153-161
Fayazova I.F. Trunking as a means of forming anthroponymicon of German, Russian and Tajik languages	4(72)	162-168
Gundogdyeva G. Richness of language-bridge of friendship and brotherhood (comparative analysis of phraseological units in the Turkmen and Persian languages)	3(71)	285-292
Isaeva L.R., Shestakova E.V. To the question of the composition of the lexico-semantic field of the elementary level of speaking Russian as a foreign language	2(70)	229-239
Iskandarova D.M. Typological characteristics of aspectuality (on the material of the Tajik language)	3(71)	225-237
Jabborova M.T. Modal words as a means of expressing subjective modality (on the example of Russian and Tajik languages)	1(69)	109-115
Khabibov A.O. Synchronic–diachronic analysis of the term “transformation” in translation science	2(70)	288-297
Khabibov A.O. Transcription and transliteration of anthroponyms and toponyms of the Russian language in their translation into Tajik (on the example of novel "Crime and punishment" by F.M.Dostoevsky)	4(72)	200-209
Khakimova Z.A. Interrogative sentences with interrogative words in Russian, Tajik and English languages	4(72)	176-185
Kholov Kh.R. Pushkin's poetry in the perception of Tajik literators (to the history of question)	4(72)	112-118
Komkova N.I. Conceptual sphere of B.V.Shergin's prose: features of representation	1(69)	163-176
Kovtun M.B. Surush – the messenger of good, light and truth	3(71)	246-256
Kurbonova Kh.Kh. <i>Sabr/patience</i> concept in the associative consciousness of the Tajik and Russian respondents	3(71)	293-299
Makhmudova F.S. Phraseological objectivation of the concept "good" in Tajik language	1(69)	124-129
Makhsutshoeva N.M. Lexical objectivation of the "woman" concept by kind of relationship in the Shugnan and Russian languages	4(72)	186-192
Mukhiddinova T.Kh. Vocabulary of the new year's holiday in Tajik and English languages	4(72)	145-152
Nuridinzoza M.S. Lexico-semantic aspect of systematization of hydronyms of Tajikistan of Turkish origin	2(70)	220-228

УКАЗАТЕЛЬ

Rajabova R.R., Daminova M.Z. Translation lexicon as a source of vocabulary replenishment	4(72)	119-125
Rakhimova Sh.B. Comparative analysis of national peculiarities of the concept " <i>happiness</i> " in Russian and Tajik languages (on the material of artistic works)	2(70)	240-250
Rakhmanov B.R. Eastern theme in the Russian periodic of XVIII-XIX centuries	4(72)	102-111
Rakhmanov Z.A. Translation of M.Gorky's works into the Tajik language and development of art translation in Tajikistan (i.e. the 30s and 50s. of the XX century)	3(71)	266-274
Salikhov N.N. Ideas of Tajik national self-consciousness in M.Shakuri's works of the soviet period	3(71)	238-245
Salimov R.D. Structure and semantics of complex sentences with attributive clause in Russian and Tajik languages	2(70)	181-190
Salimov R.D., Yao Jiang. Lexical means of expression of optativity in Russian language and methods and means of their transfer into Chinese	2(70)	191-202
Shambezoda Kh.J. Interference in the Russian speech of the shugnans in the field of vocalism	3(71)	215-224
Shambezoda Kh.J. Word-building activity of borrowings from the Russian language in the Shugnan language	4(72)	96-101
Shang Vansin. The semantics of excessiveness in Russian phraseology: stereotypical representations and thematic spectrum	1(69)	154-162
Sultanova R.M. Comparison and aspects of its study in the Tajik language	1(69)	116-123
Tolibova O.O. Optative sentences in Russian and Tajik languages	2(70)	266-277
Umarova F.K. Modeling of the lexico-semantic field "beauty / зебой" in Russian and Tajik languages through of an associative experiment	1(69)	145-153
Umarova M.S. Sources of formation of dairy industry terminology in Russian and Tajik languages	2(70)	258-265
Valieva Z.A. "Yak tabac oshi palov" as a phraseological representant of the concept " <i>hospitality</i> " in Tajik language	2(70)	203-210
Valieva Z.A. Analysis of dictionary definitions of a keyword in the nominative field of the concept " <i>hospitality</i> " in Tajik language	4(72)	126-135
Valieva Z.A. Paremiological field of the concept <i>hospitality</i> in Tajik language	3(71)	275-284

ФЕҲРИСТИ

мақолаҳои дар маҷаллаи «Вестник университета» дар соли 2020 нашргардида

<u>ИЛМҲОИ ҲУҚУҚШИНОСИ</u>	<u>№</u>	<u>Саҳ.</u>
Азимзода А.Ш., Галиновская Е.А. Заминсозӣ – асос барои рушди ояндадори ҳудуд	2(70)	12-24
Батюкова В.Е., Асилбаев Н.А. Нақши хадамоти давлатии иқтисофи молиявии Ҷумҳурии Қирғизистон (ХДИМ ЧК) дар мубориза бо шустани пулҳои «чиркин»	2(70)	32-42
Мурзағалиев Е.Ч. Баъзе масъалаҳои мубориза бо ҷиноятҳои трансмиллии соҳаи андоз дар доираи СММ	2(70)	25-31
<u>ИЛМҲОИ ИҚТИСОДИ:</u>		
Абдулназаров Н.Ч., Ҷураҳонзода Б.Ҷ Ҳамшарикии давлатии хусусӣ оид ба азхудкунӣ ва истифодабарии захираҳои табиӣи Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон	2(70)	153-160
Абдулҳаева Ш.Р., Давлатов М.С. Марказгурезии фискалӣ ва ташаққулиҳои низоми нави банақшагирии буҷет дар минтақаҳо	2(70)	133-140
Амонова Д.С., Карамхудоев Ҳ.Е. Самтҳои асосӣ ва дурнамои рушди сайёҳии экологӣ дар минтақаҳои баландкӯҳи Тоҷикистон	3(71)	22-35
Арабов Ф.П., Гулбекова С.Ҷ. Механизми таъминоти сармоягузори соҳаи истифодаи об дар хоҷагии деҳот: аз назария ба амалия	3(71)	153-166
Арабов Ф.П., Гулбекова С.Ҷ., Рабиев Д.Р. Баланд бардоштани самаранокии диққатҷалбкунандагии маблағгузорӣ дар корхонаҳои кишоварзӣ дар асоси истифодабарии замин	4(72)	68-79
Асрорзода У.С. Алоқаҳои иқтисодии кишварҳои Осиёи Марказӣ ва ҚХХ: мушкилоти сохторӣ	2(70)	72-78
Аҳмедов Х.А. Таъсири қарзи берунаи давлатӣ ба самаранокии харочоти бахшҳои иқтисоди миллӣ	2(70)	141-152
Ашуров С.Б. Таносуби тавозунӣ дар байни баъзе индикаторҳои ҳама ва и қисми захираҳои меҳнатӣ	2(70)	54-61
Гадоев Д.О. Асосҳои ҳуқуқии фаъолгардонии танзими давлатии муносибатҳои бозорӣ дар КАС: мушкилоти самаранокии қонунгузори агрорасаноатӣ	4(72)	31-38
Ғаниев Р.Ғ. Нақш ва аҳамияти технологияҳои молиявӣ дар рақамикунони хизматрасониҳои бонкӣ	1(69)	69-75
Гвоздарева Л.П., Марикян Е.А., Сурина Е.А. Оё муъҷизаи иқтисодӣ дар Россия имконпазир аст?	3(71)	36-52
Давлатзода Д.А. Хусусиятҳои банақшагирии буҷетӣ дар низоми суғуртаи иҷтимоӣ ва нафақа дар Ҷумҳурии Тоҷикистон	1(69)	49-68
Давлатов А.А. Истифодабарии мефо дар бонкҳо: ҷанбаҳои асосӣ	2(70)	170-180

УКАЗАТЕЛЬ

Давлятов А.Ч., Мамадалиев Ф.С. Низоми намояҳои шароити савдои беруна бо кишварҳои ИДМ, Аврупо, Осиё, Америка ва Африко	4(72)	80-95
Икромӣ Ҷ.З., Шамсуддинов А.Х. Таърихи саноатикунони иқтисоди Тоҷикистон	4(72)	48-58
Комилов С.Ҷ., Тагаева С.А. Концепсияи иқтисоди рақамии Ҷумҳурии Тоҷикистон (доир ба мушкилоти рушди рақамӣ)	1(69)	31-38
Крижанова Л.С., Плоских Е.В., Плоских В.В. Мухтасоти таҳаввули издивоҷ ва ҷудошавӣ дар Қирғизистон	3(71)	12-21
Қодирзода Ф.А. Самтҳои дохилӣ ва берунии ба алоқаҳои тичоратӣ нигаронидашудаи кишварҳои Узви Иттиҳоди Иқтисодии Авросиё	3(71)	73-81
Ли И.Т., Назаров А.Ш., Назаров Д.А. Интиҳоби усули танзими бозори меҳнат дар асоси баррасии усулҳои дурнамозӣ ва танзим	4(72)	39-47
Ли И.Т., Назаров А.Ш., Назаров Д.А. Методологияи танзими бозори меҳнат	1(69)	76-84
Маликова Р.Э. Ташаккули рақобатпазирии кормандон дар корхонаҳо: таҷрибаи хоричӣ	2(70)	161-169
Мамадалиев Ф.С., Давлятов А.Ч. Таҳлили мубодилаи маблағ дар Тоҷикистон: хусусият – дурнамо – рушд	3(71)	118-129
Миразизов А.Х., Рачабова И.Р. Дурнамои рушдҳои қарздиҳӣ дар бахши воқеии иқтисодиёт	2(70)	89-100
Мирзоалиев А.А., Шаропов А.Ч. Ҷанбаҳои амалии ташаккули нишондиҳандаҳои маҷмӯии даромадҳои дигар ва ҳисобот оид ба тағирҳои сармоя	3(71)	95-106
Мирзоева Е.Ш. Таҳлили фаъолияти инноватсионӣ маблағгузори соҳаи саноати сабук дар Ҷумҳурии Тоҷикистон	1(69)	85-95
Мирзокаримов О.А. Ислоҳот дар системаи хоҷагии манзилию коммунали ва баланд бардоштани суботи иқтисодӣ	1(69)	96-108
Муқимова Н.Р. Фаъолгардонии рушди инноватсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон	2(70)	110-124
Муҳиддинова Ҷ.З. Нақш ва қисмҳои таркибии сохтори институтсионалии танзими бозори меҳнат ва шуғли аҳоли	3(71)	107-117
Назаров А.А. Иқтисоди рақамӣ чун омилҳои самаранокии низоми хоҷагидорӣ минтақа	1(69)	39-48
Низомов С.Ф., Бобоев Ш.Н. Вазъи муосир ва дурнамои рушди бақайдгирии идорӣ дар бахши энергетика бо роҳи воридсозии усули ABC	2(70)	62-71
Олимов И.А. Пойгоҳи меъериву методӣ ва ҳуқуқи рушди низоми бақайдгирии идорӣ дар Федератсияи Россия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон ва тақмили минбаъдаи он	2(70)	101-109
Раҳимназаров Т.Ш. Нақши ҳамшарикӣ давлатию хусусӣ дар рушди инноватсияи минтақа	3(71)	195-207
Розиқов Б.Х., Раҳимова Ҳ.Ҷ. Тақмили фазои маблағгузори Тоҷикистон ҳамчун калиди рушди кишвар	3(71)	141-152
Саидов Ё.М. Таъмини самаранокии рушди фаъолияти	3(71)	206-214

инноватсионую маблагузории корхонаи саноатӣ		
Саидов Р.Н. Қобилияти харидории даромадҳои пулии аҳоли дар Ҷумҳурии Тоҷикистон	2(70)	125-132
Салимов Ш.Б., Шодиева З.Н. Заминаҳои иқтисодии пайдоиш ва рушди ҳолатҳои бухронӣ дар бонкҳои тижоратӣ	3(71)	177-186
Стулов С.В., Гришкин В.В. Самти методологии рушди низоми харбию логистии СААД: муносибати ҳамгиро	3(71)	130-140
Султанов З., Салимов Ш.Б., Шодиева З.Н. Сиёсати самаранокии молиявии бонк ҳамчун шартҳои муҳими паси сарқардани ҳодисаҳои бухронӣ (муфлисшавӣ)	4(72)	10-21
Султонов З. Масъалаҳои арзёбӣ ва идоракунии таваккалҳои бонкӣ	1(69)	9-16
Султонов З. Ташаккулёбии диаспораҳои тоҷик дар кишварҳои қабули муҳоҷирони меҳнатӣ	2(70)	43-53
Табаров У.З., Ашуров И.С. Таҷрибаи ҷаҳонии танзими истеҳсоли аграрӣ	4(72)	22-30
Ткаченко А.А. Рушди иқтисодии кишварҳои осӣи марказӣ ва мақсадҳои СММ дар соҳаи рушди устувор	1(69)	17-30
Фозилхонов Д.О., Нурализода Н.Н. Роҷеъ ба рушди муносибатҳои ҳамшариконаи байни соҳибқорӣ хурд, бозори хизматрасониҳои маишӣ ва давлат дар Ҷумҳурии Тоҷикистон	3(71)	53-63
Худоёрӣ Ш.Х. Масъалаҳои концептуалии идоракунии занҷирҳои таҳвили молҳои хӯрокворӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон	3(71)	187-194
Ҳасанов Р.Х., Раҷабова И.Р., Асророва З.И., Шодиева З.Н. Ҷабҳаҳои иқтисодии соҳаи сайёҳии ҷаҳонӣ: пеш ва баъд аз бухрон	3(71)	82-94
Ҳикматов С.Х., Раҳимов Р.Р. Имкониятҳои маблагузории қарзи манзилӣ	4(72)	59-67
Ҷумъаев Б.М. Муносибат нисбат ба тақмили механизми расондани хизматрасониҳои соҳибқорӣ дар шароити таҳаввулотии инноватсионии низоми иқтисодӣ	3(71)	167-176
Шарипова А.Ғ. Вазъи кунунӣ ва хусусиятҳои муҳоҷирати меҳнатии беруна дар Ҷумҳурии Тоҷикистон	2(70)	79-88
Шарипова А.Ғ. Таъсири равандҳои муҳоҷирӣ ба тағйироти сохтори иқтисодии Ҷумҳурии Тоҷикистон	3(71)	64-72
<u>ИЛМҲОИ ФИЛОЛОҒӢ</u>		
Азизов Ф.Ҷ. Таъбиқи концепти «гнев/хашм» дар низоми паремии забонҳои русӣ ва тоҷикӣ	4(72)	169-175
Азизов Ф.Ҷ. Таҳлили сохториву маъноии концепти «қаҳр» дар низоми луғавии забонҳои русӣ ва тоҷикӣ	1(69)	130-136
Алламурадова С.Ҷ. Интерматн дар фаҳмиши структуралистони фаронсавӣ: ҷиҳатҳои баҳснок	4(72)	136-144
Алламурадова С.Ҷ. Сохтори матни калон дар афсонаҳои «Ҳазору як шаб»	2(70)	211-219

УКАЗАТЕЛЬ

Аминов А.С. Тарчумаи баръакс ҳамчун усули баҳодиҳии сатҳи эквивалентнокии он бо матни аслӣ	3(71)	257-265
Аминова Ф.Ш. Объективикунонии концепти «тарс» дар афсонаҳо ва латифаҳои халқи тоҷик	4(72)	193-199
Аминова Ф.Ш. Татбиқи концепти «тарс» дар жанрҳои фолклории халқи тоҷик	2(70)	278-287
Бобоева Г.И. Концепсияи универсалии маъноӣ аломати забонӣ (дар асоси маводи забонҳои тоҷикӣ ва русӣ)	2(70)	251-257
Валиева З.А. «Як табақ оши палов» ҳамчун муаррифгари фразеологӣи концепти «меҳмондорӣ» дар забони тоҷикӣ	2(70)	203-210
Валиева З.А. Майдони паремии концепти «меҳмондорӣ» дар забони тоҷикӣ	3(71)	275-284
Валиева З.А. Таҳлили дефинитсияҳои луғавии калидвожа дар майдони номинативии концепти «меҳмондорӣ» дар забони тоҷикӣ	4(72)	126-135
Гундоғдиева Г. Боигарии забон – пули дӯстиву бародарӣ (таҳлили муқоисавии фразеологизмҳо дар забонҳои туркманӣ ва форсӣ)	3(71)	285-292
Дусматова З.М. Мураккабшавии маъноӣ маъноӣ асосии сабаб	1(69)	137-144
Исаева Л.Р., Шестакова Е.В. Доир ба масъалаи таркиби луғавию маъноӣ майдони сатҳи оддитарини донишҷӯи забони русӣ ҳамчун забони хоричӣ	2(70)	229-239
Искандарова Д.М. Тавсифи типологии аспектуалият (дар асоси маводи забони тоҷикӣ)	3(71)	225-237
Ковтун М.Б. Суруш – қосиди некӣ, равшанӣ ва ҳақиқат	3(71)	246-256
Комкова Н.И. Ҷазои концептии насри Б.В.Шергин: хусусиятҳои муаррифӣ	1(69)	163-176
Қурбонова Х.Х. Концепти <i>сабр/терпение</i> дар тафаккури қиёсии респондентҳои тоҷикӣ рус	3(71)	293-299
Махсутшоева Н.М. Фоилгардонии луғавии концепти «зан» тибқи типи муносибатҳои ҳешутаборӣ дар забонҳои шугмонӣ ва русӣ	4(72)	186-192
Маҳмудова Ф.С. Шохисгардонии фразеологӣи концепти «некӣ» дар забони тоҷикӣ	1(69)	124-129
Муҳидинова Т.Ҳ. Луғати иди соли нав дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ	4(72)	145-152
Нуридинзода М.С. Чанбаи луғавию маъноӣ банизомдарории гидронимҳои Тоҷикистон бо таърихи баромади туркӣ	2(70)	220-228
Раҳимова Ш.Б. Таҳлили муқоисавии хусусияти миллии концепти «бахт» дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ (дар асоси маводи асарҳои бадеӣ)	2(70)	240-250
Раҳманов Б.Р. Доираи мавзӯоти шарқӣ дар матбуоти даврии асрҳои XVIII-XIX Россия	4(72)	102-111
Раҳманов З.А. Тарчумаи асарҳои м. горкий ба забони тоҷикӣ ва рушди тарчумаи бадеӣ дар Тоҷикистон (солҳои 30-юм ва 50-уми асри XX)	3(71)	266-274

Рачабова Р.Р., Даминова М.З. Лугати тарҷумавӣ ҳамчун сарчашмаи пуршавии захираи луғавӣ	4(72)	119-125
Салимов Р.Д. Сохтор ва маъноӣ ҷумлаҳои мураккаби тобеъ бо ҷумлаи пайрави муайянкунанда дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ	2(70)	181-190
Салимов Р.Д., Ҷо Тезян. Воситаҳои луғавии ифода ёфтани оптаивнокии забонҳои русӣ ва тоҷикӣ ва усулу воситаҳои ифодаи онҳо дар забони хитой	2(70)	191-202
Солеҳов Н.Н. Ғояҳои хувияти миллии тоҷик дар қорҳои даврони шӯровӣ М.Шакурӣ	3(71)	238-245
Султонова Р.М. Ташбеҳ ва ҷанбаҳои омӯзиши он дар забони тоҷикӣ	1(69)	116-123
Толибова О.О. Ҷумлаҳои оптаивии забонҳои русӣ ва тоҷикӣ	2(70)	266-277
Умарова М.С. Манбаии ташаккулёбии истилоҳоти соҳаи маҳсулотии ширии забонҳои русӣ ва тоҷикӣ	2(70)	258-265
Умарова Ф.К. Сохтани нақшаи майдони лексикӣ-семантикии калимаи «красота/зебой» дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ ба воситаи таҷрибаи ассотиативӣ	1(69)	145-153
Фаязова И.Ф. Иқтибосҳо дар таркиби антропонимикони забонҳои немисӣ ва русӣ	4(72)	153-161
Фаязова И.Ф. Ихтисоркунӣ ҳамчун воситаи ташаккули антропонимикони забонҳои немисӣ, русӣ ва тоҷикӣ	4(72)	162-168
Холов Х.Р. Назми А.С.Пушкин дар таассуроти адибони тоҷик (доир ба таърихи масъала)	4(72)	112-118
Ҳабибов А.О. Таҳлили синхрониву диахронии истилоҳи “трансформация”/ табдил дар тарҷумашиносӣ	2(70)	288-297
Ҳабибов А.О. Транскрипсия ва транслитератсияи антропонимҳо ва топонимҳои забони русӣ зимни тарҷумаи онҳо ба забони тоҷикӣ (дар мисоли романи Ф.М.Достоевский «Чиноят ва ҷазо»)	4(72)	200-209
Ҳакимова З.А. Ҷумлаҳои саволи бо калимаҳои саволи дар забонҳои русӣ, тоҷикӣ ва англисӣ	4(72)	176-185
Ҷабборова М.Т. Калимаҳои модалӣ чун воситаи ифодаи модалияти субъективӣ (дар асоси маводи забонҳои русӣ ва тоҷикӣ)	1(69)	109-115
Шамбезода Х.Ҷ. Интерференсия дар нутқи русии шугфониҳо дар соҳаи вокализм	3(71)	215-224
Шамбезода Х.Ҷ. Калимасозии фаъоли иқтибоскунӣ аз забони русӣ дар забони шугфонӣ	4(72)	96-101
Шан Вэньцин. Маъноӣ азҳадгузарӣ дар фразеологияи русӣ: тасаввуроти стереотипӣ ва доираи мавзӯот	1(69)	154-162

Сдано в набор 22.12.2020 г. Подписано в печать 31.12.2020 г.
Формат 60x90_{1/8}. Бумага офсетная №1. Гарнитура литературная. Печать
офсетная. Объем 28,2 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 852

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30